

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»
Факультет социально-политических наук

ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Материалы конференции

Всероссийская научно-практическая конференция
«Возможности и угрозы цифрового общества»
(Ярославль, 20–22 апреля 2023 г.)

Ярославль
Филигрань
2023

УДК 004.42(063)
ББК 32.973я431
В64

Редакция:

- А. В. Соколов* – доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;
А. А. Фролов – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.

Рецензенты:

- Ю. А. Головин* – доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;
А. И. Кольба – доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет.

Возможности и угрозы цифрового общества : материалы
В64 конференции. – Ярославль : Филигрань, 2023. – 478 с. –
(Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности
и угрозы цифрового общества», Ярославль, 20–22 апреля 2023 г.).
ISBN 978-5-6050550-3-7.

Материалы подготовлены по итогам работы Всероссийской научно-практической конференции «Возможности и угрозы цифрового общества», организованной 20–22 апреля 2023 г. Ярославским государственным университетом им. П. Г. Демидова. В него вошли материалы участников конференции – исследователей, представляющих научные центры Ярославля, Москвы, Санкт-Петербурга, ряда российских регионов, а также зарубежных ученых. В них отражены результаты научных исследований перспектив и проблем, связанных с распространением цифровых технологий в современном обществе. Основные научные направления представленных материалов: социальные и политические аспекты развития цифровых технологий, безопасность в цифровом обществе, сетевая культура и человек в цифровом обществе, социальное управление в цифровом обществе, влияние цифровых технологий на общественно-политические процессы.

УДК 004.42(063)
ББК 32.973я431

ISBN 978-5-6050550-3-7

Содержание

Пленарное заседание

<i>Борисов С. В.</i> Digital Liberty: «Позитивная» и «негативная» свобода слова	7
<i>Кулакова Т. А.</i> Интеллектуальное превосходство и цифровая безопасность	18
<i>Морозова О. С.</i> От индустрии 5.0. к концепции общества 5.0.	33
<i>Богданова В. О.</i> Осмысление жизни представителей цифрового поколения как показатель субъектности	42
<i>Нестерчук О. А., Зогранян Е. В.</i> Вероятные вызовы и угрозы внедрения искусственного интеллекта в управление сетевыми политическими общностями	51
<i>Акопова Т. С.</i> Инструменты влияния на политическую социализацию молодежи в интернет-пространстве в Ярославской области	58
<i>Чугунов А. В.</i> Управление на основе данных в контексте развития цифровых платформ взаимодействия власти и граждан: постановка проблемы	65
<i>Волкова А. В., Кулакова Т. А.</i> Партнерство городов-побратимов в реалиях цифрового общества	82

Секция 1. Управление общественно-политическими процессами в условиях цифровизации

<i>Будко Д. А.</i> Цифровое государство в контексте политического мифа	95
<i>Бурда М. А., Ашмарина Э. А.</i> Влияние цифровых технологий на политическую активность граждан и электоральный процесс в РФ	102
<i>Денисов С. А.</i> Интернет как «зеркало» антиконституционного правосознания	112
<i>Шевченко Е. С.</i> Цифровая повестка 4.0: основания и пределы принятия политических решений	127
<i>Порошина А. С., Бурда М. А.</i> Сетевая культура и человек в цифровом обществе: теоретические аспекты вопроса	137

<i>Неверов К. А.</i> Цифровизация государственного управления и проблема управляемости в нестабильных политических системах	144
<i>Епархина О. В.</i> Молодые социологи о digital-социологии как инструменте социального управления	149
<i>Морозова С. С., Смирнова Ю. Г.</i> Социальные медиа как инструмент цифровой коммуникации между государством и гражданами	155
<i>Сухонина Н. А.</i> Освещение вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе в российских интернет-СМИ в 2020 году	163

Секция 2. Общество и власть в условиях цифровизации

<i>Гринченко С. Н.</i> Цифровые технологии и виртуализация общества: кибернетический взгляд	174
<i>Щенина О. Г.</i> Социально-политический контекст цифровизации	186
<i>Тебякина Е. Е.</i> Диджитализация современного общества: путь к киберпанку через смартфон	197
<i>Чхутиашвили Л. В., Чхутиашвили Н. В.</i> Влияние цифровых технологий на государственное и муниципальное управление	205
<i>Метелева А. С., Филатова О. Г.</i> Электронное взаимодействие власти и общества в российских регионах: анализ кейсов	210
<i>Коротышев А. П.</i> Метод ПРОЗИС-анализа в оценке сетевой активности пользователей	222
<i>Корюшкин А. И., Мясников А. И., Кулеш С. А.</i> Цифровизация и алгоритмизация власти в Латинской Америке в условиях пандемии коронавируса COVID-19	236
<i>Соколов А. В., Васильева Д. А.</i> Особенности медиалингвистических приемов контента политических субъектов в социальных сетях	248
<i>Фролов А. А., Баранов С. Е.</i> Цифровые экосистемы в сфере благотворительности: отечественный и зарубежный опыт	258
<i>Калашиникова Е. А., Лукьянова Г. В.</i> Особенности конструирования имиджа политика-женщины в политической рекламе	265
<i>Соколов А. В., Цветкова В. Ю., Прусов Д. А.</i> Online-петиции как индикатор общественных настроений (на примере портала «Российской общественной инициативы»)	274

Волкова О. И., Чугунов А. В. Мониторинг каналов электронного участия: результаты исследования 2022–2023 гг. 283

Секция 3. Проблемы безопасности и устойчивого развития в цифровом обществе

<i>Попова О. В.</i> Лидеры общественного мнения российской молодежи в онлайн-пространстве: от протестной мобилизации к формированию смысложизненных ценностей	294
<i>Алексеев О. А.</i> Информационные и киберсредства как компоненты неконвенциональной войны	307
<i>Яковлев М. В.</i> Движение хакеров в современной политике	319
<i>Гасанова С. У., Норец Н. К.</i> Оптимизационный анализ финансового управления предприятием и разработка системы принятия решений на основе больших данных	324
<i>Лебедева М. М., Зиновьева Е. С.</i> Цифровые технологии в изучении международных переговоров и посредничества	334
<i>Эриштейн Л. Б.</i> Научное руководство как ресурс информационной безопасности современной России	341
<i>Крайнов Г. Н.</i> О проблемах цифровизации транспорта	353
<i>Исаева Е. А.</i> Угрозы цифровизации: правовой контекст	359
<i>Крайнова Н. В., Бабаджанян П. А., Гребенко Е. Д.</i> Развитие отечественных цифровых платформ в условиях «западной» цензуры на примере YouTube и Rutube	368
<i>Цзымань Ли</i> Сотрудничество ШОС в области информационной безопасности: прогресс, вызовы и перспективы	375

Секция 4. Гуманитарные технологии в цифровую эпоху

<i>Кривобоков А. С., Хмельницкая П. А.</i> Исследование взаимосвязи личной зрелости метакогнитивных убеждений с особенностями использования источников новостей	385
<i>Трифонов Д. А., Лукьянова Г. В.</i> Роль бренд философии в повышении политического доверия в онлайн-пространстве	395
<i>Будко Д. А., Вьюкова А. И., Денисова А. А.</i> Культурный фактор в развитии сетевого дискурса (на примере общественного конфликта в Петрозаводске)	404

<i>Голоскоков В. А.</i> Воздействие интернет-коммуникации на речевое поведение политической партии на примере агитационных медиатекстов партии «Новые люди» 2020–2021 гг.	411
<i>Каташевич Е. Д., Климова Г. С.</i> Влияние новых медиа на национальную и космополитическую идентичность: регрессионный анализ	421
<i>Бурангулов Э. Р.</i> Цифровые технологии как фактор развития высшего образования современного Казахстана	433
<i>Иванько Н. А., Дроздова Е. В.</i> Внедрение цифровых технологий в российской высшей школе: опыт и перспектива	437
<i>Подобуева В. А., Шлыкова Д. Н.</i> Социально-политические разрывы и потенциал гражданской солидарности сквозь призму массовой культуры (пример анализа музыкальных видеоклипов) ...	447
<i>Гапутина В. А.</i> Reels в социальной сети «Instagram»*: актуальные события и тренды	455
<i>Соколов А. В., Палагичева А. В.</i> Экосистемный подход в функционировании общественных организаций (на примере фонда «Нужна помощь»)	461

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

Пленарное заседание

ГРНТИ 02.41

Digital Liberty: «Позитивная» и «негативная» свобода слова

С. В. Борисов

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
borisovsv69@mail.ru

Аннотация. В статье проводится сравнение «классической» либеральной модели свободы слова в публичном пространстве, представленной в концепции Д. С. Милля, и современного состояния данной модели применительно к цифровой среде, в частности коммуникации в социальных сетях. В ходе анализа выяснилось, что практически по отношению ко всем ключевым проблемам, созданным социальными сетями, «классическая» либеральная модель свободы слова не потеряла своей актуальности и может быть адаптирована к главным вызовам цифровой среды.

Ключевые слова: свобода слова, аргументация, цифровая среда, социальные сети, утилитаристская этика.

Введение

Свобода слова – это, возможно, первостепенная ценность либеральных демократий и основа других свобод. Пожалуй, ярче всех говорил о необходимости свободы слова в публичном пространстве Джон Стюарт Милль во второй главе своего эссе «О свободе» (1859 г.). Самым сильным аргументом Милля в пользу свободы слова было то, что

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00855, <https://rscf.ru/project/23-28-00855>.

Статья представляет собой расширенный интерпретационный перевод (с изменениями и добавлениями) статей: Chellappah, Nevin (2022). «Mill, Free Speech & Social Media», *Philosophy Now*, Issue 151: P. 34–37; Fischli, Roberta & Beschorner, Thomas (2022). «Digital Freedom» *Philosophy Now*, Issue 151: P. 38–39.

© Борисов С. В., 2023

без свободы слова невозможно заниматься поиском истины. Если Милль делал акцент на главных преимуществах свободы слова в решении тех или иных социальных задач, то многие из современных защитников этого права рассматривают его как благо *prima facie*, «естественное право». Подразумевается, что свобода слова имеет неотъемлемую, а не только инструментальную ценность. Однако возникает вопрос: насколько соответствует классическая либеральная версия свободы слова, которой придерживался Милль, современному состоянию той цифровой среды, особенно социальных сетей, в которой мы все сейчас обитаем?

Итак, что же представляет собой «классическая» теория свободы слова в изложении Милля. Его первое опасение по поводу отсутствия свободы слова связано с преувеличением роли мнений авторитета. Он пишет: «Особенное же качество действий, нарушающих свободу слова, состоит в том, что они во всяком случае составляют воровство по отношению ко всему человечеству, как к будущим, так и к настоящим поколениям, как по отношению к тем, кто усвоил бы себе преследуемое мнение, так и по отношению к тем, кто бы его отверг. Если мнение правильно, то запрещать выражать его значит запрещать людям знать истину и препятствовать им выйти из заблуждения; если же мнение неправильно, то препятствовать свободному его выражению — значит препятствовать достижению людьми не меньшего блага, чем и в первом случае, а именно: более ясного уразумения истины и более глубокого в ней убеждения, как это обыкновенно имеет своим последствием всякое столкновение истины с заблуждением» [2].

В ответ на то, что цензура может быть надежной системой для фильтрации истинных выражений от ложных, Милль говорит, что идеального цензора не существует. Это подтверждается многочисленными примерами, когда в прошлые века подавлялись идеи, которые теперь считаются истинными. Подчеркивание того, что «факты и аргументы, чтобы произвести какое-нибудь действие на ум человека, должны быть предъявлены этому уму» [2], свидетельствует об искренней вере Милля в важность разнообразия точек зрения и ценность индивидуальной мысли.

Аргумент Милля в пользу свободы слова можно свести к следующему:

1 посылка: истина ценна, и людям следует позволить приходить к ней разными способами.

2 посылка: свобода слова позволяет людям приходиться к истине даже через заблуждения.

Вывод: следовательно, свобода слова ценна и должна поощряться и защищаться.

Это показывает, что Милль главным образом акцентирует внимание на одном конкретном аспекте свободы слова: праве свободно обсуждать любое мнение.

Теоретическая рамка исследования

Свобода слова, по Миллю, означает свободу выражать любое мнение. Единственной целью высказывания, по Миллю, является поиск истинного знания. Однако является ли эта позиция Милля релевантной цифровой среде, например, социальным сетям в тех случаях, когда высказывания могут иметь другие цели? Казалось бы, социальные сети есть предсказанный Миллем «идеал» демократизации речи, «рынок идей», расширяющийся до глобального рынка. Но, как хорошо известно, социальные сети служат не только для распространения знаний и поиска истины. Поскольку в современном мире социальные сети выступают в качестве основного средства для общения без границ, следует определиться, какая концепция свободы слова применима для цифровой среды.

Цель и методы исследования

Влияние технологий на общение нашло отражение еще у Платона в диалоге «Федр», где Сократ рассказывает легенду о египетском боге Тоте, преподнесшем фараону искусство письма как дар его народу. Тот говорит, что это будет «лекарством для памяти», но фараон возражает, что это даст только видимость памяти, то есть на самом деле это принесет вред способности людей действительно чему-то учиться и что-то помнить. Нил Постман, ссылаясь на эту поучительную историю, отмечает, что «любая технология – это одновременно и бремя, и благословение, не “или-или”, а “как то, так и другое”» [7]. Методом интерпретационного и сравнительно-исторического анализа следует рассмотреть несколько ключевых проблем, созданных социальными сетями, решение которых можно увидеть в сопоставлении «классического» представления о свободе слова, выраженного Миллем, и фактического положения дел в современной цифровой среде.

Основная часть (результаты сравнительно-исторического анализа)

Первая проблема – это то, что в социальных сетях нет различий между обменом идеями и обменом эмоциональными реакциями. Это связано с тем, что социальные сети не озабочены поиском истинности суждений. Контент продвигается на основе его популярности, а не истинности. Кроме того, тот факт, что социальные сети часто используются для отдыха или развлечения, означает, что «эмоциональные» суждения – суждения, сформированные на основе чувств или установок, а не рациональных аргументов, – зачастую оказываются более привлекательными. Эмоциональный контент легче понять и «привязаться» к нему, именно поэтому такой контент доминирует на цифровых платформах. Стремление генерировать эмоциональные реакции и добиваться одобрения своих последователей и друзей приводит к тому, что интеллектуальные дебаты становятся чем-то второстепенным. Вместо этого эмоциональные суждения воспринимаются как аргументы, то есть суждения, основанные на фактах. Как указывает Адам Мур, если легитимность речевого акта в социальных сетях обеспечивается количеством лайков или репостов, то «механизмы контроля качества, предназначенные для поиска истины, не имеют значения» [5]. Очевидно, это сильно отличается от того представления о свободе слова, из которого исходил Милль. Это несоответствие предполагает, что концепцию свободы слова Милля нельзя в полной мере применить для цифровой среды. Возможно, все дело в некотором «идеализме» Милля. Ведь для него свобода слова нужна главным образом для того, чтобы искать истинные знания, необходимые для решения практических задач. Защита Миллем свободы слова выглядит, как отмечает Пирс Тернер, скорее, как «защита любых точек зрения в откровенных и беспристрастных публичных дискуссиях» [9]. Идеалистическая вера Милля в то, что свобода слова будет полезна в первую очередь для образовательных и политических практик, явно ограничена.

Другая проблема, на которую не дает решение «классическая» теория свободы слова, заключается в огромном размере «рынка идей», представленном в социальных сетях. Глобальная платформа слишком велика для продуктивной и плодотворной дискуссии, потому что на нее влияет то, что А. Мур называет «загрязнением контента». Переизбыток контента заставляет в общении отдавать предпочтение эмоциональному взаимодействию, а не интеллектуальному поиску. Дарвиновская

«битва за выживание» больше не ищет истины, она ищет внимания. Аргумент Милля в первую очередь заключается в попытке установить связь между свободной дискуссией и благом человечества, но большая часть высказываний в социальных сетях практически не имеет никакой ценности в этом смысле, но, как ни парадоксально, именно такие высказывания ценятся пользователями больше всего.

Однако, возможно, эта проблема не является непреодолимой, даже если смотреть на ситуацию с позиции Милля. Расширение понимания свободы слова за счет включения эмоциональных реакций, которые пусть даже не ведут к истине, а также широкое обсуждение идей, не наносит существенный урон «классической» либеральной концепции свободы слова. Возможно, те «дети Интернета», для которых привычен именно такой способ высказываний, не видят в этом «фатальный недостаток» их свободы слова. Социальные сети формируются субъективными человеческими действиями, которые вызывают эмоциональный резонанс и дают представление о нашей общей человечности. Мы такие, какие мы есть.

Однако возникает еще одна проблема: насколько социальные сети являются безопасной и дружественной цифровой средой? Следует признать, что социальные сети не способствуют созданию настоящего «рынка идей», как это понимается согласно «классической» теории свободы слова. Дело в том, что разнообразие точек зрения и индивидуальность отнюдь не приветствуются, а, как правило, подвергаются критике и нападкам.

Как известно, социальные сети финансируются за счет предоставления личных данных (высказываний) пользователей рекламодателям. Алгоритмы классифицируют высказывания, и эти личные мнения затем используются, как указывает Ричард Сорабджи, «для целевой передачи пользователям информации или дезинформации с учетом их личности» [8]; другими словами, людям предоставляется контент, основанный на идеях, согласие с которыми они так или иначе выразили. Таким образом, идеи подтверждаются, а не оспариваются, и, соответственно, группы в социальных сетях образуются по принципу приверженности их участников к кажущейся им «объективной истине». Это обстоятельство приводит к усилению враждебности в сетях, когда одни группы подвергаются нападкам других групп, не разделяющих их точку зрения.

Эта проблема только усугубляется отсутствием аргументированных дебатов, заменяемых эмоциональной риторикой, что приводит к размыванию значения слов, которые просто становятся средством оскорбления. Возможно, наиболее ярко это видно на примере «Закона Годвина»: «По мере разрастания обсуждения вероятность употребления сравнения с нацизмом или Гитлером стремится к единице». Враждебное, нетерпимое отношение часто проявляется к любому, кто придерживается инакомыслия. В результате алгоритмов, сегментирующих аудиторию и подкрепляющих мнения, возникают «цифровые среды», где голоса полных ненависти моралистов наделены неограниченной властью. Следовательно, социальные сети легко превращаются в рынок, наполненный не идеями, а интеллектуальным бандитизмом.

Эмоциональные реакции по своей сути не являются чем-то «неправомерным», но в социальных сетях они, вероятно, усиливаются за счет своего рода подстрекательской обратной связи. В безумном негодовании «праведность» фактически дегуманизирует цифровую беседу. Кроме того, «дебаты» не регулируются фактами и аргументами, и поэтому неправильные мнения не «сходят со сцены» и не уступают постепенно фактам и аргументам, как предполагал Милль. Скорее наоборот, насилие легко проникает в онлайн, потому что высказывания в социальных сетях изначально эмоциональные, и очень быстро в ходе дискуссии эта эмоциональность начинает возрастать. В контексте «классического» представления Милля о свободе слова следует признать, что он как раз и опасался того, что общественное неодобрение используется как форма цензуры, когда взгляды большинства вытесняют мнения меньшинства. Именно это и происходит в социальных сетях из-за отсутствия адекватного механизма для эффективного обмена идеями.

Однако, возможно, в философии Милля есть и другие ресурсы, которые могут помочь. Знаменитый «принцип вреда», который он отстаивает в своем эссе «О свободе», гласит, что единственным ограничением личной свободы должно быть предотвращение причинения вреда другим. Его приверженность этому принципу часто неправильно понимали из-за того, что это может привести к противоречию, связанному с требованием ограничения свободы слова. Однако Милль связывает «принцип вреда» исключительно с образователь-

ными и демократическими целями публичного дискурса. Он требует «осуждать каждого, какое бы мнение он ни защищал, кто позволяет себе в полемике недобросовестность, лицемерие, нетерпимость» и «воздавать похвалу каждому, какого бы мнения он ни был, кто беспристрастно и честно относится к своим противникам и их мнениям, не позволяя себе никаких преувеличений к их вреду, не утаивая ничего, что может служить к их пользе или предполагается таковым» [2]. Это говорит о том, что Милль настаивал на регулировании ведения дискуссий. Следовательно, чтобы «классическая» модель свободы слова выдержала вызовы цифровой среды, необходимо добавить оговорку, что ненависть никогда не ведет к истинным убеждениям, фактически затуманивая ясность суждений. Только тогда можно гарантировать, что аргумент Милля о ценности «неправильного мнения» может быть совместим с социальными сетями до тех пор, пока мнения представлены в «цивилизованном» споре. Более того, утилитаристская этика Милля предполагает, что чем больше людей будет участвовать в конструктивном диалоге, тем больше это будет способствовать увеличению общего счастья. В контексте социальных сетей этот принцип поможет предотвращать деструктивные и оскорбительные высказывания более эффективно, чем «принцип вреда».

Даже алгоритмы с их способностью классифицировать мнения и нацеливать рекламу могут сыграть здесь важную роль. Их можно перенаправить на представление более широкого спектра мнений, чтобы сформировать настоящий «рынок идей». Алгоритмы, более совместимые с этическими принципами Милля, могли бы реально способствовать свободе слова в «классическом» понимании. Таким образом, «классическая» либеральная концепция свободы слова может выдержать и этот вызов цифровой среды, поддерживая ее интеллектуальное развитие.

Еще одна и, пожалуй, самая сложная проблема социальных сетей в отношении свободы слова, заключается в том, что в социальных сетях господствует принцип анонимности. Автономия личности часто лежит в основе аргументов в пользу свободы слова, и те же аргументы можно применить к социальным сетям. Считается, что свобода требует автономии; но после развития онлайн-платформ стало ясно, что автономия требует анонимности. Это даже более демократично, так как могут оценивать только мнения, а не самого

человека. Возможность быть анонимным, по крайней мере, в смысле отсутствия последствий за свои высказывания, – это отличный аргумент в пользу социальных сетей. Роберт Пост даже отмечает, что это открывает «возможность того, что в вашем цифровом персонаже больше правды, чем в вашей реальной личности», что предполагает, что социальные сети позволяют лучше познать себя [6].

Эти соображения отсылают к четырем концепциям автономии Джозела Файнберга. Одна из них – «способность управлять собой для самореализации в рамках моральных границ» [3]. Идея о том, что самореализация должна быть независимым процессом, соответствует аспекту построения автономии свободы слова и самовыражения в социальных сетях: мы дистанцируемся от самих себя и получаем новую идентичность для открытия новых идей.

Для Милля свобода слова способствует расцвету идей, которые, в свою очередь, ведут к углублению самопознания. Таким образом, такие аргументы поддерживают веру Милля в то, что возможность свободно высказываться полезна с точки зрения нашей самореализации. Однако в свете «загрязнения контента» аргументы в пользу автономии социальных сетей выглядят весьма слабыми, потому что качество и правдивость высказываний подрывают многочисленные сетевые «сомнительные персонажи». Хотя многие способы самовыражения либо укрепляют, либо защищают автономию, также верно и то, что многие из них либо деструктивны, либо просто бессмысленны. В этом контексте Стэнли Фиш полагает, что «речь никогда не является ценностью сама по себе, а всегда производится в рамках какой-то предполагаемой концепции добра» [4]. Здесь речь понимается как целенаправленное действие, то есть то, что я намереваюсь делать в соответствии со своими словами. Тот факт, что большая часть анонимного контента в социальных сетях не предполагает никакого целенаправленного действия, также кажется несовместимым с тезисом Милля о свободе слова, который оправдывается с позиции интеллектуального совершенствования.

Милль считает, что защита свободы слова разовьет в людях способность аргументированно высказывать свое мнение. Кроме того, желание избежать общественного неодобрения побуждало бы людей совершенствовать свои аргументы, предоставлять надлежащие доказательства и продвигать их цивилизованным образом. Но в ано-

нимном общении нас ничто не сдерживает и не дисциплинирует. Это имеет как преимущества, так и недостатки. С одной стороны, как понимает А. Мур, «приватность, автономия и благосостояние тесно взаимосвязаны» [5], с другой стороны, без социальных последствий люди чувствуют себя вправе говорить все, что хотят. Это демонстрирует фундаментальную проблему, которую подход Милля не может решить в отношении цифровой среды: «свобода слова» – это не то же самое, что «свобода слов», за которые никто не отвечает. Для Милля реальным следствием «свободы слова» является аргументированное высказывание, которое выдержало испытание «рынком идей». Во времена Милля всем казалось, что речь неотъемлемо связана с самой личностью, но открывшееся возмущение дистанцироваться от того, что говоришь, дистанцироваться до такой степени, что твоя речь может не иметь к тебе никакого отношения, представляет собой серьезную проблему для свободы слова. Таким образом, аргумент Милля не может противостоять фактической безответственности социальных сетей. Социальные медиа серьезно дискредитировали благо умственного развития, к которому стремится «свобода слова» Милля, и, соответственно, это коренным образом изменило ценность слова в условиях анонимности.

Когда в 2016 году впервые вышел в эфир эпизод антиутопического сериала «Черное зеркало», где главную героиню доводит до тюремного заключения конкурентная цифровая среда (по иронии судьбы, тюрьма оказалась единственным местом свободы в этом обществе), это уже было намеком и критикой зарождающейся системы социального кредита в Китае, но в последние годы с подобными тенденциями столкнулся и западный мир. Это еще одна проблема цифровой среды, представляющая в этом сериале аллегорию нового «наблюдающего капитализма», который отнимает социальную, политическую и экономическую свободу. Сами термины «наблюдение» и «контроль» связаны со специфическим пониманием свободы – свободы от чего-то, например, от вмешательства, ограничений. Исайя Берлин назвал эту свободу «негативной» [1]. Этот тип свободы тесно связан с либеральными ценностями. Соответственно, наиболее важными параметрами цифровой свободы, как правило, являются те, которые соответствуют этому либеральному, «негативному» пониманию свободы: такие идеи, как автономия, независимость, свободный

выбор. В отличие от «негативной свободы» от ограничений, «позитивная свобода» – это, согласно Берлину, способность что-то делать: проявлять политическое участие, стремиться к реализации собственной версии добра. По этой причине «позитивное» мышление о свободе побуждает думать о ценностях и целях, которые мы хотели бы воплотить и реализовать с помощью цифровой среды.

Выводы

Ясно, что социальные сети повлияли на нынешний характер самовыражения: от преобладания эмоциональных, не основанных на фактах суждений, над реальными идеями (без осознания различия между ними), до усиления нетерпимости, проистекающей из действия алгоритмов, создающих у пользователей ложное ощущение обладания «объективной истиной». Тем не менее, «классическая» либеральная модель свободы слова Джона Стюарта Милля не потеряла своей актуальности и может быть адаптирована к этим вызовам, включив эмоциональный диалог в поле своего внимания и предписав определенные правила для интеллектуального самовыражения. Именно проблема анонимности как речи без последствий представляет наибольшую угрозу для релевантности концепции Милля к условиям цифровой среды, поскольку полностью изменилась вся природа дискурса. Возможно, эту проблему не преодолет ни одна концепция свободы слова. Однако было бы опрометчиво списывать со счетов «классическую» либеральную модель. Она может еще послужить цифровой эпохе. Да, цифровая среда в некоторых аспектах обнаружила непредвиденные последствия технологического развития, но их возможно преодолеть, как и любую другую проблему, связанную с развитием новых технологий.

Список источников

1. Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
2. Милль Д. С. О свободе // INLIBERTY. Устройство свободы. URL: <https://old.inliberty.ru/library/491-o-svobode> (дата обращения: 04.03.2023).
3. Feinberg J. Autonomy, sovereignty, and privacy: Moral ideals in the constitution // Notre Dame Law Review, Vol. 58:3, 1983. – P. 445–492.

4. Fish S. There's No Such Thing as Free Speech... And It's a Good Thing Too. – NY.: Oxford University Press, 1994. – 352 p.

5. Moore A.D. Free speech, privacy, and autonomy // *Social Philosophy & Policy*, Vol. 37:2, 2021. – P. 31–51.

6. Post R. Privacy, speech and digital imagination // *Free Speech in the Digital Age* / Edit.: S. J. Brison and K. Gelber. – NY.: Oxford University Press, 2019. – 280 p.

7. Postman, N. *Technopoly: The surrender of culture to technology*. – NY.: Knopf, 1992. – 240 p.

8. Sorabji R. Free speech on social media: How to protect our freedoms from social media that are funded by trade in our personal data // *Social Philosophy & Policy*, Vol. 37:2, 2021. – P. 209–236.

9. Turner P.N. Introduction: Updating Mill on free speech // *Utilitas*, Vol. 33:2, 2021. – P. 125–132.

Digital Liberty: «Positive» and «Negative» Free Speech

S. V. Borisov

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
borisovsv69@mail.ru*

Abstract: The article compares the “classical” liberal model of free speech in the public space, presented in the concept of J. S. Mill, and the current state of this model in relation to the digital environment, in particular communication in social networks. In the course of the analysis, it turned out that in relation to almost all the key problems created by social networks, the “classical” liberal model of free speech has not lost its relevance and can be adapted to these challenges of the digital environment.

Keywords: free speech, argumentation, digital environment, social networks, utilitarian ethics.

Интеллектуальное превосходство и цифровая безопасность

Т. А. Кулакова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
koulakova812@mail.ru*

Аннотация. Во втором десятилетии XXI столетия Российская Федерация столкнулась с проблемой защиты конституционного строя и суверенитета государства от различного рода внутренних и внешних угроз, связанных с деятельностью Запада по организации, финансированию и подготовке сил, оппозиционно настроенных к действующей власти и стремящихся к ее насильственному захвату, последующему полному подчинению территории и населения. Способность исторической России самоотверженно отражать натиск недругов сохраняла целостность Отечества неоднократно, в чем проявлялся недожиданный интеллект нации, ее готовность к сплочению на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Интеллект как синтетическая способность разумения любой новой ситуации, проникновения в ее сущностную основу и причину всегда являлся истоком побед России. «Мы любим все – и жар холодных числ, и дар божественных видений, нам внятно все...» А. А. Блок «Скифы». Вечная ментальная война, ведущаяся против России ее недругами, обогатилась новыми возможностями и инструментами в эпоху цифровой трансформации современного мира. Это требует овладения новыми методами ментального противостояния и насыщением цифровых платформ смысловым контентом, отвечающим традиционным российским ценностям.

Ключевые слова: интеллект, интеллектуальное превосходство, цифровая безопасность, ментальная война, состоятельность государства, способности государства.

Введение

Сегодня ментальная война – это поле битвы за внимание людей к контенту социальных сетей, насыщенных не знаниями, а разнообразными и противоречивыми мнениями, которые вбрасываются с целью раскола общества по политическим, социальным, этниче-

---

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-28-00779 «Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации».

© Кулакова Т. А., 2023

ским, религиозным и нравственным основаниям. Представляется, что вовлечение в социальные платформы большого числа людей изменяет их мировоззрение и ценностный ряд настолько, что они уже не способны сохранять самостоятельность восприятия и мышления.

Тенденции к распространению политических, религиозных, националистических идей, обретающих характер экстремистской идеологии и провоцирующих определенные группы населения на силовое противодействие государству как таковому, обострение внешних экстремистских угроз со стороны «прозападных политических сил» отмечены в п. 8 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 [13]. Внимание акцентируется на деструктивной деятельности недружественных стран, которые активно пытаются использовать имеющиеся в стране социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества (п. 20).

Утвержденная Указом Президента Российской Федерации 31 марта 2023 г. Концепция внешней политики Российской Федерации [8] – документ стратегического планирования в ст. 15 п. 4 которого декларируется «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия»; в п. 8 – «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации».

«Цифровая трансформация, направленная в первую очередь на социальные и антропологические изменения, на расширение возможностей в управлении обществом и человеком, обострила крайне принципиальный вопрос управления интернет-пространством» [9, с. 92] и поставила вопрос об управленческой состоятельности государств, стремящихся защитить и упрочить свой суверенитет на фоне активизации ТНК и наднациональной элиты, воспринимающей IT-компанию как инструмент широкомасштабной ментальной (которую называют и когнитивной) войны, включающей и политическую, и идеологическую, и экономическую, и военную составляющие [15] как и противостояние человеческих волей и интеллектов.

Теоретические рамки исследования

Понятие «государственная состоятельность» было введено Дж. П. Неттлом в статье «Государство как концептуальная переменная» в 1968 г. [5, с. 559–592]. Статья Дж. П. Неттла спровоцировала рост публикаций о государственной состоятельности и способностях государства как в зарубежной, так и в отечественной политической науке. Различия подходов сформировали определенную научную рамку, которая включала попытки определить структуру государства, несмотря на сложность исторических контекстов, в которых государства формировались для решения различных задач (Т. Пфистер) [7, с. 6–10], понимания учеными природы государства, обладания им характерными способностями [10, с. 127–175], процессуальной выстроенности государственного управления, оценки результатов деятельности как проявления способности к выполнению определенных (витальных) функций за счет политической консолидации сообщества, тонкого распределения власти, широте проблем, в которых власть принимает участие. Чарльз Тилли включил в рассмотрение не только процессы управления и результаты деятельности государства, но и отметил способность к аккумуляции и концентрации насилия и ресурса, их координацию, что равно способности к централизации и формированию управленческой инфраструктуры для организации методичного и систематического управления [6, с. 32]. В этой парадигме работали С. Бартолини и Верена Фритц, Майкл Манн [1, 2, 3, 4, с. 187–213].

Верена Фритц [3] подошла к определению состоятельности государства как к вычленению свойств и характеристик процесса функционирования государства, измеряя не только объем циркулирования общественных благ, но и способности к принятию решений, их реализации и контролю за ними, полагая, что качество управления относится и к процессу, и к результату деятельности государства. Качество государственного управления зависит от формирования правил политической игры, устойчивости системы сдержек и противовесов, подотчетности элиты в противовес приватизации государства различными участниками игры, меры популизма в политике. Перечисленные научные работы составляют теоретическую и методологическую рамку настоящего исследования.

Цель исследования в контексте современности

Самостоятельность современных государств изрядно ограничена, обрести субъектность можно только вглядываясь в будущее, ведя стратегическое планирование, замысливая большие проекты, направленные на преобразование страны не только в высокотехнологичное, но и высоконравственное общество. Только страна, осознающая свое интеллектуальное превосходство, втягивает в свою орбиту сопредельные государства и население, твердо стоя на традиционных ценностях, противостоящих неокOLONиализму современного неолиберализма. Состоятельность государства проявляется в его воле к власти, способности к мобилизации законодательной, исполнительной и судебной властей, занимающих надлежащее место, но не подавляющих состоятельность и способности общества в организации социально-политической жизни, координируя многообразные цели и усилия. Жить своим умом и своим трудом – это проявление состоятельности и самостояния, не отрицающих способности учиться у других, не подражая, не копируя, а соотнося чужой опыт со своим, с условиями, с ресурсами. Чтобы не ломать через колено очередные поколения россиян, «цивилизуя» их, нужно понять, кто мы; идеи и ценности многоликого населения России перевести в правила, связать с интересами, создать институциональные механизмы, используя мягкие инструменты теории рефлексии и поведенческой экономики сформировать мотивационные основания вовлеченности в социально-экономические процессы, не позволяя недругам доминировать в информационном пространстве. Опора только на идеологические (в смысле «партийные», при всей размытости политических программ российских партий) инструменты весьма уязвима при научной и технико-технологической, институциональной несостоятельности, которая преодолеваться будет постепенно и неочевидно при сохранении жесткой ориентации на концепции сервисного государства, нового государственного менеджмента и пр.

Институциональная несостоятельность, т. е. неспособность выработать протоколы и стандарты, которые бы признавались в мире, тормозит и технологическое развитие само по себе, поскольку возможность продвижения как «железа» так и «софта» резко ограничивают сбыт и приводят к росту себестоимости программ, продуктов и изделий. Развитие данного направления продвинет интересы стра-

ны в распространении влияния в иных странах, заинтересованных в сотрудничестве с нашими высокотехнологичными компаниями. Сохранение неполной институциональной состоятельности заставит искать поддержки в наднациональных и международных структурах, что ограничивает самостоятельность в принятии решений и формировании регионального рынка, а также потребует применения технологий связей с общественностью и лоббизма, издержки в этом случае в значительной мере ложатся на государство. Ограничения финансового и экономического, логистического характера, отсутствие критических технико-технологических и управленческих компетенций связывает возможность реализации самостоятельной политики цифровой трансформации страны, обуславливает запаздывание в создании собственной элементной базы, усугубленной санкциями, заставляя лавировать между теми, кто обладает наиболее продвинутыми компетенциями в этих областях. Нехватка опытных и квалифицированных программистов, организаторов и руководителей в IT-сфере, должна была бы стимулировать выработку специфической политики в отношении этой категории востребованных специалистов, подготовленных в стране. К сожалению, управленческого чуда не случилось и три волны высококлассных специалистов, численность которых даже приблизительно не называется, растворились в виртуальном пространстве мира. Какие средства придется затратить на подготовку программистов, сколько времени потеряем на формирование новых подходов и новых команд? [14] Разве Россия выиграла от того, что сто лет назад ее покинули Игорь Иванович Сикорский, Владимир Козьмич Зворыкин и другие?

Вместе с тем, компетенций государственных управленцев явно недостаточно, чтобы остановить деформацию рынка труда шеринговыми технологиями в сфере услуг в условиях дефицита кадров в производственной сфере ОПК, продукция которого востребована для кинетическими столкновениями. Эффективность управления самим процессом широкой цифровой трансформации экономики и государственного управления остается весьма сомнительной при нечеткости постановки целей и задач, вторжении контента цифровых платформ в сознание человека, настойчивом применении манипулятивных технологий к формированию неосознаваемого поведения у неопределенного круга лиц, при нарушении прав наемных работников.

Погружение в виртуальное пространство будет приостановлено жестокой реальностью. Слитный образ «гиперреальности» (Жан Бодрийяр) распадется на виртуальное и реальное, и это будет болезненный процесс. Отставание как в создании собственной элементной базы, так и в инновационных управленческих технологиях в IT-сфере обусловили и освобождение информационно-коммуникационного интернет-пространства для иностранного контента. Мягкое продвижение чуждых ценностей в российском сегменте Интернета ведется, практически не встречая преград, за исключением контента, подпадающего под действие законодательства. Специалисты по маркетингу считают, что за 2022 г. «инфоцигане», которым отдано интернет-пространство, заработали более 4 млрд рублей [16].

Основная часть

Почему так востребованы информационные услуги коучей и великих специалистов во всем? Почему люди ищут поддержку, избавление от тревог, надежду на перемены к лучшему не у политических партий России, Общероссийского народного фронта, Совета по правам человека, законодательных органов федерального и регионального уровней, муниципальных органов управления и множества других организаций? Почему в сложных условиях ментального противостояния государством отдано на откуп случайным людям (которые, однако, представляют собой вершину айсберга коммуникативной индустрии) формирование смыслов, ценностей, нарративов и паттернов? Используемые ими технологии не относятся к спиритизму или оккультизму, они давно известны, могут использоваться не только на благо инфлюенсеров, но и на публичное, общественное благо.

К средствам ментальной войны относятся словесные, визуальные способы воздействия на сознание, пропаганда и контрпропаганда, отвлечение внимания, манипулирование, вбрасывание нарративов и мифов, ложных сообщений, симулякров, медиавирусков, искажение исторической памяти, влияние на коллективные способы отражения попыток унижения и дискредитации; внедрение образцов поведения, разрушающего саму социальную ткань взаимодействия людей; нарушение норм языка как основы мышления и коммуникации (безграмотность, излишняя иноязычная терминология, искажение структуры речи, обценная лексика и др.).

Государственная управляемость немыслима без поддержания суверенитета в условиях тотальной ментальной войны и углубляющейся неопределенности в мире целенаправленным внедрением инструментов цифровой трансформации как «языка» координации всех социальных субъектов и акторов.

Власть в большей степени, нежели общество несет ответственность за настоящее и будущее, ее действия могут порождать как доверие, так и расколы, определяющие степень единения общества и власти перед внешними и внутренними вызовами. Технократизм как принцип государственного управления не может обеспечить победу национального государства в ментальном противостоянии, необходимо подключение эмоционального интеллекта населения и интеллектуального превосходства органического носителя традиционных ценностей – народа для восстановления культурной матрицы, т. е. ценностного ядра народного бытия, представлений о правде, любви, товариществе и соборности, семье, Боге.

Отвлечение внимания населения от вопросов, определяющих его жизнь путем заманивания в мир развлечений и грез, подталкивая его к потреблению самых «необходимых» вещей для обретения счастья – технология теории рефлексии и поведенческой экономики. Утрата социальной идентичности и социальных связей, смятение умов уже приводят к выученной беспомощности, вере в не в Бога, но в черта, карты таро, пр.

К числу потенциальных угроз дестабилизации обстановки в стране относятся наиболее опасные проявления экстремизма – возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет; вовлечение отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций; организация и проведение несогласованных публичных мероприятий (включая протестные акции, демонстрации), массовых беспорядков; подготовка и совершение террористических актов, инспирирование «цветных революций».

Выводы

Термин «информационная война» впервые был определен в 1990-е в военных стратегических документах; так, в директиве DODD 3600 Минобороны США, «Объединенной доктрине информационной войны», термин «информационная война» определяется как система действий для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника. Среди инструментов информационной войны – психологические операции для оказания воздействия на системы управления и принятия решений противника, дезинформации, дезорганизации и разрушения его социальных институтов и др. Психологические операции (операции влияния (ИО, influence operations), психологические операции (psyop) обычно понимаются как система мероприятий по распространению подготовленной информации для воздействия в нужном ключе на эмоциональное состояние, мотивацию, принимаемые решения, поведение политических противников и союзников [11, с. 119–125]. Если информационная война состоит в манипулировании информацией в социальных сетях, то проникновение в компьютерные сети критической инфраструктуры для взлома программного обеспечения для нейтрализации или искажения тех процессов, которыми они управляют, конструирование военных обманов, психологическое подчинение, оперативная безопасность входит в круг опций когнитивной войны. Концепция, построенная на междисциплинарном подходе (психология, лингвистика, нейробиология, логика и др.) к производству и использованию знания как такового, нацелена на блокирование познавательных процессов человека не только в период военных и социальных кризисов, но и в повседневности.

Информационно-психологические войны и операции переходят в ментальную войну, которая взрывает культурное и ментальное «пространства», групповое и коллективное сознание, разрушая целостное мировоззрение и процессы мышления индивидов и социальных групп, системы образования и воспитания, вводя коммуникативные практики, меняя социальные ценности, мировоззренческие, научные, конфессиональные представления, поддерживающие целостность социальных структур.

Наступательность в ментальной войне необходима для нейтрализации акций противника, но еще важнее создание надежной защиты из традиционных ценностей, разделяемых населением. Даже если мы не сумеем навязать недругам свои стандарты, ценности, идеологию, модели поведения, мы провозгласим их для всего мира, а мотивационные модели принятия наших ценностей противник обеспечит для своего населения сам.

Но мы не можем смириться с тем, что проигрываем в ментальной войне за счет утраты глубинного смысла и противоречивости декларируемых ценностей и управленческих практик, за счет сокращения численности населения, за счет упадка социальных институтов и разрушения научно-технологической инфраструктуры, доминирования сферы услуг над производственными отраслями в условиях санкций и других уязвимостей, которые не удалось предотвратить.

Незаметное вторжение в сознание населения чуждых нарративов и паттернов через цифровые платформы направлено на разрушение жизненных ценностей, моделей поведения, способов реакций, доказавших неоднократно способность защитить жизнь на нашей земле. Без этих ориентиров и оснований деятельности мы теряем устойчивость к невзгодам, веру в собственные силы и правоту. И нашей слабостью готовы воспользоваться недруги, чтобы без военных действий подчинить своей воле население и территории других стран, чтобы продлить неокOLONиализм для предотвращения социальных революций в своих странах, как было и в начале 80-х годов XX века в России.

Когнитивная война стала коварным вызовом всему человечеству, выдвинулась на первый уровень ведения конкуренции за само существование наций, этносов, культур, государств. Глобализация как процесс стирания индивидуальностей и уникальностей, нивелирование всех различий и особенностей не могла не привести к осознанию опасности унификации и возникновению противостояния этим натискам. Россия, как периферийная территория однополярного капиталистического мира, стала жертвой не только когнитивной войны, но и кибервойны при одновременном повторении кинетических по форме ведения Первой и Второй мировых войн, которые только обслуживались идеологическим и информационным противостоянием. Но именно когнитивная война, осуществляемая в сети

Интернет, стала главным оружием настоящего времени, поскольку именно невещественные факторы ведения противоборства являются ведущими в условиях цифровой трансформации. Цель когнитивной войны – «воздействовать не только на то, что думают люди, на которых направлено воздействие, но и на то, как они думают, и, в конечном счете, на то, как они действуют» [17].

Когнитивная война не могла не выйти на верхний уровень противоборства и в виду развитости и дешевизны информационных технологий, и в силу развитости психологических приемов подавления противника в развитых странах англосаксонского мира, и в силу целенаправленного создания сетевых организационных структур по всему миру для ведения агрессивного наступления на сознание и разум человека и сообществ, расчеловеченных культом потребления, погруженных в обыденность биологического существования снижением влияния высокой культуры и падением способности к осознанию реальности за счет «болонизации» образования и натиска «развлекательного» контента в СМИ и Интернете.

Скорость подачи «зараженной» информации таков, что истерзаный ею человек подвергается испытанию на прочность психических и интеллектуальных ответов при принятии решений даже в обыденной жизни. Когнитивная война направлена на всех и каждого, манипулятивные технологии затрагивают и индивида, и наднациональные образования, и государства, разрушая здравый смысл и нравственные основы поведения не только тех, на кого направлено воздействие, но и на тех, кто осуществляет свои стратегии. Традиционные пропаганда и дезинформация поглощают информационное пространство, оставляя человека беззащитным перед диверсиями и провокациями, кем бы они не велись – ближним кругом или сетевыми образованиями, имеющими ядро, в котором создаются разрушительные нарративы, акции и сюжеты для навязывания заданного поведения. Контроль за поведением человека столь плотен и всепроникающ, что можно говорить об утрате субъектности не только индивидом, но и государством. Цель когнитивной войны в конечном итоге – полный перехват управления государствами и установление мирового господства в самом жестком варианте при одновременном использовании способов информационной, психологической и кибер-войн.

В странах западного мира изучение реакций и поведения человека и сообществ в условиях ментальной войны велось научными сетевыми сообществами, которые получили богатый материал для обеспечения виртуально-психологического превосходства, позволяющего в дальнейшем использовать власть над миром, минуя кинетические противостояния.

Мнимая безопасность и безнаказанность виртуального мира открывает путь любым схемам дезинформации, обмана, лжи и провокаций, вовлекая большой круг людей, не сдерживаемых привязанностями и ответственностью, к участию в когнитивной игре с отложенными результатами, но и с вознаграждением как символическим, так и вполне материальным.

Открытость, сформированная цифровой трансформацией, социальными платформами и сетями, услугами экспертного и блоггерского сообществ обнажает все уязвимости того или иного общества и управляющей системы, указывая возможные цели болевого воздействия. Когнитивная война, включая элементы пропаганды, действует, тем не менее, эффективнее прямой пропаганды, поскольку люди вольно или невольно включаются в обсуждение и распространение манипулятивных ложных и провокационных сообщений, направленных на изменение поведения, возникновение деструкций и дезорганизации, предоставляя данные о способах восприятия и реакциях на те или другие информационные единицы, способах принятия решений, эмоциональных ответов на внешние возбудители.

Измерение вероятных способов принятия решений и поведения было предпринято в рамках направления поведенческой экономики, включающей психологическое понимание человеческого поведения, а затем успешно использовано для исследования и конструирования социальных и политических процессов. На основе данных, добровольно выкладываемых людьми при совершении действий в сфере экономики, компании научились раскрывать и персональные данные, что позволило им установить жесткий контроль за пользователями. Эти алгоритмы были использованы компаниями политического консалтинга, которые дополнили их методами опросов, психометрии, экономической, демографической, социальной и поведенческой информации, научившись

определять способы принятия решений людьми. Приватности больше не существует, мозг каждого попавшего в выборку взломан и подчинен, с человека снимается ответственность за принятые не им решения.

Социальные сети активно используются для разделения людей по политическим пристрастиям, поскольку быстро и интенсивно подают изображения насилия, тревожные слухи, распространяя страх и гнев. «Чем больше распространяется гнев, тем больше интернет-пользователей подвержено превращению в троллей» – так описывает механизм ведения когнитивной войны Инновационный хаб НАТО [17]. Поглощение внимания социальными сетями вызывается привыканием к определенному контенту и визуальному ряду, вовлекая мозг человека в воронку событий, зачастую ложных, их интерпретаций, опровержений, что создает эффект эхо-камеры, усиливая эмоциональные реакции участников, обостряя их разногласия. В работе «Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир» Доминик Моизи [12] выделил перечисленные эмоции как определяющие состояние современного мира и международные отношения именно с помощью эффекта эхо-камеры в социальных сетях.

Не меньшие возможности дала и киберпсихология в расшировке поведения на основе выявления механизмов мышления и использования кибернетических систем. Проблема взаимодействия человек-машина в естественной среде потребует переосмысления развития искусственного интеллекта, который может стать соперником человека в плане работы с информацией и принятия решений. Изучение механизмов работы мозга, как полагают исследователи, даст надежду военным на более продуктивное использование современного вооружения и в кинетической войне.

Современные исследования отмечают неоднозначное влияние цифровой трансформации на способности мозга человека и особенно детей: поверхностность восприятия, снижение запоминаемости информации, разорванность информационных цепочек, отсутствие критического подхода к воспринимаемой информации, незащищенность от лжи и дезинформации, неготовность к восприятию длинных текстов, художественной литературы, научных текстов. Неспособность к творческому мышлению может существенно

снизить интеллектуальный потенциал россиян, если не будут подвергнуты пересмотру принципы цифровой трансформации, плодящей симулякры. Состоятельность Российского государства должна быть подтверждена наступательным характером ответных действий по защите ментального суверенитета в условиях ведения не только специальной военной операции, но и в ширококомасштабной войне смыслов. Интеллектуальное превосходство – за носителями традиционных российских ценностей, готовых к самопожертвованию для защиты отечества. Координация государством деятельности научных, культурных, общественных организаций и объединений, действующих на этом участке фронта – настоятельная необходимость и условие победы в ментальной войне. «Попробуйте, сразитесь с нами!»

Список источников

1. Bartolini S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. – N.Y.: Oxford univ. press, 2005. – 415 p.
2. Bartolini S. The political mobilization of the European left, 1860–1980: The class cleavage. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 639 p.
3. Fritz V. State-building: A comparative study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia. – Budapest; N.Y.: Central European univ. press, 2007. – 384 p.
4. Mann M. The autonomous power of the state // Archives européennes de sociologie. – Cambridge, 1983. – Vol. 25, № 2. – P. 187–213.
5. Nettl J. P. The state as a conceptual variable // World politics. – Princeton, 1968. – Vol. 20, N 4. – P. 559–592.
6. Tilly Ch. The Formation in national states in Western Europe, 1975, p.32.
7. Жигжитов С. В. К вопросу о государственной состоятельности: основные подходы к концептуализации // Сравнительная политика. № 3(5). 2011. С. 6–10.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 12.03.2023).

9. Кулакова Т. А., Волкова А. В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. С. 92–105.

10. Кулакова Т. А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества. – СПб., Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2011. – 382. С. 127–175.

11. Миронова Н. Г. О проблеме обеспечения когнитивной безопасности // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1(157). 2021. С. 119–125.

12. Моизи Д. «Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир» М., 2010. 216 с.

13. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020г. № 344. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (дата обращения: 12.03.2023).

14. В России катастрофическая нехватка опытных ИТ-специалистов. Компании их ищут и не могут найти месяцами. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-04-12_v_rossii_katastroficheskay (дата обращения: 1.04.2023).

15. Запад превращает IT-гигантов в орудие политической борьбы, заявил сенатор. URL: <https://ria.ru/20211001/borba-1752711673.html?ysclid=ljy6jddmgrp283407990> (дата обращения: 1.04.2023).

16. Черноусов И., Штурма Я. Братство дельца: доходы блогеров-инфоцыган в 2022 году выросли на 24 %. Почему люди готовы платить за бизнес-курсы по быстрому заработку URL: <https://iz.ru/1496646/ivan-chernousov-iana-shturma/bratstvo-deltca-dokhody-bloggerov-infotcygan-v-2022-godu-vyrosli-na-24> (дата обращения: 1.04.2023).

17. Cognition Workshop. Innovative Solutions to Improve Cognition. URL: <https://2050.su/cognition-workshop-innovative-solutions-to-improve-cognition/?ysclid=ljy6q3fqcm318677959> (дата обращения: 1.04.2023).

Intellectual Excellence and Digital Security

T. A. Kulakova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
koulakova812@mail.ru

Abstract. In the second decade of the XXI century the Russian Federation has faced the problem of protecting the constitutional order and sovereignty of the state from various kinds of internal and external threats associated with the activities of the West to organize, finance and prepare forces in opposition to the current government and seeking its violent capture, the subsequent complete subjugation of the territory and population. The ability of historical Russia to selflessly reflect the onslaught of enemies has repeatedly preserved the integrity of the Fatherland, which manifested the remarkable intelligence of the nation, its readiness to unite on the basis of traditional spiritual and moral values. Intellect as a synthetic ability to comprehend any new situation, to penetrate into its essence and cause has always been the source of Russia's victories. «We love everything – and the heat of cold numbers, and the gift of divine visions, everything is intelligible to us...» A. A. Blok «The Scythians. The eternal mental warfare waged against Russia by its enemies has been enriched with new possibilities and tools in the era of digital transformation of the modern world. This requires mastering new methods of mental confrontation and saturation of digital platforms with meaningful content that corresponds to traditional Russian values.

Keywords: intelligence, intellectual superiority, digital security, mental warfare, state consistency, state capabilities.

От индустрии 5.0. к концепции общества 5.0.

О. С. Морозова

*ФГБОУ ВО Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Рязань Россия
osmorozova80@mail.ru*

Аннотация: Экономические процессы и политика неразрывно связаны друг с другом. Трансформация индустрии 3.0 в индустрию 4.0 сопровождалась активным обсуждением преимуществ и той, и другой. Но в настоящее время цифровизация и геополитические вызовы современного мира приводят к ускоренному переходу к индустрии 5.0 Пандемия COVID-19 показала недостатки межконтинентальной логистики, транснациональных корпораций и сильно глобализированной экономики. Цифровизация ставит перед исследователями и практиками также ряд вопросов, связанных с использованием всех ее преимуществ и уменьшением издержек. Переход к индустрии 5.0 не может рассматриваться в отрыве от трансформации общественно-политической ситуации, что позволяет говорить о новой концепции Общества 5.0.

Ключевые слова: цифровизация, индустрия 4.0, концепция общества 5.0, индустрия 5.0, политическое управление.

Введение

Современный мир характеризуется крайне неопределенной и изменчивой средой. Жизнь каждого человека становится насыщенной цифровыми данными и информационными технологиями, и наша картина мира в повседневной жизни сильно меняется. В настоящее время необходимо учитывать устойчивое развитие и решающую роль человека в предположениях о будущем развитии.

Барьеры индустрии 4.0 в социальном и экономическом плане представлены в ряде работ ведущих экономистов [1, 5, 7, 9, 13]. Аналогичная тема была проанализирована специалистами в сфере технологий, которые показали негативное влияние цифровых технологий на экономику замкнутого цикла [3, 11, 12]. Во многих публикациях акцент делается на поиске консенсуса между различ-

ными сообществами (научными, политическими и пр.) о необходимости лучшей интеграции социальных и экологических приоритетов в экономике [8, 9, 13]. В дополнение к человеческому фактору авторы отмечают пробелы в исследованиях в области устойчивости, ответственности, безопасности и других вопросах концепции индустрии 4.0 [4, 9].

На основе систематического обзора литературы были выявлены исследовательские направления в определении социальных и экономических ожиданий от цифровизации бизнеса и сообществ, а также концепции индустрии 4.0 [4, 11].

Итак, индустрия 4.0 представляет собой интеграцию интеллектуальных ресурсов (машин и оборудования) и информационных технологий, повышающих эффективность производственных процессов. Индустрия 4.0 – это новый подход и новая форма работы, создающая новые роли для людей в промышленности. Индустрия 4.0 – это, по сути, тенденция к автоматизации и обмену данными в технологиях и процессах производства, которые включают CPS, интернет вещей (IoT), облачные и когнитивные вычисления и искусственный интеллект [12].

Индустрия 4.0 – это революция в методологии управления производством, включая динамические перенастройки оборудования, инициируемые информацией, содержащейся в заготовках. Коммуникация в 4.0 на уровне предприятия и в расширенных сетях требует широкополосной связи, включая передачу интеллектуальных датчиков, ресурсов и оборудования в режиме реального времени. Новые решения, внедряемые на предприятиях, приводят к изменению парадигм управления и созданию новых бизнес-моделей, основанных на поддержании баланса между развитием автономных (интеллектуальных) технологий и систем удаленной связи.

Новые технологические решения, продвигаемые индустрией 4.0, как предполагается, должны повысить эффективность производства и экологические характеристики продуктов на протяжении всего их жизненного цикла. Это подразумевает повышенную потребность в интеллектуальных технологиях производства. На устойчивом рынке клиенты (потребители) должны сосредоточиться на «экологически чистых» продуктах, которые являются возобновляемыми, общедоступными и отличаются способностью к переработке.

В исследованиях, приведенных в научной литературе, по-прежнему подчеркивается необходимость технологических изменений, которые должны быть внедрены в производственных компаниях индустрии 4.0. Однако из-за ее последствий во всех областях экономики промышленную революцию следует понимать более широко. Следует отметить изменения в создании новой стратегии, ориентированной на удовлетворение социальных, экономических и экологических потребностей во всех звеньях цепочки создания стоимости и ориентацию на потребителя. Обсуждение эффективного внедрения и использования технологий индустрии 4.0 продолжается [13, с.153].

Опасения по поводу внедрения технологий четвертой промышленной революции стали основой для построения предположений индустрии 5.0. Четвертая промышленная революция, индустрия 4.0 и индустрия 5.0 являются не только технологическими, но и социальными изменениями, вызванными цифровой трансформацией промышленности. Четвертую промышленную революцию можно определить как эпоху, в которой современные технические решения – процессы и технологии формируют промышленную среду и влияют на экономику и общество, активизирующее устойчивое развитие.

Четвертая промышленная революция привела к созданию кибер-физических систем (CPS) путем интеграции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и операционных технологий на предприятиях и в цепочках поставок. Первоначально идея заключалась в том, чтобы полностью исключить людей из производственного процесса и заменить их автономными машинами и устройствами, управляемыми решениями с помощью искусственного интеллекта. Развитие процесса индустриализации от индустрии 4.0 до индустрии 5.0 продиктовано главным образом необходимостью упрочить роль человека в кибер-физических системах.

В настоящее время разрабатывается подход к проектированию современной промышленности, который способствует симбиозу людей с новыми технологиями. Новый подход к созданию предприятий будущего называется кибер-физической системой человека (HCPS). Гуманизация созданной технологической среды для индустрии 4.0 была одним из первых факторов эволюции индустрии 4.0 к индустрии 5.0.

В июле 2020 г. прошло специальное заседание Европейской комиссии, на котором было определено, что сила индустрии 5.0 – это общественная цель, которая выходит за рамки создания рабочих мест и развития, и должна стать устойчивым залогом процветания, благодаря обеспечению благополучия промышленных работников и определения их в центр производственного процесса [10].

Индустрия 5.0 – это отрасль, которая фокусируется на возвращении людей в производственную систему. В этой революции человек и машина находят способы совместной работы для улучшения качества и эффективности производства. Взаимодействие человеческого и искусственного интеллекта имеет первостепенное значение в индустрии 5.0. Пятая промышленная революция также более выгодна для окружающей среды, поскольку компании разрабатывают системы, использующие возобновляемые источники энергии, и устраняют отходы. Взаимодействие включает в себя подключение людей к интеллектуальным устройствам и кибер-физической системе посредством интеллектуальных мобильных устройств.

Целью индустрии 5.0 является более высокий уровень жизни и творчества благодаря высококачественным персонифицированным продуктам, которые ведут к устойчивому производству и потреблению. Благоприятный фактор для разработки концепции индустрии 5.0 – это растущее экологическое сознание общества. Это означает интерес к экологически чистым продуктам, экономике совместного использования и заинтересованность в разработке экономики замкнутого цикла. Цифровизация в 5.0 – это широкий процесс, в рамках которого элементы искусственного интеллекта проникают в повседневную жизнь людей.

Следовательно, можно считать, что индустрия 5.0 создает идею «Общества 5.0». Эта концепция решает социальные проблемы путем интеграции физического и виртуального пространства. Общество 5.0 – это общество, в котором передовые технологии активно используются в жизни людей, промышленности, здравоохранении и других сферах не только ради прогресса, а ради пользы и качества жизни.

Так, Правительство Японии провело анализ и на его основе разработало «Пятый научно-технический базовый план», который был принят в январе 2016 года. План предусматривает переход от ин-

дустрии 4.0 к обществу 5.0, в котором все аспекты, включая производственный труд, формируются с помощью новейших технологий. Япония столкнулась с необходимостью разработки новой модели функционирования общества. Она испытывает проблемы с нехваткой энергии и импортом, ограниченными природными ресурсами и старением населения.

Основная идея этого плана заключается в использовании искусственного интеллекта для решения долгосрочных социальных и экономических проблем. Общество 5.0 предлагает использовать интеллектуальные технологии для объединения людей путем обмена знаниями и информацией для создания новых социальных и бизнес-цепочек. Общество 5.0 предусматривает использование современных технологий и информационных решений для освобождения людей от утомительной рутинной работы и улучшения доступной информации. Общество 5.0 определяется как общество, ориентированное на человека, в котором экономический прогресс, содержащий решения социальных проблем, уравнивается системой, обеспечивающей высокую интеграцию цифрового и реального пространства.

Таким образом, мы говорим об обществе, характеризующемся более высоким уровнем интеграции, взаимопроникновением обеих реальностей – цифровой и реальной, – способствующих встраиванию киберпространства в реальный мир. Такое общество также можно назвать сверхразумным обществом или творческим обществом. Общество 5.0 стремится создать мир, в котором товары и услуги первой необходимости предоставляются каждому в любое время и в любом месте, независимо от региона, возраста, пола, языка или других ограничений.

Оно направлено на одновременное достижение валового внутреннего продукта (ВВП) и процветания, а также на преодоление социальных проблем, способствуя тем самым благосостоянию общества. Ожидается, что общество 5.0 повлияет на всю повседневную жизнь, но в основном сфокусируется на экономических и социальных аспектах.

Геополитические изменения и природные кризисы, такие как пандемия COVID-19, высветили хрупкость нынешнего подхода к глобализированному производству. Следовательно, устойчивость

становится необходимой. Устойчивость относится к перспективам развития стабильности промышленного производства, лучшей защиты его от сбоев и обеспечения того, чтобы оно могло обеспечивать и поддерживать критически важную инфраструктуру во время кризиса. Наиболее важным фактором устойчивости промышленности может быть оцифровка экономики, использование местного и регионального потенциала (производственных ресурсов) и развитие сетевого сотрудничества местных (национальных) малых и средних предприятий.

Это означает подтверждение тенденции ориентации на необходимость сокращения цепочек поставок, которые в условиях пандемии COVID-19 стали уязвимыми для сбоев, и ориентацию на развитие собственных, региональных и местных ресурсов.

Пандемия COVID-19 парадоксальным образом показала, что нынешний уровень оцифровки процессов позволил избежать глубокого кризиса во многих областях экономики и образования, но в то же время обнажил слабые стороны глобализации и проблемы адаптации человека к цифровизации и недостаточной устойчивости отраслей хозяйствования к нарушению глобальных логистических цепочек.

Для политического управления на первый план выходят задачи обеспечения в кризисных ситуациях ускоренной доставки необходимого, а также стимулирование партнерских отношений и инноваций для новых цифровых гуманитарных служб.

Кроме того, требуются специализированные программы обучения, а также система защиты работников во время реструктуризации занятости в промышленности, которая подготовит общество к повсеместной оцифровке как промышленности, так и экономики. Некоторые из наиболее важных областей, где в перспективе будут созданы рабочие места, включают интеллектуальные системы, искусственный интеллект и робототехнику, машинное программирование, машинное обучение, техническое обслуживание и обучение.

Важным аспектом является устойчивость ко всем видам сбоев. Общество уже признает необходимость оцифровки экономики, использования местных и региональных потенциал (производственные ресурсы) и развитие сетевого сотрудничества местных (национальных) малых и средних предприятий.

Поэтому идея индустрии 5.0 будет направлена на разработку более совершенных человека-машинных интерфейсов с использованием алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ). Это дает возможность использовать возможности человеческого мозга для повышения эффективности автоматизации и роботизации систем. При интеграции человека и машины также важно развивать компетентность и знания в области новых технологий и тенденции управления персоналом. Будущее основано на инвестициях в переподготовку сотрудников и процесс обучения на протяжении всей жизни, что требует соответствующих политических решений в сфере управления, в том числе, образованием.

Список источников

1. Bonilla, S. H., Silva, H. R., Terra da Silva, M., Franco Gonçalves, R., Sacomano, J. B. Industry 4.0 and sustainability implications: A scenario-based analysis of the impacts and challenges. / S. H. Bonilla, H. R. Silva, M. Terra da Silva, R. Franco Gonçalves, J.B. Sacomano // Sustainability 2018, 10, 3740.

2. Carroll, A. B. A Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Performance. / A. B. Carroll// The Academy of Management Review, 4, no. 4, 1979, 497–505.

3. De Camargo, J. A., Mendonça, P.S.M., Oliveira, J., Jabbour, C. J. C., Jabbour, A. B. L. D. S. Giving voice to the silent: A framework for understanding stakeholders' participation in socially-oriented initiatives, community-based actions and humanitarian operations projects / J. A. De Camargo, P. S. M. Mendonça, J. Oliveira, C. J. C. Jabbour, A. B. L. D. S. Jabbour // Ann. Oper. Res. 2019, 283, 143–158.

4. Dong, Y. C., Zha, Q. B., Zhang, H. J., Kou, G., Fujita, H., Chiclana, F., & Herrera-Viedma. Consensus reaching in social network group decision making: Research paradigms and challenges. / Y. C. Dong, Q. B. Zha, H. J. Zhang, G. Kou, H. Fujita, F. Chiclana, E. Herrera-Viedma // Knowledge-Based Systems, 2018, 162, 3–13.

5. Erboz, G. How to Define Industry 4.0: The Main Pillars of Industry 4.0. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/326557388_How_To_Define_Industry_40_Main_Pillars_Of_Industry_40 (дата обращения: 12.03.2023).

6. Fukuyama, M. Society 5.0: Aiming for a new human-centered society. / M. Fukuyama // Jpn. Spotlight 2018, 1, 47–50.

7. Li, F., Wu, H., Zhu, Q., Liang, L., & Kou, G. Data envelopment analysis cross efficiency evaluation with reciprocal behaviors. / F. Li, H. Wu, Q. Zhu, L. Liang, G. Kou // Annals of Operations Research, 2021, 302(1), 173–210.

8. Longo, F.; Padovano, A.; Umbrello, S. Value-Oriented and Ethical Technology Engineering in Industry 5.0: A Human-Centric Perspective for the Design of the Factory of the Future. / F. Longo, A. Padovano, S. Umbrello // Appl. Sci. 2020, 10, 4182.

9. Saniuk, S., Grabowska, S., Gajdzik, B. Social Expectations and Market Changes in the Context of Developing the Industry 4.0 Concept. / S. Saniuk, S. Grabowska, B. Gajdzik // Sustainability 2020, 12, 1362.

10. Saniuk, S., Grabowska, S., Straka, M. Identification of Social and Economic Expectations: Contextual Reasons for the Transformation Process of Industry 4.0 into the Industry 5.0 Concept / S. Saniuk, S. Grabowska, M. Straka // Sustainability, 2022, 14, 1391. URL: <https://doi.org/10.3390/su14031>.

11. Sartal, A., Bellas, R., Mejías, A.M., García-Collado, A. The sustainable manufacturing concept, evolution and opportunities within Industry 4.0: A literature review. / A. Sartal, R. Bellas, A. M. Mejías, A. García-Collado // Adv. Mech. Eng. 2020, 12.

12. Vollmer, M. What is Industry 5.0? 2018. URL: <https://medium.com/@marcellvollmer/what-is-industry-5-0-a363041a6f0a> (дата обращения: 12.03.2023).

13. Сторожук, И. Н. Цифровой двойник как механизм перехода от Индустрии 4.0 к Индустрии 5.0 / И. Н. Сторожук, В. Д. Комиссаров // Цифровая трансформация экономических систем: проблемы и перспективы (ЭКОПРОМ-2022): сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции с зарубежным участием, Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. – С. 151–154.

From Industry 5.0. to the Concept of Society 5.0.

O. S. Morozova

*Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia
osmorozova80@mail.ru*

Abstract: Economic processes and politics are inextricably linked with each other. The transformation of industry 3.0. into industry 4.0. was accompanied by an active discussion of the advantages of both. But now digitalization and the geopolitical challenges of the modern world are leading to an accelerated transition to industry 5.0. The COVID-19 pandemic has shown the shortcomings of intercontinental logistics, multinational corporations and a highly globalized economy. Digitalization also poses a number of questions to researchers and practitioners related to using all its advantages and reducing costs. The transition to industry 5.0. cannot be considered in isolation from the transformation of the socio-political situation, which allows us to talk about a new concept of Society 5.0.

Keywords: digitalization, industry 4.0., concept of society 5.0., industry 5.0., political management.

Осмысление жизни представителей цифрового поколения как показатель субъектности

В. О. Богданова

*Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет, Челябинск, Россия
verovictory@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению осмысленности жизни представителей цифрового поколения. В работе осмысленность жизни выступает в качестве основного показателя субъектности. В теоретической части исследования автор раскрывает представления современных ученых о цифровом поколении. Цифровое поколение наделяется следующими характеристиками: ориентация на гедонизм, менее выраженная ответственность и озабоченность поиском смысла жизни по сравнению с предшествующим поколением, откладывание взрослой жизни. В эмпирической части исследования автор выявляет жизненные смыслы современной молодежи на примере студентов педагогического вуза. Он оценивает показатели осмысленности жизни такие, как целеполагание, интерес к жизни, ее результативность, свобода, ответственность, понимание и готовность к реализации субъективных ценностей. Автор приходит к выводу, что представители цифрового поколения видят смысл жизни в получении удовольствий, достижении личного счастья, в свободе и сохранении индивидуальности и самореализации. У большинства респондентов основные показатели осмысленности жизни выражены на среднем уровне.

Ключевые слова: субъектность, осмысленность жизни, целеполагание, свобода, ответственность, самотрансценденция, цифровое поколение.

Введение

В современных социокультурных условиях цифрового общества становится актуальной проблема развития субъектности. Циф-

---

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00855, <https://rscf.ru/project/23-28-00855>

© Богданова В. О., 2023

ровая среда, с одной стороны, расширяет диапазон возможностей для реализации личности человека, формирует субъекта, отличающегося своими ценностями и смыслами, имеющего иные детерминанты поведения, среди которых большую значимость представляют автономность, независимость, стремление к самоактуализации [6, с. 166–167]. С другой стороны, цифровая среда создает условия для развития «интерпассивности». Она затягивает субъекта в ежедневную бессмысленную активность, в результате которой человек лишает аутентичного опыта переживания и пребывания в настоящем. Интенсивное использование цифровых технологий приводит к фрагментарности и «разорванности» бытия человека, манипулированию сознанием и снижению автономии субъекта.

Некоторые исследователи считают, что цифровая среда создает дефицит целей и мировоззренческих стратегий у современной молодежи. Ее интенсивное развитие приводит к проблеме формирования ценностно-смысловой сферы личности [7, с. 287]. Присутствие полярных оценок воздействия цифровой среды служит поводом для изучения субъектности представителей цифрового поколения.

Теоретическая рамка исследования

К цифровому поколению относятся люди, родившиеся после цифровой революции 1980–2000-х годов и привыкшие получать информацию через цифровые каналы. Под субъектностью понимается атрибутивное качество «быть субъектом» – проявлять себя через разрешение противоречий, совершение выбора согласно собственным интересам и ценностям, и самоопределение в смысловом пространстве [5, с. 46]. В обобщённом виде субъектность следует рассматривать как интегрированный феномен, в котором проявляются иницирующее творческое начало, мотивация к достижению поставленных целей, способность к самоорганизации и самореализации, построению эффективных социальных взаимодействий [1, с. 167]. Субъектность выступает в качестве экзистенциального центра, который служит внутренней опорой для человека. Обращенность к субъектности обеспечивает подлинное проживание бытия, построение конструктивных взаимодействий человека с миром [8, с. 92]. Субъектность предполагает наличие у личности внутренней

духовно-нравственной позиции, которая предполагает умение использовать свой потенциал для реализации задач и целей жизнедеятельности, в соответствии с определяемым ее смыслом и ценностями [3, с. 130].

Благодаря субъектности человек становится автором собственного бытия, который стремится к творческому созиданию, посредством придания жизни смысла [2, с. 313]. Таким образом, определяющей особенностью субъектности является осмысленность жизни. Осмысленность включает в себя целеполагание, интерес процессу жизни, удовлетворенность самореализацией, осознание собственной свободы и ответственности, умение действовать, опираясь на ценностные основания.

По мнению Дж. Твенге в мировоззренческом плане цифровое поколение меньше других поколений озабочено выстраиванием непротиворечивой системы жизненных смыслов и ценностей. Молодежь отдает предпочтение релятивизму, поскольку он позволяет расширить границы мышления, действий и поступков. Однако отсутствие четких духовных ориентиров в настоящем приводит к тому, что им трудно делать выбор на далекую жизненную перспективу [10, с. 59].

Осмысленность тесно связана со свободой и ответственностью за существование. Современные исследователи представителей цифрового поколения отмечают, что у них присутствуют индивидуально-прагматические установки в общении с людьми, эгоизм и инфантилизм, который выражается в нежелании взрослеть и принимать ответственность в сфере личной жизни и профессиональной деятельности [4, с. 565]. Они ориентированы на независимость, удовольствия и развлечения [9, с. 59]. Данные ориентации авторы связывают с утверждением установок «общества потребления», где смыслом жизнь становится участие в потребительской деятельности.

Низкая оценка субъектности цифрового поколения современными исследователями заставляет проверить ее состоятельность. Попробуем рассмотреть степень осмысленности представителей цифрового поколения на примере студентов первого курса Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск).

Цель и методы исследования

Целью исследования является изучение осмысленности жизни представителей цифрового поколения на примере студентов педагогического вуза. Данная цель будет реализована за счет использования следующих методов: сравнительного анализа научной литературы, опроса «О смысле жизни», тестирования «Смысложизненные ориентации», «Шкала экзистенции».

Основная часть (результаты сбора данных)

В исследовании участвовали студенты двух факультетов Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического вуза: естественно-технологического факультета и факультета подготовки учителей начальных классов. Размер выборки: 100 студентов, возраста 17–20 лет. Исследование состояло из двух этапов. Целью первого этапа было выявление представлений студентов о смысле жизни. Студентом был задан вопрос: «В чем они видят смысл своей жизни?» Свой личностный смысл 30 % студентов видят в получении удовольствий и ярких впечатлений от жизни, 28 % – в достижении счастья в личной жизни (создание семьи, любовь, дружба), 14 % – в самореализации (карьера, творчество), 15 % – в свободе и сохранении своей индивидуальности, 2 % – в служении людям (оказании помощи), 1% – в спасении души. Однако выявлены также 10 % студентов, которые не видят смысла в своей жизни.

Второй этап исследования был связан с выявление степени осмысленности жизни представителей цифрового поколения. Изучение осмысленности осуществлялось посредством двух методик: «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев), «Шкала экзистенции» (А. Лэнге).

С помощью опросника «Смысложизненные ориентации» были выявлены уровни сформированности следующих показателей «Осмысленность жизни», «Цели жизни», «Процесс жизни» и «Результативность жизни». По шкале «Осмысленность жизни» 20 % респондентов набрали высокие баллы. У этих студентов присутствует четкая структура ценностных ориентаций, имеется смысл жизни и ближние, и дальние цели, планы на будущее. Средние баллы имеют 66 % испытуемых. Средний уровень характеризуется наличием смысла жизни, но не совсем определены цели для его реализации. Значительный

процент испытуемых имеют низкие баллы: 14 %. У респондентов с низкими показателями отсутствуют структурированные ценностные ориентации, смысл жизни еще не определен. Отсутствует ясность в реализации планов и целей в будущем.

По шкале «Цели жизни» 5 % респондентов набрали высокие баллы. Высокие баллы по данной шкале свидетельствуют о целеустремленности и уверенности в своем будущем. Большинство студентов 76 % имеют средний уровень по шкале. Средний уровень характерен для людей, которые имеют цели и занимают в жизни осмысленную позицию. Однако значительный процент испытуемых 19 % имеют низкие показатели по шкале «Цели жизни». У испытуемых с такими показателями слабо выражено стремление к определению смысла жизни, они живут сегодняшним или вчерашним днем, имеют низкую целеустремленность.

По показателю «Процесс жизни» у 11 % испытуемых выявлен высокий уровень. Жизнь испытуемых в настоящем наполнена положительными эмоциями, приносит удовлетворение, вызывает интерес. Средний уровень имеют 69 % студентов. Большой процент студентов 20 % набрали низкие значения по данной шкале, что говорит об их неудовлетворенности жизнью в настоящем.

По показателю «Результативность жизни» у 6 % испытуемых выявлен высокий уровень удовлетворённости самореализацией. Можно предположить, что эти студенты воспринимают прошедшую часть своей жизни, как продуктивную и осмысленную. Средний уровень имеют 85 % студентов. Низкий уровень характерен для 9 % испытуемых. Низкие баллы по этой шкале свидетельствуют о неудовлетворенности прожитой жизнью.

Следует отметить, что среднее значения по шкале «Процесс жизни» (27,4) несколько выше, чем по шкале «Результативность жизни» (24). Это свидетельствует о преобладании ориентации на проживание жизни, получение удовольствия от жизни, стремление наслаждаться всем разнообразием доступных человеку эмоций и чувств.

Таким образом, результаты диагностики осмысленности жизни студентов свидетельствуют о том, что большинство студентов имеют средний уровень сформированности основных показателей. Однако, значительный процент респондентов имеют низкие показатели по шкалам: «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Общий пока-

затель осмысленности жизни». Можно констатировать отсутствие у них четких представлений о смысле жизни, низкую целеустремленность, неудовлетворенность прожитой и настоящей жизнью.

Методика «Шкала экзистенции» использовалась для выявления уровня самотрансценденции, свободы и ответственности. По шкале «Самотрансценденция» 13 % студентов имеют низкий уровень способности к самотрансценденции. У студентов с низким уровнем самотрансценденции отсутствует самопринятие, отношения с миром и людьми характеризуются эмоциональной уплощенностью и скудностью. Респонденты испытывают трудности в обнаружении и осмыслении субъективных ценностей. Большинство студентов двух факультетов имеют средний уровень по данному показателю – 82 %. Испытуемые ориентируются на ценностные основания бытия, у них развита способность к эмпатии. Процент респондентов с высоким показателем составляет всего 5 %. Высокий уровень свидетельствует о эмоционально-ценностном и деятельном отношении к бытию, высокой способности к эмпатии и альтруизму. Личность респондентов направлена на раскрытие своей экзистенции, на реализацию ценностей и смыслов.

По шкале «Свобода» 14 % студентов имеют низкие показатели. Низкие показатели говорят о неспособности принимать решения. Средние показатели диагностированы у большей части студентов – 82 %. Испытуемым со средними показателями легче дается принятие решений. Небольшой процент студентов имеют высокие показатели – 4 %. У респондентов с высоким уровнем свободы уверенность, решительность сочетаются со склонностью к оценивающему, критичному и доминантному поведению, которое может сопровождаться непереносимостью любых ограничений.

По шкале «Ответственность» 15 % студентов показали низкие результаты, что говорит о неспособности респондентов доводить до конца решения, принятые на основании личных ценностей. Большинство испытуемых имеют средний уровень «Ответственности»: 83 %. Респонденты способны на среднем уровне предпринимать осознанные решения, опираясь на личные ценности. Респонденты с высоким уровнем занимают 2 % от выборки. Эти испытуемые осознают в полной мере свою ответственность и предпринимают взвешенные решения на основе личных ценностей.

Респонденты уверены в правильности осуществляемой деятельности и испытывают чувство самооценности. Необходимо обратить внимание на то, что среднее значения по шкале «Ответственность» (51,4) несколько выше, чем по шкале «Свобода» (46). Это может свидетельствовать о жизненном стиле, основанном на представлении о долге, или о присутствии существенных ограничений в бытии респондентов.

Анализ результатов по методике «Шкала экзистенции» показал, что большинство испытуемых имеют средние показатели по шкалам: «Самотрансценденция», «Свобода» и «Ответственность», что говорит о умении респондентов свободно действовать в мире, опираясь на систему ценностей, и нести ответственность за свой выбор. Значительный процент испытуемых имеют низкие показателями по данным шкалам, что говорит о неготовности проявлять свободу и нести ответственность за свои поступки, сложностях обнаружении субъективных ценностей.

Выводы

Исследование осмысленности как основного компонента субъектности представителей цифрового поколения показало, что молодежь не избегает вопроса о смысле жизни, она стремится реализовать свои ценности и смыслы. Смысл жизни является основой морального удовлетворения и счастья.

Смысл существования современная молодежь связывает с ярким проживанием настоящего и получением удовольствий от жизни. У цифрового поколения действительно присутствует гедонистические стремления, о которых пишут многие современные исследователи.

Значимым смыслом для молодежи является построение счастливой личной жизни, поэтому нельзя сказать, что присутствует тенденция избегать взрослые отношения, основанные на ответственности перед близким человеком.

Важное место в системе смыслов молодежи занимает свобода, сохранение индивидуальности и самореализация. Представители цифрового поколения стремятся к самостоятельной жизни, осознают необходимость построения жизненных планов на будущее. У преобладающего количества опрошенных студентов развита способность

к целеполаганию, нацеленность на повышение результативности своей жизни, готовность отвечать за последствия жизненных решений, поэтому заключение об инфантильности представителей цифрового поколения видится нам необоснованным.

Список источников

1. Антопольская Т. А., Галкина Н. А., Силаков А. С. Использование информационных технологий для развития субъектности подростков поколения Z. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 3 (63). С. 166–172.

2. Артамонова Е. И. Становление субъектности студента в образовательном процессе вуза // Образовательное пространство детства: исторический опыт, проблемы, перспективы: сборник научных статей и материалов VI международной научно-практической конференции. 2019. С. 313–318.

3. Лубовский Д. В. Понятие внутренней позиции и непрерывность развития на протяжении жизненного пути // Мир психол. – 2012. – № 2. – С. 128–138.

4. Подстрахова А. В. Поколение «цифрового века»: жизненные ориентиры и образовательные ценности // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2. № 11 (28). С. 564–567.

5. Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. 368 с.

6. Сараева Н. М., Ишмухаметов Р. Р. Ценностные ориентации студентов с разным уровнем субъектности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2 (50). С. 166–169.

7. Сигнаевская О. Р. Теология и философия в эпоху постчеловека: ценностно-смысловой аспект // Теология в научно-образовательном пространстве: религия, культура, просвещение: сборник статей региональной конференции. 2019. С. 286–291.

8. Федосеева А. М., Пирлик Г. П. Феноменология субъектности как проявления личностного в отношениях с Другим // Актуальные проблемы психологического знания. 2016. № 2 (39). С. 89–100.

9. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. Система ценностных ориентаций «поколения z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67.

10. Twenge J. M. IGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy – and completely unprepared for adulthood (and what that means for the rest of us). New York: Atria Books, 2017. 342 p.

The Meaningfulness of the Life of Representatives of the Digital Generation as an Indicator of Subjectivity

V. O. Bogdanova

South Ural University (National Research University), South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the meaning of life of representatives of the digital generation. In the study, the meaningfulness of life acts as the main indicator of subjectivity. In the theoretical part of the study, the author reveals the ideas of modern scientists about the digital generation. The digital generation is endowed with the following characteristics: orientation towards hedonism, less pronounced responsibility and concern for the search for the meaning of life compared to the previous generation, postponing adulthood. In the empirical part of the study, the author reveals the life meanings of modern youth on the example of students of a pedagogical university. He evaluates the indicators of the meaning of life, such as goal-setting, interest in life, its effectiveness, freedom, responsibility, understanding and readiness to realize subjective values. The author comes to the conclusion that representatives of the digital generation see the meaning of life in obtaining pleasure, achieving personal happiness, in freedom and maintaining individuality and self-realization. For the majority of respondents, the main indicators of the meaning of life are expressed at an average level.

Keywords: subjectivity, meaning of life, goal-setting, freedom, responsibility, self-transcendence, digital generation.

Вероятные вызовы и угрозы внедрения искусственного интеллекта в управление сетевыми политическими общностями

О. А. Нестерчук, Е. В. Зогранян

РАНХиГС при Президенте РФ, РУДН, Москва, Россия

РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия

zograniane@mail.ru, nesterchuk-oa@pfur.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается потенциально новая технология политического влияния, основанная на синергетическом использовании искусственного интеллекта и сетевых политических общностей, данная технология применима в рамках внутренней политики государства и как внешнеполитический инструмент воздействия. Рассматриваемые сетевые политические общности по своей сути уже не являются новым феноменом, однако развитие искусственного интеллекта позволяет при совмещении с существующими технологиями получать синергетический эффект в сфере разработки новых инструментов политического и социального влияния, что усиливает информационное воздействие и может представлять определенные угрозы.

Ключевые слова: сетевые политические общности, Интернет, Telegram, информационное пространство, искусственный интеллект, цифровые платформы.

Введение

В связи с качественно возрастающей интеграцией информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни общества политическая жизнь граждан начинает все больше приобретать виртуальный характер и переходить в цифровое пространство, что, с одной стороны, делает политическую сферу государства ближе и доступнее, но с другой – превращает данную сферу в объект спекуляции и инструмент не столько выражения воли и желаний граждан, сколько плацдарм для организации и координации протестной деятельности и политической борьбы. Несмотря на падение показателей продаж рынка смартфонов [3], по итогам 2022 года мы все

равно можем видеть рост как численности уникальных пользователей, так и среднестатистического показателя проведенного в интернете времени, для граждан России в январе 2023 года он составляет 7 часов 57 минут [6]. Все эти факторы суммарно продолжают создавать условия для качественно более глубокого вытеснения когнитивного пространства граждан в информационное пространство Интернета и Рунета, в частности.

Теоретическая рамка исследования

Вопрос возникновения новых методов использования сетевых политических общностей в качестве инструмента политического влияния в информационном пространстве Рунета является междисциплинарным, по этой причине авторами данной статьи были использованы научные подходы разработанные представителями различных научных школ и групп теорий, а именно труды Г. Инниса, М. Маклюэна, М. Кастельса, П. Бурдые, Д. Истона, Г. Алмонда, Альберт-Ласло Барабаши и др. Также стоит отметить ряд отечественных ученых: С. В. Володенкова, Л. В. Сморгунова, А. И. Соловьева и др.

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является попытка определения направления возникновения новых угроз в области развития политических технологий в условиях интенсивного развития и внедрения искусственного интеллекта. В рамках исследования было использованы обобщающий и сравнительный методы.

Основная часть

Интеграция информационно-коммуникационных технологий в политическую сферу жизни общества продолжает свой качественный рост, институционально этот рост заметен не так сильно, наиболее ярким примером для Российской Федерации является голосование граждан с использованием цифровых платформ. Однако, регулярное использование информационного пространства в политических целях посредством опоры на работу цифровых платформ на сегодняшний день не совсем свойственны российским политическим лидерам. При с учетом того, что большое количество жите-

лей Российской Федерации ежедневно заходят в информационное пространство Рунета, и среднестатистический российский пользователь проводит в нем более половины времени бодрствования, логично было бы использовать этот фактор для реализации политических целей и задач.

Если обратиться к статистическим данным относительно популярности тех или иных цифровых платформ, то мы увидим, что среди российских пользователей наибольшей популярностью пользуются WhatsApp, VK, Telegram [2], Одноклассники, при этом основной целью использования Интернета является поиск информации и связь с друзьями и семьей [2]. Согласно статистическим данным Telegram, как цифровая платформа, распространен среди всех возрастных групп пользователей и имеет всего 12 % пользователей младше 18 лет [4], что делает данную цифровую платформу очень привлекательной с точки зрения распространения информации политического характера.

В качестве наглядного примера работы с информацией политического характера можно рассмотреть события, происходившие в Республике Беларусь после выборов 2020 года, во время минских событий создавались своего рода сети сетей [1, с. 35], активная работа с информацией велась именно на базе цифровой платформы Telegram, при этом инерция тех событий в виде сетевых политических общностей до сих пор сохраняет потенциал даже в «спящем» состоянии, что может проявиться в 2025 году, однако скорее всего в значительной степени изменив тактику и логику протеста.

В связи с вышеуказанным возникает вопрос, каким образом можно использовать информационное пространство Рунета, и как институционально может измениться Рунет с учетом потенциальной возможности для граждан России реализовать свои политические потребности и участие в политическом процессе.

Хотелось бы уделить особое внимание тому, как искусственной интеллект начинает изменять человеческий опыт, в частности в политической сфере информационного пространства Интернета. Несмотря на то, что права человека теоретически должны занимать центральное место в его управлении, современные реалии не позволяют рассчитывать на своевременное юридическое регулирование данного вопроса. Для этого необходимо как минимум надлежащее пони-

мание прав человека внутри информационного пространства среди чиновников, особенно в отношении использования искусственного интеллекта. Без четкого регулирования политики внутри информационного пространства Рунета существует риск столкнуться с рядом потенциальных угроз.

В краткосрочной перспективе, наиболее вероятным вариантом использования искусственного интеллекта в приложении к сетевым политическим общностям является их искусственное создание и дальнейшее сопровождение, который уже на данном этапе позволяет генерировать не только большое количество контента, но и качественно вести диалог с пользователями. По своей сути искусственный интеллект способен поддерживать вовлеченность членов любого количества в сетевые политические общности. Без четкого юридического регулирования данного процесса становится возможным создать не только упомянутую выше сеть сетей, но искусственно генерировать несколько таких сетей, тем самым адаптируя контент под запросы пользователей и замыкать информационное пространство в эхо-комнаты. Уже сегодня для этих целей можно использовать ChatGPT, который был подключен к Telegram.

Помимо этого, целесообразным будет создание дискуссионной площадки по регулированию юридических норм в области управлению искусственного интеллекта и информационных технологий, на базе которой будет представлен дискурс заинтересованных сторон не только со стороны государства, но и негосударственного сектора. По своей сути использование искусственного интеллекта в качестве инструмента по генерации и управлению сетями сетей нарушает основополагающие права граждан и затрагивает область индивидуальных свобод, что по мере развития технологии искусственного интеллекта приведет к еще более серьезным последствиям. Все виды использования искусственного интеллекта должны быть объяснимы и прозрачны, чтобы затронутые лица могли узнать, на каком основании и для чего предпринимались действия.

По своей содержательной сути синергетический союз искусственного интеллекта и сетевых политических общностей потенциально способен приносить пользу обществу и способствовать развитию гражданских инициатив. Именно по причине потенциальной пользы научное общество должно быть заинтересовано

в обсуждение вопросов управления искусственным интеллектом в том числе путем налаживания связей с сообществом разработчиков программного обеспечения и группами корпоративной государственной политики.

Безусловно, затрагиваемая тема является междисциплинарной и требует консолидации усилий не только политологов, однако в условиях постоянного развития ИКТ, отказываясь от междисциплинарных и сложных вопросов, мы рискуем столкнуться с ситуацией, в которой институционально новые политические технологии будут превалировать в определенных областях политической жизни, а противопоставить их оппортунистическому применению будет нечем. Поэтому необходимо поощрять междисциплинарное взаимодействие в университетах.

Обращаясь к зарубежному опыту, можно заметить, что сегодня проблема использования искусственного интеллекта становится одной из наиболее актуальных. Правительства и компании начинают запрещать определенные формы искусственного интеллекта, причиной данного запрета являются в основном серьезные этические проблемы. Однако в таких запретах нет последовательности, и их обоснование часто открыто не признается. Например, некоторые штаты США запретили определенные виды использования технологии распознавания лиц, которая по-прежнему широко используется в других штатах. Закон ЕС об искусственном интеллекте запрещает определенные методы манипулирования искусственным интеллектом и большую часть использования систем биометрической идентификации в общественных местах в целях обеспечения правопорядка [5].

Выводы

Таким образом в заключении важно отметить, что не только в социальных сетях, но и в рамках других цифровых платформ искусственный интеллект открывает ряд новых возможностей для эмоционального манипулирования в политической сфере. В частности, использование эмпатического искусственного интеллекта усугубляет угрозу, исходящую от кампаний политической дезинформации и манипуляций. Уже широко сообщалось об использовании искусственного интеллекта для использования эмо-

ций в политических целях. Это включает в себя размещение недостоверных или искаженных материалов, часто микроцелевых, для имитации соперевживания и разжигания эмоций. Регулирование и другие меры в настоящее время нацелены на крайние формы онлайн-влияния, но параметры приемлемого поведения политических субъектов остаются неясными. Это все свидетельствует о том, что в скором будущем мы увидим развитие и применение новых инструментов политического влияния, что открывает новые направления в изучении политических процессов, и вместе с этим, потенциально связано с рядом угроз и вызовов, на которые предстоит найти ответ.

Список источников

1. Аркилла Дж. Создать Сеть // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Выпуск XXV, М., 2014. 96 с. URL: <https://www.geopolitica.ru/sites/default/files/geopolitikan25.pdf> (дата обращения 15.02.2023).

2. Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samye-vazhnye-cifry-i-statistika/> (дата обращения 14.02.2023).

3. Параллельный лидер Газета «Коммерсантъ» № 228. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5707923?ysclid=le3uqlsf7v995224209> (дата обращения 14.02.2023).

4. Портрет российской аудитории Telegram. URL: <https://rb.ru/news/portrait-telegram/?ysclid=l84djo4c74824619962> (дата обращения 14.02.2023).

5. Предложение о Регламенте Европейского парламента и Совета, устанавливающим согласованные правила в отношении искусственного интеллекта (Artificial Intelligence Act) и внесение поправок в некоторые законодательные акты Союза. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206>, Article 5 (дата обращения: 14.02.2023).

6. The changing world of digital in 2023. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023/> (дата обращения 14.02.2023).

Probable Challenges and Threats of the Introduction of Artificial Intelligence in the Management of Network Political Communities

O. A. Nesterchuk, E. V. Zogranyan

RANEPA, RUDN, Moscow, Russia

RANEPA, Moscow, Russia

Abstract: This article discusses a potentially new technology of political influence based on the synergistic use of AI and network political communities, this technology is applicable both within the framework of the internal policy of the state and as an instrument of external influence. The considered network political communities in their essence are no longer a new phenomenon, however, the development of ICT allows, when combined with existing technologies, to obtain a synergistic effect in the development of new instruments of political and social influence, what increases the informational impact and may pose certain threats.

Keywords: network political communities, Internet, Telegram, information space, artificial intelligence, digital platforms.

Инструменты влияния на политическую социализацию молодежи в интернет-пространстве в Ярославской области

Т. С. Аكوпова

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия
t.akopova@uniyar.ac.ru.*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные для современной России вопросы инструментов политической социализации молодежи. Автор статьи отмечает, что цифровые информационные технологии в целом, и интернет-инструменты играют все более важную роль в нашей жизни и оказывают влияние на многие аспекты жизни общества, включая политическую социализацию. В статье излагаются результаты исследования каналов получения общественно-политической информации молодежью Ярославской области. Исследование продемонстрировало, что информационные технологии могут помочь молодежи получить доступ к различным источникам информации, включая новости о политических событиях и решениях, принятых на государственном уровне и способствовать их политической социализации.

Ключевые слова: интернет-пространство, молодежь, политическая социализация, общественно-политическая информация, социальные сети, цифровые технологии.

В современном мире Интернет стал неотъемлемой частью жизни молодежи. В связи с этим возникает вопрос о том, как государство может влиять на политическую социализацию молодежи в онлайн-пространстве. Существует множество инструментов, которые могут быть использованы для этой цели. Например, государственные сайты, социальные сети, форумы и чаты – все они могут быть использованы для информирования молодежи о политических событиях, культуре и традициях своей страны. Кроме того, у государства есть возможность создавать специальные образовательные программы, ориентированные на молодежь, которые помогают

формировать политическую и социальную идентичность. В целом, государственное влияние на политическую социализацию молодежи в Интернете является важной темой для современного общества и требует глубокого исследования.

Общественно-политическая информация показывает комплексную картину социально-политических событий, происходящих в обществе.

Политические особенности интернет-пространства Ярославской области включают: активное использование социальных сетей для обсуждения политических событий (в социальных сетях ярославцы выражают свои мнения и обмениваются информацией о политических событиях), развитие интернет-изданий (в Ярославской области существует несколько интернет-изданий, которые освещают политические события и анализируют их).

Для исследования каналов получения общественно-политической информации было проведено социологическое исследование в форме анкетирования. Целью исследования являлось определение основных каналов получения общественно-политической информации. Объектом исследования стала молодежь Ярославля в возрасте от 16 до 27 лет.

Из полученных результатов следует, что значительная часть опрошенных молодых людей интересуются (41 %) общественно-политической жизнью страны и 37 % скорее интересуются, что говорит о высокой потребности в общественно-политической информации. Результаты опроса позволяют делать вывод, что среди интересующейся молодежи большая часть (87 %) респондентов интересуется общественно-политической на протяжении длительного времени (более года), из них «около 3 лет» (31 %) и «около 5 лет» (28 %).

На вопрос: «Откуда Вы узнаете о важных для страны или региона событиях?», респонденты распределяли свои предпочтения среди предложенных каналов получения информации следующим образом: телевидение (15,6 %), радио (15,3 %), печатная продукция (15,3 %), сеть Интернет (43,4 %), близкий круг общения (23,7 %), слухи (12,8 %). Респонденты чаще всего узнают информацию о важных событиях для страны региона из канала «сеть Интернет». Данный канал получения информации, по мнению молодежи, обладает

рядом качеств и характеристик: неангажированность информации, предоставление различных точек зрения в отношении происходящих событий. Основными источниками получения общественно-политической информации для молодежи стали также различные интернет-издания (например, «Лентач»).

Главными качествами, которыми должен обладать канал получения информации стали «актуальность информации» (82,5 %), «достоверность информации» (67,4 %) и «беспрепятственность получения информации» (43,9 %). Сеть Интернет, как канал получения общественно-политической информации, обладает этими качествами: информацию пользователи получают в режиме реального времени («Актуальность информации»); предоставляемая информация имеет обратную связь от пользователей в режим реального времени и транслирует несколько точек зрения («Достоверность информации»); интернет охватывает все более широкую аудиторию.

Респонденты определили степень доверия различным источникам. Канал получения информации «сеть Интернет» был разделен на несколько источников («Интернет-сайты новостных издательств», «группы и сообщества новостных издательств в социальных сетях в Интернете», «новостные группы и сообщества в социальных сетях»). У источников канала получения общественно-политической информации «сеть Интернет» (Интернет-сайты новостных издательств (68,1 %) и группы и сообщества новостных издательств в социальных сетях в Интернете (68,1 %) среди участников исследования степень доверия значительно выше, чем у источника «слухи, неподтвержденная информация от малознакомых людей» (3,7 %). Степень доверия к источникам: «новостные каналы по ТВ» (53 %) «передачи из радиовещания (59,1 %) и «печатные новостные издательства» ниже, чем к источникам получения информации через Интернет. Источник получения информации «близкий круг общения» был отмечен самой высокой степенью доверия (74,2 %). Близкий круг семьи подразумевал членом семьи, близкий родственников и друзей.

В ходе исследования выявлено, что молодежь Ярославской области использует в качестве канала получения общественно-политической информации Интернет-СМИ, главным образом, их

группы и публичные страницы в социальных сетях «ВКонтакте», «Facebook»* и «Одноклассники», и они формируют представления и оценочные категории относительно общественно-политических процессов. Основным канал получения общественно-политической информации стал «сеть Интернет» (интернет-сайты новостных издательств, группы и сообщества новостных издательств в социальных сетях в Интернете), степень доверия респондентов к нему выше, чем к другим. В силу того, что сеть Интернет обладает рядом отличительных характеристик таких как «актуальность информации», «достоверность информации» и «беспрепятственность получения информации». Кроме того, общая тенденция повышения количества Интернет-пользователей влияет на популярность «Сети Интернет» как канала получения общественно-политической информацию.

В ходе исследования было выявлено, что Интернет действительно является одним из важнейших источников общественно-политической информации для молодежи Ярославской области, а значит необходимы адекватные и эффективные инструменты позитивного влияния на политическую социализацию молодежи в этом контексте.

Влияние органов региональной власти на политическую социализацию молодежи в Интернете должно быть сбалансированным и учитывать интересы молодежи и общества в целом. Исполнительная власть должно поощрять критическое мышление и уважение к различным мнениям у молодежи. Вместе с тем, государство должно бороться с негативными явлениями в Интернете, такими как кибербуллинг, экстремизм и терроризм.

Таким образом, влияние на политическую социализацию молодежи на уровне региона в Интернете имеет важное значение для формирования гражданской и политической идентичности молодежи. Однако, это влияние должно быть сбалансированным и учитывать интересы молодежи и общества в целом. В свою очередь, молодежь должна быть информирована о том, как государство влияет на их по-

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

литическую социализацию, чтобы уметь критически оценивать информацию и принимать собственные решения.

Регулирование Интернета для молодежи в Ярославской области осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации. В Ярославской области действует программа «Безопасный интернет», которая ориентирована на молодежь и направлена на обучение правилам безопасного поведения в сети. В рамках этой программы проводятся мероприятия, направленные на профилактику кибербуллинга, защиту от киберпреступлений, обучение правилам безопасного общения в социальных сетях и мессенджерах.

Таким образом, в Ярославской области Интернет для молодежи регулируется с учетом особенностей возрастных групп и ориентирован на обеспечение безопасности и защиты интересов детей и молодежи.

В Ярославской области существует Центр управления регионом, который занимается мониторингом политических настроений в обществе, в том числе и среди молодежи. Для этого используются различные исследовательские методы, такие как социологические опросы, мониторинг СМИ, анализ социальных сетей и другие.

В рамках мониторинга политических настроений молодежи в Ярославской области центр управления регионом проводит социологические опросы населения, которые позволяют выявлять мнения и предпочтения молодежи в отношении политических и социальных процессов в обществе. Также проводится мониторинг СМИ и социальных сетей, который позволяет отслеживать актуальные темы и проблемы, обсуждаемые среди молодежи.

Кроме того, центр управления регионом проводит анализ данных о молодежных движениях и организациях, которые могут влиять на политические настроения молодежи в Ярославской области. Данные анализы помогают понимать, какие тенденции и идеи популярны среди молодежи и какие проблемы требуют решения.

При этом можно в качестве рекомендаций по совершенствованию инструментов управления процессами политической социализации молодежи в регионе можно также внедрить новые инструменты аналитики данных для быстрого и эффективного определения возможных угроз и проблем. Более того, центр управления регионом может рассмотреть возможность установки новых систем связи

для улучшения связи между различными организациями и институтами, которые могут быть вовлечены в решение кризисных ситуаций в регионе. Кроме того, центр управления регионом может улучшить сотрудничество с населением, проводя обучающие программы, которые будут нацелены на то, чтобы люди знали, как действовать в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, и как своевременно сообщать об этом центру управления регионом.

Интернет-инструменты благодаря доступности информации, возможности общения и обмена мнениями дают широкие возможности участия молодежи в политических процессах через Интернет и социальные сети. В Интернете можно найти множество политических блогов и форумов, где обсуждаются важные политические вопросы. Кроме того, информационные технологии могут помочь молодежи получить доступ к различным источникам информации, включая новости о политических событиях и решениях, принятых на государственном уровне. Это может помочь гражданам принимать более обоснованные решения при выборе политических кандидатов и понимать, какие политические решения влияют на их жизнь.

Таким образом, интернет-технологии оказывают значительное влияние на процесс политической социализации молодежи. Однако, следует учитывать, что информационные технологии могут также создавать проблемы в процессе политической социализации. Например, в социальных сетях могут распространяться фейковые новости, которые могут повлиять на мнения и оценки молодежью общественно-политических событий. Кроме того, иногда информационные технологии могут способствовать политической радикализации и конфликтам. Данные технологии также могут привести к созданию эхо-камер, где люди выбирают стратегию получения информации только от источников, которые соответствуют их мировоззрению. Это может привести к укреплению идеологических разделений и препятствовать конструктивному диалогу и формированию общих ценностей в обществе.

В целом, информационные технологии являются важным фактором в процессе политической социализации, и мы должны учитывать, как их положительное, так и отрицательное влияние на наше общество и, прежде всего, на молодежь.

Instruments of Influence on the Political Socialization of Youth in the Internet space in the Yaroslavl Region

T. S. Akopova

Yaroslavl State University P. G. Demidov

t.akopova@uniyar.ac.ru

Abstract. The article deals with topical issues of instruments of political socialization of youth in modern Russia. The author of the article notes that digital information technologies in general and Internet tools are playing an increasingly important role in our lives and have an impact on many aspects of society, including political socialization. The article presents the results of a study of channels for obtaining socio-political information by the youth of the Yaroslavl region. The study demonstrated that information technologies can help young people gain access to various sources of information, including news about political events and decisions taken at the state level and contribute to their political socialization.

Keywords: Internet space, the youth political socialization, socio-political information, social networks, digital technologies.

Управление на основе данных в контексте развития цифровых платформ взаимодействия власти и граждан: постановка проблемы

А. В. Чугунов

*Национальный исследовательский университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия
chugunov@itmo.ru*

Аннотация. Статья ориентирована на формирование предметного поля исследований, связанных с применением экосистемного подхода и развитием цифровых платформ, обеспечивающих электронное взаимодействие органов власти с гражданами. Представлен анализ литературы и упоминаний терминологии, связанной с цифровыми платформами и управлением на основе данных, фиксируется значимая роль правительства в обеспечении надежного цифрового обмена данными между различными участниками платформенной экономики. Рассмотрена концепция «Государство как платформа» и ее отражение в научных работах в области политической науки, социологии, информационного менеджмента и государственного управления. Рассмотрены два кейса: общероссийский с распределенной локацией на территории всех субъектов федерации (система Центров управления регионами) и реализуемый в настоящее время в Санкт-Петербурге (Экосистема городских сервисов). Эти кейсы интересны применением технологий и решений, основанных на методах управления на основе данных в госсекторе и использованием доступа к большим данным, генерируемых в соцсетях. В результате формулируются выводы о текущем состоянии внедрения цифровых экосистем и использования методов управления на основе данных в России и обозначаются направления дальнейших исследований с целью выявления результативности внедрения цифровых экосистем в государственном управлении исходя из приоритетности удовлетворения потребностей и запросов граждан.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

© Чугунов А. В., 2023

Ключевые слова: электронное управление, цифровые платформы, взаимодействие, электронное участие, цифровая трансформация.

Введение

Внедрение в Российской Федерации концепции «Государство как платформа» (Government as a Platform) стимулировало востребованность исследований и разработок, ориентированных на использование органами власти данных, которые могут выступать в качестве индикаторов «обратной связи» и свидетельствовать о реакции граждан на проблемы, возникающие в различных сферах жизнедеятельности. Российское государство целенаправленно использует разработки и решения, созданные такими цифровыми платформами, как Яндекс, Сбер, ВКонтакте для совершенствования экосистемы государственных услуг. В частности, создаваемая централизованная платформа «ГосТех», в свое ядро включает разработки экосистемы Сбера.

На региональном уровне также идет опробование применения платформенного и экосистемного подходов к организации среды электронного взаимодействия органов власти с гражданами. Основным побудительным мотивом старта таких проектов является желание выстроить прямое взаимодействие с гражданами с целью формирования политической лояльности и укрепления доверия к власти. В этой связи интересны два кейса: один общероссийский, с распределенной локацией на территории всех субъектов федерации, второй в настоящее время реализуется в одном регионе – Санкт-Петербурге. Оба этих кейса включают в себя методические решения, основанные на применении методов управления на основе данных в госсекторе с использованием доступа к большим данным, генерируемых в соцсетях.

Представляемая статья ориентирована на определение проблем в управлении государством на основе данных в России. В результате формулируются выводы о текущем состоянии внедрения экосистемного подхода в России и обозначаются направления дальнейших исследований с целью выявления результативности внедрения цифровых экосистем в государственном управлении исходя из приоритетности удовлетворения потребностей и запросов граждан.

Предметное поле исследования

Управление на основе данных все более активно упоминается в различных программных и концептуальных документах, связанных с процессами цифровой трансформации в Российской Федерации и внедрением платформенного подхода. Процессы виртуализации контактов и общественных отношений, которые резко усилились с приходом пандемии COVID-19, стимулировали не только общественных деятелей и политиков, но и исследователей на выяснение той роли, которую играют цифровые платформы и возможности оперирования большими данными в государственном управлении и современном обществе. Анализ литературы и упоминаний терминологии, связанной с цифровыми платформами и управлением на основе данных, показывает, что сами эти понятия и подходы к реализации пришли из ИТ-бизнеса и активно в свое время продвигались крупными ИТ-корпорациями [1]. Считается, что терминология, связанная с управлением на основе данных, появилась еще в 1990-х годах и постепенно получила широкое распространение в бизнесе. В менеджменте чаще всего упоминается термин Data Driven Decision, который подразумевает использование фактических данных для принятия управленческих решений. Этот подход подразумевает, что нужно понимать данные и уметь строить прогнозы на их основе. Специалисты из сферы ИТ-разработок следующим образом формулируют принципы подхода Data Driven [2]:

- готовность к инвестициям (данные необходимо извлекать, хранить, анализировать, интерпретировать и визуализировать, что требует внимания, времени и финансирования);
- умение анализировать и интерпретировать данные (важная часть работы с данными – их анализ и построение гипотез, для чего необходимы специальные знания и опыт);
- принятие решений на основе данных (прежде чем начинать проект, нужно собрать и проанализировать данные);
- доверие данным (данные должны быть точными и «чистыми», тогда им можно будет доверять и адекватно интерпретировать).

Работы, связанные с использованием терминов «Цифровые экосистемы», «Цифровые платформы» и внедрением платформенного и экосистемного подходов, появились существенно позднее,

вместе с появлением концепции «Цифровая экономика» и несколько позже – концепции «Индустрия 4.0», или четвертая промышленная революция. Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с 2006 г. в аналитических и обзорных документах, связанных с различными сферами информатизации общества, стали использовать термин «Digital Economy» [3], в 2014 г. в Европейском Союзе мониторинг базовых индикаторов развития информационного общества был заменен Индексом цифровой экономики (Digital Economy and Society Index — DESI) [4], который используется для межстрановых сопоставлений и по сегодняшний день.

Ведущие мировые аналитические агентства также не остались в стороне, в частности, эксперты компании Deloitte в сборнике 2018 г., посвятили одну главу развитию платформенной экономики [5]. По их мнению, развитие цифровых технологий произвело революцию в бизнесе, в основе которой лежит новая платформенная экономика. Платформа представляет собой сеть для совместной работы потребителей и поставщиков услуг, которые осуществляют различные виды экономической деятельности в этой экосистеме, включая обмен информацией, согласование спроса, оплату, получение и доставку товаров. Развитие платформенной экономики, по мнению Deloitte, требует полной перестройки существующих систем управления и госрегулирования, чтобы они соответствовали новым тенденциям. В частности, эффективная система совместного управления платформенной экономикой требует решения трех проблем: защита прав и интересов участников, разумное налогообложение и честная конкуренция. По мнению авторов, от государственного управления в новых условиях, требуется активная поддержка участников и стандартизация регулирования. Это формулируется следующим образом: «С приходом платформенной экономики обязанности правительства изменились. Открытость означает продвижение открытой и инклюзивной деловой среды и, таким образом, высвобождение потенциала развития цифровой экономики» [5, с. 84].

Аналитиками отмечается, что все большее число предприятий начинают применять бизнес-модель платформы и ее цифровые стратегии, чтобы оставаться конкурентоспособными. В другой публика-

ции Deloitte приводятся конкретные примеры. Множество компаний создают онлайн-сети, которые облегчают цифровое взаимодействие между людьми. Существует большой разброс между функциями и типами цифровых платформ, доступных на сегодняшнем рынке. Спектр самый широкий, от платформ, предоставляющих услуги (например, Uber и Airbnb), до продуктов (например, Amazon и eBay) и платежей (например, Square, PayPal), разработки программного обеспечения (например, Apple, Salesforce) и многого другого. При этом новая экономика, основанная на цифровых технологиях и использующая онлайн-структуры, получила различные названия, которые часто используются как взаимозаменяемые: «Creative Economy», «Sharing Economy», «Gig Economy» или «Peer Economy», но чаще всего используется общепотребительный термин «платформенная экономика (Platform Economy)» [6, с. 2].

Научное сообщество также активно участвует в формулировании предложений и выработке методик построения различных систем оценки уровня развития компонентов цифровой экономики. В качестве примера можно привести работу коллектива авторов из США, Испании и Венгрии, разработавших свою методику формирования индекса экономики цифровых платформ (Digital Platform Economy Index – DPE) [7], включающего в себя четыре субиндекса:

- Digital Technology Infrastructure
- Digital User Citizenship
- Digital Multi-sided Platform
- Digital Technology Entrepreneurship.

Авторы методики утверждают, что в этом исследовании используется подход «Benefit of the Doubt», основанный на непараметрических методах, для оценки цифровой экосистемы 116 стран за 2019 год. Изучение относительной эффективности цифровой экосистемы стран предлагаемый анализ составных показателей субиндексов позволяет вычислить эндогенные (специфические для страны) веса, которые можно использовать для разработки более взвешенной политики в данной сфере [7, с. 1].

В настоящее время исследования платформенной экономики весьма популярны, выходят монографии [8], обзорные и аналитические статьи [9, 10], в которых выявляются общие темы, которые

могут стать основой для формирования контекста и направлений междисциплинарных исследований. Исследуется и фактор доверия к платформе, как один из ключевых для успешности ее развития. В этом контексте подчеркивается важная роль государства, как арбитра и гаранта доверия к цифровым платформам и транзакциям, осуществляемым как внутри платформы, так и между различными участниками платформенной экономики. Государства (правительственные структуры) в классических демократических обществах обычно имеют более высокий уровень доверия, чем бизнес-структуры и обеспечивают доступ к информации, либо имеют цифровые способы автоматического подтверждения сведений, имеющих ценность с точки зрения надежности контрагента [11]. Тем самым фиксируется значимая роль правительства в обеспечении надежного цифрового обмена данными между различными участниками платформенной экономики.

Развитие концепции «Государство как платформа»

Идея рассматривать государство как платформу, открытую для взаимодействия с различными акторами, была выдвинута еще в 2010 г. Тимом О'Рейли [12] и довольно долго воспринималась как визионерский проект, однако по мере развития социальных сетей и развития платформенной экономики стала восприниматься вполне реалистично и к концу десятых годов обрела официализацию в ряде стран, в т. ч. в России [13]. Старт обсуждений целесообразности применения данного подхода при решении задач цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации был дан в 2018 г. публикацией Центром стратегических разработок концептуального документа «Государство как платформа». Авторы концепции в качестве основного эффекта предполагают принципиальное изменение взаимодействие человека и государства. «Государство перейдет от предоставления единичных «точечных» сервисов при помощи государственных (ведомственных) информационных систем ... и баз данных к комплексному решению жизненных ситуаций человека, которое основано на едином массиве данных и алгоритмах работы с ними, совместно разработанными федеральными органами исполнительной власти» [14, с. 6]. Следует отметить, что по времени это совпало с подготовкой

и утверждением Национальной программы «Цифровая экономика в Российской Федерации», где в паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление» [15] в качестве цели обозначено «внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг».

Естественно концепция «Государство как платформа» нашла свое отражение и в научных работах в области политической науки, социологии, информационного менеджмента и государственного управления. В статье М. Янсона и Э. Эстеvec [16] анализ осуществляется с опорой на концепцию «бережливого правительства» (Lean Government) и констатацию ситуации, когда правительства всего мира ищут способы сократить расходы и в то же время стимулировать инновации. Последовательное решение этих двух задач невозможно без принципиальных изменений, использования новых методов, инструментов, практик и моделей управления. С их точки зрения именно «бережливое правительство» – это новая волна, которая постепенно таким традиционным подходам, как электронное правительство (E-Government) и трансформационное правительство (T-Government). И именно подход, или концепция L-Government, направлена на снижение сложности государственного сектора за счет упрощения и рационализации организационных структур и процессов, в то же время стимулируя инновации путем мобилизации заинтересованных сторон, что находит выражение во внедрении цифровых платформ, способствующих инновациям и взаимодействию с другими секторами: общественным, организациями, бизнесом и гражданами. При внедрении связанных подходов (или концепций) L-Government и GaaP государство выступает в роли «дирижера», т. е. регулятора межсекторного взаимодействия.

Проблемы баланса общественных ценностей и бизнес-интересов участников цифровых платформ, развиваемых с участием государства, также являются предметом отдельных исследований [13, 17, 18] и этот фактор необходимо учитывать при определении методики оценки результативности функционирования таких комплексных цифровых платформ. Российский опыт внедрения платформенного подхода при реализации государственных услуг также стал предметом исследования международного коллектива авторов [19].

Констатируя приоритетность использования платформы Госуслуги.ру для федеральных, региональных и муниципальных структур, авторы утверждают, что Россия служит примером для изучения того, в какой степени возможно использовать платформы для межгосударственного управления – эффективно интегрировать все регионы на единой платформе, несмотря на большие различия в возможностях и потребностях.

Российская практика и подходы к исследованиям

Российские исследователи в последние годы обращаются к различным аспектам внедрения платформенного подхода, как общеметодологическим [20], так и с акцентами на общественную активность [21] и эффекты для системы государственного управления [1].

На региональном уровне также идет опробование применения платформенного и экосистемного подходов к организации среды электронного взаимодействия органов власти с гражданами. Основным побудительным мотивом старта таких проектов является желание выстроить прямое взаимодействие с гражданами с целью формирования позитивного восприятия власти и организация контроля исполнителей. В этой связи рассмотрим два кейса – один общероссийский с распределенной локацией на территории всех субъектов федерации, второй – реализуемый в настоящее время в Санкт-Петербурге. Эти кейсы интересны применением технологий и решений, основанных на методах управления на основе данных в госсекторе и использованием доступа к большим данным, генерируемых в соцсетях.

Общероссийская платформа, объединяющая все регионы страны – сеть Центров управления регионами (ЦУР). Эта масштабная программа реализуется Автономной некоммерческой организацией «Диалог–Регионы» в сотрудничестве с Администрацией Президента России и Министерством цифрового развития. Параллельно в каждом регионе введена позиция руководителя цифровой трансформации (РЦТ, или Chief Digital Transformation Officer – CDTO) в ранге заместителя главы региона. ЦУРы ведут работу по сканированию социальных сетей с использованием специального программного обеспечения, определения проблемных точек и выявления жалоб граждан в адрес органов власти. Эта информация аккумулируется

и по процедурам инцидент-менеджмента направляется для принятия мер и решений в органы власти, подведомственные структуры, муниципалитеты.

Экосистема городских сервисов (ЭГС) в Санкт-Петербурге – приоритетный проект в сфере цифровизации города. В рамках экосистемы создается пространство взаимодействия государственных и коммерческих сервисов с жителями, направленных на развитие цифровой среды города, облегчение доступа к API органов власти для создания новых сервисов на базе открытых данных. В рамках экосистемы разработана ролевая модель, которая позволяет упростить пользователю навигацию среди множества сервисов, таргетировать уведомления и подписки на актуальные темы. ЭГС реализуется в тесном взаимодействии с социальной сетью «ВКонтакте» и ориентирована на установлении прямого контакта городской власти с гражданином по вопросам текущей жизнедеятельности. Развитие ЭГС осуществляется в сотрудничестве с общественными и научно-образовательными организациями, что создает потенциал внедрения перспективных методов анализа и обработки больших данных и применения этих методов для управления развитием города.

Приведенные два кейса показывают, что в России органы власти в лице чиновников высокого ранга становятся все более восприимчивы к применению в своей деятельности результатов научных исследований и цифровых разработок в сфере управления на основе данных. Однако серия интервью, взятых у представителей органов власти, подведомственных структур и экспертов, по теме специфики реализации цифровых механизмов взаимодействия власти и граждан показывают [22], что в настоящее время только говорится о развитии подходов алгоритмического управления, а решения все равно принимаются по-старому.

Задача формирования программы комплексного исследования результативности применения платформенного подхода и специфики внедрения методов управления, основанных на данных, на наш взгляд, невозможна, если не разобраться в следующих методологических и методических вопросах:

- фиксация понятийной базы, используемой в концептуальных и программных документах в Российской Федерации;

- подготовка обзора научной литературы с описанием близких по тематике исследований (зарубежных и российских);
- выбор базовой методологии и модели исследования.

В российском правовом поле определения цифровых платформ и экосистем еще не зафиксированы. На настоящее время самым статусным документом, имеющим межведомственный характер, является проект, рассмотренный 25 апреля 2022 г. на заседании подкомиссии по цифровой экономике Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Подходы к определению и типизации цифровых платформ [23] были представлены центром компетенций направления «Информационная инфраструктура» программы «Цифровая экономика РФ». В преамбуле документа обозначено, что для организации эффективной совместной деятельности по развитию цифровой экономики большое значение имеет единообразие используемых терминов. Поскольку создание цифровых платформ является одной из целей программы «Цифровая экономика РФ», то на старте реализации программы важной задачей является как четкое определение термина «платформа», так и классификация возможных типов цифровых платформ.

В этом документе приводится следующее определение: «Цифровая платформа – это система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счёт применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда». По мнению авторов документа, это определение выделить критерии отнесения той или иной сущности к категории «цифровая платформа»:

- алгоритмизация взаимодействия участников платформы: процедуры взаимодействия участников детерминированы и реализуются в рамках установленного алгоритма;
- взаимовыгодность отношений участников платформы (принцип «win-win»), при этом выгода может иметь не только экономический характер;
- значимость количества участников деятельности (масштаб), использующих платформу для взаимодействия (значимость оценива-

ется в отношении всего множества потенциальных участников платформы: сообщества, отрасли экономики, страны, мира);

- наличие единой информационной среды, в которой осуществляются взаимодействия участников, и соответствующей информационно-технологической инфраструктуры;

- наличие эффекта в виде снижения транзакционных издержек при взаимодействии различных участников платформы – по сравнению с тем же взаимодействием без платформы (такой эффект должен достигаться за счёт применения определённых технологий работы с данными и/или за счёт реорганизации бизнес-процессов).

Вводится и типизация цифровых платформ: инструментальная, инфраструктурная и прикладная платформа

Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара в 2022 году представил свое видение этого вопроса. В аналитическом докладе «Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию» [24] утверждается, что понятие «цифровой экосистемы» еще не сформулировано в законодательствах стран мира и пока является неформальным. С точки зрения экономической теории, цифровая экосистема является более широким понятием по отношению к цифровой платформе, при этом основные свойства экосистем аналогичны свойствам платформ. Цифровые экосистемы развиваются на базе цифровых платформ путем присоединения к ним других цифровых сервисов. Платформенные компании имеют наиболее высокий потенциал превращения в экосистемы. В этом контексте формулируются следующие определения:

- Цифровая платформа – это сервис взаимодействия двух и более типов экономических агентов, представляющий собой многосторонний рынок и реализованный посредством информационных технологий и доступа к сети Интернет и обеспечивающий взаимовыгодные отношения между различными группами клиентов и платформой.

- Цифровая экосистема – это цифровая платформа, интегрированная с другими цифровыми сервисами и /или цифровыми платформами одной группы компаний/партнеров или органа государственной власти, действующая на нескольких отраслевых рынках.

Авторами доклада подчеркивается, что в основе платформенных бизнес-моделей лежит понятие «многостороннего рынка»,

на котором несколько взаимосвязанных групп участников разных типов (например, покупатели и продавцы) взаимодействуют друг с другом посредством платформы. При этом, поведение и число участников на одной стороне рынка влияет на благосостояние игроков на другой стороне рынка.

Единственным официальным документом министерского уровня, на настоящий момент, является «Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем» [25], опубликованная Министерством экономического развития Российской Федерации. Этим документом вводятся следующие определения:

- Цифровая платформа – бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией, включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства;
- Цифровая экосистема – клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две и более группы продуктов, услуг, информации для удовлетворения конечных потребностей клиентов.

В документе также подчеркивается, что понятия цифровых платформ и экосистем появились эволюционно из мира офлайн (человек и ранее получал комплекс товаров и услуг в торговых центрах, вокзалах и аэропортах и т. д.). А с появлением цифровых технологий офлайн-платформы и экосистемы начали трансформироваться в цифровые.

Заключение

Вопросы, связанные с построением методологии и набора методов исследования формирующихся цифровых экосистем, находятся в фокусе внимания серии проектов, реализуемых в 2022–2025 гг. в Центре технологий электронного правительства и данная работа описывает начальный этап изучения данных явлений.

Предварительные результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

Управление на основе данных – лозунг, который в настоящее время еще не подкрепляется реальными делами и проектами внедрения. В последнем аналитическом документе, представляющем приоритеты развития цифровизации в Российской Федерации [26], превалирует технократический подход и отсутствует даже упоминание

вание необходимости повышения эффективности государственного управления путем внедрения цифровых технологий с использованием методов управления на основе данных.

При этом деятельность по стимулированию цифровых методов взаимодействия власти с гражданами, перенесенная в экосистему ЦУР и менеджерируемая некоммерческой организацией «Диалог-Регионы» демонстрирует устойчивое развитие социальных технологий управления на основе данных, что создает потенциал постепенного восприятия и использование этих подходов чиновниками. Результаты экспертных интервью с региональными руководителями различного уровня, взятых в рамках нашего исследовательского проекта, подтверждают эту тенденцию.

В отдельных регионах начинает использоваться экосистемный подход к организации и упорядочению информационного пространства и комплекса цифровых сервисов, что пока реализуется в виде пилотных проектов. Данное «движение снизу» вынуждено приспособливаться к тренду централизации, который неуклонно развивается в сфере цифровизации (платформа «Гостех», «Госаблики» и т. п.). Самым значимым региональным проектом такого рода, является в настоящее время, «Экосистема городских сервисов «Цифровой Петербург», развитие которой позволит выработать индикаторы результативности внедрения экосистемного подхода в процессы взаимодействия государства с гражданами.

Список источников

1. Чугунов А. В. К вопросу о возможностях применения цифровых платформ в государственном управлении // Информационные ресурсы России. 2021. № 5. С. 2–6. DOI: 10.52815/0204-3653_2021_05183_2

2. Data Driven: как принимать решения на основе данных [25 декабря 2020]. URL: <https://www.uplab.ru/blog/data-driven/> (дата обращения: 14.04.2022).

3. Future Digital Economy: Digital Content Creation, Distribution and Access – Conference Conclusions. OECD Digital Economy Papers. 2006. № 118. DOI: 10.1787/231438658873. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/future-digital-economy_231438658873 (дата обращения: 14.04.2022).

4. The Digital Economy and Society Index (DESI) // Shaping Europe's digital future. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi> (дата обращения: 14.04.2022).

5. Chou W., Li I., Zhang L. New Governance of the Platform Economy // Deloitte Perspective. 2018. Vol. 7. P. 75–85. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/cn/Documents/about-deloitte/dttp/deloitte-cn-dttp-vol7-ch6-platform-economy-en.pdf> (дата обращения: 14.04.2023).

6. The rise of the platform economy / Deloitte. December, 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/nl/Documents/humancapital/deloitte-nl-hc-reshaping-work-conference.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).

7. Acs Z.J., Lafuente E., Szerb L. The digital ecosystem around the world: a composite indicator analysis. SSRN, 2021. DOI: 10.2139/ssrn.3844302. URL: <https://ssrn.com/abstract=3844302>

8. Mansell R., Steinmueller W. E. Advanced Introduction to Platform Economics. Edward Elgar Publishing, 2020. 176 p.

9. Sutherland W., Jaharri M.H. The Sharing Economy and Digital Platforms: A Review and Research Agenda // International Journal of Information Management. 2018. Vol. 43. P. 328–341.

10. Xue C., Tian W., Zhao X. The Literature Review of Platform Economy // Scientific Programming. 2020. Vol. 2020. Art. 8877128. 7 p. DOI: 10.1155/2020/8877128. URL: <https://downloads.hindawi.com/journals/sp/2020/8877128.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).

11. D'Hauwers R., van der Bank J., Montakhabi M. Trust, Transparency and Security in the Sharing Economy: What is the Government's Role? // Technology Innovation Management Review. 2020. Vol. 10(5). P. 6–18. DOI: 10.22215/timreview/1352. URL: <https://timreview.ca/article/1352> (дата обращения: 14.04.2022).

12. O'Reilly T. Government as a Platform // Opening Government: Transparency and Engagement in the Information Age. 2010. Vol. 6, № 1. P. 37–44.

13. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Синятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60.

14. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. Циф-

ровая трансформация. М., 2018. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9cccf0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).

15. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственной управление». URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).

16. Janssen M., Estevez E. Lean government and platform-based governance—doing more with less // *Government Information Quarterly*. 2013. Vol. 30 (1).

17. Klievink B., Bharosa N., Tan Y. H. The collaborative realization of public values and business goals: Governance and infrastructure of public-private information platforms // *Government Information Quarterly*. 2016. Vol. 33 (1).

18. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Ключкова Е. Н., Талапина Э. В., Старцев Я. Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. – М.: «Дело», 2019.

19. Styryn E. M., Mossberger K., Zhulin A. B. Government as a platform: Intergovernmental participation for public services in the Russian Federation // *Government Information Quarterly*. 2022. Vol. 39 (1).

20. Сморгунов Л. В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2020. Т. 21, № 3. С. 6–19. EDN: UKGJJA.

21. Соколов А. В., Палагичева А. В. Предпосылки экосистемного подхода в организации гражданской активности в современной России (часть 1) // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18, № 3. С. 272–287.

22. Филатова О. Г. Тренды коммуникаций власти и общества в социальных сетях: предварительные результаты экспертного опроса // *Интернет-коммуникации в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления: практики и стратегии развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Ульяновск, 2023. С. 31–38.

23. Подходы к определению и типизации цифровых платформ. Проект. URL: https://files.data-economy.ru/digital_platforms_project.pdf

24. Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию / Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. М., 2022. – 55 с. URL: https://www.iep.ru/files/news/Issledovanie_jekosistem_Otchet.pdf (дата обращения: 14.04.2022).

25. Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem/ (дата обращения: 14.04.2022).

26. Белая книга цифровой экономики. 2022 / АНО «Цифровая экономика», Проектный офис по реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», Минцифры России. М., 2022. 122 с. URL: <https://data-economy.ru/tpost/9yr0pxe8d1-belaya-kniga-tsifrovoi-ekonomiki-2022> (дата обращения: 14.04.2022)

Data-driven Governance in the context of Development of Digital Platforms of Interaction Between Authorities and Citizens: the problem statement

A. V. Chugunov

*ITMO University, St. Petersburg, Russia
chugunov@itmo.ru*

Abstract. The article is focused on the formation of the subject field of research related to the application of the ecosystem approach and the development of digital platforms that provide electronic interaction between authorities and citizens. An analysis of the literature and references to terminology related to digital platforms and data-driven governance is presented, and the significant role of the government in ensuring reliable digital data exchange between various participants in the platform economy is recorded. The concept of «State as a platform» and its reflection in scientific works in the field of political science, sociology, information management and public administration are considered. Two cases are considered: an all-Russian case with a distributed location on the territory of all subjects of the federation (a system of Regional Management Centers) and one currently being implemented in St. Petersburg (Ecosystem of urban services). These cases are interesting for the application of technologies

and solutions based on data-driven management methods in the public sector and the use of access to big data generated in social networks. As a result, conclusions are drawn on the current state of the implementation of digital ecosystems and the use of data-based management methods in Russia and directions for further research are outlined in order to identify the effectiveness of the implementation of digital ecosystems in public administration based on the priority of meeting the needs and requests of citizens.

Keywords: e-governance, digital platforms, electronic interaction, e-participation, digital transformation.

Партнерство городов-побратимов в реалиях цифрового общества

А. В. Волкова, Т. А. Кулакова

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

av.volkova@rambler.ru, koulakova812@mail.ru

Аннотация. Обращаясь к феномену побратимства городов в условиях развивающегося международного кризиса, когда городская дипломатия, успешные практика межгосударственного гражданского сотрудничества, десятилетиями воспринимаемые как незывлемые и ценностно ориентированные, оказались подвергнуты «приостановке» или «отмене», авторы статьи пытаются определить перспективы гражданской коммуникации. Территориальные изменения 2022 г., вхождении новых территорий в состав России и установление отношений побратимства российских городов с городами Донбасса придадут институту городов-побратимов новый смысл и важное политико-культурное значение. Формирование и развитие аксиосферы городов-побратимов видится важным фактором развития межрегионального сотрудничества и «связывания» российских территорий. Авторы, сочетают стремление учесть специфику развивающегося цифрового общества с анализом вопросов регионального управления с позиции аксиологического подхода. В работе отмечается значимость гражданских инициатив и движений, социальных медиа, деятельность которых направлена на поддержание социальной сферы и формирование цифровой среды доверия, на интенсификацию городского, гражданского сотрудничества в сети как противовес используемым сегодня в цифровом пространстве агрессивным сетевым практикам антироссийского, русофобского характера.

Ключевые слова: публичная политика, аксиосфера региона, города-побратимы, цифровые трансформации, публичные ценности.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-28-00779 «Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации».

© Волкова А. В., Кулакова Т. А., 2023

Современная политика, обладающая сетевым характером, строится на идее широкого вовлечения граждан в процессы принятия решений, ориентирована на развитие новых форм государственной пропаганды и предполагает постоянное совершенствование методов конкурентной борьбы государств [1]. Непрерывный рост урбанизации, возрастание роли мегаполисов в мировых экономических, социальных, политических процессах и усиливающееся влияние городского населения на развитие регионов делают урбанистку актуальными и перспективным направлением для современной науки, причём междисциплинарный характер исследований становится все более востребованным. Цифровые трансформации, внедрение концепции «умный город» и опыт городского управления в период пандемии обострили ряд проблем и вопросов жизни горожан, а период политической турбулентности 2022 г. и обострение проблем мировой политики сформировали новые вызовы, затрагивающие городское население во всем мире.

Широкий спектр проблем отражен в современной научной литературе. Так отдельного внимания заслуживают публикации, посвященные «умным городам», которые трактуются сегодня не столько как пространство цифровых технологий, а как высокоинтеллектуальные города с активным гражданским участием. Новая эпоха вначале виделась как цифровая, с акцентом на возможностях киберпространства и умных вещей, обеспечение кибербезопасности и электронной демократия, но позже акцент сместился с вопроса умных технологий к идее «умных граждан» и гармонии человека, техники и природы [2].

Вся гамма противоречий и конфликтов, связанных с противопоставлением «цифровизации» и стремление к «новой гуманизации», отраженная в работах современных обществоведов, относится к теоретически и практическим аспектам управления современными городами, причем эта проблема имеет международный характер. В качестве примеров можно привести проблематику «интернета вещей» и опасения за судьбу «стеклянного человека» в цифровой среде, четко обозначенные в немецком обществе [3]. Коронакризис, как отмечает ряд исследователей, стал триггером нового витка борьбы за город [4] и это, вероятно, наиболее яркий всплеск гражданской активности с момента фиксации такого феномена как «рас-

серженные горожане» [5], когда произошли существенные сдвиги только в плане стихийного участия в публичных акциях протеста, организации гражданской инициативы, а также было зафиксировано изменение модели электорального поведения.

Несмотря на все новации современной публичной политики, ценностный подход сохраняет свои позиции как один из амбициозных и перспективных методологических подходов, способный выявить конфигурацию уникального и универсального в социальных системах. Возможность развивать данное направление в отечественной науке связана не только с масштабным переосмыслением теории и практики государственного управления, с переориентацией системы науки и образования и с целым рядом обстоятельств, ставших результатами международного кризиса 2022 г. Представляется значимым, что декларируемы впервые в новейшей истории страны на самом высоком уровне отказ от «заимствования западного опыта» становится реальной политикой государства. С одной стороны, поддержанный Министерством науки и высшего образования РФ проект «ДНК России», ориентированный на вовлечение академического сообщества в процесс переосмысления нового подхода в преподавании блока гуманитарных дисциплин, свидетельствует о активном поиске ценностных ориентиров. Актуализировавшееся стремление определить особость своего пути в системе «восток-запад» является традиционным для отечественного политического дискурса и публичной политики, но на современном этапе практики прямого и косвенного принуждения в системе международных отношений, «диктатура западных элит», наряду с серьезными социально-экономическими кризисами, порождают серьезные моральные и ценностные провалы, что задает вопросы о поиске и выборе ориентиров.

С другой стороны, интерес к ценностной проблематике со стороны самых разных исследователей (философов, политологов, социологов и других представителей общественных наук), неизменно нарастающий со второй половине XX в. может трактоваться как возрастающий интерес к управлению общественным мнением и процессами публичной политики на фоне роста активности граждан и развития различных видов гражданского активизма (волонтерства, вигилантизма и др.), усложнения электоральных процессов,

развития манипулятивных технологий и продвижения феномена «постправды». Управление культурой и культурная политика государств стала значимым направлением. В условиях, когда большинство людей полагаются на комплекс эмоций и когнитивные установки при формировании своих политических взглядов [6], культура не просто выступает ориентиром, она подсказывает простые решения и предлагает «сети доверия» (т. е. эмоциональное, ценностное знание), что особенно значимо в условиях сложности, неопределенности, в условиях спорной политики [7, с. 108].

Сомнения в способности граждан квалифицированно размышлять о политике и возможностью идеологически грамотно формулировать свои предпочтения, подтолкнула современных исследователей к разработке таких направлений как, поведенческая экономика, «мягкая сила» и «публичная дипломатия». Среди концепций, связывающих государственное управление с формированием или трансляцией системы ценностей, концепция «мягкой силы» Дж. Наая, имеющая ярко выраженное прикладное значение как при моделировании международных процессов, так и внутри национальных государств занимает особое место. Следует признать, что термин «мягкая сила», не смотря на неоднозначность трактовок и критику концепции, исключительно точно характеризует свое время. Обоснованная им «мягкая сила» сегодня является значимым коммуникационным инструментом государственной политики, реализуемой через официальные и неофициальные институты с целью оказания влияния на общественное мнение за внутри страны, так и за рубежом. Значимость выявленных им компонентов (культура, политические ценности, внешнеполитические установки) от привлекательности которых зависит «мягкая сила» государства [8, с. 11] и потенциал его влияния сегодня нельзя не признать. Традиционно, ресурсы «мягкой силы» определяются ценностями организации или страны, что выражено в культуре и может быть проиллюстрировано внутренними правилами, законами, политикой. Это имеет принципиальное значение для выстраивания отношения взаимодействия в системе координат «свой-чужой».

Способность городов как единиц с единообразным и относительно автономными социальными, экономическими и культурными условиями, обладающие социально-исторической целостно-

стью и сформированной идентичностью участвовать в процессах публичной дипломатии заслуживает самого пристального внимания. В этом контексте феномен побратимства городов представляется крайне интересным и значимым. Если не брать раннюю историю взаимодействия городов (Ганзейский союз, сборы ополчения и т. д.), то можно говорить о том, что современное побратимство городов возникло в Европе, а потом распространилось по всему миру. Отдельные примеры можно найти в истории немецких городов XIX–XX вв., но изучение этого феномена затруднено тем, что нет и не было единого центра управления этим процессом, отсутствуют международные региональные базы данных, существует огромное количество мифов, а кроме того, не сформулированы четкие критерии установления братских или сестринских («sister-city»), как их принято называть в Европе, отношений между городами и населенными пунктами.

Еще одним интересным аспектом является возможности побратимства для усиления бренда территории, что характерно для процессов городского управления рубежа веков. Работа по формированию конкурентоспособного бренда города для привлечения жителей и зарубежья является актуальной в связи с усилением глобальной конкуренции за потребителя и инвестиции. Получившее широкое распространение понятие «бренд территории» формируется на основе создания прямых ассоциаций с местом и позитивного имиджа, способствующих развитию потребительских предпочтений, и активно распространяется онлайн, через социальные сети. Сформированные ассоциации влияют на восприятие территории и ее идентификацию потенциальными посетителями [9]. Опыт обращения к культурной сфере для работы с межкультурными проблемами и снижения уровня напряженности потенциальной целевой аудитории к территории, вызванный сформировавшимися в отношении них стереотипам, выводит работу по формированию аксиосферы региона на качественно новый уровень.

Исследование цифровых ресурсов показало, что тема побратимства городов является сильно мифологизированной. В сети возможно найти много самостоятельных непрофессиональных исследований, посвящённых теме побратимства городов, ряд публи-

каций блогеров (к примеру, <https://2dar.livejournal.com/57565.html>), есть и публикации иностранных СМИ (к примеру, «The Gueadian» опубликовал материал о истории побратимства Сталинграда и Ковентри, <https://inosmi.ru/20160309/235648488.html>). Очевидно, что взаимодействие городов-побратимов – это пространство междисциплинарных исследований, а политический аспект роли культурного бренда в процессе трансляции культурной памяти и поддержании региональной идентичности относится к новому направлению региональной политики.

В России Москва и Санкт-Петербург являются лидерами по числу городов-братьев. Так первым город-побратимом Санкт-Петербурга (Ленинграда) стал в 1953 г. финский город Турку, который соответствовал высоким критериям отбора (приблизительное равенство по значению в своей стране, выход морю, наличие культурных и учебных заведений), города сближала и история бывших столиц. Примечательно, что у некоторых городов-спутников Петербурга, входящих сегодня в его административные границы, есть свои города-побратимы. Такими связями обладают Кронштадт (более 20 городов-братьев в РФ и за рубежом), Пушкин (более 40 городов-братьев), Колпино (7 городов-братьев). Ставшее практически рутинным побратимство мирного времени подразумевало, прежде всего, их научное, культурное и экономическое содружество, и в ряде случаев, как дань идее помощи, – шефство более крупного города над маленьким, что позволяло использовать такие инструменты и институты публичной дипломатии как: обмен делегациями, организацию художественных и спортивных мероприятий, совместные выставки и фестивали, взаимное просвещение о жизни друг друга.

Сегодня очевидно, что сформулированные Дж. Блаттером принципы трансграничного сотрудничества (идейные, утилитарные, конкретно-целевые) [10] могут быть использованы гораздо шире и применимы для понимания способностей к сотрудничеству городов-побратимов. Так, к примеру, идейционистские способности городов подразумевают определение идейной близости, формирование и продвижение общей системы ценностей. Способности к развитию утилитарного направления сосредоточены на возможностях находить и приумножать взаимную пользу, взаимно усиливать конкурентные преимущества. Способности целеполагания видятся, в данном

случае как идентификация общих интересов (базовых или ситуационных), возможностей совместного лоббирования интересов и обеспечение достижения общих целей.

В ситуации охлаждения мирового сообщества к движению побратимству и в связи с ограничениями, связанными с неприятием вхождения Крыма в состав России, после 2014 г. движение побратимства активизировалось внутри страны и имело характер стимулирования экономической, культурной, социальной активности населения России. С 2017 г. установление отношений побратимства является одним из основных направлений деятельности Интеграционного комитета «Россия – Донбасс», что отражено на сайте организации.

Для России в 2022 г. побратимство обрело свой первоначальный смысл – побратимство помощь. Президент России Владимир Путин принял решение, что российские регионы «возьмут шефство» над районами Донецкой и Луганской народных республик (<https://russia-donbass.ru/pobratimy-donbassa>). Санкт-Петербург официально 1 июня 2022 г. стал городом-побратимом Мариуполя, 3 июня городами-побратимами стали Москва и Луганск. Эстафету приняли другие регионы России, география побратимства расширилась, а логика включения определялась не только геополитическими реалиями, но и театром военных действий.

Установление связей по типу «побратимство-помощь» подразумевает и различные виды взаимодействия, и формирование аксиосферы городов-братьев. Это важный фактор развития межрегионального сотрудничества и «связывания» российских территорий, наряду с экономической помощью. Таким стало побратимство Санкт-Петербурга с Мариуполем, который получил значительные разрушения в ходе начатой РФ специальной военной операции. Важнейшим посылом этого акта стало промышленное восстановление, активизация портовой деятельности и идея масштабной перестройки жилых районов, включая такой амбициозный проект как создание на месте «Азовстали» территории отдыха и досуга с оформлением набережной. Заключённое соглашение получило серьёзный символический смысл, стало демонстрацией единства российских регионов в деле поддержки единой политической линии российского государства. Что касается сотрудничества Петер-

бурга и Мариуполя, то несмотря на тяжесть нынешнего положения, сотрудничество не может быть (и не будет) ограничено делом восстановления городской инфраструктуры. При разнице масштабов у городов много схожего: два города-порта с непростой историей, опытом преодоления военных тягот, сочетающие ряд включая промышленности.

В этих условиях важной миссией Санкт-Петербурга становится формирование и развитие гражданской поддержки новой роли Санкт-Петербурга как лидера в деле восстановления братского города-порта и развития связей с территориями Донбасса. Дело не только и не столько в экономической помощи, которую готовы оказать правительство и бизнес второго по величине мегаполиса России разрушенному городу-побратиму, а в формировании общей аксиосферы и взаимного усиления позиций городов. Эта работа немыслима без идейного обоснования, без широкого гражданского участия и поддержки горожан, она должна строиться на таких ценностных установках как сопереживание, солидарность, сотрудничество, а учитывая цифровые трансформации и особенности взаимодействия внутри разных поколений – должна одинаково активно вестись как в офлайн, так и в онлайн пространствах, например, с использованием страниц крупнейших культурных центров города и сетевых сообществ. Формирование заинтересованности в двустороннем партнёрстве должно были частью целенаправленной и системной работы как традиционных средств массовой информации, так и социальных медиа, что видится важным фактором развития межрегионального сотрудничества и «связывания» российских территорий. Примером стала выставка «Донбасс. Индустриальный портрет» в Академии художеств в Санкт-Петербурге (<https://artsacademymuseum.org/exhibition/donbass-industrialnyi-portret>), ведь искусство способно «удваивать» действительность, усиливая ценностный и эмоционально значимый контекст времени, а визуализация образа пространства становится декларацией действительности, дает необходимую основу для формирования концепта памяти.

Социально-культурное проектирование – актуальная стратегия развития территории [11] и процесс побратимства городов как может быть использован как активный механизм межрегионального

взаимодействия при условии, что меры социально-экономического характера будут основываться на безусловной поддержке инициатив со стороны граждан. Отсюда – необходимость исследований и формирования гражданской поддержки роли Санкт-Петербурга как лидера в деле восстановления Мариуполя и развития связей с территориями Донбасса как новой уникальной исторической миссии Санкт-Петербурга, в том числе обеспечение поддержки этого направления через социальные сети. Подобные проекты в сфере культуры, особенно связанные с сильными брендами, ассоциирующимися с Санкт-Петербургом, могут способствовать урегулированию политической нестабильности и росту понимания между людьми. Более того, эти проекты даже в кризисных условиях могут обеспечить прямую или косвенную прибыль, а также способствовать развитию туристической популярности мест, где эти мероприятия проводятся.

Серьезной проблемой является отсутствие позитивного образа Мариуполя в «брендовом» формате, что не могло быть сформировано до событий 2022 г. и который мог бы продвигаться в Санкт-Петербурге, в том числе, – в онлайн формате. Вопрос формирования заинтересованности петербуржцев в туризме и развитии отношений с новым российским портом в настоящий момент не может быть реализован в полной мере. В настоящий момент речь идет о солидарности, сострадании и сотрудничестве во имя гуманитарных ценностей. Важно, чтобы такие представления формировались не только стихийно и на уровне обыденного сознания, но были частью целенаправленной и системной работы как традиционных средств массовой информации, так и социальных медиа, а также строились на вовлечение в данный вид межрегионального и муниципального сотрудничества представителей гражданского общества и бизнеса.

В связи с этим, кроме официальной страницы Губернатора, страницы Законодательно Собрания Санкт-Петербурга и официальных СМИ города (например, <https://spbdtv.ru>) в материалах которых содержится информация о новых направлениях деятельности и региона и развития связей с городами-побратимами, информация и продвижение должна идти и по неформальным каналам, с использованием страниц крупнейших культурных центров города.

Среди крупных культурных, научных центров Санкт-Петербурга, каждый из которых имеет официальную страницу в социальной сети «ВКонтакте» и многотысячную аудиторию подписчиков (Государственный Эрмитаж (https://vk.com/hermitage_museum), Русский музей (207 410 подписчиков, <https://vk.com/rusmuseum>) Санкт-Петербургский государственный университет (74 594 подписчика, <https://vk.com/spb1724>), информация о взаимодействии Санкт-Петербурга и Мариуполя представлена крайне незначительно, в основном – на страницах ВУЗов (к примеру, в СПбГУ), где разворачиваются программы научно-образовательного сотрудничества с образовательными учреждениями вновь присоединенных республик и областей.

Среди наиболее популярных в сети узлов неформальной сетевой коммуникации таких как: «Это Питер, детка!» [Типичный Питер] Лучшее о Санкт-Петербурге. Интересные Мероприятия и Заведения (1 161 379 подписчиков, <https://vk.com/piter>), «Мой Питер» (754 039 подписчиков, <https://vk.com/my.piter>), «Питер :) Подписывайся и будь в курсе жизни Петербурга» (397 895 подписчиков, https://vk.com/gorod_na_neve) и др. обнаружить информацию о новой миссии Санкт-Петербурга и материалов, направленных на формирование (развитие) позитивного имиджа города в новых условиях не удалось.

В заключении следует отметить, что масштабные трансформации гражданского общества и развитие мышления о динамике процессов публичной политики все чаще связываются с эффективностью электронного правительства, с сетевым или платформенным взаимодействиями. Именно с цифровыми формами гражданской активности связывают надежды на развитие сотрудничества, как основы государственной управляемости, поскольку ответственности, самостоятельности, идентификации с целями и смыслом деятельности невозможно достичь классическими формами принуждения. В центре внимания оказываются технологии неявного, латентного, мягкого воздействия, Продолжая обсуждение крайне принципиального в настоящее время вопроса о тенденциях развития цифрового общества и управления в управлении Интернетом можно утверждать, что базовым основанием выступает ориентация на умножение солидарных действий инструментами концепта вовлечения в публич-

ность. На наш взгляд, именно интерес к исследованию культурных факторов ощутимо преобразует как современную политическую науку, так и процессы управления публичной политикой.

Движение побратимства российских городов выступает как хорошо знакомый, но вместе с тем, новый (переосмысленный), потенциально, высокоэффективный механизм межрегионального взаимодействия и обеспечения процесса «связывания» территорий, при условии комплексного подхода и развития аксиосферы городов-побратимов, территорий и государства в целом. Следует отметить, что сохранение стихийных коммуникаций в среде цифрового гражданского общества вряд ли будет достаточно, чтобы сохранить отношения устойчивыми, так как концепция городов-побратимов, с принципом свободного общения горожан в международной среде, продемонстрировала, что они развиваются или приостанавливаются с личным участием отдельных лиц и гражданского общества в более широком смысле и определяются транслируемой системой ценностей.

Список источников

1. Кулакова Т. А., Волкова А. В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского университета Философия и конфликтология. Т. 39, № 1. 2023. С. 92–105.

2. Щербинин А. И. Социально-политические проблемы города в быстро меняющемся мире на границе исследовательских // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума : в 2 т. Симферополь. 2021. С. 483-488

3. Volkova A. V., Kulakova T. A. Network, procedural and cognitive components of digital public governance implementation designs: the experience of European countries / Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2021. Т. 37. № 1. С. 118–135

4. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Образ города – образ будущего (политико-конструктивистский подход) // Образ будущего. Сборник тезисов Второй Международной научно-практической конференции. Орёл. 2022. С. 171–173.

5. Попова О. В. «Рассерженные горожане»: группа одного интереса? Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 2. С. 58–79.

6. Мартыанов Д. С., Лукьянова Г. В. эмоциональная публичная сфера: поляризация паралингвистического интернет-дискурса // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 2. С. 25–48.

7. Кулакова Т. А., Волкова А. В. Цифровой вигилантизм: спектакль против реальности? Философия истории философии / под ред. А. А. Иваненко, СПб: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 107-125.

8. Nye, J. S. Soft Power: The Means to Success in Worlds Politics, New York: Public Affairs Press. 2005.

9. Пашкус В. Ю. Стратегия прорывного позиционирования и ее применение при продвижении брендов территорий, Современные политические стратегии. СПб., Изд-во: Русская христианская гуманитарная академия. 2022.

10. Blatter J. Beyond hierarchies and networks: institutional logics and change in transboundary spaces // Governance. 2003. № 4 (16). С. 503–526.

11. Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты. Международная научно-практическая конференция / под ред. О. С. Пустошинской, Г. Саймонс, В. В. Никуленкова. Тюмень, 2021.

Partnership of City-sisters in the Realities of a Adigital Society

A. V. Volkova, T. A. Kulakova

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
av.volkova@rambler.ru , koulakova812@mail.ru*

Abstract. Referring to the phenomenon of twinning of cities in the context of the developing international crisis, when urban diplomacy, the successful practice of interstate civil cooperation, perceived for decades as unshakable and value-oriented, were subjected to «suspension» or «cancellation», the authors of the article try to determine the prospects for civil communication. Territorial changes in 2022, the entry of new territories into Russia and the establishment

of twinning relations between Russian cities and the cities of Donbass give the institution of sister cities a new meaning and important political and cultural significance. The formation and development of the axiosphere of twin cities is seen as an important factor in the development of interregional cooperation and the «binding» of Russian territories. The authors combine the desire to take into account the specifics of the developing digital society with the analysis of regional governance issues from the perspective of an axiological approach. The paper notes the importance of civil initiatives and movements, social media, whose activities are aimed at maintaining the social sphere and creating a digital environment of trust, at intensifying urban, civil cooperation in the network as a counterweight to the aggressive anti-Russian, Russophobic network practices used today in the digital space. The study was supported by the Russian Science Foundation grant N 22-28-00779 «Sovereignty and sovereignty: the logic and antinomies of global civilization».

Keywords: public policy, axiosphere of the region, sister cities, digital transformations, public values.

Секция 1

Управление общественно-политическими процессами в условиях цифровизации

ГРНТИ 11.15

Цифровое государство в контексте политического мифа

Д. А. Будко

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
St007796@spbu.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена цифрового государства с точки зрения политических мифов. В работе миф рассматривается с точки зрения Клода Леви-Стросса. Используется неинституциональная методология, дискриптивный и аналитический методы. Рассматриваются основные угрозы и тенденции, существующие в настоящее время. Отдельное внимание уделяется возникновению феноменов цифрового гражданина и гражданства. Делается вывод о возможном существовании двух главных сюжетных направлений современной политической мифологии цифрового государства. Первое направление тесно связано с эсхатологической тематикой. Второе направление развивается в русле идей идеального будущего (своего рода формирование цифровой утопией, виртуального «города Солнца»). Ключевые слова: цифровое государство, политический миф, мифология, цифровой гражданин, эсхатология, и идеальное будущее, опасности цифровизации.

Введение

Изучения цифрового государства является одним из наиболее значимых трендов современной политической науки. Зачастую основными направлениями для исследования этого направления стано-

---

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности»).

© Будко Д. А., 2023

вятся вопросы, связанные с поведением граждан в виртуальном пространстве, политической коммуникацией, удобствами виртуальных сервисов и цифровой инфраструктуры. Особый пласт работ, во многом смежный с политической психологией, связан с новыми медиа и социальными сетями: изучаются не только комментарии пользователей и лексика, которую они используют, но и их стикеры, эмодзи, внешний вид личных страниц, аватары. Однако весьма малое число публикаций затрагивает формирующиеся практики и мифологию виртуальных сообществ и просто пользователей сети. Можно предположить, что по своей сути Интернет являет собой попытку создания второй жизни, в которую каждый из нас окунается стоит только «поймать wi-fi» или 4G. Как и в любой другой реальности здесь рано или поздно возникают свои особенности, традиции и некоторые верования. Данный доклад представляет собой попытку осмысления феномена цифрового государства в рамках возможности его существования не только с точки зрения права и практической деятельности, но и «ментального» конструкта.

Теоретическая рамка исследования

В качестве теоретической рамки исследования для данного исследования отдельно можно выделить следующие направления исследований, на которые мы ориентировались в первую очередь. В плане цифровизации – С. В. Володенков, С. Н. Федорченкова и Ю. Д. Артамонова [4]; А. В. Курочкин [9], А. В. Соколов и Я. В. Барский [11] и другие. С точки зрения этической составляющей и политической мифологии – В. Б. Александров [1], С. И. Белов [2], А. В. Волкова [3], В. А. Гуторов [5], К. Ф. Завершинский [6], А. Г. Иванов [7], Л. Л. Штофер, О. М. Шевченко [14] и другие.

Цели и методы исследования

Целью исследования является определение места цифрового государства в мифологии современного человека. В качестве основной методологии используется неинституциональный подход. Однако миф трактуется в классическом понимании Клода Леви-Стросса: ключевым моментом составляющим мифа является не его язык и форма, а сюжет. При этом сюжетная основа весьма пластична, и может развиваться в различных направлениях, а время его разви-

тия имеет весьма необычный характер и обладает такими чертами, как «необратимость и обратимость, синхронность и диахронность», что во многом роднит его с оркестровой партитурой [10, с. 219–220]. Основными методами исследования явились дескриптивный и аналитический методы (особый акцент делался именно на антропологической составляющей).

Основная часть

Происходящие цифровые трансформации, свидетелями которых мы являемся, влекут за собой изменения не только на уровне сферы услуг, а также возможного документооборота, но и понимания своей повседневности, в том числе политической.

Можно отметить парадокс современности: если о событии не сообщили в виртуальной сети, то его словно и не было. Если раньше подобное имело место быть, но относительно традиционных СМИ, то сейчас это затрагивает в том числе аспекты ведения личных страниц в различных социальных сетях, которые по своему функционалу направлены не только на общение, но именно трансляцию собственной жизни в формате «прямое включение» (отсюда, возможно, можно находить такие опции, как истории, прямые эфиры, трансляции и так далее).

Таким образом, цифровые трансформации порождают изменение нашего быта. Если человек хочет быть включен в новую среду обитания, то он должен также подчиняться ее правилам и соблюдать минимальные требования к нахождению в ней (к этому можно внести регистрацию в сети при подключении, что особенно актуально с учетом дискуссий о возможности входа в Интернет по паспорту [13]). Эти изменения проявляются как в мелочах (наиболее удачный ракурс на фото для большего числа «лайков»), так и при проведении значительных мероприятий (дистанционное голосование).

Соответственно существование в рамках виртуального пространства и появления современного цифрового государства подготавливают почву для их осмысления и наделения новыми смыслами с точки зрения не только ученых, но и обывателей, ставших их непосредственными участниками. Здесь и возникает пространство для формирования мифов об идеальном цифровом государстве, а также всем том, что оно может скрывать.

Подобная конструкция предполагает, как и большинство жизненных явлений, две стороны – светлую и темную.

На светлой стороне находятся удобство получения услуг и доступ к информации в любой момент, от возможностей политического участия до посещения любого музея или театра мира.

Неким серым полутонем можно обозначить формирования нового антропоцентризма, дающего во многом иллюзорное ощущение значимости собственной личности в виртуальном пространстве, что дает маневр для различных трактовок.

Темную сторону можно охарактеризовать строчкой из популярной песни: «Будь как дома, путник» («Король и Шут» (1997). Лесник. На альбоме «Будь как дома, Путник...»). Поскольку именно здесь каждый плюс приоткрывается с новой стороны, причем эти угрозы характерны, на наш взгляд, для всего цифрового пространства, вне зависимости от полушария Земли или региона. Здесь возникают проблемы связанные со сбором и систематизацией информации о гражданах (риск утечки конфиденциальной информации не только о дате рождения, месте проживания, но и здоровья, покупок и так далее), вмешательства государства и иных совершенно сторонних структур в личную жизнь (наиболее нагляден пример с Covid-19, сертификатами о вакцинации и приложениями о перемещении граждан), цифровое неравенство граждан (речь не только о стоимости доступа к Интернету, но и возможности подключения к нему и понимания правил поведения в сети), а также интернет-активизм (несмотря на изначальное присутствие в виртуальном пространстве, он может выбраться в реальную жизнь (что подтверждают twitter-революции, а также кибер-буллинг)).

Весьма любопытна попытка свести цифровую реальность с идеями о поисках вечной жизни, посредством цифрового двойника, что соотносится с поиском алхимиками философского камня. Однако темпы развития высоких технологий при этом вызывают опасения не только у обывателей или конспирологов, но и у таких знаковых представителей IT-сферы, как Илон Маск и Стив Возняк [8, 12] (было бы неверно утверждать, что размышления о месте высоких технологий в реальности и их угрозах есть лишь тема наших дней. Пожалуй, в качестве одного из первых примеров можно привести «Три закона робототехники» писателя-фантаста Айзека Азимова).

Вероятно, именно в этот момент возникает вопрос существования не просто гражданина, а цифрового, который становится ключевым в контексте исследовательского интереса. Здесь, вероятнее, можно выделить два направления формирования мифа о современном / будущем цифровом государстве.

С одной стороны, оно становится неким «городом Солнца», Атлантидой, Китеж-градом или иным утопическим конструктом, который рисует картину яркого доброго будущего (порой и прошлого с апелляцией к будущему), которое возникнет в случае воплощения конструкта в жизни.

С другой, здесь возникает пространство для существования эсхатологический миф, о том, что новая цифровая реальность и складывающееся вокруг нее цифровое государство есть явления, связанные с сугубо негативными явлениями, несущими в конечном счете угрозу для человечества.

Выводы

Таким образом, в настоящий момент можно предположить, что миф о цифровом государстве на данном этапе находится в процессе своего формирования. Существование двух разнонаправленных тенденций свидетельствует о том, что в конечном счете, возможно, в сознании простых пользователей еще нет четкого понимания того, что есть цифровое государство, и цифровое гражданство для них лично, и какими цифровыми гражданами они хотят быть.

Список источников

1. Александров В. Б. Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти / В. Б. Александров // *Управленческое консультирование*. – 2020. – № 2. – С. 16 – 21. Doi: 10.22394/1726-1139-2020-2-16-21

2. Белов С. И. Перспективы использования политического мифа как ресурса формирования образа будущего в массовом сознании (на примере России) / С. И. Белов // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2019. – № 1 (58). – С. 62–68.

3. Волкова А. В. Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля / А. В. Волкова // *Ев-*

разийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3 (29). С. 59–64.

4. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Артамонова Ю. Д. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко, Ю. Д. Артамонова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 230–253. Doi: 10.21638/spbu23.2022.301

5. Гуторв А. В. Античная социальная утопия: вопросы теории и практики. Л.: Издательство Ленинградского университета. 1989. 288 с.

6. Завершинский К. Ф. Политический миф как предмет исследований современной культурсоциологии / К. Ф. Завершинский // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. – С. 252–254.

7. Иванов А. Г. Нарративное измерение политического мифа / А. Г. Иванов // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 49 С. 69–78. Doi: 10.17223/1998863X/49/8

8. Илон Маск и сооснователь Apple бьют тревогу из-за развития искусственного интеллекта // 5 канал, Наука, Эфирная новость. 2 апреля 2023, 8:36. URL: https://www.5-tv.ru/news/426282/ilon-mask-isoosnovatel-apple-but-trevogu-izza-razvitiia-iskusstvennogo-intellekta/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 02.04.2023)

9. Курочкин А. В. Новые технологии городского развития в условиях цифровой экономики: pro et contra // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т.14, № 3. С. 423–425. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.307>

10. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – Москва: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

11. Соколов А. В., Барский Я. В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности / А. В. Соколов, Я. В. Барский // Власть. – 2021. – Том. 29, № 6. – С. 42–47. Doi: 10.31171/vlast.v29i6.8676

12. Стив Возняк — РБК: «Цифровая революция делает нас все более одинаковыми» // Свое дело, 05 апреля 2018 (автор Илья Носырев), 18:58. URL: https://www.rbc.ru/own_business/05/04/2018/5ac5fd839a79479763f1b3be (дата обращения: 02.04.2023)

13. Хинштейн исключил «интернет по паспорту» в обозримом будущем // Технологии и медиа, 05 июня 2023, 17:31 (автор Виктория Полякова). URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/06/2023/647de0439a7947f05ba0bf34

14. Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Типология политических мифов: социокультурные детерминанты генезиса и распада / Л. Л. Штофер, О. М. Шевченко // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. № 4. – С. 206–213.

The Digital State in the Context of the Political Myth

D. A. Budko

St Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

St007796@spbu.ru

Abstract. The article studies the phenomenon of the digital state from the political myths point of view. In this paper, myth is considered according to Claude Levi-Strauss's approach. Neo-institutional methodology, descriptive and analytical methods are used. The main threats and current trends are considered. Attention is particularly paid to the emergence of the phenomena of digital citizen and citizenship. The conclusion is made about the possible existence of two main plot directions of the modern political mythology of the digital state. The first direction is closely connected with eschatological themes. The second direction is developing in line with the ideas of an ideal future (somewhat of a digital utopia, a virtual «city of the Sun» formation).

Keywords: digital state, political myths, mythology, digital citizen, eschatological, ideal future, emergence of digital.

Влияние цифровых технологий на политическую активность граждан и электоральный процесс в РФ

М. А. Бурда, Э. А. Ашмарина

*РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва
burdam584@gmail.com, easchmarina03@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассмотрено влияние цифровизации общественно-политической системы на политическую активность граждан России, их электоральное поведение. Данное явление рассмотрено на примере востребованности формата дистанционного электронного голосования и систем цифровых опросов общественного мнения. Анализируются перспективы развития электронной демократии и её эффективность в мобилизации российского электората.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровые сервисы, политический процесс, политическая активность, электорат, электронное голосование, электронная демократия.

Введение

В течение двух последних десятилетий цифровые технологии активно развиваются и оказывают всё большее влияние на все стороны общественно-политической жизни. На сегодняшний день множество электронных сервисов обслуживает не только сферу развлечений и услуг, но всё больше внедряется в административный и общественно-политический процесс. Актуальность применения цифровых технологий в политических процессах и политических технологиях связана с проблемой политической активности российского электората. Согласно исследованиям российских политологов и результатам политической явки избирателей за последнее десятилетие, в современной России стабильно держится низкий уровень политического участия [1, с. 33]. Особенно пассивной электоральной группой является молодёжь, участие которой наиболее важно для политической системы. Стратегически важная часть электората большую часть времени проводит в цифро-

вом пространстве. В связи с этим правительство РФ всё чаще обращается к «облачной демократии», переводя часть реальной политики в цифровую среду. В нынешней ситуации цифровые технологии в политике могут помочь решить проблему политической активности российских граждан.

Теоретическая рамка исследования Взаимосвязь цифровых и политических технологий

Внедрение электронных сервисов в политические процессы, в особенности в избирательный процесс связано с программой массовой цифровизации в России. Обращение к системе электронной демократии позволяет принимать участие в общественно-политических процессах удалённо при помощи средств массовых коммуникаций. Эксперименты по внедрению цифровых технологий в политику в России начались ещё в 90-х гг., когда ЦИК стала применять для комплекса обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) на центральных избирательных участках на выборах в таких субъектах РФ как г. Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область и другие. Результаты данного голосования не несли юридической силы, потому и считались экспериментальными. Обработка избирательных бюллетеней эффективна для организации избирательного процесса. Сокращается время для обработки бюллетеней и издержки. Данная разработка закрепились в российском электоральном процессе в дальнейшем. Выборы президента РФ в 2018 г. были самыми масштабными по применению сканнеров избирательных бюллетеней [8]. Однако КОИБ не способно повлиять на политическую активность граждан, что являлось и является до сих пор основной проблемой в мобилизации электората. Более перспективной моделью является цифровизация самого процесса подачи голосов и мониторинг общественного мнения через интернет-ресурсы. Таким инструментом стала система электронного дистанционного голосования (ДЭГ), разработанная российской компанией «Ростелеком» по заказу ЦИК России. Новый способ электоральной процедуры запущен в 2019 г. и был применён на выборах депутатов в Мосгордуму VII созыва. Пилотными площадками стали три московских избирательных округа: № 1 (Зеленоград), № 10 (Бибирево, Лианозово, Северный), № 30 (Чертаново Центральное, Чертаново

Южное) [4]. На открытых электронных избирательных участках граждане могли проголосовать через цифровые сервисы, не используя избирательные бюллетени на бумажном носителе. Эксперимент повтори уже через год на федеральных выборах в Курской и Ярославской области. Результаты ДЭГ 2019 и 2020 гг. носили юридическую силу и продемонстрировали влияние новой формы волеизъявления на политическую активность граждан. В большей степени эти результаты дали показательный эффект на явке молодёжи в возрасте от 18 до 37, над повышением политического участия которой активно работает правительство РФ.

Другим примером взаимосвязи цифровых технологий и политики является «облачное политическое пространство». А конкретно, частичный переход мониторинга общественного мнения в цифровое пространство. Известно, что молодёжь проводит значительную часть времени интернет-пространстве и активно пользуется электронными средствами массовой коммуникации. И в то же время молодёжь – самая пассивная группа электората. По данным опроса ВЦИОМ 2018 г. среди всех опрошенных, проголосовавших на выборах президента РФ 2018, 21,4 % опрошенных примерно 35 лет, 15,6 % – 25 лет, еще 8,1 % – 18 лет [2]. Потенциальным частичным решением этой проблемы может стать система электронных опросов, с помощью которой можно получить мнение граждан по актуальным вопросам.

Данные инструменты повышения политической активности граждан уже применяются в общественно-политическом пространстве и уже дают определённую динамику. Сегодня наиболее развивающиеся цифровые политические проекты в России – это система ДЭГ и система электронных опросов общественного мнения.

Цель и методы исследования

Целью данной статьи – определить, влияют ли цифровые технологии на политическую активность современных граждан России, способны ли электронные ресурсы при внедрении в общественно-политический процесс изменить политические привычки людей. В качестве конкретных цифровых сервисов, применённых в российской политической системе, в статье рассмотрены система ДЭГ и цифровая платформа «Активный гражданин».

Основными методами исследования послужили эмпирические методы. При рассмотрении ряда статистических данных и научных статей был использован описательный и сравнительный метод для выведения выводов.

Дистанционное электронное голосование:

Результаты и перспективы

В 2021 г. ВЦИОМ в рамках квартирного опроса установил интересный факт, касающийся молодых избирателей в возрасте от 18 до 24 лет. Основной причиной, по которой молодёжь была намерена проголосовать на выборах в Госдуму 2021, оказалось желание выразить своё мнение и свой голос. При этом доля молодёжи среди всех желающих проголосовать на выборах 2021 не превысила даже 25 %. В целом 51 % опрошенных намеревался принять участие в выборах, что демонстрирует относительно невысокую политическую активность среди всех электоральных групп [10].

Одной из причин того, что почти половина россиян входит в «молчаливое большинство», является занятость граждан на работе и по ряду других обстоятельств; несовпадение их места нахождения с местом регистрации, что препятствует росту политической активности избирателей.

ДЭГ оказалось рациональным решением проблемы для граждан, которые не могут или не хотят по ряду причин прийти на физический избирательный участок. Центризбирком и президент РФ Владимир Путин очевидно одобряют внедрение данного вида голосования в избирательный процесс, так как после экспериментальной апробации президент 23 мая 2020 г. подписал Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Поправки внесены в ФЗ № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», они предусматривают возможность голосования через Интернет на всех уровнях выборов и впервые вводят термин «дистанционное электронное голосование» в правовую систему [9]. ДЭГ обоснованно одобрено органами государственной власти за ряд положительных характеристик. Для электронного голосования избирателю нужен только выход в интернет и активная учётная запись на цифровом административном портале «Госуслуги» вме-

сто паспорта и других документов, которые требуются на физическом избирательном участке.

Избиратель также может проголосовать из любого удобного для себя места, города и даже страны. До апробации ДЭГ избирателю нужно было заранее взять открепительное удостоверение, если он находился далеко от приписанного ему избирательного участка. В особенности ДЭГ набрало популярность во время разгара эпидемии Covid-19.

Информация о кандидатах также собирается в упорядоченный электронный формат. А электронный список избирателей при выборе любой формы голосования (в печатной или электронной форме) автоматически блокирует возможность повторного голосования. Всё это характеризует систему электронного голосования, как удобную, информативную и наилучшую для молодёжи и избирателей среднего возраста, чья занятость довольно высока. В связи с этим «мобильность» электронных избирательных участков уже является решающим фактором в выборе формы голосования избирателей.

Однако система ДЭГ нельзя назвать полностью универсальной и безупречной. ДЭГ была подвергнута критике ещё на стадии пилотного проекта из-за наличия определённых недоработок в системе, а также из-за наличия фактора недоверия к выборам в электронном формате. Ключевой недостаток в безопасности цифровых данных был выявлен ещё на пилотном периоде ДЭГ на выборах депутатов Госдумы 2019 г.

К минусам ДЭГ также можно отнести препятствия для общественного контроля над электоральным процессом. Электронное голосование менее «прозрачно» из-за необходимости сохранить тайну голосования и электронные данные избирателей, которые подвержены комплексному многоступенчатому шифрованию. Для шифрования данных применяется технология «Блокчейн»-выстроенная по определённым правилам непрерывная цепочка информационных блоков (транзакций), связь между которыми и безопасность цепочки в целом обеспечивается при помощи криптографических средств, а именно, через криптографическую подпись [5].

Однако после ряда технических сбоев во время кампании 2019 г., когда избиратели не могли получить электронные бюллетени и статистика не обновлялась, блокчейн-платформа была мо-

дернизирована. Уже к выборам в Государственную думу 2021 г. система шифрования данных прошла восемь тестирований, учитывая проверку хакерскими атаками и нагрузкой в два миллиона голосующих [3]. Данные меры позволили минимизировать утечку данных голосующих, однако ряд экспертов утверждает, что пока (на момент 2022 г.) обеспечить полную безопасность данных технически невозможно.

Актуальные результаты применения системы ДЭГ позволяют назвать саму систему перспективной. Электронное голосование с 2019 г. показывает рекордно высокую явку. На голосовании по поправкам в Конституцию РФ в 2020 г. явка электронных избирателей выросла с 10 тыс. (результат 2019 г.) до 1 млн. – явка – 98 % в Москве и Нижнем Новгороде. На тот момент подавляющее большинство было плохо информировано о возможности электронного голосования, но при этом позитивно относилось к ДЭГ, в особенности новый формат голосования поддержала молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет, привлечение которой и являлось важной политической задачей для ЦИК России. Запрос и осведомлённость граждан по поводу ДЭГ также ежегодно растёт в 2021 г. уже 94 % жителей столицы были осведомлены о возможности проголосовать в формате ДЭГ, а явка на выборах 2021 г. составила 93 %. В 2022 г. дистанционное голосование было доступно в семи регионах РФ: Калининградской, Калужской, Курской, Новгородской, Псковской, Томской и Ярославской области, а также на муниципальных выборах в Москве на портале mos.ru. явка составила 86 %, в то время как явка на физических избирательных участках стабильно едва превышает 50 %.

Новинкой крайних выборов муниципальных депутатов 2022 г. стал электронный список избирателей, который упрощает работу сотрудников избирательных участков и электоральный процесс для избирателей, делая выборы «прозрачнее». Ошибки из-за «человеческого фактора» сведены к минимуму благодаря системе ГАС «Выборы», в которой содержатся все данные избирателей. Информация из ГАС «Выборы» вносится автоматически без ошибок в написании инициалов, дат и путаницы. Благодаря этому электронное голосование стало быстрее и ещё удобнее за счёт регулярного обновления информации в системе в режиме реального времени.

Как отметила Элла Памфилова на заседании ЦИК в сентябре 2022г. по итогам единого дня голосования ДЭГ пользуется большим спросом среди избирателей. Заявки на введение ДЭГ приходят из регионов, где ещё не применялась данная технология [7]. Интерес к ДЭГ растёт и ЦИК РФ, в связи с этим планирует расширять гибридный формат голосования (очно на избирательном участке или дистанционно через электронный ресурс). Важно отметить, что у ЦИК нет планов в дальнейшем заменить традиционный формат голосования дистанционным. ЦИК планирует постепенно распространять ДЭГ по всей России, однако этого не будет сделано, в полной мере пока не будет обеспечена безопасность данных. Оба формата будут развиваться параллельно, но на ДЭГ стабильно будет делаться упор ради высоких показателей по явке и по участию молодёжи. Случай подобного масштабного внедрения цифровых технологий в избирательный процесс при относительно быстрых темпах действительно можно назвать уникальным. Этой точки зрения также придерживается глава ЦИК РФ. Можно с уверенностью утверждать, что электронное голосование будет всё шире применяться в российском избирательном процессе, а количество электронных избирателей будет расти.

«Активный гражданин» и политическое участие граждан РФ

С приходом цифровых технологий в политику расширился инструментарий по исследованию общественного мнения граждан. Молодые пользователи сети-интернет вероятнее всего найдут время пройти краткий и простой опрос в виде анкеты онлайн, чем поучаствуют в стандартном квартирном вопросе. Для повышения политической активности молодёжи и мониторинга общественного мнения по социально-значимым вопросам по инициативе правительства города Москвы и совместно с Департаментом информационных технологий Москвы в 2014 г. была создана и запущена система электронных опросов «Активный гражданин». На данном цифровом сервисе москвичам предлагается выразить своё мнение и предложить решения по вопросам в ведомстве органов исполнительной власти столицы. Для привлечения к голосованию на платформе разработана также система поощрений для «активных граждан». За каждое голосование гражданин получает балы,

которые может обменять на платформе «Миллион призов» на призы от партнёров проекта «Активный гражданин», среди которых есть как культурные учреждения, так и сетевые магазины. Гражданин может также направить заработанные за активность баллы в благотворительные фонды, сконвертировав их в рубли. После двух лет работы «Активного гражданина» москвичи дали положительную оценку этому сервису в опросе Левада-Центра [6]. Около 55 % опрошенных заявили, что на «Активном гражданине» выносятся важные для них вопросы. К 2016 г. о системе «Активный гражданин» знала примерно половина опрошенных. За девять лет работы в системе электронных опросов зарегистрировались почти 6,5 млн «активных москвичей». На платформе проведено уже шесть тысяч опросов. Из этого следует, что москвичи доверяют системе электронных опросов. Данная система также повысила политическую активность молодых москвичей, которые являются основными пользователями сервиса «Активный гражданин». Другие преимущества системы электронных опросов в скорости получения информации и в прямом диалоге между органами исполнительной власти столицы и её жителями. Система электронных опросов в таком случае точно является эффективной и перспективной, а также способствует развитию «электронной демократии». Это будет привлекать всё больше молодёжи в общественно-политическую сферу, а администрация города Москвы и в дальнейшем сможет оперативно развивать город в соответствии с предпочтением его жителей.

Выводы

Можно утверждать, что развитие цифровых технологий и их внедрение в социально-политическую сферу уже оказало значительное влияние на политическую активность россиян. В том числе удалось привлечь молодёжь в политический процесс. В дальнейшем политическая активность граждан в цифровом пространстве будет расти за счёт роста пользователей сети-интернет среди разных возрастных групп и формирования новых цифровых ресурсов и опций в тандеме с системами поощрения. Велика вероятность, что уже через несколько лет мы будем наблюдать новые электоральные привычки граждан, связанные с применением цифровых сервисов в политике.

Список источников

1. Воропанов С. А. Возможности применения цифровых технологий к механизмам прямой демократии в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6. С. 31–34.

2. ВЦИОМ назвал средний возраст большинства проголосовавших на выборах. URL: www.ria.ru/20180318/1516645631.html (дата обращения 22.02.2023).

3. Выборы-2022. URL: www.mos.ru/city/projects/vote2022/ (дата обращения 22.02.2023).

4. Дистанционное электронное голосование в России. История и особенности. URL: www.tass.ru/info/13533535 (дата обращения 22.02.2023).

5. Ирхин Ю. В. Сетевые подходы в политике и технология блокчейна. 2018.

Социально-гуманитарные знания, 12(38-50). URL: www.cyberleninka.ru/article/n/setevye-podhody-v-politike-i-tehnologiiya-blokcheyna/viewer (дата обращения 22.02.2023).

6. Москвичи доверяют «активному гражданину». URL: www.levada.ru/2016/01/12/moskvichi-doverayut-aktivnomu-grazhdaninu/ (дата обращения 22.02.2023).

7. Памфилова отметила большой интерес избирателей к ДЭГ в регионах, где оно не применялось. URL: www.tass.ru/politika/15724133 (дата обращения 22.02.2023).

8. Федоров В. И., Ежов Д. А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета [Электронный журнал]. 2021. 1: 146–162.

9. Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки. URL: www.wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/elektronnoe-golosovanie-novye-tehnologii-menyayut-elektoralnye-privychki (дата обращения 22.02.2023).

10. Явка на выборы – 2021. URL: www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/javka-na-vybory-2021 (дата обращения 23.02.2023).

Impact of Digital Technologies on Political Activity of Citizens and Electoral Process in Russia

M. A. Burda, E. A. Ashmarina

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow*

burdam584@gmail.com, easchmarina03@gmail.com

Abstract. This article examines the impact of the digitalization of the socio-political system on the political activity of Russian citizens, their electoral behavior. This phenomenon is examined on the example of demand for remote electronic voting format and systems of digital opinion polls. The prospects for the development of e-democracy and its effectiveness in mobilizing the Russian electorate are analyzed.

Keywords: digital technologies, digital services, political process, political activity, electorate, electronic voting, electronic democracy.

Интернет как «зеркало» антиконституционного правосознания

С. А. Денисов

*Гуманитарный университет г. Екатеринбург, Россия
Sa-denisov@yandex.ru*

Аннотация. Данное исследование проведено в рамках науки «конституционная девиантология». Целью исследования является анализ проявлений антиконституционного сознания в материалах, размещенных в Интернете. Анализируется сознание интеллигенции, чиновников и иных групп населения. Люди проявляют неуважение к конституционным ценностям, Конституции РФ, к правам и свободам человека и гражданина. Они требуют пренебречь принципами равенства, ввести цензуру, наказывать тех, кто использует свои конституционные права и свободы. Антиконституционное значение имеет методология юридического позитивизма, применяемая для познания конституционного права. За развитый конституционализм выдают его исторически незрелые формы. Много лет через Интернет ведется активная антиконституционная пропаганда.

Ключевые слова: Интернет, антиконституционное сознание, сознание интеллигенции, сознание чиновников, конституционная девиантология.

Введение

Исследованием антиконституционного сознания населения занимается наука «конституционная девиантология» [17]. Для изучения отклонений от конституционного сознания она использует методологию политологии, социологии и других наук. Интернет является местом, где люди открыто высказывают свои мысли, в том числе, свое отношение к конституционным ценностям. Исследователю не надо специально искать встречи с людьми, тратить силы на их опросы. Люди сами обнажают свое сознание. Нужно только читать и смотреть то, что они говорят и пишут. Интернет является так же средством пропаганды каких-то идей. Анализируя имеющиеся в нем материалы, мы можем выявить доминирующие течения антиконституционной пропаганды.

Целью данного исследования является анализ особенностей антиконституционного правосознания, которое проявляется в информации, содержащейся в Интернете. В основу исследования положено аксиологическое представление о том, что такое идеальное конституционное сознание, представленное в конституционной доктрине. Оно включает в себя принятие ценностей социократии, верховенства прав и свобод человека и гражданина, демократии, республики, децентрализации власти, правового государства. Россия находится на перепутье и значительное количество населения придерживается прямо противоположных, т. е. антиконституционных ценностей этатизма, вождизма, великодержавия, авторитаризма, разделения населения на сорта по полезности для государства.

Работа с материалами Интернета требует использования интерпретационных подходов к применяемым здесь приемам изложения мысли (языковые приемы и средства), используемым символам и мифам. Автор применяет бихевиористский метод изучения политико-правового сознания людей на основе их поведения в Интернете.

В процессе исследования автор анализировал текстовые материалы и видеоролики, размещенные в русскоязычном секторе Интернета, обнаруженные с помощью поисковой системы Яндекс, по ключевым словам: «конституция», конституционализм», «конституционализм в России», «конституционное правосознание». Вторым направлением поиска нужной информации был анализ новостных лент и исследование высказываний различных спикеров в отношении основных положений Конституции РФ и принципов конституционной доктрины.

Поисковая система Интернета помогает исследованию ключевых направлений пропагандистской деятельности в сети. После выхода на один пропагандистский материал она выдает всю массу материала такого же рода. Становится видно, что мы имеем дело не с одним (случайным) мнением человека, а с деятельностью отдельной пропагандистской группы, имеющей свои цели и задачи.

Изучение антиконституционного общественного сознания помогает понять, почему нормы конституции у нас носят формальный характер, не пользуются спросом у населения. Проведенное исследование может быть основой для формирования конституционной контрпропаганды и конституционной агитации.

Собранный материал автор разделил на три блока: (а) сведения о сознании интеллигенции, проявляемые в научной, образовательной и пропагандистской сфере; (б) сведения о сознании чиновников разного уровня, проявляемые в законодательстве и их публичных высказываниях; (б) сведения о сознании иных групп населения.

Сознание интеллигенции, занятой научной, образовательной и пропагандистской деятельностью

Легче всего посредством Интернета изучать правосознание интеллигенции, которая выражает свои взгляды на конституционные ценности посредством публикации статей или выступлений (лекций), записываемых на видео.

Как известно, интеллигенция делится на служилую и гражданскую. Основным объектом исследования конституционной девиантологии является служилая интеллигенция, обладающая антиконституционным этатистским сознанием. В первую очередь конституционные ценности отражаются в сознании конституционоведов, которые изучают нормы конституционного права и транслируют свои знания через Интернет. Как известно, конституционоведы делятся на конституционалистов, преданных конституционным идеям и государствоведов, которые безразлично относятся к конституционным ценностям или выступают против них. Именно эта группа наиболее интересна для конституционной девиантологии.

Изучение материалов Интернета показывает, что большая их часть произведена государствоведами. Они дают в Интернет позитивистские представления о конституции, как об основном законе страны. Аксиологический подход к понятию «конституция», как система норм, в которых отражается конституционная доктрина, отсутствует. Википедия относит к конституциям законы Салона и Клисфена, Статус Великого Княжества Литовского [29]. Другие справочники называют конституцией свод законов шумерского государства Лагаш, кодекс царя Хаммурапи [56]. Такой подход навязывает мысль, что любой документ высшей юридической силы самого неконституционного характера (не соответствующий доктрине конституционализма) будет считаться конституцией. Позитивистский подход к конституции игнорирует идеалы конституционализма. Такое же позитивист-

ское значение конституции дается в учебной литературе, представленной в Интернете [43]. Отождествление конституции только с нормативным актом приводит к ложному утверждению о том, что в Канаде, Швеции, Великобритании, Новой Зеландии и Израиле нет конституций [56].

Свою лепту в искажение конституционного сознания россиян вносят историки, которые всякую попытку ограничить самодержавия выдают за конституционализм. Они не учитывают, того, что современное понимание конституционализма предполагает полное подчинение государства обществу граждан и верховенство прав и свобод человека. «Корни» идей конституционализма, первичные представления о нем они выдают за его развитый современный образец. Историки упорно выдают антиконституционные документы РСФСР и СССР, которые имели только названия «конституция», за настоящие конституционные акты [7]. Фактически, историки продолжают заниматься антиконституционной пропагандой, начатой большевиками. Деятельность по имитации конституционного строя они называют конституционализацией страны, подделки конституции выдают за подлинники [62]. При этом осуществляется подмена терминов. Огосударствление имущества называется национализацией. Патерналистское государство – социальным [31]. Критический (т. е. научный) подход к истории российского государства они объявляют очернением истории России [62].

Основу для искаженного представления о конституции дают ученые-государствоведы, ограничивающие свое представление о ней методологией позитивизма и забывающие про конституционные ценности, вытекающие из доктрины конституционализма [15]. Позитивисты отождествляют конституционные ценности с теми, что записаны в конституции [38]. Они доказывают, что каждая конституция ценна [38], даже если она закрепляет антиконституционные идеи. Юристы, у которых отсутствует аксиологическое представление о конституции и конституционализме утверждают, что органы власти имеют право делать все. Для них не существует ограничений. Что хотят, то и напишут в основном законе страны [19].

Антиконституционный характер носит социологический подход к конституционализму, который утверждает, что он присущ любому обществу и государству. Это просто организация (устройство) вла-

сти. Всякое государство конституционно [51]. Здесь конституционализм теряет свою прогрессивную, преобразовательную и телеологическую функцию.

Ковид заставил преподавателей вузов (конституционалистов) выйти с открытыми лекциями в Интернет. Государствоведы, которые раньше старались не обозначать свои антиконституционные взгляды, вынуждены были высказаться по актуальным проблемам конституционализма. Они приветствовали положения поправок к Конституции РФ 2020 г. (ст. 67.1 Конституции РФ) нарушающих нормы главы 1 и 2 этой Конституции (введение государственной идеологии традиционализма, запрещенной ч. 2 ст. 13 и ограничения свободы слова закрепленной в ч. 1 ст. 29 Конституции РФ) [50]. Государствоведы, в отличие от конституционалистов выступают за монархическую форму правления и поддерживают сверхвысокие права Президента РФ, закрепленные в главе 4 Конституции РФ [50]. Они требуют восстановления редистрибуции, свойственной для азиатского способа производства [50]. Для государствоведов типичны этатистские, державнические взгляды на конституционный порядок [16]. Традиционно они требуют, чтобы государство придумало и навязало населению единую государственную идеологию [63]. Они предлагают создать привилегии русским. Нетерпимой для них является неприкосновенность частной собственности (ст. 35 Конституции РФ). Они требуют ее ограничить [32].

Ранее автор уже писал о целенаправленной антиконституционной пропаганде, осуществляемой посредством Интернета [18, с. 80–85]. Новым является то, что А. Федоров (глава так называемого «национально освободительного движения») набрал группу артистов художественной самодеятельности, которые, в некоторой степени буквально подражая ему, воспроизводят его старые идеи [13, 52]. К ним относится ненависть к либеральной идеологии, заложенной в Конституцию РФ, требование заменить ее антиконституционным законом, ввести в стране монархию, устранить все свободы, уничтожить оппозицию, изолировать страну от мира, ввести тоталитарную идеологию, ликвидировать свободу информации [4, 45]. Активную антиконституционную пропаганду в Интернете организовало руководство телеканала «Царьград ТВ» [1, 8, 36, 37] и электронного средства массовой информации Pravda.ru [30]. Ос-

нователь телеканала «Царьград» К. Малофеев откровенно высказывает свою ненависть к Конституции РФ и основной ее ценности – правам и свободам человека [1].

Интернет представляет нам примеры грубого злоупотребления свободой слова. Явное неуважение к достоинству человека, защищаемому ч. 1 ст. 21 Конституции РФ выражают некоторые ведущие телепередач (В. Соловьев) [57]. Специализируются на оскорблении своих оппонентов некоторые известные публицисты (М. Делягин [28], М. Смолин [36] и другие [60]). Интернет хорошо показывает, что в России много людей, не уважающих права других (пренебрежение к ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). В отношении инакомыслящих льются потоки оскорблений и угроз [33]. Интернет заполнен сообщениями, грубо нарушающими ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, которая запрещает агитацию и пропаганду, возбуждающую социальную ненависть и вражду [9].

Сознание законодателей и других должностных лиц

Отношение к конституционализму со стороны законодателей легко прослеживается по их законотворческой деятельности. Ст. 18 Конституции РФ требует от них, чтобы все издаваемые законы были нацелены на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, а ч. 2 ст. 55 той же Конституции запрещает им издавать законы, отменяющие или умаляющие названные права и свободы. Но представители народа, видимо, придерживаются мысли, высказанной как-то графом Бенкендорфом о том, что в России законы написаны не для начальства. Поэтому из законодательного органа страны валом исходят законы, запрещающие те или иные действия граждан [49, 54].

Ряд депутатов и чиновников открыто высказывают свои антиконституционные взгляды в Интернете. В частности, они предлагают не обращать внимание на нормы, защищающие право частной собственности (ч. 1 и 3 ст. 35 Конституции РФ) и по-большевистски отнимать имущество у тех, кто критикует правящую группу [6, 24]. Даже А. Клишас, известный своей антиконституционной деятельностью, осадил их [25]. Депутаты Государственной Думы и сенаторы в последний год выразили свое отношение к конституционному положению о свободе передвижения граждан России (ст. 27

Конституции РФ). Они посчитали, что нужно наказывать тех, кто воспользовался этим правом и выехал за рубеж [9].

Как законодатели, так и работники правоохранительных органов (следователи, прокуроры и судьи) последнее время демонстрируют пренебрежение к закрепленной в ч. 1 ст. 29 Конституции РФ свободе слова. Одни принимают законы, содержащие жестокие наказания за критику правящей группы [14]. Другие их активно взялись применять [40]. Наказания за использование ч. 1 ст. 29 Конституции РФ сегодня более строгое, чем в СССР [2, 10, 34]. В 1966 г. А. Д. Синявский за антисоветскую агитацию и пропаганду получил 7 лет лишения свободы, а Ю. М. Даниэль – 5 лет лишения свободы [47]. Некоторые депутаты высказываются за то, чтобы, пренебрегая запретом, установленным ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, вести цензуру в области культуры, как это было в СССР [44, 59].

Свою неготовность во что бы то ни стало защищать конституционные нормы в 2020 г. показали судьи Конституционного Суда РФ. Они без обсуждения поддержали явно нарушающие главу 1 и 2 Конституции РФ поправки к этой конституции [22, 27]. Правда демонстративный отказ их обсуждать показал всему миру, что они вынуждены подчиниться приказу сверху и не могут выразить действительное отношение к этим поправкам. Только один судья Конституционного Суда не пришел на заседание суда, на котором были одобрены поправки [53, 61]. Естественно, после этого он был вынужден уйти в отставку.

Сознание иных групп населения

Российское общество является расколотым на сторонников конституционализма и их противников. Последние считают себя истинным народом России, а всех, кто мыслит не так как они – врагами народа [11, 58]. Представители левых взглядов вспомнили сталинские времена и активно приступили к поиску инакомыслящих в России [35, 55]. Сегодня всякий пропагандист норовит выступить от имени народа и «пригвоздить к позорному столбу» инакомыслящего [9]. Фактически, это нарушение ст. 3 Конституции РФ и доктрины, которая говорит, что ни одна группа людей не может захватить власть в стране и навязывать свое мнение другим.

Много людей, особенно творческих и эмоциональных предлагают игнорировать ч. 2 ст. 27 Конституции РФ (право свободно выезжать за пределы страны и беспрепятственно возвращаться в нее), на том основании, что они придерживаются другого мнения в отношении политики правящей группы [33, 42]. Некоторые артисты, которые предлагают лишить гражданства выехавших из страны [33], наверно, просто не знают, что ч. 3 ст. 6 Конституции РФ запрещает это.

Советское представление о том, что людей надо делить на сорта, в зависимости от полезности их для государства продолжает жить в сознании части россиян. Некоторые из них считают, что они являются образцовыми гражданами первого сорта, на том основании, что верно служат правящей группе. Людей, критикующих политику правящей группы, они относят к гражданам второго сорта, которые должны быть ограничены в правах [39, 46]. Наверяд ли они знают, что Конституции РФ (ч. 1 ст. 6) закрепляет единое и равное гражданство, а ч. 2 ст. 19 обязывает государство гарантировать равенство прав и свобод независимо от убеждений человека.

Представители левых сохраняют свои антигуманные убеждения (пренебрежение ст. 2 Конституции РФ). Они думают, что пролили еще мало крови и продолжают требовать расстрелов [22]. Азиатский способ производства с его редиистрибуцией они объявляют конституционным социалистическим строем, а формальные нормы конституций СССР объявляют реально действовавшими [12]. Конституцию РФ они не желают признавать на основании того, что она была принята с нарушением действующих тогда норм [3].

Сознание части населения имеет синкретный характер. Люди не отделяют государство от общества (Родины, Отчизны, России) и не понимают, что государство должно служить обществу и человеку (ст. 2 Конституции РФ), а не человек и общество должны быть средством для проведения государственной политики. В сознании архаичного человека высшей ценностью является государство [26]. Это сознание приводит к тому, что такой человек всех несогласных с политикой, проводимой правящей группой рассматривает, как изменников Родины [21]. К этому следует добавить, что пропаганда намеренно отождествляет критику правящей группы с критикой страны, а желание сменить правящую группу объявля-

ет выступлением против России (русофобией) [41]. Сказывается правовая неграмотность населения. Некоторые, так называемые аналитики, не отличают национальную идеологию от государственной и уверяют читателей, что в России запрещена национальная идеология [5, 20].

Интересно, что Президент РФ в своем обращении к Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. не поддержал все вышеперечисленные антиконституционные идеи [48].

Выводы

Итак, проведенное исследование показывает, что для части россиян характерно антиконституционное сознание. Одни из них сознательно выступают против конституционных ценностей. Другие, видимо, даже не знают о их существовании. В стране обострился конфликт между сторонниками конституционализма и их противниками. Степень нетерпимости к сторонникам конституционализма повысилась.

Список источников

1. «Азбука традиционных ценностей». Серия XI. «Права и свободы человека». URL: <https://dzen.ru/video/watch/63fbc095b2bea22b769f5f5> (дата обращения: 21.02.2023).

2. Александра Невзорова приговорили к 8 годам колонии за распространение фейков об армии РФ. URL: <https://yandex.ru/video/preview/85964479711184889> (дата обращения: 10.02.2023).

3. Анализируем поправки в Конституцию. URL: https://dzen.ru/a/Xvt1WByp8F_m2CXI (дата обращения: 17.02.2023).

4. Блокировка YouTube в России. URL: <https://dzen.ru/video/watch/63c9221e8ea5ba0097d02260?f=d2d> (дата обращения: 20.02.2023).

5. Будут ли внесены в Конституцию России положения о государственной идеологии. URL: <https://topwar.ru/167033-budut-li-vneseny-v-konstituciju-rossii-polozhenija-o-gosudarstvennoj-ideologii.html> (дата обращения: 19.02.2023).

6. В Госдуме предложили изымать оставленные у границы машины россиян. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/633e5ddb9a7947498e6610bd> (дата обращения: 9.02.2023).

7. Вебинар «история российского конституционализма». URL: <https://yandex.ru/video/preview/8618015619391204801> (дата обращения: 9.02.2023).

8. В Конституционном суде встали на защиту иностранных интересов? URL: <https://yandex.ru/video/preview/14661580175678394679> (дата обращения: 14.02.2023).

9. Володин считает предателями граждан, уехавших из России на время спецоперации. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodinschitaet-predatelyami-grazhdan-uekhavshikh-iz-rossii-na-vremya-spesoperacii.html> (дата обращения: 19.02.2023).

10. Восемь с половиной. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5718364> (дата обращения: 17.02.2023).

11. Враг народа – историческая справка. URL: <https://pontokot.livejournal.com/576871.html> (дата обращения: 12.02.2023).

12. В чем главное отличие «Сталинской» Конституции 1936 года от буржуазных? Почему враги СССР скрежетали зубами? Часть 2. URL: https://dzen.ru/a/Y6xcai8e_huAK4mR (дата обращения: 17.02.2023).

13. В России запрещена государственная идеология по конституции РФ. URL: <https://dzen.ru/video/watch/63e0a2b4dc0e2014ed1d711b?f=d2d> (дата обращения: 20.02.2023).

14. Госдума единогласно приняла закон о сроке до 15 лет за фейки об армии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/03/2022/6221bffc9a7947fc5366974e> (дата обращения: 10.02.2023).

15. Гузий А.Е. Конституция – основной закон? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-osnovnoy-zakon> (дата обращения: 7.02.2023).

16. 2021.10.04 – УФК. Круглый стол «Исторические вехи конституционализма». URL: <https://yandex.ru/video/preview/12643926256644131937> (дата обращения: 14.02.2023).

17. Денисов С. А. Конституционная девиантология. В 3 кн. Кн. 1: Наука конституционной девиантологии. Конституционные девиации. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 594 с.

18. Денисов С. А. Продвижение антиконституционной идеологии в российском секторе Интернета // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции. Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2021. С. 80–85.

19. Заключение Конституционного суда: поменьше истерики, господа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/17/zaklyuchenie_konstitucionnogo_suda_pomenshe_isteriki_gospoda (дата обращения: 17.02.2023).

20. Запрет идеологии в Конституции — вредное недоразумение. URL: <https://www.pnp.ru/politics/2016/11/17/zapret-ideologii-v-konstitucii-vrednoe-nedorazumenie.html> (дата обращения: 19.02.2023).

21. Звёздные артисты, которые после критики СВО лишились мест и гонораров. URL: https://dzen.ru/a/Y_Fk3mupYig6EdUd (дата обращения: 19.02.2023).

22. Изменения статьи 67 Конституции РФ. Территория, СССР, Бог, историческое единство, дети... URL: <https://yandex.ru/video/preview/11227372249558008330> (дата обращения: 16.02.2023).

23. Ирина Алебастрова Политическое заключение: почему КС согласился изменить Конституцию. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/27/03/2020/5e731e869a794796b32e4f3b> (дата обращения: 12.02.2023).

24. Клишас назвал эпохальным предложение отобрать имущество уехавших из страны. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/12/2022/63ad31489a7947f6ce1fe293> (дата обращения: 9.02.2023).

25. Клишас предложил «уйти из власти» игнорирующим Конституцию. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/01/2023/63ba4af09a7947d9c0905347> (дата обращения: 9.02.2023).

26. Козак А. К вопросу о Государственной Идеологии. URL: <https://proza.ru/2016/11/27/2084> (дата обращения: 10.02.2023).

27. «Конституционный суд просто одобрил». Экс-судья о поправках в Конституцию. URL: <https://nsn.fm/policy/konstitutsionnyi-sud-otkazalsya-reshat-eks-sudya-o-popravkah-v-konstitutsiu> (дата обращения: 17.02.2023).

28. Конституционный суд РФ Сошел С УМА! Делягин в ярости. URL: <https://yandex.ru/video/preview/13870486724902903310> (дата обращения: 17.02.2023).

29. Конституция. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Конституция> (дата обращения: 7.02.2023).

30. Конституция 93 Как народ предал свою страну. Евгений Федоров на Pravda.ru 12.12.17... URL: <https://yandex.ru/video/preview/12297870191472335240> (дата обращения: 18.02.2023).

31. Конституция России: содержание и реализация (к 100-летию Конституции 1918 года). URL: <https://yandex.ru/video/preview/16327527782860988245> (дата обращения: 16.02.2023).

32. Круглый стол, посвящённый ценностям российского конституционализма. 28.11.2016. URL: https://yandex.ru/video/preview/?filmId=4669082260842070004&from=tabbar&has_translations_incut=1&p=1&parent-req_id=1675786727191658-3007710592081412922-sas3-0999-700-sas-17-balancer-8080-BAL-4182&text=конституционализм (дата обращения: 16.02.2023).

33. Лишить званий и наград? Мнения знаменитостей об уехавших из страны артистах разошлись. URL: https://www.om1.ru/afisha/news/291719-lishit_zvanijj_i_nagrad_mnenija_znamenitostejj_ob_uekhavshikh_iz_strany_artistakh_razoshlis/ (дата обращения: 19.02.2023).

34. Московский муниципальный депутат получил 7 лет за дискредитацию армии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2022/62c7ff969a79472a29190bef> (дата обращения: 12.02.2023).

35. Мэр Екатеринбурга доверил подготовку к юбилею города противнику СВО. URL: https://www.pravda.ru/districts/1796435-ekaterinburg_300letie/ (дата обращения: 15.02.2023).

36. Надо читать внимательно: что зашифровал Конституционный суд в своём заключении по конституции. URL: https://tsargrad.tv/articles/nado-chitat-vnimatelno-chto-zashifroval-konstitucionnyj-sud-v-svoem-zakljuchenii-po-konstitucii_243427 (дата обращения: 17.02.2023).

37. Налог на предательство. По вражеским корпоративам ударят рублем. URL: <https://dzen.ru/video/watch/6391bc1ecc4c07504dd5d475?f=d2d> (дата обращения: 20.02.2023).

38. Невинский В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-universalizatsiya-konstitutsionnyh-tsennostey-v-sovremennom-obshchestve> (дата обращения: 7.02.2023).

39. «Недоумение и шок»: что российские звезды думают об уехавших коллегах. URL: <https://ren.tv/longread/1066379-nedoumenie-i-shok-chto-rossiiskie-zvezdy-dumaiut-ob-uekhavshikh-kollegakh> (дата обращения: 10.02.2023).

40. «Новую газету» оштрафовали на ₹300 тыс. по статье о фейках. URL: https://www.rbc.ru/politics/06/07/2022/62c5a77f9a7947f816dd5726?from=article_body (дата обращения: 12.02.2023).

41. Облившего россиян помоями Дмитрия Назарова ликвидировали: подробности. URL: <https://news-sphere.com/183337-oblivshego-rossiyan-pomoyami-dmitriya-nazarova-likvidirovali-podrobnosti-full.html> (дата обращения: 11.02.2023).

42. Обложить налогами или простить: что делать с релокантами. URL: <https://dzen.ru/video/watch/63af5db423064044f36ea8?f=d2d> (дата обращения: 20.02.2023).

43. Определение конституции, ее содержание и виды. URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/chto_takoe_konstitucionnoe_pravo/opredelenie_konstitucii_ee_soderzhanie_i_vidy/ (дата обращения: 7.02.2023).

44. Певцов предложил включить в экспертные советы силовиков и представителей духовенства. URL: <https://www.pnp.ru/social/dmitriy-pevcov-predlozhit-minkultury-obnovit-ekspertnye-sovety.html> (дата обращения: 19.02.2023).

45. Почему нужно заблокировать Youtube в России? | Получится ли его эффективно заблокировать? | Опыт блокировки ФБ*. URL: <https://dzen.ru/video/watch/63d229abe973c11652ee1938?f=d2d> (дата обращения: 20.02.2023).

46. Предатели и победители. Об артистах и музыкантах, которые покинули Россию, и тех, кто остался ей верен. URL: <https://dzen.ru/a/Y6UJlmIaShVTrqUz> (дата обращения: 10.02.2023).

47. Процесс Синявского и Даниэля. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Процесс_Синявского_и_Даниэля (дата обращения: 10.02.2023).

48. Прямой ЭФир: Обращение Владимира Путина к Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года. URL: <https://yandex.ru/video/preview/11345915844601736271> (дата обращения: 22.02.2023).

49. Разрешено нигде. Путин подписал закон, фактически отменяющий конституционное право на свободу собраний. Мнение депутата. URL: <https://dzen.ru/a/Y5BscJe3VOVghJO> (дата обращения: 19.02.2023).

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

50. Российский конституционализм: опыт исторического размышления. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zzekrjNear0> (дата обращения: 29.08.2021).

51. Российский конституционализм: от имперской модели к федеративной. URL: <https://Yandex.ru/video/preview/3606034833295233528> (дата обращения: 8.02.2023).

52. Россия принимает идеологию. Указ подписан. URL: <https://dzen.ru/video/watch/6390b253efe3bc6e5173fb80?f=d2d> (дата обращения: 20.02.2023).

53. Самовыражение в форме отставки. URL: <https://www.komersant.ru/doc/5582684> (дата обращения: 12.02.2023).

54. Самые громкие запреты, которые приняты в России за последние годы. URL: https://spletnik.ru/187077_samye-gromkie-zaprety-kotorye-prinyaty-v-rossii-za-poslednie-gody (19.02.2023).

55. Сегодняшние враги народа – кто они? URL: <https://newsland.com/post/751305-segodniashnie-vragi-naroda-kto-oni> (дата обращения: 12.02.2023).

56. Селезнева А. Как создавались первые конституции в мире и какими они были. URL: <https://news.rambler.ru/community/49858527-kak-sozdavalis-pervye-konstitutsii-v-mire-i-kakimi-oni-byli/> (7.02.2023).

57. Соловьев про Собчак и инстасамку. URL: <https://yandex.ru/video/preview/3620103890215279586> (дата обращения: 17.02.2023).

58. Список врагов русского народа, составленный генеральной прокуратурой русской республики. URL: <https://21242353.livejournal.com/1187387.html> (дата обращения: 12.02.2023).

59. Стереть со всех платформ: депутат Госдумы Майданов предложил запретить выступления иноагентов в России. URL: https://www.oml.ru/afisha/news/287633-steret_so_vsekh_platform_deputat_gosdumy_majdanov_predlozhit_zapretit_vystuplenija_inoagentov_v_rossii/ (дата обращения: 10.02.2023).

60. Судья Конституционного Суда РФ Константин Арановский объявил СССР незаконным. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17749391495439381009> (дата обращения: 17.02.2023).

61. Чем Конституционный суд объяснил законность поправок к Основному закону. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/03/16/825368-konstitutsionnii-sud> (дата обращения: 12.02.2023).

62. Чепрасов К. В. Развитие российского конституционализма. Часть 1. URL: <https://yandex.ru/video/preview/529587224564405945> (дата обращения: 11.02.2023).

63. Шуайпова П. Г., Мищенко М. С. К вопросу о конституционном запрете на государственную идеологию. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionnom-zaprete-na-gosudarstvennyu-ideologiyu> (дата обращения: 19.02.2023).

Internet as a «Mirror» of Anti-constitutional Legal Consciousness

S. A. Denisov

*Humanitarian University of Yekaterinburg, Russia
Sa-denisov@yandex.ru*

Abstract. This study is conducted within the science of «constitutional deviantology». The aim of the research is to analyze the manifestations of anti-constitutional consciousness in the materials posted on the Internet. The consciousness of intellectuals, officials and other population groups is analyzed. People show disrespect for constitutional values, the Constitution of the Russian Federation, and human and civil rights and freedoms. They demand to disregard the principles of equality, to introduce censorship, and to punish those who exercise their constitutional rights and freedoms. The methodology of legal positivism, which is used for cognizing constitutional law, has an anti-constitutional meaning. A historically immature form of constitutionalism is passed off as developed constitutionalism. For many years there has been active anti-constitutional propaganda through the Internet (not enough words 86/100).

Keywords: Internet, anti-constitutional consciousness, consciousness of intellectuals, consciousness of officials, constitutional deviantology.

Цифровая повестка 4.0: основания и пределы принятия политических решений

Е. С. Шевченко

*РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, РФ
katerina.shevch@yandex.ru*

Аннотация. Жизнеспособность современных развивающихся обществ и государств обуславливается их способностью продуцировать и успешно использовать наиболее перспективные цифровые продукты и разработки – фактически это является одним из основных критериев обеспечения национальных принципов и приоритетов на внутри- и внешнеполитическом уровнях. Соответственно, динамика и специфика принятия политических решений в государственном и международном масштабах определяются исходя из актуализируемых цифровых трендов и тенденций. Это предполагает наличие некоторых позитивных и скептических особенностей применительно к собственно политической проблематике, связанной как минимум с полной реализацией политического функционала исходя из действующих правил игры и согласованием межсубъектных политических интересов. С учетом этого особый научно-исследовательский интерес представляет определение оснований и пределов принятия политических решений в рамках цифровой повестки 4.0.

Ключевые слова: цифровая повестка, политические решения, государственное управление, межгосударственные отношения, Web 4.0, Big Data.

Введение

Контекстуальные и инструменталистские параметры и рамки современного мирополитического уклада начиная с 2019 года претерпевают серьезные трансформационные изменения, связанные в том числе с политико-идейной поляризацией большинства государств, демонтажем наднациональных политических институтов, дисфункционализацией глобальных политических и экономических субъектов, проявлением неисполнительности в рамках политико-договорных отношений. В подобных динамично меняющихся общественно-политических и информационно-коммуникационных

условиях новое звучание приобретают вопросы и проблемы понимания и формулирования актуальной цифровой повестки в контексте наблюдаемых в мире политических разбалансировок и расхождений.

Теоретическая рамка исследования

Теоретический контекст данной проблематики составляют главным образом стратегическая и концептуальная документация по вопросам цифрового развития, а также материалы экспертной аналитики отечественных и зарубежных исследователей. Необходимым признается также обращение к актуальным источникам действующего международного цифрового законодательства.

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является определение оснований и пределов принятия политических решений с учетом цифровой специфики Web 4.0. В качестве подходящей методологии данного исследования признается следующая группа методов: контент-анализ, концептуализация, структуризация, статистическое моделирование.

Основная часть (результаты сбора данных)

Динамика развития глобальных политических явлений и процессов на протяжении последних нескольких лет символизирует усиление и ускорение серьезного экспорта конкретных достижений и продукции 6-го технологического уклада, что прослеживается абсолютно на всех уровнях и этапах общественной жизни от оформления онлайн-покупок до установления дипломатических отношений между государствами-партнерами [2]. По сути, речь идет как минимум о стремительном росте влияния интернет-технологий и дистанционных сервисов относительно наработки политического опыта и получения политических бонусов, переформатировании системы политико-административного управления и работы органов государственной власти в соответствии с критериями автоматизма и «умного поиска и анализа», расширении проблемного пула использования «в ручном режиме» Big Data, существенной минимизации пространственно-временных ограничений [6].

Стилистика и архитектура Web 4.0 характеризуются по большому счету распространением различных практик симбиотического субъект-объектного взаимодействия с роботизированными системами и комплексами в рамках, во-первых, популяризации виртуальной и дополненной реальности, во-вторых, качественного улучшения функциональных и операционных показателей. Несмотря на то, что полноценный переход к Web 4.0 датируется примерно 2030–2035 годами, сегодня большинство специалистов и экспертов в IT-индустрии формулируют как минимум следующие основные особенности данной технологической парадигмы:

- трансляция информационных и иных данных из любой точки доступа в максимально опциональном режиме;
- повышение прозрачности совершаемых в цифровом пространстве действий и операций;
- освоение новых технологических мощностей и резервов прикладного использования искусственного интеллекта;
- переоснащение сенсорных и компонентных характеристик роботизированных модулей и механизмов;
- внедрение в повседневные цифровые практики развивающихся блокчейн-проектов и схем криптовалютного регулирования – Free TON, ChainLink, Polkadot, децентрализованные финансы (DeFi), децентрализованные приложения (dApps), невзаимозаменяемые токены (NFT);
- конвергенция nano-, био-, IT- и квантовых технологий и инструментов;
- создание специального рынка портативных и криптографических устройств на основе биомониторинга и нейроинтерфейса;
- разработка обновленных версий открытых стандартов типа ISO и IEEE.

В данном отношении вполне резонно соображение относительно «встраивания» подобной цифровой проблематики в собственно политическую конъюнктуру, причем более всего интересно то, в каком формате и при помощи каких инструментов удастся согласовывать и «приводить к общему знаменателю» межгосударственные интересы в современных информационно-коммуникационных условиях [1]. Здесь следует учитывать в каком-то смысле печальное политическое наследие распространения COVID-19 и специфику

обостренной политизации «русского вопроса» на фоне таких глобальных политических трендов и тенденций, как ресуверенизация национального проектирования, акцентуация структурно-функциональной несостоятельности наднациональных и транснациональных площадок типа ООН и ЕС, экстраполяция волатильности и полидисперсности политических событий мирового масштаба, эскалация политико-региональных конфликтов (в частности, индо-пакистанские и китайско-индийские отношения, санкционное противостояние США и КНР) – другими словами, речь идет об углублении и усилении системного дефицита солидарности и компромиссности наиболее влиятельных политических игроков.

Вместе с тем на национальном уровне сегодня политических проблем отнюдь не меньше – достаточно обратить внимание на обострение внутриэлитных противоречий в США и осложнение общественно-экономической обстановки в РФ в связи с инициированной в феврале 2022 года СВО на украинской территории. Не меньшей актуальностью характеризуются также усиление миграционного кризиса в большинстве европейских государств, разворачивание сырьевого и финансового дефицита, в частности, Австрии и Германии в качестве следствий, реализуемых политическим руководством торгово-экономического прессинга и санкционного давления.

В целом цифровая схематизация как таковая в более предметном и конструктивном варианте формализует принятие политических решений как на внутривнутриполитическом уровне, так и на внешнеполитическом уровне в рамках следующих основных подходов:

1. Процессуальный подход.
2. Инструменталистский подход.
3. Отраслевой подход.
4. Технологический подход.

При этом с точки зрения ключевых принципов локализации и структуризации можно представить цифровое обеспечение принятия политических решений на основе перспективных направлений общественно-политического развития следующим образом:

1. Отраслевые рынки:
  - EnergyNet (цифровизация энергетического сектора – обеспечение работы распределенных энергетических систем и гибких энергетических сервисов с ориентацией на конечного потребителя);

- FoodNet (цифровизация производственного сектора – производство различных видов продукции с опорой на современные логистические и бытовые решения и принципиальные позиции кастомизации сырья и услуг);

- HealthNet (цифровизация сектора медицинского обслуживания – создание телемедицины и персональной медицины);

- AutoNet (цифровизация транспортных услуг наземного транспорта – использование беспилотных автомобильных комплексов и систем);

- AeroNet (цифровизация транспортных услуг воздушного транспорта – расширение области применения беспилотных летательных аппаратов и объектов);

- MariNet (цифровизация управления морским транспортом и использования природных ресурсов Мирового океана – освоение инновационных навигационных схем и технологий с постоянным доступом к любой картографической и метеорологической информации);

- NeuroNet (цифровизация психологических и мыслительных процессов – интенсификация человеко-машинных коммуникаций в фокусе раннего диагностирования и использования таргетных биологических маркеров и препаратов);

- SafeNet (цифровизация сектора общественной и индивидуальной безопасности – внедрение системного инструментария биометрического контроля и аутентификации, мобильной связи 5G и 6G);

- HomeNet (цифровизация доступной и комфортной жизнедеятельности – разработка инклюзивных градостроительных решений и адаптивных пространственных возможностей по принципу Smart&Sustainable);

- EduNet (цифровизация образовательного и творческого функционала – персонализация и капитализация человеческого потенциала на основе нейро- и психофизиологического инструментария);

- SmartCity;

- SmartManufacturing;

- SmartThings;

- SmartMobility.

2. Технологические рынки:

- цифровое проектирование и моделирование;

- 4D-планирование;
- широкоформатное использование квантовых и облачных технологий;
- реперофилирование микроэлектроники и робототехники.

С одной стороны, столь масштабная цифровизация общественно-политической реальности содержит в себе некоторые конструктивные импульсы трансформационного развития. Соответственно, в позитивном ключе формулируются следующие основания принятия политических решений в контексте цифровой повестки 4.0:

1. Стандартизация (универсализация) большинства штатных и «рабочих» структурных и процессуальных аспектов с точки зрения экономии временных и кадровых затрат и минимизации потенциальных возможностей допущения непредвиденных просчетов и ошибок.

2. Оптимизация процессов и процедур получения, сортировки, хранения и использования обширных массивов данных по специально заданным целевым принципам, что обеспечивает более качественную и ресурсоемкую реализацию имеющихся целей и задач.

3. Расширение соответствующих поисковых концептов и рамок в контексте политического планирования и прогнозирования за счет создания специальных алгоритмов и моделей в привязке к высокотехнологичным инструментам и компонентам.

4. Сближение политического и экономического (корпоративного) секторов в рамках различных коллабораций и практик государственно-частного партнерства с опорой на кооперацию и взаимовыгодное двустороннее взаимодействие, что формирует специфическую целостную цифровую экосистему с определенным набором инфлуентальных и профессиональных компетенций и статусов.

5. Развитие оптимальной политической конкуренции с более фактурным выявлением соответствующих функциональных и инструменталистских преимуществ и недостатков в соответствии с принципами группировки и кластеризации, что особенно показательно в контексте проблематики глобального политического регулирования (использование цифровой аргументации в направлении занятия приоритетной политико-инфлуентальной ниши и аккумуляции конкурентного внешнеполитического веса).

6. Выстраивание конструктивного многостороннего диалога развитых государств в части взаимовыгодного использования цифровых разработок и научно-исследовательского взаимодействия, характеризующегося открытостью, инклюзивностью, субсидиарностью и гарантийной обеспечительностью.

С другой стороны, существует определенный комплекс своеобразных «тормозных» факторов полномасштабного политического развития с опорой на цифровую атрибутику, обусловленных мирополитической спецификой и национально-государственной номенклатурой [5]. Таким образом, в скептическом ключе формулируются следующие пределы принятия политических решений в контексте цифровой повестки 4.0:

1. Сохранение нормативно-правовых «пробелов» и локусов как на уровне международного законодательства, так и на уровне федерального законодательства большинства современных государств – в целом действующая нормативно-правовая база по цифровой проблематике является фактически «сырой» и нуждается в серьезной доработке на уровне политико-правовой экспертизы.

2. Проявление непонимания в вопросе разграничения и фиксации четко определенного зонирования политической и моральной ответственности и соответствующего санкционирования между политическими лидерами и мозговыми центрами как минимум на концептуальном уровне.

3. Отсутствие открытого плодотворного диалога между представителями политической элиты и научно-исследовательского сообщества в режиме реального времени, позволяющего в конструктивном ключе имплементировать полезный опыт научных исследований в реальную политическую практику.

4. Нарастание нерешенности и даже тупиковости проблематики обеспечения политической стабильности и безопасности с опорой на апробированный цифровой модульный и инфраструктурный бэкграунд (кейсы кибератак и внезапных сбоев операционных систем и комплексов программного обеспечения).

5. Констатация объективно обусловленной невозможности полного решения проблем обеспечения комплексного политического контроля над большинством совершаемых операций и действий, что связано в том числе с нехваткой требуемых цифровых мощностей и гарантий.

6. Актуализация климатической и экологической повестки, в контексте которой необходимо индоктринировать ключевые приоритеты и концепты цифрового развития с использованием политической методологии (снижение биоразнообразия и ухудшение качества жизни и здоровья).

Учитывая подобную постановку данной проблематики, представляется вполне логичным придерживаться принципиальных позиций холизма, что предполагает оперирование скорее совокупным политико-дипломатическим и инновационно-техническим потенциалом [3]. В данном контексте вполне оправдано смещение фокуса, во-первых, к общепланетарному осмыслению позитивных и негативных политических результатов глобализации 1.0 (1970–1990 годы), во-вторых, к более-менее компромиссному совместному распоряжению глобальными политическими и экономическими ресурсами и стимулами глобализации 2.0 без лишнего углубления в феноменологические и терминологические баталии – во втором случае особое значение приобретают распространение альтернативных формул мирового политического развития и усиление незападных политических акторов.

Вполне реалистичным представляется рассматривать цифровую повестку сквозь призму предложения приемлемых триггеров и драйверов усиления общей заинтересованности в оптимизации договороспособности и исполнительности политических и экономических институтов [4]. Однако в данном направлении необходимо как минимум преодолеть национально-государственный эгоизм и институциональную иррациональность.

Выводы

С учетом сформулированных оснований и пределов принятия политических решений в эпоху Web 4.0 вполне очевидным представляется тот факт, что международное сообщество находится перед крайне сложным политическим выбором: с одной стороны, сохраняется необходимость обеспечения национальных притязаний, с другой стороны, обозначается вынужденность разработки совместных объяснительных моделей и схем. Помимо прочего, ситуация складывается не вполне благоприятным образом по той простой причине, что ввиду объективных факторов и обстоятельств

большинство политических прецедентов не подвергается оперативной и качественной коллективной рефлексии, а некоторые несбалансированные и недальновидные политические действия остаются без своего рода «работы над ошибками». К этому также плюсятся просчеты и издержки неравномерного и политически ангажированного территориально-пространственного планирования и развития политических регионов и государств. В связи с этим сегодня целесообразно признать то, что без преодоления идейно-ценностной разрывности, характерной для современного состояния международных отношений, невозможен полноценный переход к разработке и использованию передовых инновационно-технических достижений.

Список источников

1. Воронов А. М., Шмалый О. В. Международно-правовые стандарты цифровой экономики // Юридическая наука в Китае и России. 2020. № 3. С. 23–29.

2. Иванова Н. И. Развитие цифровых технологий и новые задачи государственной антимонопольной политики // ПОЛИС. Политические исследования. 2022. № 1. С. 53–66.

3. Политическая философия: атрибут сверхдержавы // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politicheskaya-filosofiya-atribut-sverkhderzhavy/> (дата обращения: 03.03.2023).

4. Резолюция Совета Безопасности ООН №2341 от 13 февраля 2017 года // Интернет-портал цифровой библиотеки ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/858856/> (дата обращения: 03.03.2023).

5. Grover V. Digital Agility: Responding To Digital Opportunities // European Journal Of Information Systems. 2022. Vol. 31, Is. 6. P. 709–715.

6. Heeks R. Digital Inequality Beyond The Digital Divide: Conceptualizing Adverse Digital Incorporation In The Global South // Information Technology For Development. 2022. Vol. 28, Is. 4. P. 688–704.

Digital Agenda 4.0: Grounds and Limits of Political Decision-making

E. S. Shevchenko

*RANEPA under the President of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation
katerina.shev@yandex.ru*

Abstract. The viability of modern developing societies and states is determined by their ability to produce and successfully use the most perspective digital products and developments – in fact, this is one of the main standards of providing national principles and priorities at the domestic and foreign policy levels. Accordingly, the dynamics and specifics of political decision-making on a national and international scale are determined based on the actualized digital trends and tendencies. It means the presence of some positive and skeptical features related at least to the full realization of political functionality based on the current rules of the game and coordination of intersubjective political interests. Based on this, determination of grounds and limits of political decision-making in the framework of digital agenda 4.0. is of particular scientific research interest.

Keywords: digital agenda, political decisions, public administration, interstate relations, Web 4.0, Big Data.

Сетевая культура и человек в цифровом обществе: теоретические аспекты вопроса

А. С. Порошина, М. А. Бурда

*РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация
alinarug@mail.ru, byrdamix@mail.ru*

Аннотация. Современные экономическая, культурная, социальная и политическая сферы жизни общества неразрывно связаны с повсеместным внедрением информационных технологий. Как и любое другое общественное явление данная тенденция проявляется как в негативном, так и в позитивные ключе. Поскольку данный процесс не то, что не завершен, а только находится в активной стадии, учёные всех общественных дисциплин ищут ответы на множество вопросов, связанных с трансформацией роли человека в новом цифровом мире. По итогам данного исследования автором сформулирован подход к теоретическому и понятийному аппарату формирования представления о роли человека в цифровом обществе. Сформулированы предложения для продолжения исследований по теме сетевой культуры, и поведения в ней членов сообществ.

Ключевые слова: сетевая культура, цифровизация политики, новые медиа, цифровая трансформация, BigData.

Введение

Повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий изменило человеческие отношения и характер социально-политических взаимодействий. Влияние современных цифровых технологий на жизнь людей и сообществ очевидно и, можно сказать, беспрецедентно. За последние три десятилетия технологическая конвергенция коммуникаций и вычислений как никогда активно развивалась. Интернет и мобильная связь стали неотъемлемым элементом современного общества и жизни каждого его члена. Наш повседневный жизненный опыт погрузился в новую реальность, значительно отличающуюся от привычных реалий, в которых люди жили тысячи лет.

Очевидно, что широкое использование ИКТ-платформ конструирует и упорядочивает виртуальное киберпространство, ставшее неотъемлемой частью существования людей. При этом киберпространство не заменяет привычную реальность, а дополняет ее, становится ее неотъемлемой частью. Однако, пожалуй, самое кардинальное изменение связано с заменой традиционного представления о человеке как отдельной сущности новым онтологическим самовосприятием человека как информационного организма, взаимосвязанного со всем миром. Информационная революция принесла возможность легко общаться с любым другим человеком и получать доступ к бесчисленным формам информации и знаний без каких-либо проблем.

Теоретическая рамки исследования

В результате значительных достижений в области искусственного интеллекта (ИИ) современные цифровые технологии становятся все более умными и персонализированными [3]. Взаимодействие с Интернетом почти любого человеческого опыта опосредовано сложной оболочкой, связанной с BigData [1]. Эта оболочка обеспечивает человека контекстно-ориентированной информацией, подготовленной исключительно для него, необходимой для принятия самых разнообразных решений. Таким образом, изменились принципы человеческого поведения, которые в основном состоят из последовательностей этих решений.

Ганаэле Ланглуа объясняет тонкие отношения между воплощенным «я» в цифровых сетях и технонаучной рациональностью, которая управляет этими сетями. Она утверждает, что в свете трансформации человеческого опыта критически важно наблюдать за тем, как «я» опосредуется и воссоздается в онлайн-пространствах. Это утверждение важно для заботы о себе и для понимания того, как цифровые технологии реструктурировали культуру и общество [9]. Перестройка общества и культуры может быть связана с трансформацией человеческого опыта. В этом отношении Йонас Шварц утверждает, что погружение технических средств в повседневную жизнь, «не являются чисто социальными явлениями; вся человеческая деятельность предполагает некоторую степень технической интеграции» [11].

Интеграция онлайн-пространства в человеческую культуру далее обсуждается в книге Альберто Ачерби «Культурная эволюция в цифровую эпоху», где он описывает несколько аспектов человеческого опыта, которые были преобразованы в результате коммуникационной революции. Ачерби усложняет способы, которыми различные явления, такие как доступность знаний, непрозрачность взаимодействия между неизвестными пользователями и текучесть знаний, изменили наше ощущение бытия [2].

Цель и методы исследования

Целью настоящего исследования является выявление особенностей взаимодействия человека и сетевой культуры в рамках сложившихся теоретических подходов. Постановка цели обусловила и выбор компаративного метода, как основного в настоящей работе.

Этапы трансформации киберпространства

В первые годы киберпространство воспринималось (и де-факто служило) как удобная коммуникационная технологическая платформа. В частности, даже интерфейс (браузер), превративший Интернет во Всемирную паутину, воспринимался только как гипертекст, причем как раз более продвинутый и удобный в использовании, чем книга. Тем не менее, полагаем, что сосредоточение внимания в первую очередь на технологических достижениях и их преимуществах снижает роль сложных социокультурных слоев, которые существенно влияют на повседневную жизнь людей.

Переход от односторонних отношений (пользователь может искать или получать информацию) к двусторонним отношениям (в дополнение к доступу к различным типам контента можно создавать контент) превратил пользовательский опыт из пассивного в активный [4]. Кроме того, широкое распространение смартфонов изменило представления о пространстве и времени в отношении того, как люди ведут свою повседневную жизнь. Непосредственность общения и постоянная доступность являются частью культурных изменений, которые мы переживаем в эпоху цифровых технологий.

Уильям Митчелл, американский педагог и архитектор, описал описанную выше трансформацию. По его словам, распространение Интернета и появление искусственного интеллекта повлияли на то,

как люди понимают свою личность [10]. Митчелл предполагает, что разделение между человеком и машиной больше не имеет силы. Всеобъемлющие виртуальные сети практически сливаются с человеком на биологическом уровне, приводя к осознанию себя как киборга, рассредоточенного в пространстве. С точки зрения того, как понимается время, быстрая связь в сочетании с эффективными технологиями привела к ускорению множества действий. С точки зрения пространства можно работать, общаться, потреблять и совершать множество других действий практически из любой точки земного шара.

Эти изменения неизбежно изменили то, как люди взаимодействуют друг с другом, с природой и как они признают свои собственные представления о себе. Среди многих качеств киберпространства оно включает в себя определенную степень непредсказуемости. Искусственный интеллект, например, обуславливает новые способы действия и, как следствие, изменяет человеческий опыт. Кроме того, поскольку жизнь в цифровой среде – явление относительно новое, история нашей новой киберсреды весьма кратка. По этой причине нынешнее состояние цифрового общества часто называют «цифровым феодализмом», поскольку оно оценивается аналогично соответствующему состоянию периода раннего средневековья, выражающему эту веру в приближающуюся эпоху цифрового Просвещения [6].

В отличие от других появляющихся технологий (например, нанотехнологий, геной инженерии), киберпространство актуально для всех, поскольку это наша новая реальность, т. е. все живут или будут жить в нем в ближайшее время. Киберпространство оказывает прямое влияние на жизнь каждого. Повсеместное распространение цифровых технологий, социальных сетей и сети в целом повлияло почти на все области повседневной жизни. Поскольку киберпространство играло более доминирующую роль в жизни людей, оно изменило онтологический статус наших людей и может быть понято как формирование сетевого сознания. Именно в такой новой реальности формируется новая, цифровая культура.

Новая реальность киберпространства

Таким образом, новую реальность нельзя рассматривать как старую, просто дополненную киберпространством. «Систематические

исследования показывают, что физическое пространство и киберпространство взаимопроникают, когда люди активно просматривают свои сети онлайн и офлайн», – сообщает Барри Веллман [12]. Новая, цифровая среда, сочетающая в себе реальность и виртуальность, сильно отличается от привычной нам природной реальности. Он переосмысливает то, как люди рассматривают свой переход в цифровой мир, который меняет представления о том, кто такие люди и как они взаимодействуют с собой и другими.

В определенном смысле культура, которую можно охарактеризовать как вторую природу бытия человека, вышла на новый уровень и новый слой в виде интерактивного виртуального пространства. В цифровом обществе человек не только создает новый предметный мир, как это происходит во «второй» природе (культуре), но и создает объекты иной природы (например, сетевые, коммуникативные, мультимедийные). По этой причине некоторые ученые склонны рассматривать культуру цифрового общества как «третью» природу [8].

Неумолимость стирания грани между реальностью и виртуальностью ощутима. Сегодня во многих повседневных ситуациях становится трудно определить разницу между реальным миром и виртуальным. Можно даже утверждать, что нет причин ограничивать наше мировоззрение этими двумя возможностями. Цифровая трансформация ставит под угрозу наши дуалистические формы мышления. Это требует возрождения различных способов мышления, которые помогли бы людям критически развивать свое мировоззрение [5].

На протяжении большей части истории человечества отличить искусственные артефакты от природных было относительно несложной задачей. Сегодня, благодаря значительным достижениям в области медицины и биотехнологии, люди и артефакты становятся все более связанными. Кроме того, обширная интеграция интеллектуальных датчиков в человеческую жизнь и интеграция новых технологий Интернета вещей (IoT) стирают это различие. Интенсивный рост производства и внедрения множества передовых гаджетов, которые становятся неотъемлемой частью нашей природной среды, противоречит традиционному представлению о природе. Замечательным проявлением размывания «людей, при-

роды и артефактов» является возникающая интеграция искусственного интеллекта (ИИ) почти во все сферы жизни, что рассматривается как тотальное познание среды обитания человека [7].

Выводы

Цифровая трансформация ускоряет стирание традиционного разделения между естественным и искусственным миром. Рассматривая различные последствия обсуждаемого размытия, важно задаться вопросом: каково влияние размытия на человеческую культуру в целом и на политику, социальные взаимодействия, искусство, литературу и образование в частности? Полагаем, что именно эта тема будет являться наиболее актуальной в дальнейших исследованиях по данной тематике.

Список источников

1. Дзялошинский И. М. Искусственный интеллект: гуманитарная перспектива // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. № 6.
2. Acerbi A. *Cultural Evolution in the Digital Age*; Oxford University Press: Oxford, UK, 2020.
3. Domingos P. *The Master Algorithm: How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World*; Basic Books: New York, NY, USA, 2015.
4. Fleischer H. Towards a phenomenological understanding of web 2.0 and knowledge formation. *Educ. Inq.* 2011, 2, 537–549.
5. Floridi L. (Ed.) *The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era*; Springer: New York, NY, USA, 2015. P. 7–16.
6. Jensen J. L. *The Medieval Internet: Power, Politics and Participation in the Digital Age*; Emerald Group Publishing: Bingley, UK, 2020.
7. Kelly K. *The Inevitable*; Viking: New York, NY, USA, 2016.
8. Kelly K. *The Third Culture*; American Association for the Advancement of Science: Washington, DC, USA, 1998. P. 992–993.
9. Langlois G. Social media and the care of the self. In *Digital Existence: Ontology, Ethics, and Transcendence in Digital Culture*; Lagerkvist, A., Ed.; Routledge: New York, NY, USA, 2019. P. 156–170.

10. Mitchell W. J. E-topia: Urban Life, Jim – But Not as We Know It; MIT Press: Cambridge, MA, USA, 1999.

11. Shhwarz J. A. Umwelt and Individuation: Digital Signals and Technical Being. In Digital Existence: Ontology, Ethics, and Transcendence in Digital Culture; Lagerkvist, A., Ed.; Routledge: New York, NY, USA, 2019; p. 61.

12. Wellman B. Physical place and cyberplace: The rise of personalized networking. Int. J. Urban Reg. Res. 2001, 25, 227–252.

Network Culture and man in Digital Society: Theoretical Aspects of the Question

A. S. Poroshina, M. A. Burda

*Russian presidential academy of national economy and public administration,
Moscow, Russian Federation
alinarug@mail.ru, byrdamix@mail.ru*

Abstract. Modern economic, cultural, social and political spheres of social life are inseparably connected with widespread introduction of information technologies. Like any other social phenomenon this tendency is both negative and positive. Since this process is not completed, but only in the active stage, scientists of all social disciplines are looking for answers to many questions related to the transformation of the role of man in the new digital world. As a result of this study, the author formulated an approach to the theoretical and conceptual apparatus for the formation of the idea of the role of man in the digital society. Suggestions for further research on the topic of network culture, and the behavior of community members in it are formulated.

Keywords: network culture, digitalization of politics, new media, digital transformation, BigData.

Цифровизация государственного управления и проблема управляемости в нестабильных политических системах

К. А. Неверов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
kir.neverov@gmail.com*

Аннотация. В статье высказывается предположение о существовании связи между цифровизацией, управляемостью и стабильностью политической системы: цифровизация в целом должна положительно сказаться на управляемости исполнительной власти государства, что, в конечном итоге, должно повлиять на стабильность политической системы. На эмпирическом материале 20 стран Латинской Америки автор проверяет гипотезы о связи уровня цифрового развития государственного управления со стабильностью политических систем.

Ключевые слова: управляемость, цифровизация государственного управления, публичное управление, цифровизация, стабильность, политическая система.

Стабильность является одной из ключевых характеристик политической системы. В немалой степени управляемость является необходимым условием обеспечения стабильности. Управляемость является динамической характеристикой, открытой реформам системы государственного управления, носящей деятельностный, проактивный характер. Управляемость основывается на активном вовлечении и организации взаимодействия общественности, гражданского общества и бизнеса как участников взаимодействия многих заинтересованных сторон в целях выработки политико-управленческих решений в ходе публичных и открытых общественных дискуссий. Акцент ставится на стремление к общественному благу и учету публичных ценностей при чувствительном и ответственном характере государственного управления. При этом решения прини-

маются на основе гражданских добродетелей и принципа справедливости. На внутриправительственном уровне управляемость повышается через улучшение сотрудничества между учреждениями. Коммуникация, информация и доступ к ней играют большое значение в обеспечении управляемости как поддержка диалога и сотрудничества в обществе. Подобная сетевая структура, основанная на включенности многих коммуницирующих сторон в открытый и свободный процесс обсуждения проблем, результатом которого должно стать общественно значимое политико-управленческое решение, повышает публичную управляемость.

Цифровизация в последние десятилетия активно затрагивает сферу политического управления. Применение информационно-коммуникационных технологий позволило трансформировать форму предоставления услуг и обмена данными между государственными ведомствами, а также изменило характер управляемости.

Таким образом, цифровизация в целом должна положительно сказаться на управляемости исполнительной власти государства, что, в конечном итоге, должно повлиять на стабильность политической системы.

В данной связи возникла идея представить концептуальную модель, имеющую в качестве основы существование связи между управляемостью в нестабильных политических системах и уровнем цифровизации государственного управления. Мы выдвинули в этой связи следующие предположения:

- 1) В нестабильных политических системах слабо развито электронное/цифровое государственное управление;
- 2) Наличие развитого электронного/цифрового государственного управления свидетельствует об уровне стабильности политической системы.

В качестве эмпирического обоснования данных предположений мы сопоставили уровень политической стабильности, приводимый Всемирным банком [1], с индексом развития электронного правительства ООН [2]. В выборку попали страны Латинской Америки, различающиеся по уровню своего экономического, политического, цифрового и общественного развития.

Согласно с уровнем стабильности политической системы страны можно разделить на 4 условные группы: с высоким, сред-

ним, низким и крайне низким уровнем политической стабильности. В первую группу вошли такие страны как Уругвай, Коста-Рика, Куба, Панама, Доминиканская Республика и Чили. Ко второй группе принадлежат Парагвай, Аргентина, Сальвадор, Эквадор, Боливия, Гватемала, Никарагуа, Перу, Бразилия. К группе с низким уровнем политической стабильности можно отнести Гондурас, Мексику и Колумбию. В последнюю группу, с крайне низкими показателями политической стабильности, входят Гаити и Венесуэла.

При сопоставлении места в глобальном индексе развития электронного правительства с положением страны в рейтинге политической стабильности удалось установить, что высокий уровень политической стабильности согласуется с высоким цифровым развитием государственного управления – Уругвай и Чили служат здесь наглядными доказательствами. При этом, три из семи стран, включенных в первую группу по уровню политической стабильности, относятся к группе стран с наиболее высоким уровнем развития электронного правительства (кроме уже упомянутых Уругвая и Чили к этой группе принадлежит Коста-Рика). Отклоняющимся случаем для первой группы является Куба: сущность стабильности политического режима на «острове свободы» заключается в отсутствии сменяемости власти, также страна отличается средним уровнем развития цифрового правительства, что выбивается из внутригрупповой тенденции.

Со снижением стабильности политической системы снижается и место в индексе цифрового развития, пока не достигает предельных значений в таких случаях как Гаити и Венесуэла – политических системах, регулярно подверженных различным кризисам как политического (одним из проявлений которого является, например, убийство президента Гаити Жовенеля Моиза в 2021 г., массовая протестная активность и попытки переворота в Венесуэле начиная с 2014 г.), так и экономического характера.

В группе, к которой относятся страны с условно средним уровнем стабильности политической системы, стран с крайне высокими показателями также 3 – это Аргентина, Перу и Бразилия. Однако, в этой группе уже 9 стран, 6 из которых имеют высокий уровень развития цифрового правительства. В группах с низкой и крайне низкой степенью стабильности политической системы отсутствуют

страны с крайне высоким уровнем развития цифрового правительства, тогда как присутствуют случаи со средним уровнем (Гондурас) и низким (Гаити) уровнем цифровой зрелости.

Сказанное выше наглядно демонстрирует, что уровень цифрового развития правительства не может быть четким индикатором стабильности политической системы: степень развития электронного правительства варьируется в разных группах, выделенных по уровню стабильности политической системы.

Таким образом, можно сказать, что гипотеза о наличии в нестабильных политических системах слабо развитого электронного/цифрового государственного управления находит свое подтверждение на данных 20 стран Латинской Америки.

Список источников

1. Worldwide Governance Indicators. World Bank. URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (дата обращения: 11.04.2023).

2. Political stability – Country rankings. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/wb_political_stability/ (дата обращения: 11.04.2023).

3. E-Government Survey 2022. The Future of Digital Government. United Nations Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

Digitalization of Public Administration and the Problem of Governability in Unstable Political systems

K. A. Neverov

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
kir.neverov@gmail.com*

Abstract. The article suggests the existence of a link between digitalization, governability and stability of the political system: digitalization in general

should have a positive effect on the governability of the state executive power, which, ultimately, should affect the stability of the political system. Using empirical material from 20 Latin American countries, the author tests hypotheses about the relationship between the level of digital development of public administration and the stability of political systems.

Keywords: governability, digitalization of public administration, public administration, digitalization, stability, political system.

Молодые социологи о digital-социологии как инструменте социального управления

О. В. Епархина

*ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия
gelaq@mail.ru*

Аннотация. В последние годы существенно изменились некоторые методы сбора и анализа социологической информации. Цифровизация экономики и социального управления создала новые условия развития социологической практики. Изменился и объект, и методология, и методы и техники социологического исследования. В то же время обучение и подготовка социологов зачастую слабо учитывает новую реальность. В исследовании представлены оценки фактической и контуры желаемой ситуации в сфере освоения компетенций digital-социологии со стороны молодых выпускников и студентов-социологов. Выделены наиболее востребованные на практике методы и техники социологического исследования в цифровой среде, показаны потребности и возможности их освоения при подготовке студентов, институциональные возможности и ограничения их развития в РФ. Результаты исследования позволят корректировать программы обучения в соответствии с новыми вызовами социального управления в РФ.

Ключевые слова: социальное управление, цифровизация, digital-социология, методы социологического исследования.

Введение

Начиная с 2000-х гг. социологическое сообщество столкнулось с новой реальностью. Появились новые методы сбора социологической информации, связанные с возможностями удаленной работы, онлайн опросами, а также алгоритмическими и программными способами работы с большими данными. Изменился как сам респондент, так и прочие объекты социологического изучения: перемещение большей части активности человека, в том числе и групповой, в онлайн среду, в сетевой формат, существенно расширило возможности методов наблюдения, неаналогических методик, дало новые возмож-

ности для антропологического и культурологического анализа и его совмещения с анализом социологическим. Также изменение социологического объекта существенно изменило роль социолингвистических методов, иных методов работы с текстовыми материалами, возрос уровень доступности экспертного сообщества, равно как изменилось и содержание экспертности как таковой. Новая реальность меняет не только эмпирические, но и теоретические и методологические основания проведения исследований, происходит непрерывный синтез теоретического знания [3, 5, 6, 7, 8]. Мировая социология совершает новый методологический рывок. В связи с этим актуальной становится проблема институциональных возможностей для использования новых методов, методологических подходов в РФ.

Теоретическая рамка исследования

С нашей точки зрения, на сегодняшний день уровень развития цифровизации экономики, социальной сферы и государственного и муниципального управления позволяет использовать эти возможности в полной мере [3, 4, 5, 7, 8]. Тема расширения возможностей цифровизации для нужд социального управления активно разрабатывалась в отечественной научной литературе с 2014 года, ей посвящены работы Л. Киселевой, А. Сморгунова и ряда других авторов, выполненные в основном в рамках институционального или системного подходов [1, 4, 5, 6]. Однако, в научном поле пока почти полностью отсутствует литература, посвященная обновлению методов социологического исследования, представлены лишь отдельные работы, подготовленные специалистами РЭУ им. Г. В. Плеханова и ВШЭ [2, 8].

В связи с этим представляется необходимым провести серию исследований, посвященных оценке социологическим сообществом, и в частности – молодыми социологами, максимально включенными в процессы цифровизации в рамках своей профессии, возможностей и необходимости развития цифровых компетенций для успешной управленческой деятельности. В качестве методологического основания таких исследований представляется целесообразным использовать функциональный подход Р. Мертона, рассматривающего возможности развития социологической науки с точки зрения функциональных альтернатив.

Цель и методы исследования

Объектом исследования выступили молодые люди, получающие/получающие высшее образование по направлению «социология», предметом – оценка ими востребованности компетенций в сфере digital-социологии в сфере социального управления.

Целью исследования выступает анализ востребованности расширения digital-компетенций в сфере социологии. В качестве задач исследования можно указать следующие: изучение различных аспектов востребованности digital-компетенций молодыми социологами, изучение потенциала использования ими таких компетенций в социальном управлении, выявление наиболее и наименее востребованных знаний, умений и навыков в сфере цифровой социологии, выявление институциональных условий их использования в российской социологической практике.

В качестве метода исследования использовался экспертный опрос, техника опроса – серия глубинных интервью, проведенных с выпускниками-социологами и студентами-социологами ЯГПУ и ЯрГУ. Выборка составила 35 респондентов в возрасте от 18 до 33 лет (подвыборка выпускников 15 респондентов, подвыборка студентов, продолжающих обучение в настоящее время 20 респондентов); средняя длительность интервью составляла около 1,5 часов. Респонденты отбирались таким образом, чтобы были представлены и молодые специалисты, в обучении которых не использовались/были слабо представлены дисциплины, демонстрирующие возможности digital-социологии, и были представлены студенты и выпускники, которые изучали специализированные дисциплины. Для отбора использовался скринер. Интервью проводилось с ориентацией на структурированный гайд, но с возможностью развития и свободной интерпретации респондентом отдельных тем (метод Розенталя).

Основная часть (результаты сбора данных)

Большинство опрошенных обеих подгрупп однозначно высказалось о необходимости развития компетенций в сфере digital-социологии и их необходимости для осуществления управленческой деятельности. Только 1 выпускник отметил, что не имел сложностей с профессиональных самореализаций в цифровой среде, о не-

хватке компетенций в сфере цифровых технологий применительно к социологической сфере высказались абсолютно все опрошенные. Основными причинами востребованности таких компетенций были названы общее изменение вектора социального управления за последние несколько лет в сторону цифровизации, изменение коммуникативных возможностей общества, изменения требований со стороны заказчиков, ускорение темпа жизни в целом и, как следствие, сжатие сроков исследований в частности. В качестве наиболее востребованных умений и навыков были названы овладение такими методами исследований и техниками как расчет выборки с помощью электронных сервисов, процедуры построения маршрута и схем отбора с помощью отечественных интернет-платформ, электронные ресурсы оптимизации выборки, создание анкет, опросников и тестов, а также потребительских панелей с помощью интернет-ресурсов, тесты реакции аудитории в режиме реального исследования времени, тренинги с ротацией выборки, ГИС и OLAP-технологии, технологии работы с большими данными, работа с компьютерными системами анализа СМК (типа Крибрум, IQ bure, YouScan, Яндекс. Метрика, Google Analytics), проведение онлайн фокус-групп и онлайн интервью, включая автоматизацию транскрибирования (типа Dragon), методы нетнографии. Из них достаточно комфортно осваиваются лишь технологии проведения онлайн-фокус-групп и их модификаций (фокус-чатов и пр.), глубинных интервью онлайн, ГИС-технологии применительно к социологическому картографированию. С остальными методами выпускники испытывают сложности и говорят о необходимости знакомства с такими методами и техниками в ходе обучения. Что касается практического использования, почти все эти методы они вынуждены в той или иной степени применять в социологической практике, поскольку система социального и государственного управления предполагает владение указанными инструментами исследования. К необходимым институциональным условиям развития digital-социологии, по мнению опрошенных, можно отнести следующие: уровень развития цифровых услуг, наличие крупных социологических центров-агрегаторов данных, наличие потребительских панелей, возможности формирования баз данных и обеспечения их конфиденциальности, наличие нормативной базы, регулирующей сбор и возможности использования персональных данных, а также

информации, выложенной пользователем в свободный доступ, наличие этических правил и кодексов для проведения опросов и исследований в цифровой среде, наличие экспертных социологических сообществ для оперативного решения проблем, вызванных развитием технологий сбора и обработки данных.

Выводы

Таким образом, в результате исследования можно прийти к выводам о крайне высокой востребованности digital-компетенций молодыми социологами, большом потенциале использования таких компетенций в социальном управлении. Молодые социологи говорят о необходимости изучения ими и внедрения в системы социального управления исследовательских техник, включающих электронные алгоритмы формирования выборок, их оптимизации, создания анкет, опросников и тестов, а также потребительских панелей с помощью интернет-ресурсов, тестов реакции аудитории в режиме реального времени, тренинги с ротацией выборки, ГИС и OLAP-технологии, технологии работы с большими данными, компьютерные системы анализа средств массовой коммуникации, онлайн фокус-групп и онлайн интервью, включая автоматизацию транскрибирования, нетнографии. К необходимым институциональным условиям развития digital-социологии по мнению опрошенных, можно отнести уровень развития цифровых услуг, наличие крупных социологических центров-агрегаторов данных, панелей, возможности формирования баз данных и обеспечения их конфиденциальности, наличие нормативной базы и этических норм, регулирующих сбор и возможности использования персональных данных, наличие экспертных социологических сообществ для оперативного решения проблем, вызванных развитием технологий сбора и обработки данных. Таким образом, наличие взаимодействия между государством, экспертным сообществом и data-компаниями позволит создать эффективную институциональную систему для развития digital-социологии в РФ в ближайшие несколько лет. Кроме того, проведенное исследование показало необходимость продолжения серии опросов на иных экспертных выборках, что позволит расширить диапазон рекомендаций по использованию методов digital-социологии в технологических комплексах социального управления.

Список источников

1. Киселева Л. Цифровое общество. Словарь-справочник. М.: Проспект. 2021. 152 с.
2. Маркетинговые исследования и ситуационный анализ (под ред. И. Скоробогатых, Елфимовой). М.: КНОРУС.2019. 570 с.
3. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. М.: Издательство: Аспект Пресс. 2022, 351 с.
4. Публичная политика. Институты. Цифровизация, Развитие (под ред А. Сморгунова). М.: Аспект-Пресс. 2018. 319 с.
5. Сморгунов А. Политические сети. Теория и методы анализа. М.: Аспект-Пресс. 2018. 348 с.
6. Сотрудничество в публичной политике и управлении. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 2018. 273 с.
7. Управление публичной политикой. Аспект-Пресс. 2015. 319 с.
8. Цифровой мир: терминологический словарь-справочник в определениях официальных документов. М.: Проспект. 2022. 672 с.

Young Social Scientists About Digital-sociology as an Instrment of Social Governance

О. V. Eparkhina

YPSU named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia

Abstract. Some methods of social research and social analysis were be modified last years. Digitalization of economy and of the social governance create some new conditions for sociological practices. There were modified an object, methodology, methods and technics of social research. At the same time, education and trainings of social scientists take into account new reality very bad. Some opinions of young social scientists and social students about factual situation and wishing situation in sphere of digital-competentions presented in this research. There were marked the most high-demand in practice methods and technics of social research in digital context, needs and capabilities for students education, institutional capabilities and limits of its development in Russia. The results of the research may be used for educational programm's correction as a reflect of new challenges of social governance in Russia.

Keywords: social governance, digitalization, digital-sociology, methods of social research.

Социальные медиа как инструмент цифровой коммуникации между государством и гражданами

С. С. Морозова, Ю. Г. Смирнова

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

s.s.morozova@spbu.ru, ju.smirnova_spbu@mail.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению роли социальных медиа в процессе цифрового взаимодействия между гражданами и государством в современной России. В статье представлены результаты количественного и качественного анализа цифровой активности органов государственной власти трех уровней: федерального, регионального и местного в социальных медиа «ВКонтакте», «Одноклассники» и Telegram по следующим параметрам: популярность аккаунтов (по числу подписчиков) и их открытость для двусторонней коммуникации (возможность использования инструментов обратной связи). Авторы уделяют особое внимание теоретической и правовой составляющей коммуникаций в цифровую эпоху, а также сравнительному анализу наиболее популярных в России социальных сетей. В заключение авторы формулируют особенности коммуникации между гражданами и с (государственными и муниципальными органами власти) в социальных медиа в современной России.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, политическая коммуникация, цифровое взаимодействие, социальные медиа, социальные сети, цифровизация, цифровое государство.

Введение

Высокие темпы развития современных цифровых технологий, их глобальное распространение и проникновение в повседневную жизнь все большего числа людей требуют от правительств стран всего мира реорганизации и переформатирования механизмов

Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта при поддержке РНФ 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

© Морозова С. С., Смирнова Ю. Г., 2023

государственного управления с учетом требований цифровой эпохи. Очевидно, что Россия не осталась в стороне от этих глобальных процессов. Так, одним из ключевых направлений федерального проекта «Цифровое государственное управление» является «создание возможностей для перехода на цифровое взаимодействие граждан, бизнеса и государства» [6]. Реализация данного направления предполагает «внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг» [3]. Цифровизация политики, таким образом, способствует повышению прозрачности и открытости государственного управления, а также стимулирует и расширяет возможности гражданского участия. В данном контексте, большой потенциал имеет такой канал цифрового взаимодействия, как социальные медиа (в частности, социальные сети, пользователями которых на начало 2022 года являлось 72,7 % от общего числа граждан России [8]).

Теоретическая рамка исследования

Понятийное обоснование социальных медиа как эффективного коммуникативного инструмента заложено в двух теоретических концепциях: реципрокной концепции социальных сетей М. Грановеттера [9] и концепции социального капитала П. Бурдье [1]. Так, профессор Стенфордского университета и автор труда «Сила слабых связей», М. Грановеттер разделил все социальные связи на две основные категории – сильные и слабые. При этом сильные связи характеризуются длительным общением, эмоциональной близостью и взаимным доверием, в их основании лежит принцип реципрокности коммуникации, что способствует формированию сплоченности на локальном уровне, но приводит к фрагментарности на макроуровне. Слабые связи строятся на кратковременном общении, слабой эмоциональной близости, неразвитой реципрокности коммуникации и низком уровне взаимного доверия. Однако, согласно теоретическому подходу М. Грановеттера, именно слабые связи являются необходимым условием интеграции индивидов в сообщество.

В концепции французского социолога П. Бурдье основным ресурсом мобилизации гражданского участия обозначен социальный

капитал, основанный на моральных нормах и ценностях, доверии, взаимных обязательствах и надежных сетях институционализированных отношений. Таким образом, именно слабые социальные связи и социальный капитал являются основными средствами формирования и развития цифровой среды доверия, служащей необходимой базой для эффективной коммуникации между государством и гражданами.

Цель и методы исследования

Данное исследование направлено на выявление особенностей коммуникации между гражданами и государством (государственными и муниципальными органами власти) в социальных медиа. Методологической основой исследования является количественный и качественный анализ цифровой активности органов государственной власти трех уровней: федерального, регионального и местного. В качестве представителей федерального уровня для анализа были выбраны аккаунты в социальных сетях Правительства РФ и заместителя Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д. А. Медведева; регионального уровня – Администрации Санкт-Петербурга и губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглова; муниципального уровня – МО Владимирского округа и главы МО Владимирского округа Д. В. Тихоненко. Аналитика осуществлялась на базе трех социальных медиа: «ВКонтакте», «Одноклассники» и Telegram. Выборка исследования обусловлена популярностью, активной деятельностью и открытостью анализируемых аккаунтов.

Основная часть

На сегодняшний день все государственные и муниципальные структуры, а также подведомственные им организации, обязаны иметь аккаунты в социальных сетях, информировать с их помощью граждан о своей деятельности и взаимодействовать с пользователями (в соответствии со вступившим в силу в 2022 году пакетом поправок в законы «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации») [7]. В качестве официально реко-

мендованных к использованию социальных сетей были обозначены «ВКонтакте» и «Одноклассники» [7].

Согласно данным исследования 2022 года, проведенного ВЦИОМ, в топ-5 наиболее популярных в России социальных сетей и мессенджеров вошли WhatsApp* (87 %), YouTube (75 %), «ВКонтакте» (62 %), Telegram (55 %) и «Одноклассники» (42 %) [4]. Instagram*, деятельность которого была официально запрещена в марте 2022 года, опустился с четвертой строчки на восьмую (доля его пользователей сократилась с 53 % до 25 %), а аудитория наименее популярных в российском сегменте Интернета Facebook* и Twitter уменьшилась с 21 % до 11 % и с 11 % до 7 % соответственно [5]. Telegram продемонстрировал наибольший прирост аудитории по сравнению с другими социальными сетями и мессенджерами (с 42 % до 55 %) [5].

Аналитика активной аудитории (авторов) в социальных сетях за 2022 год в России, представленная Brand Analytics, также подтверждает, что «ВКонтакте», «Одноклассники», Telegram и YouTube являются лидерами, как по числу активных авторов, так и по количеству публикуемых сообщений [5]. Однако в данном отчете Instagram*, который был лидером 2021 года по числу авторов, также входит в четверку лидеров 2022 года, хотя исследователи Brand Analytics тоже зафиксировали значительное падение данной социальной сети: в количестве активных авторов на 55 %, в объёме публикуемого контента на 70 % [5]. Telegram и «ВКонтакте» стали приоритетными направлениями для «миграции русскоязычных пользователей после запрета и самоцензуры зарубежных соцсетей», причем Telegram стал лидером 2022 года по числу сообщений, а «ВКонтакте» – по числу авторов [5]. Отметим, что Brand Analytics не включает в свои ежегодные исследования мессенджеры WhatsApp* и Viber.

Проведенный в ходе исследования анализ аккаунтов в социальных сетях обозначенных ранее органов государственной власти показал, что, по состоянию на 18 февраля 2023 года, социальная сеть «ВКонтакте» является наиболее популярной среди российских

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

Интернет-пользователей платформой для коммуникации с органами и представителями всех трех уровней власти. Telegram является второй платформой по параметру охвата аудитории, за исключением кейса Администрации Санкт-Петербурга, где его с большим отрывом опередили «Одноклассники». Примечательно, что за этим редким исключением в Одноклассниках не представлен ни один из трех анализируемых представителей власти, а аккаунт Правительства РФ отключил функцию комментирования постов и отправки сообщений. Таким образом, социальная сеть «Одноклассники», в рамках данной выборки, является наименее популярным каналом цифрового взаимодействия власти и граждан. Причины могут крыться в том, что целевая аудитория рассматриваемых аккаунтов в основном использует «ВКонтакте» и Telegram, а «Одноклассники», даже несмотря на рост числа пользователей данной платформы после запрета использования Instagram* и Facebook* на территории России, отстает от них по данному показателю. Кроме того, эксперты отмечают, что более 40 % пользователей Одноклассников проживают в небольших городах (не более 100 тыс. человек), а среди регионов лидируют Сибирский и Южный федеральные округа [2]. Следовательно, исходя из перечисленных факторов, в ряде регионов России «Одноклассники», вероятно, рассматриваются представителями власти как наименее привлекательный ресурс для выстраивания цифровой коммуникации с населением.

Одним из важнейших критериев эффективности использования социальных сетей как канала цифрового взаимодействия между гражданами и государством является наличие инструментов обратной связи, то есть коммуникация должна иметь двустороннюю направленность (от государства к гражданам и, наоборот, от граждан к государству). Однако, данное исследование выявило, что не все органы и представители государственной власти предоставляют гражданам возможности для двусторонней коммуникации. Так, анализируемые нами аккаунты Правительства РФ и Дмитрия Медведева практически полностью (в случае с аккаунтами Дмитрия Медведева полностью) блокируют инстру-

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

менты обратной связи для пользователей. Аккаунт Правительства РФ в социальной сети «ВКонтакте» оставляет доступной опцию написания сообщения администраторам группы, однако данный канал связи является приватным и служит для персональных, адресных и неофициальных обращений, а публичное обсуждение публикаций на странице Правительства РФ остается недоступным для пользователей сети. Наиболее осторожную политику представители власти ведут в отношении Telegram, где 4 из 6 анализируемых аккаунтов отключили функцию написания и публикации комментариев к постам. Максимальную степень открытости и готовности к двустороннему взаимодействию продемонстрировали представители муниципальной власти – МО Владимирский округ и его глава Д. В. Тихоненко.

Выводы

Таким образом, в качестве основных особенностей коммуникации между гражданами и государством (государственными и муниципальными органами власти) в социальных медиа в результате проведенного исследования необходимо выделить следующие:

1. Усиление значимости развития цифровой среды доверия, служащей необходимой базой для эффективной коммуникации между государством и гражданами;

2. Повышение роли и популярности социальных медиа, преимущественно ВКонтакте и Telegram вследствие блокировок зарубежных социальных сетей;

3. Слабые вертикальные связи политической коммуникации между гражданами и государственными структурами в результате отсутствия как широкого представительства органов государственной власти в социальных медиа, так и развитых инструментов обратной связи с гражданами;

4. Неравномерное представительство органов государственной власти в социальных сетях, как по активности и способам коммуникации с пользователями, так и по публикуемому контенту (социальная сеть «ВКонтакте» является наиболее популярной среди российских Интернет-пользователей платформой для коммуникации с органами и представителями всех трех уровней власти; Telegram является второй платформой по параметру охвата аудитории);

5. В связи с совершенствованием правового регулирования в информационной сфере, намечена положительная динамика для роста эффективности коммуникаций между гражданами и государством в социальных медиа.

Список источников

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. № 3. С. 60–74.

2. Насколько соцсеть Одноклассники подходит для ведения бизнеса // Cossa.ru, 2022. URL: <https://www.cossa.ru/imarketing/308743/> (дата обращения: 14.02.2022).

3. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28 мая 2019 г. N 9)). URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f&utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 12.02.2023).

4. Российская аудитория социальных сетей и мессенджеров: изменения на фоне спецоперации // ВЦИОМ, 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmeneniya-na-fone-specoperacii> (дата обращения: 14.02.2023).

5. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022 // Brand Analytics, 2022. URL: <https://clck.ru/33aDHk> (дата обращения: 14.02.2023).

6. Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 12.02.2023).

7. Чиновников затянут в сети. Государственные органы обязали создать аккаунты в «Одноклассниках» и «ВКонтакте» // Парламентская газета, 2022. URL: <https://www.pnp.ru/politics/chinovnikov-zatyanut-v-seti.html> (дата обращения: 14.02.2023).

8. Digital 2022: The Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation> (дата обращения: 12.02.2023).

9. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78, № 6. P. 1360–1380.

Social Media s a Tool of Digital Communication Between the State and Citizens

S. S. Morozova, Iu. G. Smirnova

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
s.s.morozova@spbu.ru, ju.smirnova_spbu@mail.ru*

Abstract. This paper is devoted to the study of the social media role in the process of digital interaction between citizens and the state in modern Russia. The article presents the results of a quantitative and qualitative analysis of the digital activity of state authorities of three levels: federal, regional and local in the social media VKontakte, Odnoklassniki and Telegram according to the following parameters: the popularity of accounts (by the number of subscribers) and their openness for two-way communication (possibility of using feedback tools). The authors pay special attention to the theoretical and legal component of communications in the digital age, as well as a comparative analysis of the most popular social networks in Russia. In conclusion, the authors formulate the features of communication between citizens and the state (state and municipal authorities) in social media in modern Russia.

Keywords: digital communication, political communication, digital interaction, social media, social networks, digitalization, digital state.

Освещение вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе в российских интернет-СМИ в 2020 году

Н. А. Сухонина

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия
evametal@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема освещения военного конфликта, произошедшего в Нагорном Карабахе осенью 2020 года, с позиций российских интернет-СМИ. Сегодня информационное освещение вооруженных столкновений играет ключевую роль в формировании общественного мнения о действиях каждой из сторон. Большой проблемой является поддержание информационного баланса при освещении важных событий, особенно конфликтного характера. Для российских СМИ вопрос актуален в связи с необходимостью не только сохранить партнерские отношения и с Азербайджаном, и с Арменией, но и показать свою непримиримую позицию относительно боевых действий и разрушений, ими причиняемых.

Делаются выводы о том, что российские СМИ проявляют осторожность и сбалансированность в отношении новостной информации, избегая оценочных суждений и прогнозов, рассмотрены причины такой сдержанности. Отмечается, что подавляющее большинство публикаций с заявлениями российских политиков содержат призывы к миру. СМИ рисуют образ России как посредника, миротворца, поддерживающего не чью-либо, а мир, порядок, стабильность. Особо подчеркивается, что по итогам исследования в новостных публикациях Россия выступает государством с твердой позицией и сильным руководством.

Ключевые слова: Азербайджан, Армения, военный конфликт, интернет-СМИ, Нагорный Карабах, Россия.

Введение

Территория, известная как Нагорный Карабах, уже много лет является предметом споров между Азербайджаном и Арменией. Несмотря на то, что он расположен на территории Азербайджана,

он находится под контролем Армении. Конфликт из-за этой спорной территории начался за несколько лет до распада Советского Союза в 1991 году и перерос из внутрисоюзного в межгосударственный конфликт. К сожалению, даже по прошествии более чем тридцати лет окончательное решение по Нагорному Карабаху так и не было принято. Хотя за прошедшие годы было заключено множество мирных соглашений, насилие никогда не прекращалось полностью и напряженность остается очень высокой. Переговоры, в которых участвовали конфликтующие стороны, не привели к позитивным изменениям, и за эти годы в зоне конфликта произошли многочисленные нарушения режима прекращения огня.

Сегодня информационное освещение вооруженных конфликтов играет ключевую роль в формировании общественного мнения о действиях каждой из сторон. Люди все чаще обращаются к новостным материалам, чтобы понимать происходящее, но часто содержание этих материалов может быть недостаточно близко к реальности. Поэтому большой проблемой является поддержание информационного баланса при освещении важных событий, особенно конфликтного характера. Для российских СМИ этот вопрос еще более актуален. Россия является членом ОДКБ вместе с Арменией, однако Азербайджан – близкий партнер страны. Конфликт осложнен вмешательством Турции, поэтому необходимо избегать провокационных заявлений относительно действий участников конфликта, однако нужно показать свою непримиримую позицию относительно боевых действий и разрушений, ими причиняемых. Задачи артикуляции такой позиции возлагаются на российские СМИ.

Теоретическая рамка исследования

Конфликт в Нагорном Карабахе представляет собой сложную политическую и территориальную проблему, имеющую свои корни в истории Кавказского региона. Нагорный Карабах – это регион в Закавказье, расположенный на территории Азербайджана. Он имеет сложную этническую структуру, где армянское население составляет большинство. В период советской эпохи Нагорный Карабах был автономной областью в составе Азербайджанской ССР.

Распад Советского Союза привел к потере единственного фактора, который мог держать ситуацию в Нагорном Карабахе под контролем. Когда Азербайджан и Армения обрели независимость, границы, которые они имели в составе Советского Союза, стали международными границами, а внутрисоюзный конфликт превратился в межгосударственный, конфликт двух суверенных государств.

Полномасштабная война началась в феврале 1992 года, когда азербайджанское население было изгнано из азербайджанских деревень. Массовое убийство 161 гражданского лица из числа этнических азербайджанцев в городе Ходжалы 26 февраля 1992 года, также известное как Ходжалинская резня, усилило напряженность. Армения получила контроль над Шушей и Лачином в мае 1992 года и создала коридор, который соединил Армению с Нагорно-Карабахским регионом и сделал возможным политическое объединение, а также транспортировку логистических поставок. Политический хаос в Баку и наступательная военная позиция Армении поставили Азербайджан в уязвимое положение на всех фронтах.

К 1994 году армяне вытеснили азербайджанские войска из Нагорного Карабаха и расширили его границы, захватив около 14 % бывшей территории Азербайджана. 12 мая 1994 года Азербайджан и Армения подписали соглашение о прекращении огня, но договор так и не был подписан, и статус Нагорного Карабаха остался нерешенным.

С момента прекращения огня в 1994 году до 2016 года, по оценкам наблюдателей, десятки военнослужащих и гражданских лиц с обеих сторон ежегодно погибали вдоль разделительной «линии соприкосновения», протяженностью более 150 миль, а также вдоль армяно-азербайджанской границы.

В апреле 2016 года в течение трех дней в результате боевых действий, по сообщениям, погибло по меньшей мере 200 человек, и Азербайджан получил контроль над двумя стратегическими высотами на ранее удерживаемой Арменией территории. Российское посредничество помогло заключить новое соглашение о прекращении огня.

К 2020 году геополитическая расстановка сил значительно изменилась. Ранее на обе стороны в равной степени оказывалось

давление с целью сдерживания конфликта. Многие опасались, что азербайджанское вторжение в Нагорный Карабах может втянуть в войну как Россию, так и Турцию (члена НАТО) с потенциально катастрофическими глобальными последствиями. Россия исторически поддерживала христианскую Армению, в то время как США и Турция с большей вероятностью поддерживали мусульманский, богатый нефтью Азербайджан как международно признанного владельца региона.

Однако в 2018 году Армению сотрясли протесты, и ее руководство сменилось на то, которое было гораздо более склонно критиковать Россию, чтобы добиться улучшения отношений с Западом. Кроме того, к середине 2020 года большая часть мира была глубоко сосредоточена на внутренних экономических проблемах и проблемах здравоохранения вследствие COVID.

Ситуация значительно обострилась в июле 2020 года, когда обе стороны вступили в самые кровопролитные боевые действия за последние годы, в результате которых погибли по меньшей мере 16 человек. Июльские столкновения вызвали опасения более широкого конфликта, и обе стороны обвинили друг друга в нарушении соглашения о прекращении огня, которое действовало с 1994 года. Ситуация оставалась напряженной в течение нескольких месяцев, поскольку и Армения, и Азербайджан проводили военные учения и наращивали свое военное присутствие в регионе.

27 сентября 2020 года Азербайджан начал крупномасштабную военную операцию по возвращению Нагорного Карабаха. Конфликт быстро обострился, обе стороны использовали в боевых действиях тяжелую артиллерию, танки и беспилотники. Турция, близкий союзник Азербайджана, оказывала военную и дипломатическую поддержку во время конфликта. После шести недель боевых действий стало ясно, что Азербайджан одержал явную победу.

10 ноября 2020 года при посредничестве России было достигнуто соглашение о прекращении огня. Согласно соглашению, Азербайджан сохранил территорию, которую он получил военным путем, а Армения также согласилась уступить всю дополнительную территорию, которую она удерживала за пределами границ Нагорного Карабаха советской эпохи.

Цель и методы исследования

Целью исследования стало выявление особенностей освещения российскими федеральными СМИ вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 году. В данном исследовании была использована методика качественного контент-анализа.

Для анализа информационной повестки были выбраны 2 из наиболее рейтинговых новостных интернет-ресурсов: РБК и РИА Новости. Согласно рейтингу Медиалогии РИА Новости стали лидером по цитируемости в СМИ в 2020 году, а РБК лидировал среди самых цитируемых интернет-ресурсов 2020 года, обогнав вторую позицию по индексу цитируемости более, чем в 2,5 раза.

Хронологические рамки исследования включают период со дня начала военных действий до подписания перемирия, то есть с 27 сентября до 10 ноября 2020 г.

Единицей анализа был выбран полный текст статьи. Осуществлялся анализ по следующим параметрам:

- дата;
- тематика;
- источники;
- позиция (проармянская, проазербайджанская, нейтральная).

Основная часть (результаты сбора данных)

За указанный период сайт РБК опубликовал 555 материалов о конфликте в Нагорном Карабахе, а РИА Новости – 415 материалов. Наибольшее количество публикаций предсказуемо приходится на 27 сентября и 10 ноября (5,2 % и 8,3 % от общего числа публикаций соответственно).

Материалы представлены разными жанрами: интервью, репортажи, новостные заметки и пр., однако подавляющее большинство материалов имеют информационное и информационно-аналитическое содержание.

Основная тематика рассмотренных публикаций может быть разделена на несколько групп:

- Военные сводки (29,8 %),
- Роль России в урегулировании конфликта (20,2 %),
- Заявления должностных лиц Армении (13,8 %),
- Заявления должностных лиц Азербайджана (11,7 %),
- Переговоры (8 %),

- Роль Турции в конфликте (4,8 %),
- Описание разрушений в городах Нагорного Карабаха (3,7 %),
- Прочее (8 %).

Таким образом, пятая часть всех материалов посвящена действиям России по урегулированию конфликта, заявлениям высокопоставленных российских чиновников, анализу отношений России с Азербайджаном и Арменией.

Стоит отметить, что военные сводки подаются весьма сдержанно. Российские СМИ проявляют осторожность и сбалансированность в отношении новостной информации, избегая оценочных суждений и прогнозов. Кроме того, в анализируемых текстах присутствует большое количество цитат представителей власти и экспертов. Но на каждое высказывание одной стороны тут же дается ответный комментарий другой стороны. Количество заявлений должностных лиц Армении приблизительно равно количеству заявлений представителей Азербайджана.

Так как в основе качественного контент-анализа лежит процедура интерпретации публикаций, при проведении исследования были изучены все 555 публикаций в период с 27.09.2020 по 10.11.2020 с целью определения позиции российских СМИ относительно того, кто является агрессором в данном конфликте. В целом, стоит отметить, что российские СМИ стараются не делать оценочных суждений о позиции и участии той или иной страны в конфликте, а представляют широкий спектр мнений и точек зрения.

73,6 % публикаций абсолютно нейтральны и включают в себя беспристрастное описание хода военных событий. Нейтральная позиция здесь подтверждается сухим перечнем фактов, отсутствием оценочной лексики. В таких публикациях приводятся заявления министерств обороны обеих стран, причем ни одно из заявлений над другим не доминирует, они приблизительно равны по объему. В освещении событий регулярно встречается формулировка наподобие «и Армения, и Азербайджан». Топонимы часто даются в двух вариантах: на азербайджанском и армянском языках.

Проармянская и проазербайджанская позиции очень слабо и в основном по косвенным признакам угадываются в 18,1 % и 8,3 % публикаций соответственно. Причем преобладание публи-

каций с проармянской позицией объясняется главным образом наличием большого количества сюжетов и репортажей о разрушении Степанакерта, Шуши и окрестностей, а также о гуманитарной катастрофе на территории Нагорного Карабаха (например, ««Дома разнесли, изуродовали». Карабахский конфликт – с двух сторон – РИА Новости, 12.10.2020», «Ключ от Карабаха. Что на самом деле происходит в Шуше и Степанакерте – РИА Новости, 01.10.2020» и пр.). Данные репортажи сопровождаются фотографиями с места событий, воздействующими на эмоциональное восприятие военных действий: изображения разрушенной школы, пожилых людей у разрушенных домов, детских игрушек на фоне церковного креста. Таким образом, делается акцент не столько на поддержке действий Армении, сколько на страдании людей и разрушениях, что усиливает запрос на справедливость и желание порядка, который может принести Россия во главе миротворческой миссии.

Не случайно подавляющее большинство заявлений российских политиков содержат призывы к миру. СМИ рисуют образ России как посредника, миротворца, поддерживающего не чью-либо сторону (нигде намеренно не придается большое значение тому, кто начал боевые действия первым), а мир, порядок, стабильность. Россия выступает государством с твердой позицией и сильным руководством. Уделяется большое внимание действиям и заявлениям В. В. Путина и С. В. Лаврова.

Интересным представляется анализ отношения России к действиям армянской стороны. Армения и Российская Федерация являются членами ОДКБ, поэтому логично предположить, что они должны поддерживать друг друга в военных конфликтах. Однако такой поддержки в публикациях не наблюдается. Причиной тому, во-первых, может служить относительное охлаждение отношений между странами после прихода к власти Н. Пашиняна. Во-вторых, Нагорный Карабах не является ни частью Армении, ни признанной республикой. В 46,1 % публикаций особенно подчеркивается этот статус данной территории. Особый интерес представляет объемная публикация «Миллиардер Ахмедов ответил на обращение Варданяна к Путину по Карабаху»: «Ахмедов считает, что Варданян спекулирует на чувствах российского народа, обращаясь к Путину. По его мнению, Армения является для России «чемода-

ном без ручки, который тяжело тащить, да жаль выбросить». Возможно, чтобы не нарушать сбалансированный и равноудаленный подход к сторонам военного конфликта, данная точка зрения предстает не результатом анализа журналиста российского федерального СМИ, а озвучивается гражданином РФ азербайджанского происхождения.

Третьим возможным фактором сдержанности российских СМИ может быть участие Турции в конфликте. Ни Турция, ни Россия не заинтересованы в ухудшении отношений, поэтому действуют осторожно. Однако все же позиция турецкой стороны явно прослеживается. Турция поставляла Азербайджану современное оборудование, включая беспилотные летательные аппараты, которые в значительной степени внесли свой вклад в победу Азербайджана. «Турция безоговорочно поддерживает в конфликте Азербайджан. Пока это единственная страна, которая не призывает к прекращению огня, а наоборот.» («Армения и Азербайджан подошли к порогу полномасштабной войны – РБК, 28.09.2020»). На протяжении всех военных действий армянские официальные лица обвиняли Турцию в помощи Азербайджану путем направления войск, о чем пишут в рассматриваемых публикациях. Однако каждый раз эти обвинения дополняются официальными опровержениями представителей Азербайджана.

11 октября 2020 года на сайте РБК было опубликовано объемное интервью с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. Само наличие этого материала, а также опубликованные в нем заявления Алиева демонстрируют отсутствие предвзятого отношения к Азербайджану и его действиям со стороны СМИ. Представляют интерес несколько ключевых моментов этого интервью:

1. Опубликованы слова Алиева о роли России в переговорном процессе и ее связи с Азербайджаном. «Но, безусловно, Россия, как наш сосед, как страна, которая имеет и с Азербайджаном, и с Арменией общую историю, конечно, она играет особую роль. И, безусловно, эта роль, она основана и на истории, и на взаимодействии наших народов, а также и на весе и роли России в мире и, безусловно, в нашем регионе. Поэтому, конечно же, возможности России повлиять на урегулирование конфликта несравненно больше, чем у любой другой страны, в силу этих объективных причин».

2. Алиев подчеркивает интерес жителей России к его стране. «Я всегда говорил, что россиян сюда влечет не только кухня, пляжи, история, но и то, что они чувствуют себя комфортно, они чувствуют себя в своей среде. Они разговаривают с людьми на русском языке. Вы, наверное, знаете, что столько школ на русском языке, как в Азербайджане, нет нигде».

3. Разоренные территории сравниваются Алиевым со Сталинградом. «И вот видеокadres, которые мы демонстрировали с освобожденных территорий, показывают, что там все разрушено. Мы это знали. Это хуже, чем Сталинград».

4. Алиев уважает международное право и подчеркивает, что действует в соответствии с его нормами. «Что нам стоило пройти оттуда до любой точки Армении? Но я это остановил. Я сказал, что нет, мы на это не пойдем. Мы не они, мы не будем заходить на международно признанную территорию Армении».

В целом, интервью рисует образ Алиева как спокойного, рассудительного человека, уважающего Россию и ее жителей, пытающегося найти адекватные выходы из сложившейся ситуации. Он не предстает агрессором, он – защитник своих территорий, о чем говорит яркое сравнение боевых действий со Сталинградской битвой. Эта метафора понятна и близка российской аудитории.

Выводы

В рамках данного исследования был проведен анализ почти тысячи публикаций в российских интернет-СМИ о военном конфликте в Нагорном Карабахе в 2020 году. Полученные результаты указывают на осторожность и сбалансированность российских СМИ в отношении предоставляемой новостной информации, где избегаются оценочные суждения и прогнозы. Особое внимание уделяется формированию образа России как посредника и миротворца, не принимающего чью-либо сторону в конфликте, а скорее поддерживающего мир, порядок и стабильность. В публикациях Россия предстает как государство с прочной позицией и руководством, выражающим решимость относительно необходимости положить конец столкновениям.

Несмотря на близкие отношения с Арменией, входящей в ОДКБ вместе с Россией, в публикациях не прослеживается яв-

ной поддержки армянской стороны, сохраняется сбалансированный и нейтральный подход к обеим сторонам конфликта, что может быть также связано с нежеланием России вступать в противостояние с Азербайджаном и поддерживающей его Турцией.

Список источников

1. РБК Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://rbk.ru/> (дата обращения: 22.04.2023).

2. РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 22.04.2023).

3. Добаев И. П. Геополитические интересы мировых держав в кавказском макрорегионе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2006. № 3–4. С. 128–139.

4. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 22.04.2023).

5. Ибрагимов А. Нагорно-карабахский конфликт: предыстория, развитие, последствия // Постсоветские исследования. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nagorno-karabahskiy-konflikt-predystoriya-razvitie-posledstviya> (дата обращения: 22.04.2023).

6. Указ Президента Российской Федерации от 10.11.2020 г. № 695 О мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46042> (дата обращения: 22.04.2023).

The Coverage of the Armed Conflict in Nagorno-Karabakh in Russian Internet Media in 2020

N. A. Sukhonina

Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. This article explores the issue of coverage of the military conflict that took place in Nagorno-Karabakh in the autumn of 2020 from the perspective of Russian internet media. Today, information coverage of armed conflicts plays a crucial role in shaping public opinion about the actions of each party involved. Maintaining an information balance when covering important and particularly

conflict-related events is a significant challenge. For Russian media, this issue is relevant due to the need to not only maintain partner relations with both Azerbaijan and Armenia but also to demonstrate an uncompromising position regarding the acts of warfare and the resulting destruction.

The article concludes that Russian media exercises caution and balance in reporting news, avoiding evaluative judgments and predictions. The reasons behind this restraint are examined. It is noted that the overwhelming majority of publications featuring statements from Russian politicians call for peace. The media paints a picture of Russia as a mediator and peacekeeper, supporting not any specific side but rather peace, order, and stability. Furthermore, the research findings emphasize that Russia emerges as a state with a firm stance and strong leadership in the news publications.

Keywords: Azerbaijan, Armenia, armed conflict, internet media, Nagorno-Karabakh, Russia.

Секция 2

Общество и власть в условиях цифровизации

ГРНТИ: 00.77

Цифровые технологии и виртуализация общества: кибернетический взгляд

С. Н. Гринченко

*Институт проблем информатики Федерального исследовательского
центра «Информатика и управление» Российской академии наук,
Москва, Россия
sgrinchenko@ipiran.ru*

Аннотация. Детализируется понятие виртуализации общества как совокупности составляющих его компьютерной виртуализации, формирующей в реальных компьютерах и сетях телекоммуникаций идеальные миры процессов и событий, воображаемых пользователями (на базе моделируемых, имитируемых, симулируемых, etc. разработчиками) и некомпьютерной виртуализации, создающей в сознании реальных слагающих общество индивидов идеальные миры символов и образов. В историческом развитии процесса виртуализации общества, в соответствии с информатико-кибернетической моделью самоуправляющейся иерархо-сетевой системы человечества, реализующих принципы системной кумуляции и системной согласованности, выделены 8 основных этапов, совпадающих с этапами усложнения субъекта человечества, информационной технологии и увеличения размера его устойчивого общественного ареала. Маркером такого процесса выступает последовательность глобальной эволюции базисных информационных технологий: сигнальных поз/звуков/движений (старт ~28,2 млн лет назад) – мимики/жестов (~1,86 млн лет назад) – речи/языка (~123 тыс. лет назад) – письменности/чтения (~8,1 тыс. лет назад) – тиражирования текстов (~1446 г.) – локальных компьютеров (~1946 г.) – телекоммуникаций/сетей (~1979 г.) – перспективной информационной нано-технологии (~1981 г.). Отмечается: «сверхглубокое» погружение индивида в компьютерно-сетевую виртуальность негативно влияет на его личность, что требует упорядочения этого процесса.

© Гринченко С. Н., 2023

Ключевые слова: виртуализация общества, информационные технологии, цифровые технологии, самоуправляющаяся система человечества, информатико-кибернетическая модель, принцип системной кумуляции, принцип системной согласованности.

Введение

Согласно энциклопедическому определению, «виртуализация общества (от англ. virtual – кажущийся) – процесс замещения реальных социальных отношений их виртуальными образами... Условно различают два вида В.о. – компьютерную и некомпьютерную. Компьютерная В.о. (переход различных сфер деятельности на уровень информационно-коммуникационных сетей) тесно связана с развитием процесса информатизации общества и использованием информационных (цифровых – *С. Г.*) технологий в различных социальных сферах (экономике, науке, образовании, культуре, быту и др.). Например, виртуальные университеты в системе открытого образования, виртуальные музеи, электронные офисы в сети Интернет. Ещё один пример компьютерной В.о. – сетевые сообщества в сфере науки, экономики и общественной деятельности, которые представляют собой группы людей, связанных общими интересами и контактирующих между собой посредством информационно-коммуникационных сетей... Некомпьютерная В.о. (подмена реальных факторов личностного и общественного взаимодействия их образами) проявляется в экономике, политике, культуре. Примером может служить развитие рынков ценных бумаг, рекламы и так называемых пиар-технологий. В.о. в области экономики нагляднее всего проявляется в финансовой сфере» [8, с. 370].

Используемый инструментарий

Трактовка понятия виртуализации общества, как совокупности составляющих его:

А) компьютерной виртуализации, формирующей в реальных компьютерах и сетях телекоммуникаций идеальные миры процессов и событий, воображаемых пользователями (на базе моделируемых, имитируемых, симулируемых, etc. разработчиками), и

Б) некомпьютерной виртуализации, создающей в сознании реальных слагающих общество индивидов идеальные миры символов

и образов, позволяет существенно расширить спектр методов изучения данного явления в его историческом развитии. В частности, использовать инструментарий исследования глобальной эволюции человеческого общества, маркируемой чередой возникающих и усложняющихся базисных информационных технологий (ИТ). То есть применить авторскую информатико-кибернетическую модель (ИКМ) самоуправляющейся иерархо-сетевой системы человечества [1, 2, 3, 4, 5].

ИКМ выделяет в историческом развитии человечества временные моменты кардинальных системных изменений, включая значения соответствующих им типовых пространственных характеристик – ареалов устойчивых самоуправляющихся сообществ/социумов. Использование ИКМ при изучении исторического процесса в археологическую эпоху и адекватность полученных результатов эмпирическим данным палеонтологов, археологов и историков продемонстрировано в работах [6, 9, 10].

При этом, рассмотрение этапов формирования самоуправляющейся системы человечества на базе ИКМ позволило констатировать, что важнейшими свойствами процесса возникновения новых её иерархических подсистем являются:

1. принцип системной кумуляции: возникновение новых системных сущностей не означает элиминации подобных им ранее возникших;

2. принцип системной согласованности: возникновение новых подсистем сопровождается кардинальными усложнениями в структуре и приспособительном поведении ранее возникших, при уменьшении их относительной роли [3].

Хронологическая шкала ИКМ, а также шкала типичных размеров её иерархических уровней/ярусов, базируются на геометрической прогрессии со знаменателем $e^e = 15,15426\dots$, выявленной при изучении биологических систем А. В. Жирмуномским и В. И. Кузьминым [7].

Этапы усложнения виртуализации общества – с позиций информатико-кибернетической модели самоуправляющейся системы человечества

Как представляется, в историческом развитии процесса виртуализации общества можно выделить 8 основных этапов, совпада-

ющих с этапами усложнения субъекта человечества, базисной ИТ и увеличения размера его устойчивого общественного ареала.

1 этап). Возникновение далёких предков человека *Nominoidea* и старт освоения им ИТ сигнальных поз/звуков/движений ~28,2 млн лет назад, с кульминацией – возникновением *Hominidae* – ~9,26 млн лет назад, в ареалах «двор»/«семья» на территориях (радиус круга той же площади) размером до ~64 м.

Признаки некомпьютерной виртуализации «пред-пред-общества» *Nominoidea/Hominidae* – в названии ИТ: сигнал есть типичный символ, существующий в сознании социализирующегося субъекта, даже если это уже «общественное», но пока ещё «животное».

Формы такого сигнала на протяжении дальнейшей истории (Человечества) сильно изменились, пройдя путь от обеспечения взаимодействия между стадными биоособями и их окружением посредством их естественных поведенческих действий – в рамках «первой природы»: обеспечения безопасности (дополнительно, например, к защитной окраске), необходимого питания и возможностей размножения – до демонстрации желаемого статуса современного индивида среди себе подобных путём использования тех или иных искусственных виртуальных символов – в рамках «второй природы» [4].

Для этого используется дресс-код, форма одежды соответствующих групп (военных, военизированных, профессиональных и пр.), соответствие моде/стилю на одежду, обувь и иные носимые аксессуары, на обстановку квартиры/дачи и на место их расположения, на страну и место отдыха, на марку и цвет автомобиля, иногда даже на породу домашнего питомца, и многое-многое другое.

2 этап). Возникновение предков человека *Homo erectus/Homo ergaster* и старт освоения им ИТ мимики/жестов ~1,86 млн лет назад, с кульминацией – возникновением *Homo heidelbergensis* ~0,612 млн лет назад, в ареалах «поселение» размером до ~1 км.

Признаки некомпьютерной виртуализации «пред-общества» *Homo erectus/Homo ergaster/Homo heidelbergensis* – также в названии ИТ: мимика и жест есть типичная эмоциональная символика, существующая в сознании социализирующегося субъекта, даже если это и древний человек.

Формы таких сигналов, дополнительно к параллельно развивающейся ИТ сигнальных поз/звуков/движений, отражали особенно-

сти тех или иных сообществ/групп/родов при общении слагающих их индивидов и между сообществами.

И сегодня ИТ мимики и жестов активно используется, наряду с ИТ речи/языка, дополняя последнюю демонстрацией соответствующих эмоциональных компонентов общения. А также заменяя у глухих и слабослышащих устную речь языком жестов.

3 этап). Возникновение первого собственно человека *Homo sapiens-1* и старт освоения им ИТ речи/языка ~123 тыс. лет назад, с кульминацией (верхнепалеолитической революцией) ~40,3 тыс. лет назад, в ареалах «округа» размером до ~15 км.

Признаки некомпьютерной виртуализации общества *Homo sapiens-1* («протоцивилизаций») – тем более приведены в названии ИТ: язык как основа символики сиюминутного контактного общения между людьми, и речь как средство её реализации.

Формы таких сигналов, дополнительно к параллельно развивающимся ИТ сигнальным поз/звукам/движениям и мимики/жестов, отражали особенности тех или иных сообществ/групп/племен при общении слагающих их индивидов и между сообществами, и выступали первичным – изустным – средством сохранения исторической памяти и передачи её потомкам.

Сегодня ИТ речи/языка является наиболее универсальным и всеобщим средством контактного (а в последние годы – и элементом удалённого) общения между людьми.

4 этап). Возникновение усложнённого психически и когнитивно человека *Homo sapiens-2* и старт освоения им ИТ письменности/чтения ~8,1 тыс. лет назад, с кульминацией (городской революцией осевого времени) ~2,7 тыс. лет назад, в ареалах «сверхрайон» размером до ~222 км.

Признаки некомпьютерной виртуализации общества *Homo sapiens-2* (первых локальных цивилизаций) продолжают оставаться в названии ИТ: письменность как основа символики более длительного и более удалённого общения между людьми, нежели речь, причём фиксированного на внешнем по отношению к человеку носителе памяти.

Формы таких сигналов, дополнительно к параллельно развивающимся ИТ сигнальным поз/звукам/движениям, мимики/жестов и речи/языка, отражали особенности тех или иных сообществ/сою-

зов племён/национальных государств при общении слагающих их индивидов и между сообществами и выступали вторичным – рукописным – средством сохранения исторической памяти и передачи её потомкам.

Это кардинальным образом изменило качество информационного общения между индивидами при смене поколений, в значительной степени исключив утрату и/или искажение ранее накопленных знаний.

5 этап). Возникновение более усложнённого психически и когнитивно человека *Homo sapiens-3* и старт освоения им ИТ тиражирования текстов ~1446 г., с кульминацией (индустриальной революцией) ~1806 г., в ареалах «сверхстрана» размером до ~3370 км.

Признаки последнего из этапов некомпьютерной виртуализации общества *Homo sapiens-3* (субконтинентальных цивилизаций) фигурируют в названии ИТ: растиражированные тексты как символика ещё более длительного и широкого, в том числе существенно более удалённого, общения между людьми, нежели письменность как уникальная рукопись, фиксированного на внешнем по отношению к человеку и широко доступном носителе памяти.

Формы таких сигналов, дополнительно к параллельно развивающимся ИТ сигнальным поз/звукам/движениям, мимики/жестов, речи/языка и письменности/чтения, отражали особенности тех или иных сообществ/сверхнациональных государств при общении слагающих их социумов и индивидов и между сообществами и выступали третичным – растиражированным – средством сохранения исторической памяти и передачи её потомкам.

Символика и образы, создаваемые авторами научных, образовательных и производственных растиражированных текстов, являются основой для научно-технического прогресса, инициируя воображение читателя и влияя на его соответствующие действия в реале.

Символика и образы, создаваемые авторами художественной литературы, являются основой для погружения читателя в авторский мир, инициируя воображение читателя и влияя на его менталитет, а зачастую – и на его поведение в реале.

Следует отметить, что «излишне глубокое» погружение индивида в мир своих грёз может привести его и к неадекватному реальному

поведению, т. е. к опасному конфликту воображаемой виртуальности и реальной действительности.

6 этап). Возникновение сложного психически и когнитивно человека *Homo sapiens-4* и старт освоения им ИТ локальных компьютеров ~1946 г., с кульминацией (микропроцессорной революцией) ~1970 г., в ареале «Планета Земля как целое» размером до ~51 тыс. км.

Признаки первого из этапов компьютерной виртуализации общества *Homo sapiens-4* Земли как целого (Цивилизации-1) указаны в названии первой из цифровых ИТ: работа локальных компьютеров полностью опирается на символику базовой аппаратно-программной реализации идеальных миров процессов и событий, которая обеспечивает длительное и широкое общение между людьми, фиксированное также на внешнем по отношению к человеку и ещё более широко доступном носителе памяти.

Формы такой символики, дополнительно к параллельно развивающимся ИТ сигнальных поз/звуков/движений, мимики/жестов, речи/языка, письменности/чтения и тиражирования текстов, отражают особенности формирующегося Человечества как целого, при общении слагающих их социумов и индивидов и между сообществами – вплоть до антропогенной «третьей природы», включающей компоненту искусственного интеллекта [5] – и выступают четвертичным (электронным, оптическим и др.) – средством сохранения исторической памяти и передачи её потомкам.

Символика и образы, создаваемые авторами программных средств ИТ локальных компьютеров, являются основой для погружения компьютерного пользователя в информационную среду обеспечения (посредством транспортируемых информационных носителей) его профессиональной деятельности.

Символика и образы, создаваемые авторами, например, локальных компьютерных игр, являются основой для погружения компьютерного пользователя в игровые миры, инициируя его воображение и влияя на его менталитет и, как следствие – на поведение в реале.

7 этап). Возникновение ещё более сложного психически и когнитивно человека *Homo sapiens-5* и старт освоения им наиболее актуальной на сегодня ИТ телекоммуникаций/сетей ~1979 г., с кульмина-

цией (сетевой революцией) ~2003 г., в ареале «Околоземной Космос» размером (радиусом шара вокруг Земли) до ~773 тыс. км.

Признаки второго из этапов компьютерной виртуализации общества *Homo sapiens-5* (Цивилизации-2 Околоземного Космоса) также указаны в названии второй из цифровых ИТ: работа телекоммуникаций/сетей опирается на символику базовой аппаратно-программной реализации идеальных миров процессов и событий, которая обеспечивает длительное и широкое общение между людьми и удалёнными компьютерами, фиксированное также на внешнем – в том числе удалённом – по отношению к человеку и существенно более широко доступном носителе памяти.

Формы такой символики, дополнительно к параллельно развивающимся ИТ сигнальных поз/звуков/движений, мимики/жестов, речи/языка, письменности/чтения, тиражирования текстов и локальных компьютеров, отражают особенности формирующегося Человечества как целого в рамках прилегающего к Земле Околоземного Космоса, при общении слагающих его социумов и индивидов и между сообществами и выступают пятеричным – электронным, оптическим и др. – средством сохранения исторической памяти и передачи её потомкам.

Символика и образы, создаваемые авторами соответствующих компьютерных программ, также являются основой для активного погружения сетевого пользователя в Мировую информационную среду обеспечения его профессиональной деятельности, при этом символика и образы, создаваемые авторами, например, сетевых компьютерных игр, погружают сетевого пользователя в игровые миры, иницируя его воображение и влияя на его менталитет и на поведение в реале.

В конечном счёте, поток информации, получаемой таким пользователем из внешнего, в том числе «очень удалённого» виртуального мира, оказывает определяющее влияние и на его мировоззрение, формируя как созидательные, так и возможные деструктивные его проявления в реальности.

8 этап). Возникновение в перспективе наиболее сложного психически и когнитивно человека *Homo sapiens-6* и старт освоения им перспективной нано-ИТ ~1981, с кульминацией (нано-революцией) ~2341 г., в ареале «Промежуточный Космос» размером до ~11,7 млн км.

Признаки третьего из этапов компьютерной виртуализации общества Homo sapiens-6 (Цивилизации-3 Промежуточного Космоса) определяются тенденцией перманентного технологического прогресса электронной промышленности, с повышением разрешающей способности микропроцессорных средств которого в перспективе уже ближайшего десятилетия до «модельных» ~1,5 нанометров (прогноз фирмы Intel). Это и определяет название соответствующей перспективной нано-ИТ, аппаратная поддержка которой и должна будет иметь такую «модельную» (ИКМ) разрешающую способность.

Формы символики третьей из цифровых ИТ, дополнительно к параллельно развивающимся ИТ сигнальных поз/звуков/движений, мимики/жестов, речи/языка, письменности/чтения, тиражирования текстов, локальных компьютеров и телекоммуникаций/сетей, отражают особенности формирующегося Человечества как целого в рамках прилегающего к Земле Промежуточного Космоса, при общении слагающих его социумов и индивидов и между сообществами и выступают шестеричным – электронным, оптическим и др. – средством сохранения исторической памяти и передачи её потомкам.

Детали символики, образов, процессов и событий в идеальных мирах, конструирование которых возможно на базе нано-ИТ, на сегодня не вполне намечены, – для их конкретизации время пока не пришло.

Заключение

Информатико-кибернетический модельный подход к выявлению хода и свойств исторического развития виртуализации общества позволяет установить *системный характер* этого процесса, сопряжённого с глобальной эволюцией информационных, производственных, социальных, инфраструктурных и иных технологий в системе человечества. Маркером такого процесса выступает последовательность глобальной эволюции ИТ сигнальных поз/звуков/движений – ИТ мимики/жестов – ИТ речи/языка – ИТ письменности/чтения – ИТ тиражирования текстов – ИТ локальных компьютеров – ИТ телекоммуникаций/сетей – перспективной нано-ИТ.

Особая роль в этом процессе именно цифровых технологий очевидна: кардинальный перелом в развитии средств виртуализации общества от некомпьютерных к компьютерным, меняющий не только формы цивилизационного поведения индивидов, но и их мировоззрение, вполне нагляден, реализуясь в огромном числе проявлений на всех ярусах современного общества формирующихся Планетарной и Околосемной Цивилизаций.

Но необходимо указать, что крупные изменения в общественных структурах человечества приводят как к позитивным, так и к негативным результатам для человека. В частности, «сверхглубокое» погружение значительной части современной молодёжи в компьютерно-сетевую виртуальность приводит к её почти полному выпадению из окружающей их реальности, к «атомизации» общества и т. п. – что как в близкой, так и, особенно, в дальней перспективе чревато огромными трудностями в развитии цифрового общества. Данная ситуация требует срочных мер по недопущению подобного негативного сценария его развития – упорядочению взаимодействия индивида с компьютерно-сетевой виртуальностью.

Список источников

1. Гринченко С. Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы) – М.: ИПИРАН, 2007. 456 с.
2. Гринченко С. Н. Системная революция информационно-коммуникационных технологий // Стратегические приоритеты. 2019. № 3–4 (23–24). С. 156–161.
3. Гринченко С.Н. Общение людей и информационные технологии: принципы системной кумуляции и системной согласованности // Мир психологии. 2020. № 3 (103). С. 235–244.
4. Гринченко С. Н. Культура как вторая природа, коэволюционирующие информационные технологии и Биосфера: системное представление // Мир психологии. 2020. № 4 (104). С. 75–85.
5. Гринченко С. Н. Антропогенная «третья» природа: относительно автономный статус её искусственных интеллектуальных субъектов // Информатика и её применения. 2021. Т. 15. Вып. 4. С. 110–114.

6. Гринченко С. Н., Щапова Ю. Л. Информационные технологии в истории человечества // Информационные технологии, 2013. № S8. 32 с.

7. Жирмунский А. В., Кузьмин В. И. Критические уровни в процессах развития биологических систем. – М.: Наука, 1982. 179 с.

8. Колин К. К. Виртуализация общества // Большая российская энциклопедия. Том 5. – М.: 2006, С. 370.

9. Щапова Ю. Л., Гринченко С. Н. Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. – М.: Ист. фак-т Моск. Ун-та, ФИЦ «Информатика и управление» РАН. 2017. 236 с.

10. Щапова Ю. Л., Гринченко С. Н., Кокорина Ю. Г. Информатико-кибернетическое и математическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат – М.: ФИЦ «Информатика и управление» РАН, 2019. 136 с.

Digital technologies and Virtualization of Society: Cybernetic View

S. N. Grinchenko

*Institute for Informatics Problems of the Federal Research Center
«Computer Science and Control» of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
sgrinchenko@ipiran.ru*

Abstract: The concept of society virtualization is detailed as a set of its components of computer virtualization, which forms in real computers and telecommunications networks the ideal worlds of processes and events imagined by users (on the basis of models, imitated, simulated, etc. by developers) and non-computer virtualization, which creates real components in the minds of the real individuals who make up society ideal worlds of symbols and images. In the historical development of the process of virtualization of society, in accordance with the informatics-cybernetic model of a self-controlling hierarchical network system of Humankind, implementing the principles of system cumulation and system coherence, 8 main stages have been identified, coinciding with the stages of complication of the human subject, basic information technology and increasing the size of its sustainable social range. The marker of such a process

is the sequence of the global evolution of basic information technologies: signal postures/sounds/movements (start ~28.2 million years ago) – mimics/gestures (~1.86 million years ago) – speech/language (~123 thousand years ago) – writing/reading (~8.1 thousand years ago) – replicating texts (~1446) – local computers (~1946) – telecommunications/networks (~1979) – perspective information nano-technology (~1981). But the «super-deep» immersion of the individual in the computer-network virtuality negatively affects his personality, which requires streamlining this process.

Keywords: virtualization of society, information technologies, digital technologies, self-controlling system of Humanity, informatics-cybernetic model, principle of system cumulation, principle of system consistency

Социально-политический контекст цифровизации

О. Г. Щенина

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, РФ
oschenina@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-политического контекста цифровизации на основе рассмотрения эффектов ее реализации в многообразных социальных практиках. Происходят радикальные изменения с точки зрения маршрутизации коммуникаций, их сетевизация приобретает причудливые черты и формы, а узлы сетей коммуникантов становятся важным элементом в организации их взаимодействий. Таким образом, особую значимость в процессе анализа цифровизации и ее эффектов приобретает сетевой подход. Обращение к методологии на основе сетевого подхода позволяет выявить новые контуры связей и отношений субъектов социально-политических отношений. Процессы эволюции сетевого общества, сопровождаемые внедрением прежде всего цифровых технологий в повседневность, изменяют социально-политические отношения и практики, оказывают влияние на мировоззрение людей. В наибольшей мере они затрагивают социальную группу молодежи, социализация которой происходит в условиях стремительно изменяющегося общества. Процессы цифровизации формируют цифровую экосистему, она по сути во многом является результатом так называемой цифровой революции, которая совершается на наших глазах. Наиболее активным ее участником становится молодое поколение, для которого виртуальное пространство, наряду с реальным (социальным), является неотъемлемым и неразделимым (целостным).

Ключевые слова: цифровизация, социально-политические практики, молодежь, коммуникации, сетевой подход.

Введение

Теоретическая рамка исследования состоит в анализе социально-политического контекста цифровизации на основе рассмотрения эффектов ее реализации в многообразных социальных практиках. Подчеркивается, что «цифра» достаточно органично вошла

в жизнь современного человека в процессе цифровизации, однако все чаще внимание специалистов обращается на те риски и вызовы, которые сопровождают этот глобальный тренд. Вместе с тем, в повестке дня системы образования современного общества приоритетом становится развитие навыков XXI века, приобретение человеком новых компетенций в самых разных видах деятельности. Отсюда и обращение в статье к социальной группе молодежи, которую часто называют «цифровым поколением» и социализация которого происходит в условиях цифровизации и цифровой революции. Этот сложный и многообразный, разноуровневый и разноплановый процесс цифровизации изменяет и аксиологическую составляющую современного мира (ее формы, смыслы, ценности). В условиях появления новых видов коммуникаций в онлайн пространстве происходит модификация политической активности молодого поколения, проявлением этого являются новые цифровые практики. Отсюда и востребованность развития умений и навыков, компетенций молодых людей.

Цель и методы исследования: целью исследования является анализ социальных эффектов цифровизации, ее влияния на социальные и политические практики. Обращение к методологии на основе сетевого подхода позволяет выявить новые контуры связей и отношений субъектов социально-политических отношений. В процессе исследования применялись также методы контент-анализа, системного подхода. Представляется, что для анализа разных сторон цифровизации возможно использование целого ряда теоретико-методологических подходов на основе междисциплинарного синтеза социально-гуманитарных наук.

Стремительное вторжение «цифры» в жизнь современного общества преобразила все его грани, под влиянием развития цифровых технологий происходят изменения во всех областях жизнедеятельности человека.

Идет активный исследовательский поиск объяснительных моделей происходящих в обществе перемен. В рамках их анализа как правило в первую очередь рассматривается стремительное развитие технологий и их влияние на все сферы общественной жизни. Однако не менее значимой является социальная составляющая этих процессов, поскольку с развитием прежде всего информаци-

онно-коммуникационных технологий изменяется само общество, социальные связи и отношения.

Происходят радикальные изменения с точки зрения маршрутизации коммуникаций, их сетевизация приобретает причудливые черты и формы, а узлы сетей коммуникантов становятся важным элементом в организации их взаимодействий. Таким образом, особую значимость в процессе анализа цифровизации и ее эффектов приобретает сетевой подход.

Социально-политический аспект нынешних перемен связан в том числе с изменением не только технологий, опосредующих коммуникации и являющихся неотъемлемой их составляющей, но и с трансформацией социальных отношений, их форм, видов, уровней и смыслов. Практически нет ни одной сферы, которую в той или иной степени не затронула бы цифровизация, происходящая на фоне эволюции информационного общества и в процессе становления новой антропогенной цивилизации. Таким образом, динамично развивающееся современное общество находится в состоянии турбулентности в том числе и силу одновременного протекания целого ряда процессов, спектр которых чрезвычайно многообразен.

Основная часть

Одной из социальных групп, которая вовлечена в большей степени в орбиту цифровизации, является молодежь, которую многие «называют «цифровым», «сетевым» или «смартфонным» поколением. Считается, что нынешняя молодежь, с рождения вращающаяся в цифровой среде, принципиально отличается от своих предшественников: для нее характерна многозадачность, более низкая способность удерживать внимание, стремление к интерактивности и предпочтение к получению информации из визуальных источников» [1].

Вместе с тем следует вспомнить, что подобного рода навыки присущи подавляющему большинству населения планеты. По данным доклада Международного союза электросвязи в 2022 году чуть более 5 млрд человек пользуются Интернетом, а это практически две трети населения планеты. Благодаря Интернету изменяются конфигурации социальных связей и отношений,

новые контуры приобретает процесс сетевизации. В повестке дня современного мира все более значимым становится вопрос гуманитарной экспертизы происходящих перемен. Человеческое изменение трансформационных процессов предполагает глубокий анализ их влияния на самого человека, поэтому следует обратиться к характеристике новых видов грамотности, которых специалисты насчитывают более сотни у современного человека. Они формируются прежде всего системой образования и одним из важнейших ее видов в рассматриваемом контексте является цифровая грамотность. Каковы же по мнению специалистов уровень цифровой грамотности и цифровых навыков?

По данным НИУ ВШЭ «Индикаторы цифровой экономики: 2022» 81,5 % россиян пользуются ежедневно Интернетом прежде всего для совершения звонков или пребывания в социальных сетях [2, с. 170], то есть свыше 80 % населения страны обладает цифровыми навыками. Безусловно, что «наивысший уровень распространения продвинутых цифровых навыков среди молодежи: в возрасте от 15 до 24 лет такой уровень демонстрирует каждый третий, а в группе 25–34 лет — каждый пятый» [2, с. 170]. При этом следует упомянуть и о проблемах, связанных с вызовами и рисками цифровизации. К ним можно отнести проблему цифрового неравенства, как одно из проявлений социального неравенства в современном обществе. Еще одной ее стороной является цифровой разрыв, в том числе и гендерный. И это отчетливо проявляется в том числе и в молодежной среде.

Обратимся далее к понятию цифровая грамотность: «Цифровая грамотность – это набор знаний, умений и навыков, которые необходимы для жизни в современном мире, для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета. Данный социальный феномен включает 3 аспекта: цифровое потребление, цифровые компетенции и цифровая безопасность. Цифровое потребление – знание и использование интернет-услуг для работы и жизни. Цифровые компетенции – навыки эффективного пользования технологиями. Цифровая безопасность – основы безопасности в интернет-пространстве и при пользовании цифровыми технологиями» [3]. По данным результатов социологического исследования аналитического центра НАФИ «Вынужденная цифровизация: иссле-

дование цифровой грамотности россиян в 2021 году» наблюдается рост уровня цифровой грамотности населения страны. Так в 2018 году уровень цифровой грамотности составил 52 %, а в 2021 году вырос до 64 % [4].

Существенное влияние на формирование цифровой грамотности оказывают СМИ, поэтому представляет интерес анализ влияния цифровых медиа на молодежь и формирование ее мировоззрения. Очевидно, что уровень медиапотребления молодого поколения значительно выше, нежели у других возрастных когорт. Следует отметить и специфику медиаконтента, который производится в расчете на целевую аудиторию молодежи.

Цифровые медиа предлагают этой категории населения значительный объем контента развлекательного и образовательного характера. И в этом аспекте для СМИ важно прогнозирование медиапотребления в молодежной среде и его специфика, поскольку повседневные практики медиазапросов молодежи и ее медиапотребления свидетельствуют о расширении спектра молодежной составляющей медиаконтента. Эта сфера стремительно развивается в том числе и благодаря развитию технологий, поэтому вопросы информационной безопасности молодого поколения, киберугроз приобретают особое значение.

В современных условиях глобальной турбулентности мира при формировании медиаполитики следует уделять пристальное внимание социальной группе молодежи, поскольку именно медиаконтент оказывает значительное влияние на процесс социализации молодого поколения. Система образования призвана формировать в том числе и медиапотребности молодого поколения, которые претерпевают существенные изменения в цифровой среде. Цифровая среда кардинально изменяет возможности производства и потребления информации, во многом модифицирует структуру информационных потребностей современного человека и молодого поколения, в частности. Дуализм новой социальной реальности, проявляющийся в существовании виртуальной и социальной ее составляющих, предполагает расширение анализа процесса социализации за счет медиасоциализации. И этот аспект на наш взгляд представляет особый интерес для специалистов в области социально-гуманитарного знания.

Кроме того, цифровой мир трансформирует нашу повседневность, потребности и запросы, интересы, оказывает влияние на ценности и мировоззрение человека. Исследователи цифрового мира сегодня изучают цифровых кочевников и аборигенов, цифровых мигрантов, то есть формирующиеся в новой социальной реальности социальные группы.

Ежедневное пребывание в Интернете (многочасовое у большинства молодых людей – в среднем около 6 часов), связанное с просмотром видеоконтента или видеоиграми, фактически «жизнь» в социальных сетях и приложениях, возможность практически мгновенной реакции на коммуникации или предлагаемый контент, позволяют говорить об особой цифровой жизни молодежи в виртуальной среде. Причем для молодежи виртуальная и реальная социальная среда в равной степени значима и неразрывна, то есть практически едина. Посредством виртуальной среды молодежь самовыражается, высказывает свое мнение посредством цифровой активности и т. д.

Для характеристики этой стороны жизни молодого поколения, своего рода цифровой жизни, используются разнообразные критерии. Безусловно, необходимым элементом является наличие у каждого молодого человека аккаунта (одного или чаще всего нескольких – то есть его цифрового профиля). Выше отмечалась возрастающее время пребывания в сетях молодежью, для которой представляет значимость возможность круглосуточной онлайн-коммуникации. Как свидетельствуют результаты социологических опросов, молодежь активно использует социальные сети, ведь это отдельная цифровая сторона жизни (скорее сама жизнь), которая, кстати, для нее в той же мере значима, как и реальная (социальная) жизнь. Важную роль в цифровой жизнедеятельности молодежи играет видеоконтент, например, TikTok или YouTube. Для многих молодых людей характерен интерес к игровому контенту, о чем свидетельствует анализ поисковых запросов в Интернете.

Исследования запросов молодежи в Интернете свидетельствуют об интересе к коротким видео чаще всего развлекательного характера, обучающему видеоконтенту, различного рода информации о товарах и брендах и др. Следовательно, Интернет для молодого поколения – это «онлайн – жизнь» во многих ее проявлениях:

коммуникации, общение, информация, отдых, досуг, развлечения. Тем самым происходит виртуализация жизни молодого поколения, социальные контакты приобретают цифровой формат. И такой формат замещения реальной жизни виртуальной имеет не только положительные аспекты, но и негативные, влечет за собой ряд рисков для молодых людей психологического, социального свойства. К ним относятся цифровая зависимость (например, цифровые аддикции, селфи-зависимость и т. д.), информационные перегрузки, эмоциональное напряжение и др. Таким образом, на первый план выходят вопросы информационной безопасности и социальной безопасности в целом.

Перечисленные выше риски приводят к необходимости поиска подходов к их минимизации, о чем свидетельствуют дискуссии в среде специалистов по проблемам цифровой гигиены, прежде всего рассматриваемой в контексте информационной безопасности. Еще одним проявлением попыток смягчения цифровых рисков является цифровой детокс (отдых от сетей), получающий все большее распространение.

Вместе с тем, серьезное влияние на активность молодежи в сетях, формирование мнений сетевых сообществ молодежи оказывают блогеры, рассматриваемые как лидеры мнений и узлы сетей. Их значимость сегодня сложно переоценить, исследователи отмечают возрастание влияния блогинга на социальную, в том числе и цифровую, жизнь современного человека и прежде всего молодого поколения.

Однако в рассматриваемом в статье ракурсе – социально-политических аспектах цифровизации на примере социально-демографической группы молодежи, нужно отметить, что «политическая реальность цифровой эпохи обретает двойственную, гибридную сущность, развиваясь как симбиоз двух измерений политики – физического и виртуального. Это даёт основания характеризовать её как дополненную, или смешанную, политическую реальность» [5, с. 310]. Таким образом, возможно предположить, что цифровизация позволяет расширить спектр форм политической деятельности, а также политического участия на основе применения цифровых технологий. Однако, как известно, сфера политики не представляется интересной для подавляющего большинства молодых людей.

«Более 80% российских молодых людей либо не интересуются политикой, либо не имеют на этот счет определенного мнения... По-настоящему интересна она лишь 19 % опрошенных россиян в возрасте от 14 до 29 лет» [6]. Следовательно, и для цифровой молодежи или как ее еще называют цифрового поколения сфера политики не является значимой.

Специалисты отмечают «центробежные тенденции, их влияние на становление молодежи как качественно новой социальной группы в условиях «цифровой революции» (У. Бек). Среди них: фрагментация социума; индивидуализированные формы существования, пассивные по сути; риски, приходящие от других культур; качественные изменения представлений о счастье, справедливости, телесности; мобильности; парадоксальное сосуществование рискофобии и рискофилии. Для валидной диагностики и формирования новых принципов управления реалиями необходим интегральный инструментарий, нацеленный, в частности, на учет в государственном управлении значимости отдельных социальных сообществ, чья функциональность ограничена пространственно-временными границами; на выработку инициатив по увеличению роли центростремительных трендов; на вооружение учащихся знанием о побочных проявлениях процессов цифровизации социума; на создание устойчивой моральной атмосферы, основанной на торжестве социальной справедливости, преодолении «текучих страхов»; выработку мер и программ по развитию активистских установок» [7, с. 48].

На основе анализа данных социологических опросов следует сделать вывод о том, то молодые люди, обладая высоким уровнем цифровой грамотности, цифровыми навыками работы с информацией и цифровым контентом, реализуют их в только социально-значимых для них областях. Сфера политики, политическая активность не входят в сферу интересов большинства молодых людей, несмотря на расширяющиеся возможности самореализации в этой сфере на основе цифровых практик. Основываясь на оценках возможностей политического участия и политической деятельности самой молодежью, в большей мере они реализуются в области электронного голосования (то есть посредством электронной демократии) и цифрового волонтерства [8, с. 192–193].

Краудсорсинговые платформы, позволяющие посредством онлайн-технологий и платформ участвовать в жизни страны либо решать вопросы местного самоуправления, являются одной из площадок для самореализации молодых людей. По сути эти платформы можно рассматривать как один из множества ресурсов для реализации проектов в области социальной политики, в том числе и государственной молодежной политики. И это широкое поле для политической деятельности граждан формируется в процессе цифровизации общества.

Выводы

В заключении хотелось бы отметить, что процесс цифровизации многогранен и многолик, он оказывает масштабное влияние на все слои населения, особенно на молодое поколение. Процессы эволюции сетевого общества, сопровождаемые внедрением прежде всего цифровых технологий в повседневность, изменяют социально-политические отношения и практики, оказывают влияние на мировоззрение людей. В наибольшей мере они затрагивают социальную группу молодежи, социализация которой происходит в условиях стремительно изменяющегося общества. Процессы цифровизации формируют цифровую экосистему, она по сути во многом является результатом так называемой цифровой революции, которая совершается на наших глазах. Под влиянием цифровизации происходят изменения многих социальных институтов. Она предъявляет новые требования к навыкам и умениям современного человека, например, цифровая грамотность. Цифровизация формирует новую социальную реальность и преобразует действительность. В условиях глобальной турбулентности в том числе и под влиянием процесса цифровизации возникает «новая нормальность», которая предъявляет иные требования к компетенциям современного человека.

Список источников

1. Беннетт С. Молодежь: цифровые гении по умолчанию? // ЮНЕСКО [веб-сайт]. Курьер ЮНЕСКО. – 2021. – № 2. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2021-2/molodezh-cifrovye-genii-po-umolchaniyu> (дата обращения 25.02.23).

2. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 332 с.

3. Индекс цифровой грамотности граждан РФ // Фонд президентских грантов: [веб-сайт]. 2017. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=0c6bb104-f0f4-4a5c-86e3-49c405af9940> (дата обращения: 25.02.23).

4. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 // НАФИ. Аналитический центр: [веб-сайт]. 2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 25.02.23).

5. Сетевизация политических отношений в условиях новой реальности: [монография] / О. М. Михайленок, А. В. Назаренко, В. В. Люблинский [и др.]; отв. ред. О. М. Михайленок, А. В. Назаренко; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 382 с.

6. Мухаметшина Е. Более 80 % российской молодежи равнодушны к политике? // Ведомости [веб-сайт]. 30 апреля 2020 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni> (дата обращения 25.02.23).

7. Кравченко С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. – 2019. – № 10. – С. 48–57.

8. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. А. Азаров // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 180–197.

Socio-political Context of Digitalization

O. G. Shchenina

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the socio-political context of digitalization based on the consideration of the effects of its

implementation in diverse social practices. Radical changes are taking place from the point of view of routing communications, their networking acquires bizarre features and forms, and nodes of communicants' networks become an important element in the organization of their interactions. Thus, the network approach is of particular importance in the process of analyzing digitalization and its effects. Turning to the methodology based on the network approach allows us to identify new contours of connections and relationships of subjects of socio-political relations. The processes of evolution of the network society, accompanied primarily by the introduction of digital technologies into everyday life, change socio-political relations and practices, have an impact on people's worldview. To the greatest extent, they affect the social group of young people, whose socialization takes place in a rapidly changing society. Digitalization processes are forming a digital ecosystem, which is largely the result of the so-called digital revolution, which is taking place before our eyes. The most active participants are the younger generation, for whom the virtual space, along with the real (social), is integral and inseparable (integral).

Keywords: digitalization, socio-political practices, youth, communication, network approach.

Диджитализация современного общества: путь к киберпанку через смартфон

Е. Е. Тебякина

*Федеральное государственное казённое
военное образовательное учреждение высшего образования
«Военная академия материально-технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулёва», преподаватель кафедры
военно-политической работы в войсках (силах),
г. Санкт-Петербург, Россия
elenasofos@gmail.com*

Аннотация. В статье проводится аналогия между вымышленным миром киберпанка и современной действительностью. Рассматриваются те проблемные моменты, которые были предсказаны писателями-фантастами и зачатки которых можно увидеть уже сегодня. Также исследуется влияние смартфона, как основного инструмента для доступа к виртуальной реальности, который, с одной стороны, этот доступ упрощает, а, с другой, вызывает зависимость и страх потери гаджета, поскольку в нём сосредоточены не только социальные контакты и мессенджеры, но и пароли и приложения к банковским картам, доступ к госуслугам и программам, позволяющим осуществлять трудовые функции удалённо. Срачиваясь со своим смартфоном, современный человек становится прообразом киборга, ставящим ценности виртуального мира выше реальности.

Ключевые слова: киберпанк, смартфон, технологии, виртуальность, органопроекция, Интернет.

Введение

Стиль «киберпанк» в литературе, музыке и искусстве представляет собой интересное течение, которое вырастает из литературного фантастического жанра и превращается в отдельную субкультуру. Благодаря в основном литературным произведениям и их кинематографическим экранизациям (например, культовое киберпанковское произведение Филипа Дика «Мечтают ли андройды об электроовцах?» и его экранизация Ридли Скоттом «Бегущий

по лезвию» 1982 года, а также современное продолжение-адаптация романа, снятое Дени Вильневым в 2017 году), внимание к этому жанру научной фантастики всё больше возрастает начиная ещё со второй четверти XX века, а повсеместная компьютеризация, интернет и формирование виртуального пространства (социальных сетей, сетевых игр и, наконец, самых механизмов виртуальной реальности) сделали вариант каберпанковского будущего одним из самых реально возможных и получающих воплощение в действительность уже в начале XXI века.

Теоретическая рамка исследования

Киберпанк как литературное течение получает популярность и широкое распространение в XX век и, наряду с другими представителями жанра «панк» (стимпанк, соларпанк, дизельпанк и т. п.), представляет свою версию будущего, которое виделось писателям середины века на основе технического прогресса, зарождения и становления современного информационного общества. Однако, именно сценарий киберпанка как сращение человека с технологией (киборгизация), развитие виртуальной среды, искусственного интеллекта и массовая компьютеризация оказались наиболее правдивыми.

Цель и методы исследования

Целью исследования является исследование феномена «киберпанка» как феномена современной культуры и выяснение, почему сценарии именно киберпанковского будущего оказались воплощены в реальность. Методами проведения исследования являются: метод феноменологической редукции, герменевтического круга при работе с художественными литературными источниками, диалектического сравнения и антропологического анализа состояния современного общественного развития.

Основная часть (результаты сбора данных)

Основной теоретический фундамент киберпанка порождается сознанием писателей-фантастов XX века и становятся обыденностью уже сегодня. Но, вместе с тем, реальность в стиле «киберпанк» ярко иллюстрирует феномен, описанный в романе Умберто

Эко «Маятник Фуко» [6], заключающийся в том, как пародийная фантазия и нелепая шутка воплощаются в наличную действительность и становятся кошмаром, в лучших традициях уже Славоя Жижека о точно воплотившейся в реальность мечте [1], получивший название «эффект Розенталя (эффект Пигмалиона)». Между тем, сегодня подобные идеи и фантазии, благодаря распространению интернета и повсеместности виртуальной среды, получают новый импульс влияния и увеличивают скорость своего распространения, а значит и воплощения. Отчасти именно поэтому киберпанк, в итоге, и становится возможным в действительности. Поскольку основными отличительными особенностями этого жанра служат необычайный технический прогресс на фоне морального разложения общества, и деградации собственно человеческого, витального, антропологического, что соответствует современному состоянию культуры. Недаром английский философ Алан Кирби в своём эссе «Смерть постмодернизма и то, что после» [4] характеризуя современное состояние общества, вводит термин диджимодернизм – как состояние культуры, при котором новые цифровые технологии полностью изменяют общество и культуру, переводя социальные и культурные взаимодействия в нематериальную среду, неотъемлемую от технических средств-проводников, которые позволяют это взаимодействие осуществлять.

Интернет сегодня стремительно вводит в пространство реальности виртуальный фактор, размывая сферу жизненности реально несуществующими симулякрами, имеющими действительную ценность (деньги, находящиеся на виртуальном счёте в банке вполне пригодна для реальных расчетов и покупки настоящих товаров) и внедряет в повседневный обиход множество технических средств, работающих только на обслуживание виртуальной сферы (сервера, модемы, компьютеры, терминалы бесконтактной оплаты и многие другие). Современный смартфон, сочетающий в себе множество различных функций (часов, электронного кошелька, картхолдера, калькулятора, навигатора и многих других), на первый взгляд, позволяет пользователю минимизировать число гаджетов, а также, благодаря постоянному наличию доступа в интернет, служит бесперебойным источником информации, но, как раз ввиду собственной универсальности, вызывает сильную зависимость. При

этом, потеря или кража смартфона грозят практически вительной катастрофой, так как тот содержит в себе приложения и пароли от банковских карт, приложения здравоохранения, проезда, госуслуги и в целом цифровой год и доступ к собственной виртуальной личности. В то же время, виртуальность размывает не только граница пространства, но и времени. Так, можно установить на смартфоне или компьютере время любого часового пояса и жить по нему или вообще по своему собственному времени (особенно имея возможность удалённой работы, когда человек может управлять собственным ритмом труда и отдыха). Помимо этого, виртуальность пытается управлять пользовательскими желаниями посредством таргетированной рекламы и направленных запросов, выстраивая вокруг пользователя рамки «информационного пузыря». Так, исходя из личных предпочтений юзера, нейросеть подбирает для него новости и запросы по сходной тематике, исключая восприятие альтернативных взглядов и точек зрения. Кроме того, результаты альтернативных подходов подвергаются технике «деранкинга», т. е. намеренному погружению на поисковое дно нежелательных источников информации и отдельных публикаций, а для поиска противоположных вариантов необходимо прикладывать усилия, которые для современного пользователя, привыкшего к удобствам дружелюбного к пользователю интерфейса, оперативности получения информации и экономности мышления, выработанных виртуальной средой, являются весьма энергозатратными. Тем временем, принцип минимизации усилий становится основным принципом виртуального мира. Поэтому научная и социальные парадигмы научно-технического развития мира переходят от реальности именно к виртуальности. В силу чего, становится важнее, например, не создать систему, перемещающую физическое тело в другое место, а создать условия, чтобы «фальсификация» такого переноса признавалась реальной. В этом смысле теряется различие между событиями действительности и виртуальной среды. Возникает привычка к текстовым чатам, к выстраиванию разного типа коммуникационных полей (жестовых, интонационных, мимических) через визуальный образ (смайлики, мемы и изображения), а коммуникационные потоки переходят на новый уровень, унифицируясь, обезличиваясь, и, тем самым, упрощаясь. Виртуальная коммуникация ста-

новится проще и витально безопаснее реальной, поскольку в поле виртуальной коммуникации не нужно «достраивать» собственное присутствие и присутствие Другого, как равное реальному. Как отмечает отечественный исследователь С. А. Смирнов: «Языком эсэмэсок, меседжей, коротких реплик, электронной почты, покетбуков, текстов в ай-пэдах, которые читаются в метро, машине, залпом. Быстро. Как глоток воды. Точнее, колы.» [5, с. 318]. Происходит обман органов чувств, посредством виртуальной сублимации, которая перестает быть механизмом замещения реального действия аналогичным виртуальным, воображаемым, а представляет уже процесс замещения симулякра новым симулякром иного порядка, в частности связанного с наблюдением. Например, можно уже не инвестировать собственное желание в сублимируемый объект, а наблюдать за тем, как это делают другие, поэтому так бурно и развивается индустрия различных типов стриминга (помимо игрового стриминга, например, при наблюдении за киберспортивным соревнованием, становясь через обретение статуса болельщика сопричастным этому киберспортивному событию или же просто при невозможности установить ту или иную игру на собственный пользовательский компьютер, ввиду ограниченных технических характеристик посмотреть стрим от известного геймера-комментатора). Таким образом обретается сопричастность и появляется возможность приобщиться к любому событию, посредством стриминга (чтению книги, приготовлению пищи, игры в настольную игру, посещению музея и даже просмотра фильма) с помощью стриминговых технологий, а не реального присутствия. То есть принцип быстрого достижения удовольствия и статусности в компьютерной игре, описанный в работе Филипа Зимбардо и Никиты Коломбе «Мужчина в отрыве. Игры, порно и потеря идентичности» [2] упрощается ещё больше и распространяется практически на все явления социальной действительности от работы до отдыха, поскольку можно получить практически те же самые психологические впечатления, не напрягаясь в реальности, через симуляцию любого жизненного процесса, путём своеобразного компьютерного вуаеризма, в который не нужно инвестировать душевные и психологические силы, поскольку любое реальное действие, например, путешествие требует реальных психологических инвестиций, а также переживания

сложностей, связанных с ним (заказ билетов и поиск мест размещения, момент ожидания, перемещения, самого путешествия). А в виртуальности можно путешествовать «дешево, сердито и расслабленно», с помощью смартфона, Интернета и доступа к Google Картам.

Проблема взаимоотношения человек-техника является, конечно, совсем не новой и, если руководствоваться принципом органопроекции Эрнста Каппа[3], то техника является прямым продолжением человеческих органов и более того, современное сращение человека и техники и переход социальности в виртуальную плоскость, опережают самые смелые мечты основателя философии техники, но, в то же время, с техническим продолжением человека в виртуальной сфере вступает в противоречие марксистский принцип отчуждения человека как от продуктов его труда, так и от технических средств. То есть с марксистской точки зрения, расширяя себя в природном мире посредством технических приспособлений, человек передает гаджетам часть собственных социальных функций, тем самым отчуждая их от себя и собственного Я. Поэтому, на взгляд марксистов, современное состояние культуры и перенос социального в виртуальную среду свидетельствует скорее об упадке современной цивилизации, а грядущий и предсказываемый футуристами киберпанк будет означать конец антропологического собственно в самом человеке, а смартфон как продолжение человека вовне и расширение его функционала будет означать его отчуждение от самого себя от своей подлинности в пользу виртуальности, а реальной витальности в пользу эфемерной компьютерной симуляции. Хотя, возможно, что подобные опасения являются лишь следствием врожденного человеческого страха перед всем новым, неизведанным, ранее не существовавшим, сравнимым с тем, что испытывали люди в период появления печатного станка Гуттенберга и начавшейся вслед за его изобретением первой технической революции. Поэтому оценки современного состояния человека, культуры и технического мира остаются крайне неоднозначными.

Выводы

Таким образом, с одной стороны, Интернет и приносимая им виртуальность приближают человечество к той идее ноосферы (сферы разума, виртуальной среды, новой оболочки земной атмосферы), которую выдвигал Владимир Иванович Вернадский ещё в начале XX века. Однако сфера разума, ментальности оказалась весьма хрупкой и уязвимой оболочкой, которая нуждается в тщательной охране и защите, а также формированию ментальной экологии и ментального здравоохранения для защиты от угроз ментальных атак в постоянно ведущейся информационной, сетевой войне. А с другой, сам современный человек уже частично становится киборгом, так как смартфон, в какой-то степени, теперь «прирос» к его руке и, хотя ещё есть возможность им не пользоваться (например, рассчитываться наличными), современные тенденции всё больше склоняются в сторону виртуального и диджимодернового (виртуальные деньги, биткоины, электронные правительство и т. д.), поэтому важнейшей задачей сегодня становится сохранение собственно человеческого, антропологического и недопущение антиутопического сценария киберпанка о моральном разложении общества, киберкратии, клептократии и общей социальной неустойчивости.

Список источников

1. Жижек С. Киногид извращенца. Кино, философия, идеология. Сборник эссе. – Екатеринбург: Издательство Гонзо, 2021. – 480 с.
2. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве. Игры, порно и потеря идентичности / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 343 с.
3. Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А.: Роль орудия в развитии человека. Философия машины // Роль орудия в развитии человека. – Л.: Прибой, 1925. – 192 с. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3479> (дата обращения 01.03.2023 г.).
4. Смирнов С. А. Форсайт человека: Опыты по неклассической философии человека. – Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2015. – 660 с.
5. Эко У. Маятник Фуко / пер. Е. Костюкович. – М.: АСТ, 2014. – 832 с.

**Digitalization of modern society:
the way to ciberbank through a smartphone**

E. E. Tebyakina

*Federal State Owned «Military Educational Institution of Logistics named after
General of the Army A. V. Khrulyov», Saint-Petersburg, Russia
elenasofos@gmail.com*

Abstract. The article draws an analogy between the fictional world of cyberpunk and modern reality. Those problematic moments that were predicted by science fiction writers and the beginnings of which can already be seen today are considered. It also examines the influence of a smartphone as the main tool for accessing virtual reality, which, on the one hand, simplifies this access, and, on the other hand, causes addiction and fear of losing the gadget, since it contains not only social contacts and messengers, but also passwords, and applications to bank cards, access to public services and programs that allow you to perform labor functions remotely. Merging with his smartphone, a modern person becomes a prototype of a cyborg, putting the values of the virtual world above reality.

Keywords: cyberpunk, smartphone, technology, virtuality, organ projection, internet.

Влияние цифровых технологий на государственное и муниципальное управление

Л. В. Чхутиашвили, Н. В. Чхутиашвили

*Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
lvch2016@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются вопросы влияния цифровых технологий на государственное и муниципальное управление. Автор делает вывод о том, что внедрение наиболее успешных цифровых технологий в работу правительства позволит построить гармоничные отношения между органами государственной власти, гражданами и организациями посредством обеспечения возможности наиболее полного использования ими информационных систем и сервисов. С другой стороны, цифровизация государственного и муниципального управления – это новая модель государственного управления, новая система развития общества. Внедрение и использование цифровых технологий повышает качество оказания государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: цифровизация государственного и муниципального управления, потенциал, новая модель государственного управления, новая система развития общества.

Органы государственной власти представлены в Интернете и предлагают три различных типа административных услуг: информационную поддержку, загрузку форм и непосредственное предоставление административных услуг в соответствии с законодательно определенным функционалом.

В настоящее время к документам построения государством доступной системы коммуникаций с гражданами при помощи использования потенциала цифровых технологий в процессе принятия государственных решений и оказания государственных услуг относятся: Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [3], Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении

программы «Цифровая экономика Российской Федерации»> [2], Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [4].

Целью исследования является рассмотрение влияния цифровых технологий на государственное и муниципальное управление. Внедрение наиболее успешных цифровых технологий в работу правительства позволит построить гармоничные отношения между гражданами и организациями с органами государственной власти посредством обеспечения возможности наиболее полного использования ими информационных систем и сервисов.

Авторами статьи использовались такие основные методы исследования, как абстрагирование и конкретизация, анализ и синтез, аналогия и моделирование, индукция и дедукция.

В Российской Федерации активно ведется деятельность по разработке и внедрению цифровых платформ на федеральном и региональном уровнях. Так, с 2009 года функционирует Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг», который предоставляет возможность узнать информацию о той или иной государственной услуге и реализовать её в электронной форме, записаться на прием в государственное учреждение или ведомство, осуществить любым электронным способом платеж по штрафам, услугам ЖКХ, госпошлинам и т. д.

Наиболее успешными в отечественной практике можно признать налоговые электронные сервисы: личный кабинет налогоплательщика обеспечил доступ к налоговой информации, а также возможность онлайн-подачи налоговой декларации и уплате налогов. Самозанятые могут при помощи приложения «Мой налог» подать заявку о регистрации в качестве самозанятого гражданина, выписывать электронные чеки, брать справки о доходах, прекращать деятельность в качестве самозанятого гражданина.

Интенсивно развивается служба «Моя работа». Безработные могут подать заявление онлайн и встать на учет биржи труда. Получатели пособия по безработице могут получать информацию о своих пособиях, подавать онлайн-заявки, получать ежемесячные уведомления о выплатах.

Однако, есть и проблемы. Например, недостаточно хорошо организована работа сети архивных учреждений по предоставлению

государственных услуг (особенно на территории Дальнего Востока), есть проблемы в предоставлении цифровых услуг лесничествами и пр. Вот почему активизация работы в направлении «менее популярных» среди населения услуг может помочь их доработать в части механизма реализации [1, с. 117–122].

Ситуацию с цифровым государственным управлением нельзя назвать удовлетворительной. Эргономика сайтов остается рудиментарной, используемые технологии оказываются громоздкими (например, аутентификация, на «Госуслугах» при открытии сайта) или маломасштабируемые (это относится к территориальным информационным системам в регионах и муниципалитетах), оперативность и качество обслуживания не всегда на высоте (например, ожидание официального ответа на запрос).

Увеличение количества сайтов приводит к образованию технических сложностей и проблем в организации работы пользователей. В качестве способа решения данной проблемы должна выступать системная проработка технических решений сайтов и сервисов органов государственной власти, а также предприятий и учреждений, составляющих государственную структуру.

Ключевыми проблемами являются бюрократизм и большое количество бумажной документации, кибертерроризм, киберпреступность и кибервойны. В нынешних реалиях есть прецеденты, когда документооборот дублируется и в цифровом, и в бумажном виде. Кроме того, методы государственного управления обязаны претерпеть существенные изменения, а страх правительства к таким изменениям чреват ужесточением цензуры и стагнацией.

Кроме того, государственные служащие старшего поколения недостаточно хорошо знают информационные системы. У молодых специалистов встречаются погрешности при работе с информационными системами. Здесь важно повышать квалификацию и информационную грамотность, актуализировать их знаний и навыки, в том числе в части работы с новыми сервисами.

Таким образом, на современном этапе основной движущей силой развития цифровизации на практике является государственное и муниципальное управление. Цифровые технологии позволяют повысить качество государственных услуг, эффективность и результативность государственного и муниципального управления,

а также более полно использовать потенциал для населения на удаленных территориях.

В нашей стране действует много программ, целью которых являются цифровизация общества и государственного управления. Это важный и ответственный шаг правительства, который оптимизирует государственное управление, расширит сферу государственных услуг, уменьшит бюрократию и упростит взаимодействие государства, общества и бизнеса.

Внедрение цифровых технологий в государственное и муниципальное управление, которое предполагает активное участие граждан в процессе принятия государственных решений, может повлиять на функционирование основных социальных институтов и принципы развития общества в целом. В глобальных масштабах цифровизация государственного и муниципального управления – это новая модель государственного управления, новая система развития общества [5, с. 290].

Список источников

1. Михеева Т. Н. К вопросу о правовых основах цивилизации в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 9. – С. 114–122.

2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»».

4. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

5. Чхутиашвили Л. В., Чхутиашвили Н. В. Проблемы и перспективы реализации национального проекта «Цифровая экономика» // Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова. Ярославль, 2021. – С. 286–290.

6. Чхутиашвили Л. В., Чхутиашвили Н. В. Проблемы и перспективы реализации национального проекта «Цифровая экономика» /

Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции (Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества», Ярославль, 15 апреля 2021 г.) / под ред.: А. В. Соколова, А. А. Фролова. – Ярославль: Изд-во ООО «Цифровая типография», 2021. – С. 286–290.

The impact of Digital Technologies on state and Municipal Governmѐntcy

L. V. Chkhutiashvili, N. V. Chkhutiashvili

*O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia
lvch2016@mail.ru*

Abstract. The article examines the issues of building an accessible communication system with citizens by the state using the potential of digital technologies in the process of making public decisions and providing public services. The author concludes that the introduction of the most successful information technologies into the work of the government will allow building harmonious relations between public authorities, citizens and organizations by ensuring the possibility of the fullest use of information systems and services by them. On the other hand, digitalization of public and municipal administration is a new model of public administration, a new system of development of society. The introduction and use of digital technologies and electronic platforms in the field of public administration and the provision of public services creates new conditions for entrepreneurship, improves the quality of public services, and allows for distance and continuous education.

Keywords: digitalization of public and municipal administration, potential, new model of public administration, new system of society development.

Электронное взаимодействие власти и общества в российских регионах: анализ кейсов

А. С. Метелева, О. Г. Филатова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Национальный исследовательский университет ИТМО,*

Санкт-Петербург, Россия

o.filatova@spbu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты кейс-анализа 10 регионов России с целью выявить взаимосвязь уровня развития электронного взаимодействия власти и общества и успешности цифровой трансформации в регионе. Регионы анализировались исходя из разных позиций в рейтинге руководителей цифровой трансформации регионов страны (лидирующие, срединные и отстающие), что позволило выявить причины различий в уровне развития электронного взаимодействия власти и общества в этих регионах. Выводы сделаны на основе нескольких факторов: сроки реорганизации органа власти, реализующего стратегию цифровой трансформации региона; роль главы региона; уровень развития каналов электронного участия в регионе. Выявлена зависимость позиции субъекта в рейтинге от характера деятельности подведомственных учреждений органа исполнительной власти, реализующего стратегию цифровой трансформации в регионе; указаны направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: электронное взаимодействие, электронное участие, цифровая трансформация, власть, регион.

Введение

В 2020 году Указом Президента Российской Федерации были определены национальные цели развития страны на период до 2030 года. Одной из них стала «Цифровая трансформация»,

---

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

© Метелева А. С., Филатова О. Г., 2023

включающая в себя, среди прочего, «достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов» [4]. В связи с этим сначала на федеральном, а затем и на региональном уровнях были утверждены стратегии цифровой трансформации [3].

Летом 2022 года Правительство Российской Федерации сформировало очередной рейтинг руководителей цифровой трансформации регионов страны (далее – рейтинг) [2]. Согласно ему, среди регионов были выявлены лидеры и отстающие, а также регионы, занимающие «срединное» положение. При этом открытым остаётся вопрос, какие неочевидные факторы повлияли на это разделение. Мы попытались выявить эти факторы, проведя исследование, которое представлено ниже. Статья построена следующим образом: сначала кратко представлена теоретическая база и основные понятия, на которых оно базировалась, в следующем разделе дано описание исследования, а в последнем – представлены его результаты.

Теоретическая рамка исследования

Под электронным взаимодействием власти и общества мы понимаем двусторонний обмен информацией между обществом (бизнес-сообществом, экспертным сообществом, гражданским обществом в целом) и представителями государственной власти всех уровней в современном интернет-пространстве [5].

Принципиально важным для нашего исследования является использование институционального подхода и понятие электронного участия, позволяющее рассматривать взаимодействие государства и общества в цифровом пространстве как институционализированное взаимодействие органов публичной власти и граждан по вопросам публичной политики и управления [6, 7].

Исследования в сфере электронного взаимодействия и электронного участия нельзя назвать новыми, они ведутся уже почти два десятилетия. Довольно много попыток концептуализировать сферу электронного участия было сделано после 2004 [10, 11, 13, 16, 17, 20], начиная с выхода ставшей очень известной рабо-

ты А. Макинтош [15]. Достаточно подробные литературные обзоры, касающиеся электронного участия, используемые нами в качестве теоретической рамки исследования, были представлены в 2007 [23], 2008 [22], 2012 [26], 2016 [9, 24], 2020 [8]. Тем не менее, можно утверждать, что из-за междисциплинарного характера понятия электронного участия, текущие исследования в этой области фрагментированы, разбросаны и недостаточно теоретизированы [9].

Электронное участие и электронное взаимодействие, безусловно, являются динамичными концептами, меняющими свое содержание под влиянием новых коммуникационных технологий. Так, уже относительно устоявшимся направлением подобных изменений является рост потенциала социальных сетей как площадки для диалога государства и гражданского общества [9, 18, 19]. Современным этапом развития становится применение больших данных (в том числе полученных через социальные сети) и алгоритмов машинного обучения для анализа ситуации и принятия политических решений [14, 21], что особенно актуально в связи с появлением и развитием все более совершенных технологий, например, таких, как Chat GPT. Ученые пишут о том, что коммуникативные среды достигли полной цифровизации, а платформизация общества и интернета через составные элементы – данные, алгоритмы, автоматизацию и интерфейсы [27] – повлияла на общественную ценность коммуникации и информации. Датафикация затрагивает различные сферы жизни общества и становится все более актуальной для процессов публичной политики и взаимодействия государства и граждан [12, 25]. Эти сюжеты – и на уровне эмпирики, и на уровне теории – разворачиваются сейчас, но пока не получили должного осмысления и анализа применительно к российским кейсам.

Цель и методы исследования

Начиная с 2020 года в России складывается новая институциональная картина процессов электронного участия, в связи с чем возникает необходимость совершенно нового изучения складывающейся системы электронного взаимодействия власти и общества в российских регионах. Такое исследование, в частности, проводится Центром технологий электронного правительства Универси-

тета ИТМО в рамках проекта Российского научного фонда «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики». Представленное ниже исследование является тестированием методики глубинного анализа отдельных пилотных регионов для изучения внутренних трансформаций, происходящих в системе государственного управления и электронного участия на региональном уровне.

Для анализа отобраны методом случайной выборки десять регионов России, занимающих различные позиции в указанном выше рейтинге:

- лидирующие регионы, первые позиции рейтинга: Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Челябинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ;
- срединные регионы, срединные позиции рейтинга: Республика Калмыкия, Кировская, Ленинградская области;
- отстающие регионы, последние позиции рейтинга: Астраханская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Тыва.

Цель исследования – выявить взаимосвязь уровня развития электронного взаимодействия власти и общества и успешности цифровой трансформации в регионе.

Для этого с помощью метода кейс-стади мы рассмотрели каждый регион по ряду критериев, опираясь на проведённые ранее исследования [1]. Непосредственно аналитическая работа включила в себя следующие этапы:

- формирование паспорта субъекта (название региона, руководитель и куратор цифровой трансформации в регионе, дополнительные сферы ответственности руководителя цифровой трансформации);
- анализ органа исполнительной власти (ОИВ), отвечающего за цифровую трансформацию в регионе (факт реорганизации, социальные сети, подведомственные учреждения, вовлечённость куратора цифровой трансформации в процесс цифровизации) и включённости главы региона в процесс цифровизации (степень заметности фигуры);
- анализ основных каналов электронного участия в регионе (количество, техническая реализация, визуальное оформление, результативность, оценка в СМИ);

- анализ Центра управления регионом (руководитель, социальные сети, оценка в СМИ, дополнительные полномочия).

Отдельно мы рассмотрели географические и демографические показатели региона (гипотезы: чем больше площадь субъекта, тем активнее в нём должно развиваться электронное взаимодействие власти и общества для постоянного поддержания контакта с гражданами; чем больше доля горожан в населении региона, тем больше «спрос» на развитие электронного взаимодействия, в частности – порталов решения городских проблем) и возраст ключевых фигур цифровизации региона (гипотеза: чем моложе ключевые фигуры, тем более они осознают необходимость развития электронного взаимодействия и выделяют ресурсы для этого).

Результаты исследования

В итоге, «успешные» регионы (Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Челябинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ (далее – ЯНАО)) оказались несколько схожими между собой и отличными от других регионов по следующим показателям:

- направленность работы подведомственных учреждений ОИВ, реализующего стратегию цифровой трансформации региона (среди учреждений есть организации, занимающиеся развитием ИТ-компаний и ИТ-отрасли региона);

- ресурсы электронного участия в трёх из четырёх регионов есть собственный портал для обращений граждан о насущных проблемах; в основном порталы регионов получают положительные оценки, отмечается их результативность. В отличившейся Удмуртской республике, получили полноценное развитие и порталы инициативного бюджетирования.

Анализ «срединных» регионов – Республики Калмыкия, Кировской, Ленинградской областей – показал сходство между собой в следующих показателях:

- ресурсы электронного участия (среди каналов электронного участия были обнаружены лишь ресурсы типов «Открытый бюджет», «Инициативное бюджетирование»; информации о результативности каналов электронного участия обнаружено не было, как и в отстающих регионах);

- освещение ресурсов электронного участия в СМИ (в СМИ практически не освещается или не освещается вообще работа и результаты работы каналов электронного участия регионов, как и в отстающих регионах);

- предыдущие места работы руководителей ЦУР в регионах (должностные лица ранее были на службе в МВД).

Отстающие регионы – Астраханская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Тыва – обладают отличиями от других проанализированных регионов по следующим показателям:

- направленность работы подведомственных учреждений ОИВ, реализующего стратегию цифровой трансформации региона (среди учреждений Астраханской области и Республики Тыва есть организации, отвечающие за печатную продукцию, полиграфию, книжное дело; подведомственные учреждения ОИВ Кабардино-Балкарской Республики вовсе не отражены на сайте ОИВ);

- ресурсы электронного участия (как было обозначено выше, в регионах присутствуют только каналы электронного участия типов «Открытый бюджет», «Инициативное бюджетирование»; информации о их результативности также обнаружено не было, например, единственная статистика обращений граждан в интернет-приёмную, представленная на сайте Министерства цифрового развития Республики Тыва, датируется 2017 годом);

- фигуры глава региона и министра, отвечающего за стратегию цифровой трансформации региона (в Астраханской области в контексте электронного взаимодействия власти и общества не были замечены ни министр цифровизации, ни глава региона; в Республиках Кабардино-Балкария и Тыва в контексте электронного взаимодействия власти и общества фигуры глав регионов заметны минимально (буквально несколько упоминаний)).

Анализ регионов России, занимающих разные позиции рейтинга, позволяет предположить причины различий в уровне развития электронного взаимодействия власти и общества в этих регионах (хотя сравнение показателей по большинству критериев не привело к обнаружению значимых закономерностей). Мы смогли сделать выводы на основании следующих факторов.

Реорганизация ОИВ, реализующего стратегию цифровой трансформации региона. В регионе-лидере рейтинга, ЯНАО,

не была произведена реорганизация для уточнения цифровой стратегии региона. Мы предполагаем, что ОИВ в ЯНАО изначально обладал необходимыми полномочиями для цифровизации региона. В отстающей Астраханской области ОИВ, связанный с цифровизацией, был создан как самостоятельный орган в 2020 году, взяв на себя часть функций у другого министерства. Можно предположить, что «успешный» ЯНАО раньше всех из проанализированных регионов начал заниматься цифровизацией региона, а «неуспешная» Астраханская область – позже всех.

Фигура главы региона. Главы как преуспевающих, так и средних регионов высказываются о необходимости онлайн-диалога с гражданами, ведут собственные социальные сети. Особняком стоят отстающие регионы, фигуры глав которых почти или вовсе не заметны.

Каналы электронного участия в регионе. Как указано выше, в трёх из четырёх преуспевающих регионов есть собственные порталы городских проблем, в то время как в остальных регионах таких нет, а в отстающих регионах есть лишь ресурсы электронного участия, связанные с бюджетом региона (результативность которых нигде не отмечается). Однако степень развития системы каналов электронного участия – это, скорее, следствие различий регионов, нежели их причина.

Таким образом, мы считаем, что основными причинами различий в уровне развития электронного взаимодействия власти и общества в разных регионах являются два фактора. Во-первых, политический курс на цифровизацию региона в целом: например, правительство преуспевающего ЯНАО, скорее всего, задумывалось о цифровизации региона ещё до утверждения подобной национальной цели. Однако выявить первопричину разницы политического курса разных регионов в рамках этого исследования не удалось. Во-вторых, готовность главы региона развивать цифровую сферу и вкладываться в неё: например, главы отстающих регионов почти или вовсе не заявляют в публичном пространстве о приоритете цифровизации региона и, скорее всего, не ставят эту тему во главу угла в своей деятельности и текущей работе органов власти.

Что касается взаимосвязи уровня развития электронного взаимодействия власти и общества и успешности цифровой транс-

формации в регионах, мы предполагаем, что наибольшее влияние на позицию региона в рейтинге оказали наличие и качество работы подведомственных учреждений, развивающих ИТ-отрасль региона, нежели ресурсы электронного участия или включённость главы региона в сферу электронного взаимодействия власти и общества.

Выводы

Таким образом, цифровизация в российских регионах развивается неравномерно. Нами была выявлена зависимость позиции субъекта федерации в рейтинге от характера деятельности подведомственных учреждений органа исполнительной власти, реализующего стратегию цифровой трансформации в регионе: в преуспевающих регионах подведомственные учреждения, занимаются развитием ИТ-отрасли региона, поддерживая частные ИТ-компании.

В избранных регионах в неравной степени развито электронное взаимодействие власти и общества ввиду разницы политического курса на цифровизацию регионов (дальнейшие исследования должны быть направлены на выяснение первопричины различия политического курса) и степени готовности глав регионов развивать цифровую сферу.

Выдвинутые предварительно гипотезы относительно влияния площади субъекта федерации и доли горожан в составе региона субъекта пока не нашли своего подтверждения. Так, например, наибольшая численность горожан (около 82–84 %) относится к преуспевающим регионам с развитыми порталами городских проблем (Челябинская область, ЯНАО, соответственно); наименьшая численность горожан (около 63–65 %) – к отстающим регионам (Астраханская, Ленинградская области, соответственно). Однако численность горожан в «успешной» Удмуртской республике составляет около 68 %, а в «неуспешной» Кировской области – около 80 %. Гипотеза относительно влияния возраста ключевых фигур цифровизации региона также не подтвердилась: в «успешной» Республике Татарстан одна из самых взрослых «команд», в «неуспешной» Астраханской области – одна из самых молодых.

Для более точных выводов планируется проанализировать все регионы России в совокупности, а также все регионы, которые заняли лидирующие и заключительные позиции в рейтинге.

Список источников

1. Волкова О. И. Институциональное взаимодействие при организации электронного участия в российских регионах: результаты пилотного исследования // Интернет-коммуникации в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления: практики и стратегии развития. – Ульяновск: УлГТУ, 2023. – С. 19–26.

2. Названы самые успешные и отстающие ИТ-директора российских ведомств и регионов // cnews. URL: https://gov.cnews.ru/news/top/2022-06-29_nazvany_peredoviki_i_otstayushchie (дата обращения: 08.02.2023).

3. Стратегии цифровой трансформации // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/> (дата обращения: 08.02.2023).

4. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 // Российская газета. – 474 г. – № 159 (8213).

5. Филатова О. Г., Чугунов А. В. Электронное взаимодействие между обществом и властью: формирование концепции и практика реализации в России // Управленческое консультирование. – 2013. – № 8 (56). – С. 57–67.

6. Чугунов А. В. Электронное участие в контексте трансформации концепции демократии // Управленческое консультирование. – 2017. – № 8. – С. 14–20.

7. Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России. Кол. монография под ред. А. В. Чугунова, О. Г. Филатовой. СПб.: Алетей, 2020.

8. Aichholzer G., Rose G. Experience with Digital Tools in Different Types of e-Participation // European E-Democracy in Practice. – Springer, Cham, 2020. – С. 93–140.

9. Alarabiat A., Sá Soares D., Estevez E. Electronic Participation with a Special Reference to Social Media – A Literature Review // E. Tambouris et al. (Eds.). E-Participation: 8th IFIP WG 8.5 International

Conference, ePart 2016. Guimarães, Portugal, September 5-8. LNCS 9821, Springer International Publishing Switzerland, 2016. – P. 41–52.

10. Coleman S. Can the internet strengthen democracy? John Wiley & Sons. 2017.

11. Coleman S., Blumler J. G. The Internet and democratic citizenship: Theory, practice and policy. Cambridge University Press, 2009.

12. Gil O., Cortés-Cediel M. E., Cantador I. Citizen participation and the rise of digital media platforms in smart governance and smart cities // International Journal of E-Planning Research (IJEPR). 2019. – № 8(1). – P. 19–34.

13. Kalampokis E., Tambouris E., Tarabanis K. A. A domain model for eParticipation // Mellouk, A., Bi, J., Ortiz, G., et al. (eds) Proceedings of the Third International Conference on Internet and Web Applications and Services, 2008. – P. 25–30.

14. Katzenbach C., Ulbricht L. Algorithmic governance. Internet Policy Review. – 2019. – № 8(4). P. 1–18.

15. Macintosh A. Characterizing e-participation in policy-making. In: Proceedings of the 37th HICSS. IEEE Computer Society, Los Alamitos, 2004. URL: <http://www.computer.org/csdl/proceedings/hicss/2004/2056/05/205650117a.pdf>.

16. Macintosh A. eParticipation in policymaking: the research and the challenges. Exploiting the knowledge economy: Issues, applications and case studies, 2006. – P. 364–369.

17. Medaglia R. Measuring the diffusion of eParticipation: A survey on Italian local government // Information Polity. 2007. Vol. 12 (4). – P. 265–280.

18. Oliveira C., Garcia A. C. Citizens' electronic participation: a systematic review of their challenges and how to overcome them. // International Journal of Web Based Communities. 2019. – Vol. 15(2). – P. 123–150.

19. Pirannejad A., Janssen M., Rezaei, J. Towards a balanced E-Participation Index: Integrating government and society perspectives. Government Information Quarterly. – 2019. – Vol. 36 (4).

20. Prosser A. eParticipation on the European Union Level. Technology-Enabled Innovation for Democracy, Government and Governance. Springer Berlin Heidelberg, 2013. P. 1–8.

21. Rose R. A global diffusion model of e-governance // *Journal of Public Policy*, 2005. – Vol. 25 (1). – P. 5–27.
22. Sæbø Ø., Rose, J., Flak, L.S. 2008. The shape of eParticipation. Characterizing an emerging research area // *Government Information Quarterly* – 2008. – Vol. 25 (3). – P. 400–428.
23. Sanford C., Rose J. 2007. Characterizing eParticipation // *Int. J. Inf. Manag.* 2007. – № 27. – P. 406-421.
24. Scherer S., Wimmer M. A Metamodel for the E-Participation // E. Tambouris et al. (Eds.). *E-Participation: 8th IFIP WG 8.5 International Conference, ePart 2016*. Guimarães, Portugal, September 5-8. LNCS 9821, Springer International Publishing Switzerland, 2016. – P. 3–16.
25. Scholl H. J., Scholl M. C. Smart governance: A roadmap for research and practice // *iConference-2014 Proceedings*. – 2014. – P. 163–176.
26. Sussha I., Gronlund, A. eParticipation research: Systematizing the field // *Government Information Quarterly*. –2012. – Vol. 29 (3). – P. 373–382.
27. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford University Press, 2018.

Electronic Interaction of Government and Society in the Regions of Russia

A. S. Meteleva, O. G. Filatova

*St. Petersburg State University, National Research University ITMO, St.
Petersburg, Russia
o.filatova@spbu.ru*

Annotation. The article presents the results of a case study of 10 Russian regions in order to identify the relationship between the level of development of electronic interaction between government and society and the success of digital transformation in the region. The regions were analyzed on the basis of different positions in the rating of leaders of digital transformation of the regions of the country (leading, middle and lagging), which allowed to identify the reasons for differences in the level of development of electronic interaction between government and society in these regions. Conclusions were made on the

basis of several factors: the timing of reorganization of the DIA, implementing the strategy of digital transformation of the region; the role of the head of the region; the level of development of e-participation channels in the region. The dependence of the subject's position in the rating on the nature of the activities of the subordinate institutions of the executive authority, which implements the strategy of digital transformation in the region, was revealed; the directions for further research were indicated.

Keywords: electronic interaction, e-participation, digital transformation, power, region.

Метод ПРОЗИС-анализа в оценке сетевой активности пользователей

А. П. Коротышев

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
aleks_korotyshev@mail.ru*

Аннотация. В рамках статьи представлен новый метод сбора, формализации и визуализации данных – ПРОЗИС-анализ. Метод предусматривает фиксацию шести показателей сетевой активности пользователей: число постеров, репосты, охват аудитории, запросы, источники, сообщения. Он позволяет оценивать уровень общественного интереса к любому значимому событию, явлению или процессу, исследовать динамику распространения информации о них в глобальной сети, фиксировать технологии ее целенаправленной раскрутки.

Ключевые слова: социальная активность, Интернет, пользователь, ПРОЗИС-анализ, постер, запрос, охват аудитории, репост, эмпирический метод исследования.

Введение

Одной из заметных проблем современного гуманитарного знания является определенная дихотомия качественной и количественной методологии.

С одной стороны, достижения эпохи позитивизма диктуют исследователям необходимость использования в своих работах математической методологии. Строго формализованный подход, математическое, цифровое, а все чаще и нейро-сетевое моделирование неизменно приветствуются профессиональным сообществом, служат неоспоримым критерием качества научного исследования.

С другой, в отношении гуманитарного знания, где зачастую можно говорить лишь о неких «закономерностях», но не о строгих «законах», подобная тенденция порождает дополнительные проблемы. Число количественных параметров, которые потенци-

ально можно (а иногда и необходимо) учесть при анализе отдельных вопросов гуманитарного знания не поддается ни мыслимому, ни машинному охвату. Отбор из их числа тех, что надлежит считать «основными», остается, пусть и неизбежным, но все же произволом исследователя. При качественном анализе любых объемов эмпирических данных решающее значение имеет их экспертная интерпретация. В конечном итоге это ведет к тому, что разные ученые могут сделать диаметрально противоположные выводы из одинаковых данных.

Упомянутые обстоятельства создают в современной гуманитарной науке большой спрос на комплексные, сбалансированные методологические подходы. Подходы, стремящиеся совместить в себе количественные методики в части сбора данных для анализа и качественные методики в части интерпретаций полученного материала.

Внедрению таких методик в значительной мере способствует цифровизация современной жизни и переход все большей доли социальных взаимодействий в онлайн формат. Сетевая активность пользователей постепенно становится все более полным отражением их социальной активности.

Замечания о том, что интернет-социология не может дать репрезентативной выборки (поскольку не охватывает все население) остались в прошлом. По данным отчета «Digital 2023» аналитических компаний We Are Social и Meltwater [2] количество пользователей в России в начале 2023 г. составило 127,6 млн. чел., или 88,2 % населения. При этом 106 млн. или 73,3 % населения являются пользователями социальных сетей. Современный человек стремится постоянно оставаться на связи, не отрываясь надолго от потока цифровой информации. Россияне в среднем проводят в Интернет 7 ч. 57 мин. в день, из них 2 ч. 16 мин. в социальных сетях [2].

При этом, сетевая активность пользователей достаточно многообразна и проявляет себя во множестве различных форм, что ставит перед социологами проблемы, связанные с исследованиями новых социальных практик, не всегда поддающихся оценке классическими, формализованными методиками. Современные средства онлайн мониторинга, входящие в прикладной инструментарий веб-аналитики, позволяют фиксировать количественные характери-

стики этой активности, открывая возможности для автоматизированного сбора эмпирического материала, использования математического инструментария и формализации оценок, и в то же время оставляя свободу для авторских интерпретаций исследуемых социальных процессов.

Одним из значимых трендов в социологии становится обсуждение роли больших данных в организации исследований: К. Н. Горлов [5], К. С. Губа [6], В. В. Волков, Д. А. Скугаревский, К. Д. Титаев [4], А. В. Одинцов [10], Р. Китчин [7], Е. В. Смирнов [12] и др. Постоянно ведется поиск новых подходов к исследованиям, таких как веб-скрейпинг [3], event-analysis [11], data minig [9], Vaal (количественный контент-анализ) и SkaiTwi (статистический анализ связей в «Твиттере»), и Gephi (сетевой и кластерный анализ)[8].

Зарубежные исследования следуют по пути все более обширного использования в анализе сетевой активности пользователей нейросетевых алгоритмов. Наибольших успехов на этом пути добилась, по всей видимости, обширная исследовательская программа социальных симуляций (Social-Sim program), финансируемая управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA). Результатом ее работы стал автоматизированный алгоритм [1], способный вести сбор эмпирических данных непосредственно в социальных сетях, преобразуя их в базы данных MySQL и JSON-файлы. Это позволяет вести машинную обработку данных, хранить, оценивать и анализировать огромные массивы отдельных случаев, разрабатывая, на этой основе, оптимальные стратегии продвижения целевой информации в социальных сетях. Это – уже следующий шаг от социального прогнозирования к социальному инжинирингу и новым методам управления обществом.

К сожалению, подобный технологический уровень остается недоступным для большинства отечественных исследователей. Тем не менее, задача моделирования и прогнозирования общественных процессов остро стоит и для российского общества, находящегося в фазе обширных социальных трансформаций.

В рамках настоящей статьи делается попытка предложить новый метод исследования сетевой активности пользователей – ПРО-ЗИС-анализ, который:

1. Должен обеспечивать оперативный сбор эмпирических данных, объективно характеризующих сетевую активность.

2. Должен предоставлять возможности для качественных оценок и экспертной интерпретации.

3. Может применяться для исследования широкого круга проблем в предметной области гуманитарных наук.

4. Не требует дорогостоящего оборудования, специфического программного обеспечения и других материальных ресурсов и может успешно применяться на базе российских вузов.

В названии метода отражены основные эмпирические показатели, привлекаемые для анализа: число постеров и репостов, охват аудитории, запросы, источники и сообщения.

Применение ПРОЗИС-анализа в научном исследовании подразумевает, в самом общем виде, три этапа.

Сбор эмпирического материала

Отправной точкой первого этапа является выбор формулировок (отдельных слов, словосочетаний, лексем и пр.), характеризующих объект исследования. Это может быть некое явление или процесс, инфоповод, порождающий общественную дискуссию, активное обсуждение в социальных сетях. Крайне важно, что бы эти формулировки носили общеупотребительный характер, были распространены среди пользователей глобальной сети. В уточнении формулировок могут помочь онлайн сервисы, как правило используемые для SEO-оптимизации, такие как WordStat и GoogleTrends.

Далее следует сбор эмпирических данных – статистики использования пользователями целевых формулировок и связанной с этим сетевой активности. Для сбора данных применяется сервис мониторинга социальных медиа IQBuzz. Последний предоставляет достаточно обширный круг количественных метрик, из которых наиболее важными представляются шесть показателей, давших методу название:

1. *Постеры* – количество аккаунтов, публикующих в сети сообщения, комментарии, статьи или посты по определенной теме. Подавляющее большинство интернет-пользователей являются только потребителями информации в сети, и лишь небольшое «активное меньшинство» занимается сочинением текстов, и транслирует их

в медийном пространстве интернета. Данный показатель коррелирует с уровнем пользовательского интереса к изучаемой тематике и характеризует масштабы распространения информации о ней.

2. *Репосты* – число случаев, когда сторонние пользователи переслали сообщение постера другим пользователям напрямую или посредством публикации на странице своего аккаунта (в группах, лентах, комментариях и др.) Репост, схожий с механизмом перепечатки из классической теории СМИ, становится сегодня наиболее эффективным средством распространения информации в интернете. Любая значимая для пользователей тематика становится популярной в первую очередь за счет репостов. Количество репостов отражает желание пользователей делиться с другими полученной информацией.

3. *Охват аудитории* – количество пользователей, имеющих потенциальную возможность увидеть сообщения по исследуемой теме в различных источниках: постах и лентах друзей и знакомых, публикациях интернет-СМИ, комментариях к новостям и пр. «Охват аудитории» и «количество просмотров» – разные понятия, поскольку сам факт наличия информации в ленте пользователя еще не означает, что он ее просмотрит и усвоит.

Однако, при достаточно широком распространении определенной информации в сети в различных формах и в различных источниках ее становится практически невозможным игнорировать. Таким образом, охват аудитории характеризует масштабы распространения информации, а также ее способность привлечь внимание пользователя, который ее целенаправленно не искал.

4. *Запросы* – количество запросов по изучаемой тематике, вводимых пользователями в поисковые интернет-сервисы (в России это главным образом Яндекс и Google). Этот показатель с достаточно высокой степенью объективности характеризует «общественный интерес» к конкретной теме. В статистику запросов попадают лишь те пользователи, кто целенаправленно искал определенную информацию в сети.

5. *Источники* – количество уникальных текстов, опубликованных по определенной тематике за конкретный период времени. Источником может служить информация, публикуемая на официальном сайте, статья в интернет-СМИ или даже сообщение отдель-

ного пользователя, а также все, что сегодня собирательно называется «новыми медиа». Набор уникальных источников по определенной теме, как правило становятся ядром распространения информации в сети, подогревая и поддерживая общественный интерес к теме. Знакомясь с информацией источника, пользователь может стать не только потребителем контента, но также распространять его при помощи репостов, или же начать создавать собственный контент на его основе, превращаясь таким образом в постеры. Он также может увеличивать статистику запросов, начиная самостоятельно искать информацию по теме. Количество источников отражает стремление лидеров общественного мнения писать по изучаемой тематике.

6. *Сообщения* – количество текстовых сообщений, содержащих ключевые слова по изучаемой тематике. Предполагается, что число сообщений по теме является ключевой количественной характеристикой такой субъективной категории как «популярность темы», а также позволяет отслеживать, как информация распространяется в сети.

Используемые в комплексе, эти шесть параметров, именуемые в дальнейшем ПРОЗИС-показателями, достаточно объективно отражают сетевую активность пользователей, вызванную тем или иным инфоповодом, и дают основание для качественных интерпретаций.

Формализация и визуализация данных

Фиксация ПРОЗИС-показателей позволяет установить факт общественной популярности некой тематики в конкретный момент времени. Однако для качественных интерпретаций этого недостаточно. В рамках ПРОЗИС-анализа необходимо охарактеризовать сам процесс распространения информации в сети в его динамике, выделить его характерные особенности и ключевые факторы.

Для этого предлагается использовать графический инструментарий – лепестковую диаграмму, на каждой из осей которой отобразен один из 6 ключевых показателей. Будет логично назвать ее ПРОЗИС-диаграммой.

Порядок отображения данных на осях не случаен. Верхняя группа из трех осей («источники», «постеры» и «сообщения») ха-

рактирует в первую очередь процесс распространения новой информации. Она появляется в первых уникальных источниках, затем ее подхватывают постеры, создавая на ее основе более многочисленные сообщения. Совместно показатели верхней группы формируют *«информационное ядро»*, по отношению к которому другие формы сетевой активности (репосты, запросы и охват) – вторичны.

Заходя в сеть, рядовой пользователь сталкивается не с информацией как таковой, а именно с информационным ядром, включающим как тексты новостей, так и сообщения с реакцией на них его друзей, знакомых и сетевых лидеров мнений. Таким образом, именно информационное ядро служит объектом дальнейшей рефлексии пользователя, настоящим «локомотивом» диффузного механизма. Поэтому по характеристикам ядра можно судить о том, насколько активно новые идеи продвигаются в интернет-пространстве.

Вторая группа показателей – «репосты», «запросы» и «охват» является производной от первой. Эта группа отражает, в сущности, уровень рефлексии пользователей и степень их реакцию на новую информацию. Потребляя контент из интернет-медиа, групп в социальных сетях, из лент или телеграмм-каналов, от активных блогеров и из других источников, пользователи начинают интересоваться темой. Это выливается в повышение числа запросов в поисковиках, репост материалов, постепенное заполнение групп, лент и комментариев.

Данная группа в ПРОЗИС-анализе выделяется как *«область периферии»*. Анализ показателей периферии позволяет судить о том, как новая информация усваивается пользователями, и какую реакцию вызывает.

Между ядром и периферией, несомненно, существуют сложные синергетические связи, требующие отдельного изучения. Однако представляется, что в большинстве случаев ядро распространяет информацию, а периферия ее усваивает. Хотя возможны, по всей видимости, и обратные примеры взаимодействия, когда общество начинает активно интересоваться какой-либо темой, а СМИ и активные постеры чувствуют этот интерес и пытаются его удовлетворить.

Попытка отобразить ключевые показатели на лепестковой диаграмме неизбежно столкнется с проблемой разметки осей. Шесть ключевых ПРОЗИС-показателей на практике могут иметь числовые значения совершенно разного порядка. Так, уникальных источников, как правило, не более двухсот, а зачастую – несколько десятков. Сообщения, как и запросы, могут колебаться в пределах от сотен до миллионов, а для охвата вполне достижимы значения в десятки миллионов. По мере того, как новость проходит цикл роста и падения популярности, каждый из показателей может колебаться в широких пределах.

Эту проблему можно решить двумя путями.

Во-первых, можно отражать на диаграмме не абсолютные значения показателей, а их процентное значение, приняв за 100% день первого упоминания инфоповода. Это удобный метод визуализации данных, в том случае, когда необходим мгновенный «снимок» распространения информации за конкретный временной период. Однако, показать с ее помощью весь цикл жизни одной новости от зарождения до угасания общественного интереса не удастся: изменения в десятки источников не будут четко видны на фоне многомиллионных колебаний охвата. Это делает ее не слишком удобной для отслеживания долгосрочных процессов и глубокого научного анализа.

Во-вторых, можно использовать в диаграмме логарифмическую шкалу, в которой длина отрезка пропорциональна логарифму отношения величин на его концах. Здесь уместно заметить, что логарифмические шкалы используются в науке при описании очень больших диапазонов величин, в т. ч. и в диффузных процессах. Так, на этом принципе основаны: шкала светимости звезд, шкала интенсивности землетрясений, шкала распространения вирусных заболеваний, основной психофизический закон в психологии и др.

При помощи ПРОЗИС-диаграмм можно воссоздать полную картину распространения информации в сети. На ее поле можно сопоставлять результаты замеров по одной тематике в разные временные периоды, отслеживая динамику изменений в ядре и периферии.

Экспертная интерпретация

Прозис-диаграммы позволяют с достаточной точностью отследить динамику сетевой активности пользователей в отношении отдельного информационного повода. Однако этот массив эмпирических данных нуждается в экспертной интерпретации – последовательном анализе эмпирических данных диаграмм, с привлечением, при необходимости, других показателей. Именно экспертный анализ позволяет зафиксировать реакцию общества на конкретный инфоповод, связывая параметры сетевой активности с соответствующим социальным и информационным контекстом. Этот анализ, в зависимости от цели и требуемой «глубины» исследования, можно разделить на три уровня, каждый из которых, впрочем, может использоваться и отдельно.

1 уровень «Экспресс-анализ» предполагает работу с 6 ключевыми параметрами: постеры, репосты, охват, запросы, источники, сообщения. Самый беглый взгляд на их количественную оценку уже позволяет сделать некоторые выводы.

Число постеров и репостов показывает, насколько вовлечены в обсуждение темы рядовые пользователи, стремятся ли они активно распространять новые идеи. Охват демонстрирует, сколь прочно информация закреплена в информационном пространстве, насколько она доступна незаинтересованным пользователям. Запросы отражают объективный общественный интерес, а источники характеризуют группы, стремящиеся к информационной раскрутке темы. Сообщения не только показывают обсуждаемость темы, но и могут характеризовать ее эмоциональное восприятие как позитивное, негативное или нейтральное.

Сведенные вместе, эти показатели создают общую картину распространения информации в сети в момент времени, что открывает простор для экспертных интерпретаций.

К примеру, относительно небольшое число источников при множестве сообщений и широком охвате может указывать на попытку небольшой группы вбросить некую информацию в информационное пространство. Большое число запросов и сообщений при малом числе источников может говорить о попытках СМИ «замолчать» важную и актуальную для общества тема-

тику. Большое количество источников свидетельствует о том, что тема заинтересовала сразу множество интернет-СМИ и пользователей.

2 уровень, корреляционный анализ, предполагает в первую очередь сопоставление показателей ядра и периферии.

Так, сравнительно малое количество источников при большом количестве постеров и широком охвате говорит о том, что тему продвигают влиятельные лидеры общественного мнения. Напротив, большое количество источников, постеров и сообщений при низком охвате и небольшом числе запросов иллюстрирует усиленное продвижение темы в информационное пространство большим числом СМИ, при относительно равнодушном отношении общества. В свою очередь, рост показателей второй группы – запросов и репостов – на фоне малого количества уникальных источников иллюстрирует феномен игнорирования актуальной для общества темы со стороны СМИ.

3 уровень, многофакторный анализ, подразумевает углубленное изучение 6 основных характеристик ПРОЗИС-диаграммы, с привлечением дополнительных данных и показателей. Характер и источник этих данных определяется целью и задачами конкретного исследования. Мы же приведем несколько примеров такого рода.

В первую очередь обращает на себя внимание возможность чтения и оценки сообщений отдельных пользователей «новых медиа». Используя инструментарий IQbuzz, исследователь может лично ознакомиться с любыми сообщениями по теме и сделать выводы о специфике восприятия исследуемой темы обществом. Однако определяемая сервисом автоматически семантика сообщений (положительная, отрицательная или нейтральная) требует специальной настройки и отдельной дополнительной аналитической работы исследователя, ввиду своей низкой репрезентативности. Тем не менее, доступ к конкретным текстам пользовательских сообщений открывает обширные возможности для использования различных типов контент-анализа.

Сопоставление показателей «источники», «постеры» и «сообщения» характеризует виральность конкретной темы – степень желаний пользователя производить собственный контент по теме на основе найденной в сети информации. Если рост количества

постеров сопровождается ростом количества сообщений и ростом уникальных источников, можно предположить, что популярность темы достигла уровня, когда в ее распространении стали заинтересованы рядовые пользователи сети. То есть тема стала истинно социально значимой.

Не меньший интерес представляет показатель «вовлеченность», отражающий среднее число сообщений на постере. В среднем, написание более одного сообщения по одной теме нехарактерно для рядового пользователя, даже если он заинтересован в обсуждаемой теме. Таким образом, вовлеченность выше, чем 1,1–1,2 сама по себе указывает на попытки форсированной информационной раскрутки темы.

ПРОЗИС-анализ неоднократно применялся автором настоящей статьи и его коллегами для изучения общественного восприятия самых разных общественных явлений и процессов.

К примеру, в сентябре-декабре 2022 г. проводилось исследование масштабов распространения в Рунете русофобских настроений, на основе изучения статистики употребления русофобских лексем. Наиболее употребляемая лексема «ватник» показала следующую картину распространения:

- 1 сентября 2022 г.: Постеры – 2047, Репосты – 726, Охват – 23891938, Запросы - 37607, Источники - 124, Сообщения – 2275.

- 1 октября 2022 г.: Постеры – 2208, Репосты – 501, Охват – 18511315, Запросы - 46617, Источники - 137, Сообщения – 2408.

- 1 ноября 2022 г.: Постеры – 2541, Репосты – 726, Охват – 22912291, Запросы - 55978, Источники - 143, Сообщения – 2834.

- 1 декабря 2022 г. Постеры – 2911, Репосты – 2973, Охват – 26668048, Запросы - 50696, Источники – 159, Сообщения – 3241.

Заметно, что число сообщений лишь незначительно превышает число уникальных авторов, а коэффициент вовлеченности не превышает 1,1. Это позволяет утверждать, что распространение русофобских настроений в русскоязычном сегменте сети Интернет в сентябре-декабре 2022 г. осуществлялось главным образом ангажированными пользователями, без опоры на ботов или автоматизированный постинг. Эти пользователи, вероятно, вовлечены в работу крупных интернет-сообществ. Об этом свидетельствуют высокие показатели охвата аудитории при относительно

небольшом количестве уникальных авторов. Максимальный охват превысил 26 млн. человек. Это – достаточно большое число, учитывая, что общая аудитория Рунета немногим менее 130 млн. С учетом столь широкого охвата, «лайков» и «репостов» невелико, хотя и стабильно превышает число сообщений в 1,5–2 раза. Менее четверти пользователей, ставивших «лайки» русофобским сообщениям, готовы их активно распространять.

Другие русофобские лексемы встречались гораздо реже, хотя также демонстрировали тенденцию к распространению. Так, число сообщений по состоянию на 1 декабря в сравнении с 1 сентября увеличилось для лексемы «москаль» (с 228 до 594), «кацап» (с 50 до 92), «русня» (с 532 до 637), колорад (с 24 до 49).

В целом же, в рассматриваемый период в Рунете происходило постепенное распространение русофобских настроений, что, впрочем, не было результатом целенаправленной информационной кампании. Политически ангажированные пользователи пытаются распространять в интернет-сообществе русофобскую лексику, и им удалось добиться широкого охвата аудитории. Однако это не вызывает отклика у массового пользователя, который в целом русофобских настроений не поддерживает, и не готов их распространять.

Предложенный метод ПРОЗИС-анализа позволяет оценивать общественную реакцию на значимые информационные поводы, фиксировать общественное восприятие различных явлений и процессов, отслеживать динамику распространения новой информации в сети. Не являясь полноценной заменой нейро-сетевому моделированию, он, тем не менее, может найти применение в академической науке, экспертно-аналитической деятельности, практике общественно-политической коммуникации.

Список источников

1. Abdelzaher T., Han J., Hao Y., Jing A., Liu D., Liu S., Nguyen H. H., Nicol D. M., Shao H., Wang T., Yao S., Zhang Y., Malik O., Dipple S. Flamino J., Buchanan F., Cohen S., Korniss G., Szymanski B. K. Multiscale online media simulation with SocialCube. *Comput Math Organ Theory* 26, 145–174 (2020). URL: <https://doi.org/10.1007/s10588-019-09303-7> (дата обращения 09.04.2023).

2. Digital 2023: The Russian Federation. // We Are Social: официальный сайт. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/digital-2023/> (дата обращения 10.02.2023).

3. Вилкова О. В. К вопросу о научной осмысленности применения веб-скрейпинга как метода сбора данных в социологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 54. – С. 163–175.

4. Волков В. В., Скугаревский Д. А., Титаев К. Д. Проблемы и перспективы исследований на основе big data (на примере социологии права) // Социологические исследования. – 2016. – № 1 (381). – С. 48–58.

5. Горлов К. Н. Социально-политические вызовы больших данных // Социально-политические науки. – 2019. – № 6. – С. 32–37.

6. Губа К. С. Большие данные в исследовании науки: новое исследовательское поле // Социологические исследования. – 2021. – № 6. – С. 24–33.

7. Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2017. – № 44. – С. 111–152.

8. Крыштановская О. В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. – 2018. – Т. 1. № 1. – С. 4–8.

9. Мальцева А. В., Шилкина Н. Е., Махныткина О. В. Data mining в социологии: опыт и перспективы проведения исследования // Социологические исследования. – 2016. – № 3 (383). – С. 35–44.

10. Одинцов А. В. Социология общественного мнения и вызовы big data // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 3 (139). – С. 30–43

11. Олешкова А. М. Интернет-мем как предмет социологического исследования: возможности применения метода событийного анализа (event-analysis) // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 10 (78). С. 54–57.

12. Смирнов Е. В. Описание проблемы обработки и использования результатов анализа больших данных (big data) // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. – 2018. – № 6 (46). – С. 9.

PROZIS-analysis Method in Users' Online Activity Estimation

A. P. Korotyshev

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia
aleks_korotyshev@mail.ru*

Abstract. The paper presents a new method of data collection, formalization and visualization – the PROZIS-analysis. The method provides the fixation of six indicators of users' online activity: the number of posters, reposts, audience coverage, requests, sources, messages. It allows estimating the level of public interest to any significant phenomenon, event or process, to track the dynamics of its distribution in the global network, including the technologies of its intentional promotion.

Keywords: social activity, Internet, user, PROSIS analysis, poster, query, audience reach, repost, empirical research method.

Цифровизация и алгоритмизация власти в Латинской Америке в условиях пандемии коронавируса COVID-19

А. И. Корюшкин, А. И. Мясников, С. А. Кулеш
*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
aikor@peterlink.ru, st071539@student.spbu.ru, sem.kulesh@mail.ru*

Аннотация. В работе рассматривается динамика процессов внедрения цифровизации в экономику и социальную жизнь стран Латинской Америки, которая является регионом с быстрорастущим интернет-сообществом. Особенно активно процесс цифровизации в регионе, как и во всём мире, развивался с началом пандемии коронавируса. На примере стран региона можно обнаружить как успешные, так и неуспешные случаи применения цифровых технологий в образовании, медицине, интернет-торговле. Это связано с уровнем и качеством жизни и темпом экономического роста и зависит от степени вовлеченности страны в процессы цифровизации. Вместе с тем, стремительно развивающийся во всем мире процесс неолиберальной алгоритмизации социальной, экономической и политической власти, обнаруживает свое достаточно яркое проявление и в странах Латинской Америки и позволяет властвующим здесь бизнес-корпорациям сохранять свои доминирующие позиции.

Ключевые слова: Латинская Америка, Карибский бассейн, цифровизация, алгоритмизация власти, глобализация, COVID-19.

Цифровизация всех сфер жизни современного общества является одним из базовых проявлений процесса глобализации. Развитию этой отрасли уделяется внимание на самом высоком уровне. В 2020 году в рамках семьдесят четвёртой сессии Генеральной Ассамблеи ООН была представлена Дорожная карта по цифровому сотрудничеству [1]. Как и многие документы ООН, Карта является лишь набором благих пожеланий без каких-либо чётко прописанных шагов по реализации цифрового сотрудничества. Однако одной из важных проблем, поднятых в документе, является про-

блема доступа населения к Интернету и интернет-услугам. Проблема серьёзная: как отмечается во введении к Карте, в развивающихся странах мира доля интернет-пользователей составляет лишь 19 % [1].

Для того, чтобы понимать, что необходимо сделать для решения вопроса с доступом к Интернету, нужно обратиться к положительному опыту государств, а где-то даже и целого региона. Целью данного исследования является рассмотрение опыта цифровизации в Латинской Америке в период пандемии COVID-19. В рамках исследования был изучен процесс развития Интернета в ряде латиноамериканских странах – в Аргентине, Перу, Колумбии, Мексике, Бразилии и др. Были изучены статистические данные и публикации, позволяющие выяснить положение дел в цифровой сфере этих государств.

Латинская Америка является регионом с быстрорастущим интернет-сообществом. Согласно данным американской компании ComScore, жители региона в среднем проводят в социальных сетях на 56 % больше времени, чем в других регионах мира [5]. Вместе с тем, лишь 50 % населения Латинской Америки имеют доступ к интернет-ресурсам. Правительства стран Латинской Америки внесли большой вклад в развитие Интернета как важнейшего цифрового элемента. Ранее в Латинской Америке не было технологических гигантов, которые могли бы внедрять искусственный интеллект, но за последние годы регион пережил период беспрецедентной инвестиционной активности и стал свидетелем распространения национальных стратегий в области искусственного интеллекта, экспертных советов и политических инициатив, подчеркивающих важность искусственного интеллекта для его социально-экономических преобразований.

Важным представляется рассмотреть сферы общественно-экономической деятельности, на которые повлияла пандемия COVID-19. Курьерская служба является одной из тех сфер, которая с началом пандемии пережила высокий рост, так как оказалась необходимой для совершения покупок при соблюдении всех мер предосторожности. Цифры варьируются в зависимости от охвата источника и страны, начиная с +157 % между первым и вторым кварталами 2020 года, до +755 % в июне-июле по сравнению

с аналогичным периодом 2019 года [6, с. 69]. К примеру, в Бразилии, доля интернет-покупок в фармацевтике увеличилась с 15 % в 2018 году до 31 % в 2020 году, в продовольствиях – с 22 % до 54 %. AMVO, мексиканская ассоциация онлайн-покупок, в 2020 году сообщила, что доля онлайн-продаж к середине 2020 года увеличилась практически в два раза, достигнув 64 % [7, с. 67]. Через цифровые торговые ресурсы также реализовывалась медицинская и фармацевтическая продукция. Однако в Колумбии и Гондурасе, в которых не был ослаблен контроль в торговле медикаментами со стороны государства, участники рынка были вынуждены прибегнуть к услугам местных поставщиков ввиду дорогостоящего импорта из-за рубежа [7, с. 114]. Строгие меры в сфере здравоохранения были введены в Чили: национальное министерство здравоохранения на базе онлайн-сервисов проводило мониторинг данных об обороте медикаментов, назначаемых врачами при выявленном корона-вирусе. Кроме того, правительством была внедрена система уведомлений о заражении коронавирусом, которая требует уведомления врачом о случае. Специальное интернет-приложение используется здесь для контроля среди иммигрантов, что является первым случаем введения т.н. «паспорта здоровья» в Латинской Америке [3]. По данным Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна, использование Интернета в сфере культуры и образования первом квартале 2020 года увеличилось на 62 %. Так, например, в Бразилии услуги, связанные с развлечениями и образованием, увеличились значительно: зачисление на платные курсы возросло на 68 %, пользование музыкальными сервисами – на 59 %, стриминговыми ресурсами – на 26 %. Данные PayU (2020) также соответствуют об этой тенденции и показывают средние темпы роста потоковых услуг на 100 % в первом квартале 2020 года [7, с. 65].

С началом пандемии COVID-19 государства региона активно работали над расширением возможностей подключения к Интернету для всех категорий граждан. Услуги Интернета и мобильной связи были объявлены важнейшими или стратегическими услугами. Поставщики услуг должны были гарантировать доступ к Интернету или мобильной связи. Мексика через органы власти оказывала финансовую помощь поставщикам услуг для того, чтобы

те предлагали, как можно больше акций и скидок во время пандемии. В Аргентине было введено государственное регулирование тарифов на Интернет и мобильную связь на весь 2020 год. Аргентинское национальное управление связи использовало фонд по поддержке ИКТ для обеспечения мобильного доступа и доступа в Интернет в районах со слабой сетью. Правительство также установило, что телекоммуникационные компании не вправе прекращать предоставление Интернета по подписке. Этот опыт также был распространён в Доминиканской Республике и Перу [3]. В Колумбии была создана более гибкая процедура получения лицензий, связанных с интернет-инфраструктурой, а в мае 2020 началось тестирование сети 5G на территории страны. Всё это связывалось с мерами по борьбе с распространением коронавируса. Также в Колумбии были введены налоговые послабления для операторов мобильной связи. Так, был отменён налог на добавленную стоимость для тарифных планов ниже определённого порога для пользователей с низким доходом, чтобы гарантировать равноценный доступ к Интернету.

Существенной проблемой для Латинской Америки является низкий процент компаний, которые присутствуют в электронном пространстве. С началом пандемии коронавируса они больше всего пострадали из-за отсутствия доступа к инструментам и техническим навыкам для выхода в цифровое пространство. Для решения сложившейся ситуации страны региона проявляли порой креативный подход. Были внедрены учебные программы по переходу к электронной торговле и по разработке приложений электронных платежей. Были созданы торговые площадки и электронные приложения собственной разработки для обеспечения доступа малого и среднего бизнеса к цифровым ресурсам. Этому также способствовала практика государственно-частного партнёрства с лидерами цифрового рынка [7, с. 109].

В Колумбии отраслевое министерство запустило программу «Продавать онлайн», с которой предприниматели учились управлять, стимулировать цифровые платежи для укрепления их бизнес-стратегий. В 2019 году компания KOLAU, занимающаяся разработкой платформ для цифрового маркетинга, подписала соглашение с Организацией американских государств, направленное на циф-

ровизацию малого и среднего предпринимательства в Латинской Америке и Карибском бассейне [6, с. 282]. Соглашение дало почву для сотрудничества многих стран региона в области цифровизации во время пандемии. Так, Боливия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Ямайка, Мексика и Парагвай активно взаимодействуют с KOLAU в разработке ряда программ, ориентированных на электронную торговлю.

Не осталась в стороне и ООН. Программа развития ООН (ПРООН) запустила программу «Ускорение 2030 – Глобальная инициатива», направленную на смягчение последствий пандемии, связанных с деятельностью малого и среднего бизнеса. ПРООН приглашает к участию правительства, частный сектор и академические институты, предлагающие решения в области здравоохранения и охраны труда, переводе денежных средств, а также транспортной логистики.

Можно отметить, что в странах, где были разработаны и приняты разного рода стратегические документы по развитию Интернета, были реализованы меры по распространению электронных и цифровых платежных систем в регионе. В Аргентине Центральный банк запустил систему переводов для перехода к более совместимой, гибкой и конкурентоспособной экосистеме цифровых платежей. Практически всеми странами региона были разработаны стратегии цифровизации, которые включают программы подготовки кадров для содействия внедрению цифровых технологий в малом бизнесе, а также расширению доступа к Интернету. Также это способствовало развитию электронной торговли, бум которой пришелся на пандемию.

Правительства стран Карибского сообщества в 2017 году приняли Единый проект ICT Spase, цель которого состоит в том, чтобы создать неограниченное пространство с поддержкой ИКТ и внести свой вклад в экономическую, социальную и культурную интеграцию, чтобы улучшить жизнь граждан Карибского бассейна в 15 группах и 5 ассоциированных членах этого сообщества. Правительства Карибского бассейна разрабатывают национальные стратегии для продвижения введения ИКТ в течение нескольких лет. Их эффективность была неоднозначной. Уникальные особенности некоторых условий Карибского бассейна вызывают ряд проблем.

Многообразные районы, состоящие из небольших островов, разделяемых большими расстояниями, вынуждены нести высокие транспортные расходы [6, с. 232].

На примере Колумбии, очевидно, как пандемия расставила приоритеты и изменила темп проработки национальной стратегии электронной торговли. Если до пандемии этот процесс шёл медленно, то с началом пандемии он приобрёл большую динамику, в результате чего был подготовлен Документ о политике электронной торговли. Он содержит план действий по достижению трех целей: содействие использованию электронной торговли между компаниями и гражданами, укрепление почтовой и цифровой инфраструктуры электронной торговли и определение институциональных соглашений по содействию электронной торговле [3]. В случае Венесуэлы, отмечают эксперты, уровень проникновения Интернета в стране составляет 72 %, что намного выше среднемирового показателя [3]. Это обусловлено популярностью социальных сетей в стране, а также попытками правительства Николаса Мадуро разрешить экономический кризис посредством ввода в оборот криптовалюты. С началом пандемии в Венесуэле, как и во всём мире, значительно возросло использование цифровых платежей. Национальным банковским регулятором было зафиксировано в два раза больше транзакций типа P2P, чем в тот же период 2019 года.

Экономика стран Карибского бассейна, занятых в основном в туризме, серьёзно пострадала с началом пандемии. Серьёзный урон странам бассейна также нанесла значительная технологическая отсталость в цифровой сфере. В ответ на начало пандемии государства бассейна спешно пытались внедрить цифровые услуги и расширить доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), однако их финансовые и технические возможности были сильно ограничены. Также негативно сказалось отсутствие законодательной и нормативной базы обеспечения цифровой безопасности, защиты данных и других сфер деятельности в цифровом пространстве.

Примечателен здесь пример Кубы. Несмотря на легализацию в 2008 году мобильной связи и последовавший затем бурный рост числа пользователей, Интернет развивался слабо, поскольку им

пользовались лишь государственные учреждения. Массовое внедрение Интернета на Кубе началось лишь в 2018 году, в результате чего к началу пандемии страна подошла неподготовленной к переходу к цифровому пространству. Но, несмотря на это, во время пандемии произошел значительный рост количества пользователей Интернета. К началу 2022 года уже 68 % населения Кубы имели доступ к сети Интернет. Примечательно, что 1 декабря 2022 года Министерство юстиции США рекомендовало Федеральной комиссии по связи отказать в выдаче лицензии на прокладку подводного телекоммуникационного кабеля, который соединил бы США и Кубу. При этом среди причин такого решения называется опасность того, что прямое кабельное подключение позволит кубинцам и их ближайшим союзникам, среди которых упоминается Китай и Россия, шпионить за американцами.

Во всём мире с начала коронавирусной пандемии был дан бурный рост цифрового сектора, и Латинская Америка здесь не является исключением. Благодаря разработанным ещё до всех событий стратегическим документам и нормативно-правовым актам, была создана благоприятная почва для развития онлайн-торговли, онлайн-образования, телемедицины и стриминговых ресурсов на континентальной части Латинской Америки. В странах Карибского бассейна, в основном занятых в туризме и не готовивших цифровую инфраструктуру, начало пандемии, вызвавшей закрытие границ и резкое сокращение потока туристов, было достаточно катастрофичным, но и там со временем произошёл рост пользователей Интернета вкрупне с развитием цифровой инфраструктуры. Однако этот процесс серьёзно усложняет островное положение стран бассейна, значительно увеличивающее транспортные и транзакционные издержки при создании интернет-инфраструктуры.

Необходимо также отметить, что, по мере расширения и углубления процессов цифровизации всех сторон жизни современного общества, происходит и процесс алгоритмизации в нем различных форм властных отношений. При этом под алгоритмизацией понимается процесс обретения властью посредством технологий искусственного интеллекта характера алгоритма, анализирующего как социальное, экономическое, так и политическое поведение и так или иначе управляющего им [2, с. 5]. Алгоритмическое управление

представляет собой взаимодействие разработанного спектра алгоритмов с данными, необходимого для получения того или иного результата тому или иному субъекту. В отличие от процесса цифровизации, представляющего собой широкое понятие и включающее в себя множество технологий и методов, алгоритмизация является его существенным элементом, позволяющим производить поиск, фильтрацию, сортировку и систематизацию большого объема информации (big data) с целью достижения необходимого управляющего воздействия.

Изначально элементы алгоритмизации стали использоваться в медиа-пространстве, с появлением новых медиа. Это способствовало как улучшению качества контента, так и формированию разнообразных групп потребителей этого контента. Именно благодаря алгоритмизации новые медиа стали популярными среди пользователей Интернета, а также прибыльным видом деятельности. Алгоритмизация, помимо медиа-пространства, используется также в экономике и политике. Алгоритмы могут использоваться для оценки реакции пользователей Интернета на различные инфо-поводы, оформления документов или получения разного рода государственных услуг. Стоит отметить, что для государства алгоритмизация власти может также нести и угрозу потери «цифрового суверенитета», побуждая действовать, создавая национальную IT-сферу, поскольку тот, кто контролирует набор алгоритмов, обладает и необходимой полнотой цифрового суверенитета [2, с. 6].

Важно отметить, что первые стратегии алгоритмизации в Латинской Америке были подготовлены Аргентиной и Колумбией. Глобалистское правительство Аргентины под руководством неолиберала Маурисио Макри выступало за достижение роста искусственного интеллекта за счет частного сектора, однако, после прихода к власти в 2019 году левых перонистов под руководством Альберто Фернандеса и Кристины де Киришнер, намеченные планы были отменены [8, с. 17]. В Колумбии правые под руководством Ивана Дукэ смогли на деле внедрить элементы искусственного интеллекта в борьбе против коррупции, когда система должна была отслеживать риски нарушений при заключении государственных контрактов. Однако система проработала всего в нескольких регионах и её эффективность была поставлена под сомнение после

прихода к власти в 2022 году левых под руководством Густаво Пётро [8, с. 23]. В годы нахождения у власти правых в Чили также наблюдались проекты по внедрению элементов государственного управления на базе искусственного интеллекта. Были разработаны программы использования искусственного интеллекта для прогнозирования преступности и контроля за окружающей средой [8, с. 23]. После прихода к власти в Чили левой коалиции под руководством Габриэля Борича в 2022 году внимание к этим проектам со стороны государства стало более умеренным. Бразильское правительство под руководством Жаира Болсонару в рамках своей стратегии алгоритмизации учредило национальную инновационную компанию по искусственному интеллекту, поддерживающую разработку новых приложений искусственного интеллекта и стартапов [8, с. 17]. Логично будет предположить, что после возвращения к власти левых под руководством Лулы да Силвы следует ожидать пересмотра участия Бразилии в проектах по дальнейшей алгоритмизации власти. Определенный потенциал для процессов алгоритмизации наблюдается в Уругвае при Луисе Лакалье. Внимание к внедрению искусственного интеллекта сосредоточено исключительно на одном секторе, а именно в сфере госслужбы для обучения служащих основным технологиям [8, с. 15].

Существенно другие явления наблюдаются в процессе алгоритмизации власти в корпоративной сфере экономики стран Латинской Америки, в такой ее разновидности, как гиг-экономика, экономика корпоративных интернет-платформ. Обеспечив вовлечение в экономическую деятельность человеческого капитала на условиях «гибкой» занятости, такая алгоритмизация корпоративной власти явилась проявлением авторитарной неолиберальной правящей рациональности (*governmentality* Мишеля Фуко). В рамках глобальной экспансии капитала, страны с высоким уровнем неформального характера социальных отношений и прекариата, такие, как страны Латинской Америки, явились наиболее благоприятными для внедрения и распространения этого типа организации цифровой бизнес-деятельности благодаря слабости их правовых норм, отсутствию здесь навыков деятельности на рынке труда и ограниченности необходимой для нее инфраструктуры [4, с. 100). В этой многомиллионной гиг-экономике фрилансеров каж-

дый из них инвестирует в свой личный капитал и управляет им, совершенствует свои навыки и компетенции и получает свой доход сообразно качеству исполнения заказа. Здесь проявляется базовый идеологический посыл неолиберализма: в отличие от суверенных режимов, стремящихся ограничить поведение людей, проявление действующей здесь неолиберальной правящей рациональности заключается в продвижении технологий, практик и идеологических интерпретаций, способствующих свободной инициативе, само-ответственности и индивидуального само-менеджмента. Результатом такой неолиберальной алгоритмизации корпоративной власти является парадокс, заключающийся в том, что авторитарный смысл такой алгоритмизации заложен в ее понятии свободы (4, 102). Такой «свободный» индивид, фрилансер, заключен здесь в тисках между агрегатором услуг (корпоративной интернет-платформой) и клиентом (корпоративным или индивидуальным) и выступает индивидуальным предпринимателем, вступающим в жесткую конкуренцию с себе подобными, лишенный каких-либо форм социальной, правовой или политической защиты и пополняющий стремительно растущий класс прекариата с его базовой характеристикой политической бедности.

Приведенный в работе обзор и анализ процессов цифровизации в странах Латинской Америки в условиях пандемии COVID-19 позволяет сделать вывод о формировании здесь всё большего числа элементов цифрового общества с его возможностями обеспечения защиты граждан от угроз пандемии и повышения уровня и качества их жизни. В то же время, как на это указывается в работе, стремительно развивающийся во всем мире процесс неолиберальной по своему характеру алгоритмизации, посредством искусственного интеллекта и больших данных, социальной, экономической и политической власти, обнаруживает свое достаточно яркое проявление и в странах Латинской Америки и позволяет властвующим здесь бизнес-корпорациям сохранять свои доминирующие позиции.

Список источников

1. Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудни-

честву // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/content/digital-cooperation-roadmap/> (дата обращения: 26.02.2023).

2. Федорченко С. Н. Алгоритмизация власти: цифровые мета-морфозы политических режимов и суверенитета // Журнал политических исследований. – 2021. – № 2. – С. 3–18.

3. Digital Transformation, Economic and Employment Reactivation in Latin America and the Caribbean Post-COVID-19 // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/349722028_Digital_Transformation_Economic_and_Employment_Reactivation_in_Latin_America_and_the_Caribbean_Post-COVID-19 (дата обращения: 26.02.2023).

4. Franco F. L., Robles G. Authoritarian Neoliberalism from Below: Subjectivity and Platform Capitalism in Argentina and Brazil. In: International Research Group on Authoritarianism and Counter-Strategies (ed.) Global Authoritarianism: Perspectives and Contestations from the South. Bielefeld: Verlag, 2022. P. 99–118.

5. Las oportunidades de la digitalización en América Latina frente al Covid-19 // United Nations. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/45360-opportunidades-la-digitalizacion-america-latina-frente-al-covid-19> (дата обращения: 26.02.2023).

6. Latin American Economic Outlook 2020. Digital Transformation for Building Back Better. – Paris: OECD, 2020. – 308 p.

7. Post Pandemic Covid-19 Economic Recovery: Enabling Latin America and the Caribbean to better harness e-commerce and digital trade. – Panama City: United Nations, 2021. – 140 p.

8. Seizing the opportunity: the future of AI in Latin America // The Economist Group. – 2022. – 71 p.

Digitalization and Algorithmization of Power in Latin America in the Context of the Pandemia of Coronavirus COVID-19

A. I. Koryushkin, A. I. Myasnikov, S. A. Kulesh

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation
aikor@peterlink.ru, st071539@student.spbu.ru, sem.kulesh@mail.ru*

Abstract. The paper examines the dynamics of the processes of implementing digitalization in the economy and social life of Latin America, which is a region with a fast-growing Internet community. The process of digitalization in the region, as well as around the world, developed especially actively with the beginning of the coronavirus pandemic. Using the example of the countries of the region, one can find both successful and unsuccessful cases of the use of digital technologies in education, medicine, and online commerce. This is related to the level and quality of life and the pace of economic growth and depends on the degree of involvement of the country in the processes of digitalization. At the same time, the rapidly developing process of neoliberal algorithmization of social, economic and political power around the world reveals its rather vivid manifestation in Latin American countries and allows the business corporations to maintain their dominant positions.

Keywords: Latin America, Caribbean, digitalization, algorithmization of power, globalization, COVID-19.

Особенности медиалингвистических приемов контента политических субъектов в социальных сетях

А. В. Соколов, Д. А. Васильева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,

Ярославль, Россия

alex8119@mail.ru, daria_250600@mail.ru

Аннотация. Цифровая революция, позволившая объединить традиционные СМИ и новые-медиа на одних платформах, породила кроссмедийное взаимопроникновение форм создания и презентации контента. Смена площадок приводит к изменению стиля, качества и языковых особенностей повествования, что расширяет медиалингвистические приемы работы с аудиторией. Интернет-коммуникация наделяет медиатекст рядом свойств, активно развивающимися на современном этапе: интерактивность, нелинейность и использование новых субъективных моделей повествования и конвергенция. Последнее свойство в большей степени от остальных приобретает свою актуальность в текстовом контенте политических субъектов в тематическом отношении и возникновении социальной перцепции. В статье рассмотрены языковые составляющие медиатекста политического субъекта, их направленность, тематика и его стилевые характеристики.

Ключевые слова: политическая субъект, медиатекст, социальные сети, контент, медиалингвистические приемы.

Введение

Само понятие «медиатекст» приобрело популярность в 90-е годы XX века в англоязычной литературе и обозначало интерактивную модель коммуникации, значительно сложнее традиционных СМИ и расценивалась как диалоговая альтернатива двухсторонней коммуникации, в которой потребитель не просто получает контент, считывает и переходит к другой информации, а анализирует ее посредством личностных настроек и предпочтений [5]. Медиатексты требуются не только для информирования о происходящих событиях, но и создают смысловые и идеологические рамки. В начале XXI века произошло углубление в понимание «медиатекста» и его

компонентов в контексте расширения инструментов работы с аудиторией в новых медиа. В связи с этим стали развиваться методики исследования текстов. Преимущественно, исследователи занимались анализом структуры текста, его качества с позиции числа символов и т.д. [1, с. 28–29]. На сегодняшний день актуальность анализа медиатекста в целом, и политических субъектов в частности, обусловлена сменой механизмов потребления информации и расширением возможностей социальных сетей, которые последние несколько лет предоставили новые функции для вовлечения потребителей в коммуникацию. Социальные сети перестали быть площадкой «живых журналов» и трансляции своих взглядов и коммуникации между разными странами и городами, теперь их функция во многом предопределена, во-первых, спецификой социальной сети, во-вторых, аудиторией (ее половозрастными и социальными характеристиками) и третий, ключевой показатель, социальный статус и/или экспертность субъекта, размещающего контент, в связке с тематикой. Контент политических субъектов, согласно последней специфике, наделен большим влиянием на восприятие процессов и отдельных личностей потребителями в виду широкого спектра вопросов, попадающих в тематический блок «политика», что отражается и на медиалингвистических приемах.

Теоретическая рамка исследования

Первые работы по медитекстам и их составе появились еще в 1990-е годы, тогда они основывались на материале традиционных СМИ. Важной является позиция Мишеля Пешё, определившего само понятие дискурса, важного для сферы политического: «Эмпирическая форма относится к отношению между означающим и реальностью, в то время как спекулятивная форма относится к артикуляции значений друг другу, при общей форме дискурса. Когда мы используем термины, импортированные из лингвистики, можно сказать, что эмпирическая форма идеологии выдвигает семантическая функция – совпадение означающего и означаемого, тогда как его умозрительная форма ставит вперед синтаксическая функция – связь означающих друг с другом» [7]. По мнению автора, любой дискурс представляет собой столкновение идеологии и языка, целью же дискурс-анализа выступает определение языковых форм

в отношении идеологии, написанные или сказанные слова приобретают смысл при неравноправии общественных групп и способных их как реинтегрировать, так и объединить. Непосредственно понятие «медiateкста» является предметом исследований Алана Белла, Мартина Монтгомери, Нормана Фейерклаф, Дэвида Кристал и др. Алан Белл пишет: «Определение медiateкста выходит за рамки традиционного взгляда на текст как на последовательность слов, напечатанных или написанных на бумаге. Понятие медiateкста гораздо шире: оно включает голосовые качества, музыку и звуковые эффекты, визуальные образы...» [1, с. 31]. Текстовый материал телевидения, радио и социальных сетей разворачивается не только на словесном уровне, но и на уровне видеоряда и музыкального сопровождения; текст радио сочетает вербальный текст и аудиоэффекты; тексты прессы содержат, помимо вербальных средств, компонент графики. Другие авторы подчеркивают медiateксты в дискурсе, обозначая технологичность процессов в Интернет-среде и смешению форм традиционных и новых СМИ: «Наша текущая медиа-среда представляет собой сеть старых и новых медиа-технологий, практики и субъекты, взаимодействующие возникающими, нетехнологическими способами. В таких системах социальные и средства массовой информации подпитывают друг друга в рекурсивных циклах» [6].

Среди отечественных исследователей тема медiateкстов интересует Н. С. Болотнову, Т. Г. Добросклонскую, Б. В. Кривенко, Г. Я. Солганик и др. Концепция медiateкста представлена в работе Добросклонской Т.Г., включающая модернизация текста при переносе в медиа, выходящую за объединение смысловой связью последовательных знаковых единиц, основными свойствами которой выступают связность и целостность, и представляющую собой поток знаков любого качества [1, с. 31–32]. Г. Я. Солганик дает медiateксту следующее определение: «это разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского Я), рассчитанная на массовую аудиторию» [4]. В. Г. Костомаров, развивая мысль, что массмедийные тексты обладают какими-то общими характе-

ристиками, несмотря на кажущуюся невозможность сведения их к единому конструктивно-стилевому вектору, отмечает их общность: «Все они одинаково непредсказуемы по содержанию и одинаково рассчитаны на непредсказуемую массовую аудиторию, контакт с которой технически опосредован». В этом их отличие от разговорных текстов, рассчитанных на непосредственный личный контакт. Принципиальное единство медиатекстов автор видит в «необходимости любыми способами установить и продолжить устойчивую связь в среде общающихся» [2, с. 187–188]. О. В. Корф характеризует медиатекст следующим образом: «Медиатекст – произведение речи с явно выраженной прагматической направленностью, ориентированное на формирование политического дискурса в системе средств массовой коммуникации и политической регуляции общественных отношений».

Таким образом, исследователи современного состояния сходятся в нескольких параметрах: во-первых, медиатексты, в отличие от классических, представляют собой весь поток информации, выраженный в нескольких форматах (звук, видео, фото, текст), во-вторых, смысловая нагрузка таких текстов выше традиционных за счет охвата сразу нескольких органов чувств потребителя, в-третьих, наличие стилевой гибридности и в-четвертых, идеологический фундамент (в частности, в текстах по политической тематике).

Цель и методы исследования

Целью проведенного исследования является определение медиалингвистических приемов в текстовом контенте политического субъекта в социальной сети «ВКонтакте». Методами исследования выступают: когнитивное картирование для определения отношения субъекта к процессам, описываемым им же, а также логику и последовательность изложения мысли. Дискурс-анализ, цель которого состоит в определении ведущих тематик публикаций и медиалингвистических приемов в публикациях. В качестве методологической основы анализа выступают социо-исторический дискурс-анализ Рут Водака и социо-когнитивная теория Тойна ван Дейка. Объектом исследования являются публикации на личной странице ВКонтакте Д. А. Медведева в период 25.03.2022–23.02.2023. Основание выборки – объем текстов более 1000 символов без иного вида контента

(только текстовые материалы), в общей сложности из 157 постов за указанный период для исследования в выборочную совокупность попали 35 постов, анализу среди которых были подвергнуты 7 публикаций (каждый 5 текст). Для обозначения общей тематики постов и ввиду отсутствия авторских названий, публикации были обозначены наименованиями. Дополнительно в текстах производился поиск специфических категорий, способствующих тематическому усилению и демонстрации эмоции автора, в частности, было обнаружено три общие категории для всех текстов: принадлежность к РФ (далее – «Россия» – «наш», «Россия», «наша страна», «мы», «россияне» и т. д., принадлежность к Украине (далее – «Украина») – «Окраина». «Украинская территория», «Киев», «неонацизм», «странное образование» и т. д., вопросы Запада и США (далее – «Запад+США») – «заклинания», «враги», «евробабло», наименования государств и т. д. – что позволяет четко обозначить тематику рассматриваемых текстов: все они затрагивают Украинский вопрос и роль Запада как в современных условиях, так и в исторических эпизодах, а также степень наносимого (нанесенного) урона для Российской Федерации.

Основная часть (результаты сбора данных)

Текст 1 «Украинский вопрос» от 20.02.2023. Ключевые смысловые узлы: оценка действий Запада, состояние обороны Украины, «народный» вопрос Украины и ценностные ориентиры России. Материал выстроен последовательно (Запад – Украина – народ Украины – Украина – Россия), точкой «притяжения» является само по себе образование «Окраина», автор применяет несколько коммуникационных стратегий: предикацию («странное образование», «верность неонацизму», «банда наркоманов») и референциальная/номинации («выходцы», «мужественный народ»). Количество упоминаний по ключевым категориям: «Россия» – 1, «Украина» – 11, «Запад» – 3.

Текст 2 «Значение России» от 12.11.2022. Общий смысл текста основан на актуализации действий России в ряде областей: формирования современного миропорядка, защита граждан, борьба с «НАТО и западным миром», боевая работа и «благосклонность РФ в отношении других стран». Усиление значения предложений тек-

ста достигается путем многократного употребления вначале глагола «напомнить» (6 упоминаний) и наречия «именно» для положительной окраски РФ. Текст выстроен также последовательно, перенося внимание при чтении не на сами процессы, а на субъект, их совершающий (РФ). Автор использует также две дискурсивные стратегии: аргументацию топос «история» – «исконные русские земли», «в одиночку умеем уничтожать мощного врага», топос «ответственность» – «формируем», «сражаемся», «стараясь сохранить жизни», топос «гуманизма» – «не использовали арсенал возможных средств поражения», «человеческая доброта») и референциальная/номинации («мирное население», «военнослужащие»). Количество упоминаний по ключевым категориям: «Россия» – 16, «Украина» – 2, «Запад+США» – 2.

Текст 3 «Многопрофильный Председатель ЕС» от 20.10.2022. Текст окрашен негативным и в какой-то мере даже саркастичным настроением в отношении Председателя ЕС («Урсула фон как-то дер Ляйен»). Наблюдается три смысловых узла: оценка политической деятельности и личных достижений Председателя ЕС, характеристика политиков Европы и память об исторических событиях России. Несмотря на относительно небольшое количество тем, текст не последователен, нарушена логика повествования – первая тема – основная, занимающая 75 % текста, две другие завершают публикации и вписаны неорганично. Используемые стратегии: предикация («какой-то там Еврокомиссии», «премия по экономике за ... развал национальных финансов», «присвоение (синоним используемого автором глагола) астрономических сумм евробабла ... вместе с ейным мужем») и референциальная/номинации («европейцы», «евродпутаты»). Количество упоминаний по ключевым категориям: «Россия» – 2, «Украина» – 0, «Запад+США» – 8.

Текст 4 «Ответы на информационную войну» от 4.08.2022. Данный материал отличен от предыдущих и будущих по нескольким параметрам: во-первых, объем публикации составляет 8134 символа – что является аномальным для социальных сетей (сама площадка «ВК» установила ограничения видимого текста примерно до 1430 символов на текстовые публикации). Во-вторых, стиль изложения материала, если другие посты были оценочного характера с личной позиции, тематика была подобрана самостоя-

тельно, то данный текст представляет собой открытое интервью (идентичного формата посты были опубликованы несколько раз). В-третьих, тематическая сложность, наличие трех крупных смысловых узлов (вопросы от РИА Новостей) и 9 микротем: оценка деятельности США, мнение об организации ряда международных мероприятий, позиция Китая, последствия информационной войны для Мира, отношения США и ряда стран Мира, информационная среда в России, взломы социальных сетей, действия международных союзов и принципы работы РФ с союзниками. Ввиду объема, текст нельзя обозначить как логичный, все три вопроса могли бы существовать как отдельные публикации, что облегчило бы восприятие реципиентами представляемой информации. Используемые стратегии: предикация («политиканы», «выходка оборзевших американских властей», «какая-нибудь неугомонная старуха», «майданутые типы»), аргументация (топос «история» – «так было в 90-е», «слова Рональда Рейгана 1984 года (цитата)»), топос «недостаток/вред» – «кровавый конфликт», «их терпение не безгранично», «безопасность Азии драматически рушится», «дестабилизация у союзников в Европе»). Количество упоминаний по ключевым категориям: «Россия» – 35, «Украина» – 1, «Запад+США» – 26.

Текст 5 «Реальная» Россия» от 31.05.2022. Текст отличается своей высокой степенью патриотичности и поддержки России, о чем свидетельствует многократное упоминание категории «Россия» (21) в совокупности с агрессивными выражениями: «ненавидят», «вредят», «направлены против», «уронить уровень жизни», «против», «разгромить ... церковь». Текст выстроен последовательно, центральной темой является ненависть со стороны ряда акторов и последствиями предпринимаемых ими действия для РФ. Используемые стратегии: аргументация (топос «история» – «Смутное время», «Отечественная война 1812 года») и референциальная/номинации – «тостосумы», «мифические начальники». Количество упоминаний по ключевым категориям: «Украина» – 0, «Запад+США» – 3.

Текст 6 «Чешские ошибки» от 8.05.2022. Текст состоит из двух смысловых узлов, переплетенных между собой и позволяющих говорить о последовательности и логичности построенного текста, – оценка действий чешских властей в преддверии Дня победы и послевоенное состояние политической системы в странах Запад-

ной Европы. Используемые стратегии: предикация («захисники», «фамилию придурка ...»), «демоны нацистского прошлого», «восточноевропейские пигмеи», «зигующие негодяи и коллаборанты), аргументация (топос «история» – «1945», «маршала И. С. Конева», топос «недостаток/вред» – «попустительствовать кричащему молчанию ... не можем и не будем») и референциальная/номинации – «заморавшиеся братья». Количество упоминаний по ключевым категориям: «Россия» – 9, «Украина» – 2, «Запад+США» – 6.

Текст 7 «Ошибки американской стратегии» орт 28.03.2022. Данный материал включает в себя три смысловых узла: развитие Америки после войны, попытки уничтожения России и образ США в глазах автора в будущем. Текст выстроен не последовательно, не транслируются точки пересечения тем, что может быть обусловлено и авторским делением на три части. Используемые стратегии: предикация («Володимир Зеленський», «престарелые члены сената», «преданные вассалы»), аргументация (топос «история» – «1945», «маршала И. С. Конева», топос «недостаток/вред» – «попустительствовать кричащему молчанию ... не можем и не будем»). Количество упоминаний по ключевым категориям: «Россия» – 12, «Украина» – 2, «Запад+США» – 18.

Выводы

Исходя из полученных данных, можно констатировать, что используемые медиалингвистические приемы в текстовом контенте Д. А. Медведева отличаются экспрессивностью, ярко-агрессивными выражениями, просторечиями и стилистически не соответствующими статусу категориями («верности режиму до гроба», «тырить», «тёмным киевом», «недетским размахом», «спикерши», «науськивать сепаратистов», «майданутых типов», «тетка», «осадочек остался», «вассалы» и т. д.). Данные выражения могут выступать стимулами, обращающими внимание реципиентов. Подобная «свобода» в выражениях и лингвистических конструкциях может быть обусловлена, во-первых, статусом политического субъекта и его определённой неограниченности в выражениях, во-вторых, удаленностью сторон коммуникации в социальных сетях несмотря на то, что реципиенты четко могут идентифицировать субъекта, но дистанция автора и потребителя, а также возможность корректи-

ровки материалов с течением какого-то времени, позволяют стирать лингвистические барьеры. В-третьих, требованиями аудитории и политической обстановкой: субъект пытается преподнести пользователям контент, соответствующих их эмоциональным потребностям, в случае политического субъекта потребитель может ожидать не только эмоциональный эффект, но и идеологический аспект (как это было отражено в период СВО – критика вводимых санкций либо конкретных персон).

Применяемые дискурсивные стратегии могут быть обусловлены тематикой – политические тематики подразумевают от автора подход аргументации, которая может быть выражена, как на фактологическом, так и на эмоциональном уровне. Исходя из полученных данных, констатируем приверженность политического субъекта к использованию скорее эмоциональных стратегий, нежели объективных фактологических. Эффективность использования данной стратегии отражена и в популярности таких постов: классические отчетные посты набирают в среднем 106 000 просмотров, в то время как посты оценочного характера с личной позицией – 286 000 и выше. Для практической проверки полученных данных, требуется проведение социологического исследования и (или) фокус-групп для определения ключевых стимулов при восприятии контента и фиксации реакции на паттерны языка.

Список источников

1. Добросклонская Т. Г. Медiateкст: теория и методы изучения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatekst-teoriya-i-metody-izucheniya> (дата обращения: 04.04.2023).
2. Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005. 287 с.
3. Кузнецова Александра Владимировна К определению понятия медiateкста // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-mediateksta> (дата обращения: 04.04.2023).
4. Фаткуллина Ф. Г., Хабиров Р. Р. Медiateкст в современном коммуникативном пространстве // Современные проблемы науки

и образования. – 2015. – № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18258> (дата обращения: 04.04.2023).

5. Хлызова Наталья Юрьевна Иноязычный медиатекст как инструмент формирования медиакомпетентности иноязычной личности // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnyy-mEDIATEKST-kak-instrument-formirovaniya-mediakompetentnosti-inoyazychnoy-lichnosti> (дата обращения: 02.04.2023).

6. Шестеркина Людмила Петровна, Лободенко Лидия Камилловна Базовые подходы к созданию универсального медиатекста в интернет-СМИ // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-podhody-k-sozdaniyu-universalnogo-mEDIATEKSTA-v-internet-smi> (дата обращения: 04.04.2023).

7. Pêcheux, Michel. *Language, semantics and ideology: Stating the obvious* / Michel Pêcheux; Transl. by Harbans Nagpal. – Repr. – London; Basingstoke: Macmillan, 1983. – XI, 244 с.

Features of Media-linguistic Content Techniques of Political Subjects in Social Networks

A. V. Sokolov, D. A. Vasilyeva

YarGU im. P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia
alex8119@mail.ru, daria_250600@mail.ru

Abstract: The digital revolution, which made it possible to combine traditional media and new media on the same platforms, has given rise to cross-media interpenetration of forms of content creation and presentation. The change of platforms leads to a change in the style, quality and language features of the narration, which expands the media-linguistic methods of working with the audience. Internet communication endows the media text with a number of properties that are actively developing at the present stage: interactivity, non-linearity and the use of new subjective models of narration and convergence. The latter property, to a greater extent than the others, acquires its relevance in the textual content of political subjects in the thematic sense and the emergence of social perception. The article considers the linguistic components of the media text of a political subject, their direction, subject matter and its style characteristics.

Keywords: political subject, media text, social networks, content, media linguistic techniques.

Цифровые экосистемы в сфере благотворительности: отечественный и зарубежный опыт

А. А. Фролов, С. Е. Баранов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,

Ярославль, Россия

a.a.froloff@gmail.com, slavka22000@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается такой феномен информационного общества, как «цифровая экосистема» и ее применение в сфере благотворительности, на основе изучения отечественного и зарубежного опыта создания и ведения цифровых экосистем в рамках благотворительной деятельности. Авторы статьи анализируют ключевые характеристики и сервисы в рассматриваемых экосистемах, а также делают вывод о необходимости их дальнейшего развития и распространения путем сочетания выявленных преимуществ для повышения эффективности благотворительной деятельности в России.

Ключевые слова: цифровые экосистемы, информационное общество, цифровизация, благотворительность, некоммерческие организации, гражданское общество.

Введение

Для современного информационного общества характерен постоянный процесс научно-технического прогресса, который знаменует собой внедрение различных инноваций в самые разные сферы общественной жизни. Информатизация и цифровизация, обуславливают внедрение информационно-коммуникационных технологий в процессы взаимодействия между людьми. В частности, речь идет об использовании интернет-среды в виде различных платформ и экосистем для организации более эффективного и комфортного взаимодействия между разными социальными субъектами. След-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта № 22-28-01517 «Цифровые экосистемы в политике: проблемы создания и перспективы развития», <https://rscf.ru/project/22-28-01517>

© Фролов А. А., Баранов С. Е., 2023

ствии таких преимуществ Интернет-среды, как интерактивность, доступность, открытость, обратная связь и мультимедийность, такие платформы и экосистемы получают весьма широкое распространение и популярность, облегчая и модернизируя взаимодействие между разными акторами.

Можно констатировать, что на сегодняшний день создание цифровых экосистем становится трендом и тенденцией повсеместно: в экономике, государственном управлении и, конечно, в политике, как в сфере циркулирования всех интересов общества. В политике цифровые экосистемы играют роль эффективной организации взаимодействия социально-политических субъектов в лице государственных и негосударственных институтов и граждан на основе открытости, прозрачности и безопасности в условиях информационного общества.

Процессы цифровизации политической системы напрямую затрагивают, в том числе, и некоммерческую сферу как одного из институтов гражданского общества: стало обыденностью создание и ведение НКО целевых сайтов и форумов, групп в социальных сетях, а также интерактивных платформ и попыток создания экосистем. Некоммерческий сектор является прямым отражением состояния и развития гражданского общества, которое, в свою очередь, функционирует для наиболее полного выражения и реализации гражданами своих интересов. Поэтому весьма важным и актуальным становится преобразование функционирование некоммерческого сектора в соответствии с требованиями времени с использованием интернет-технологий. Одним из важнейших направлений в деятельности некоммерческого сектора является благотворительность и волонтерство, нацеленные на решение социально значимых проблем, существующих в обществе.

Создание экосистемы как информационно-коммуникационной цифровой платформы с обширным спектром различных функций предоставляет широкие возможности для облегчения благотворительной деятельности, привлечения равнодушных лиц, организации взаимодействия между субъектами и многое другое.

Теоретическая рамка исследования

В центре внимания в данном исследовании находится термин «цифровая экосистема». Под цифровой экосистемой по-

нимается совокупность цифровых платформ с различными сервисами, услугами, функциями и возможностями, организующими единую систему для открытого и сетевого взаимодействия между владельцем такой экосистемы, партнерами, клиентами и так далее [3, с. 1481].

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является выявление основных характеристик цифровых экосистем для благотворительности и их сервисов. При этом для анализа был отобран ряд отечественных цифровых экосистем и зарубежная практика на примере реализации проекта «The city of good» в Сингапуре.

В качестве методов исследования используются: метод case-study для выявления основных сервисов и функций рассматриваемых цифровых экосистем, а также их сравнительный анализ для определения сходств и различий их функционирования.

Основная часть (результаты сбора данных)

Ярким зарубежным примером цифровой экосистемы для благотворительности и волонтерства можно назвать Национальный центр волонтерства и филантропии Сингапура и его проект «The city of good» [2]. Данный проект формирует экосистему для организации эффективного взаимодействия между некоммерческим сектором, бизнесом и государством в целях развития и содействия благотворительной деятельности. Здесь объединяются организации и отдельные лица для ведения благотворительной деятельности, а также разрабатываются и осуществляются проекты в данной сфере. Сама экосистема включает в себя отдельные ответвления-сайты со своей спецификой. «The city of good» предлагает каждому желающему стать волонтером, сделать пожертвование, участвовать в фандрайзинге. Кроме того, экосистема призвана интегрировать различные организации (в том числе и коммерческие) и благотворителей для сотрудничества и кооперации. Любая желающая организация может присоединиться к данному сообществу. На данный момент экосистема включает в себя более пятисот местных благотворительных фондов и организаций. Кроме всего вышесказанного, на главном сайте экосистемы пользователь может ознакомиться с инфографикой, ре-

ализуемыми и реализованными проектами, новостями и с множеством других событий в области благотворительности, осуществляемых «The city of good». На платформе активно публикуются новости и освещаются события. Сама экосистема имеет свое представительство в разных социальных сетях и видеохостинге YouTube. На этом примере мы можем наблюдать целый ряд признаков цифровой экосистемы в политике. Среди них: обширный круг сервисов и возможностей на единой платформе; организация взаимодействия между некоммерческим сектором, бизнесом и государством; объединение сервисов под единым названием; нацеленность на решение социально-значимых проблем и интересов общества; наличие представительства в виде сайта и групп в социальных сетях; возможность прямого обращения пользователей.

В нашей стране также существуют примеры цифровых экосистем, предназначенных для благотворительной деятельности и волонтерства. Среди них можно выделить приложение ELEOS, которое осуществляет интеграцию благотворительных фондов, рекламодателей и любых неравнодушных лиц, таким образом, создавая экосистему для благотворительности [6]. Используя это приложение, пользователи смотрят рекламный ролик и получают за это баллы, которые затем они жертвуют на свое усмотрение в благотворительный фонд или организацию, представленные в экосистеме ELEOS. На данный момент ELEOS сотрудничает с пятью благотворительными фондами. Кроме того, все полученные средства от рекламодателей также распределяются между фондами. С рассматриваемой экосистемой можно сотрудничать и в качестве рекламодателя, перейдя на соответствующую страницу на сайте. Наконец, ELEOS также предоставляет возможность всем желающим стать волонтерами, перенаправляя их на сайт фонда с заполнением анкеты волонтера. Стоит отметить и публикацию новостей на сайте, связанных с деятельностью данной платформы. Экосистема имеет представительство в разных социальных сетях, в том числе во ВКонтакте и Одноклассниках. Здесь также отчетливо выделяются признаки цифровой экосистемы на основе выявленных характеристик. Функционирование ряда сервисов, единый аккаунт, прямая связь с организаторами, взаимовыгодное взаимодействие между владельцем платформы, благотворительными фондами, рекламодателями и гражданами, наличие каналов: сайт,

группы в социальных сетях и приложение, наконец, деятельность в целях разрешения социально-значимых потребностей людей.

Другим примером отечественной экосистемы для благотворительности можно назвать проект «+1 Люди» [1]. Данный проект нацелен на создание цифровой экосистемы для агрегации НКО, популяризации благотворительной деятельности и содействия системной благотворительности. Проект «+1 Люди» предоставляет различные возможности для благотворительной деятельности: пожертвования в благотворительные фонды, сотрудничество с НКО, медиатизация благотворительности, интерактивная карта с удобным поиском социальных и экологических сервисов в разных уголках России. На сайте данного проекта можно также обратиться за помощью, заполнив соответствующую анкету с описанием проблемы, типом необходимой помощи и локацией. Более того, сайт позволяет комфортно и быстро найти пользователю сообщество по интересам, указав в анкете город, бенефициара и направленность сообщества. Кроме того, в экосистеме предусмотрено сотрудничество с региональными СМИ для освещения благотворительной деятельности, а также ведение новостных публикаций и блогов. Данная экосистема обладает представительством в социальной сети Одноклассники. В данном случае среди признаков цифровых экосистем можно отметить: совокупность различных сервисов под единым названием; аккаунт-система; выстраивание взаимодействия между НКО, гражданами и СМИ; представительство на сайте, в социальной сети, СМИ и блогах; направленность на решение социально-значимых проблем россиян и популяризацию благотворительной деятельности.

Российский опыт в данном направлении, безусловно, не ограничивается вышерассмотренными кейсами. К примеру, в ходе Петербургского международного экономического форума в 2018 с участием РОСКОНГРЕСС-а обсуждалась идея о создании «глобальной системы филантропии» [5]. В 2020 году технопарк «Жигулевская долина» представил проект по разработке экосистемы для благотворительности [4].

Выводы

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы. В первую очередь стоит отметить, что рассмотренные эко-

системы в целом обладают схожими сервисами: пожертвования, волонтерство, партнерство с платформой в качестве организации, непосредственно реестр партнеров, представительство в социальных сетях, медиа-активность. Среди элементов цифровых экосистем в проанализированных примерах были выявлены: совокупность сервисов и функциональных возможностей под единым названием платформы, организация взаимодействия между разными субъектами, наличие представительства на разных Интернет-ресурсах, открытость и прозрачность, а также деятельность в интересах общества. При этом стоит сказать, что в рассмотренных кейсах в российских экосистемах предусматривается аккаунт-система, в то время как в проекте «The city of good» такого не наблюдается. При этом на сайтах проектов «The city of good» и ELEOS есть возможность задать вопрос напрямую организаторам, дав краткую контактную информацию. Стоит сказать, что сочетание преимуществ рассмотренных экосистем позволит вывести благотворительную деятельность на новый уровень, значительно повышая удобство и комфортность ее ведения, отвечая требованиям информационного общества.

Список источников

1. +1 ЛЮДИ ЭКОСИСТЕМА // +1 ЛЮДИ. URL: <https://people.plus-one.ru/about> (дата обращения: 08.04.2023).
2. Introducing The City Of Good // City Of Good. URL: (дата обращения: 08.04.2023).
3. Алейникова Ю. В., Матвеев В. В. Цифровая экосистема. Анализ применения искусственного интеллекта // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 1480–1487.
4. Благотворительная экосистема – необходимый элемент современности // Жигулевская долина. URL: <https://dolinatlt.ru/news/blagotvoritelnaya-ekosistema-neobhodimyj-element-sovremennosti/> (дата обращения: 08.04.2023).
5. Глобальная экосистема филантропии как основа для устойчивого роста // РОСКОНГРЕСС. URL: <https://roscongress.org/news/globalnaja-sistema-filantropii-kak-osnova-dlja-ustojchivogo-rosta/> (дата обращения: 08.04.2023).

6. Экосистема ELEOS // ELEOS. URL: <https://eleosrus.ru> (дата обращения: 08.04.2023).

Digital Systems in the Sphere of Charity: National and Foreign Experience

A. A. Frolov, S. E. Baranov

FGBOU VO P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia

a.a.froloff@gmail.com, slavka22000@mail.ru

Abstract. The article examines such a phenomenon of the information society as the «digital ecosystem» and its application in the field of charity based on the study of domestic and foreign experience in creating and maintaining digital ecosystems within the framework of charitable activities. The authors of the article analyze the key characteristics and services in the ecosystems under consideration, and also conclude that their further development and dissemination are necessary by combining the identified advantages to increase the effectiveness of charitable activities in Russia.

Keywords: digital ecosystems, information society, digitalization, charity, non-profit organizations, civil society.

Особенности конструирования имиджа политика-женщины в политической рекламе

Е. А. Калашникова, Г. В. Лукьянова

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st076993@student.spbu.ru

Аннотация. Рост политического участия женщин, в том числе случаи, когда политики-женщины занимают высокие государственные должности, говорит о необходимости изучения механизмов расширения их представительства, выявления требований, предъявляемых обществом к женщинам, участвующим в политике, эффективных способов формирования их имиджей. Целью исследования является выявление гендерных аспектов формирования имиджей политиков-женщин в политической рекламе на основе качественного контент-анализа и анализа визуального ряда предвыборных роликов трех женщин-политиков. В результате исследования было установлено, что политики-женщины сочетают в своих имиджах черты маскулинности и феминности с преобладанием первых. При помощи различных технологий политической рекламы конструируются такие черты, как сила, прагматичность, рассудительность, рациональность, упорство, которые являются стереотипно маскулинными.

Ключевые слова: имидж, политик-женщина, формирование имиджа, гендерный стереотип, политическая реклама, политическая видеореклама.

Введение

Во многих странах мира проводятся реформы для расширения возможностей представительства женщин в публичных сферах, но гендерное неравенство сохраняется во всех государствах. Согласно докладу о Глобальном гендерном разрыве Всемирного экономического форума, для достижения гендерного паритета в политике потребуется 155 лет [2]. При этом наблюдается отход от предубеждений относительно положения женщины в обществе. Так, в Германии более чем 15 лет пост федерального канцлера

занимала Ангела Меркель, Тереза Мэй занимала пост премьер-министра Великобритании, в 2017 году премьер-министром Новой Зеландии стала Джасинда Ардерн. Это не все случаи, когда женщины становились политическими лидерами, но они демонстрируют необходимость изучения вопроса участия женщин в политической жизни, рассмотрения механизмов расширения их представительства. Исследование имиджей политиков-женщин позволит выявить требования, предъявляемые обществом к женщинам, участвующим в политике, эффективные способы формирования их имиджей.

Теоретическая рамка исследования

В данном исследовании используется маркетинговый подход к политическому имиджу, позволяющий рассматривать его имидж как результат имиджевой коммуникации, который создается посредством символов и знаков и формируется в сознании целевой аудитории [8]. Для выделения структурных компонентов имиджа применяется подход С. Ф. Лисовского, в рамках которого выделяются персональные, социальные и символические характеристики [6]. Использование социологического и психологического подходов к гендеру позволяет понимать его как социальный конструкт, определяющий, каким образом психические и поведенческие свойства индивида ассоциируются с феминностью и маскулинностью. Особую значимость для исследования представляют скорректированная О. Г. Лопуховой методика BSRI под авторским названием «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» [7], типология политической рекламы Л. Девлина [3] и классификация позиционирования Т. Э. Гринберг [1].

Цель и методы исследования

Цель исследования: выявить гендерные аспекты формирования имиджей политиков-женщин в политической рекламе. Основными методами анализа выступили качественный контент-анализ и анализ визуального ряда.

Для проведения исследования были отобраны женщины-политики из трех стран с разными типами республиканской формы правления, в которых в последние несколько лет избирался

президент. В президентской республике США в 2020 году на пост президента баллотировалась Джо Джоргенсен. В смешанной Французской республике в президентской кампании в 2022 году участвовали Марин Ле Пен и Натали Арто. Весной 2022 года президентом парламентской республики Венгрия стала Каталин Новак.

Для контент-анализа и анализа визуального ряда использовалась политическая реклама в форме видео.

Для анализа были отобраны 6 политических видеореклам:

- два предвыборных рекламных ролика Джо Джоргенсен 2020 года,
- два предвыборных рекламных ролика Натали Арто 2022 года,
- два предвыборных рекламных ролика Марин Ле Пен 2022 года.

Предвыборных рекламных роликов Каталин Новак найти не удалось, что можно объяснить особенностями формы правления Венгрии. Она была избрана на пост президента Венгрии 10 марта 2022 года, получив две трети голосов членов парламента.

Для выявления гендерных аспектов формирования имиджей политиков-женщин в политической рекламе использовалась авторская методика исследования, были разработаны переменные и индикаторы для соотнесения компонентов имиджа с показателями феминности и маскулинности. При разработке переменных и индикаторов учитывались результаты отечественных и зарубежных исследований [7, 11]. Они соответствуют таким компонентам политического имиджа, как внешность и стиль одежды, интеллект, стиль принятия решений, умение убеждать, биография и личная жизнь, речь политика, жесты, мимика и голос, в соответствии с этими переменными были разработаны 15 индикаторов. Также были проанализированы особенности коммуникативной обстановки, проксемики, особенностей построения кадра, и выявлены технологии политической рекламы, используемые в выбранных видео. Для определения типа политической рекламы в соответствии с используемыми технологиями использовалась классификация Л. Девлина и классификация позиционирования Т. Э. Гринберг.

Основная часть

Имидж какого-либо объекта конструируется целенаправленно, и этот процесс контролируется, как и маркетинговая коммуникация, выступающая эффективным способом донесения информации посредством символов до реципиентов. Имидж является динамичным образом политического лидера в сознании широкого круга людей, который создается в результате длительного процесса формирования через средства коммуникации с использованием приемов и технологий, обеспечивающих эффективность этого процесса. Имидж в рамках данного подхода выступает инструментом позиционирования политического актора [8] и представляет собой совокупность характеристик, которые образуют целостный образ адресанта. Среди представленных вариаций выделения структурных элементов имиджа политического лидера наиболее оптимальным видится разделение характеристик на персональные, социальные и символические, которые объединяют в себя целую совокупность факторов, с которыми можно работать в процессе конструирования имиджа для усиления влияния на электорат.

Анализ различных классификаций даёт основание говорить о 4 видах имиджа политического лидера:

1. реальном (объективном),
2. субъективном,
3. идеальном,
4. моделируемом.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет моделируемый имидж, который создается целенаправленно для достижения конкретных политических целей посредством специальных приемов и технологий, транслируется на широкую аудиторию для воздействия на массовое сознание электората и побуждения их к определенному политическому поведению. Модерируемый имидж создается в процессе формирования, который А. Ю. Панасюк определяет следующим образом: «процедура, направленная на создание у людей определенного образа объекта с определенной оценкой этого образа в виде осознаваемого или неосознаваемого мнения об этом образе для достижения психологического притяжения аудитории имиджа к данному объекту» [9]. Формирование имиджа – это длительный процесс, требующий усилий.

С учетом тенденции и запроса на усложнение имиджей политиков, усложняются и технологии их создания. Также это связано с развитием цифровых технологий в современном обществе, обилие источников и каналов распространения информации оказывают влияние на эффективность воздействия на сознание реципиентов. Однако, несмотря на всё большее использование Интернета как рядовыми гражданами в повседневной жизни, так и политиками в рамках избирательных кампаний, в настоящее время не совершается полный уход от традиционных каналов формирования имиджей политиков, происходит налаживание баланса между новыми и традиционными технологиями [4].

Политическая реклама является самостоятельным и эффективным способом формирования имиджа политического лидера. Имидж выступает в качестве одной из основных категорий политической рекламы. Она позволяет сформировать имидж конкретного политического объекта в короткий срок и служит стимулом к участию в политическом процессе, а также способствует установлению связи между субъектом и объектом рекламы через целый комплекс приемов и технологий.

Наибольший интерес для данного исследования представляет аудио-визуальный вид рекламы – предвыборные видеоролики нескольких кандидатов на пост президента зарубежных стран. Данный тип рекламы считается самым эффективным, так как обеспечивает воздействие на различные каналы восприятия информации. Также фактором эффективности данного типа рекламы в настоящее время является доступность для объектов рекламы и массовый охват.

При рассмотрении гендерных стереотипов в данной работе мы будем опираться на социологический и психологический подходы [5, 10], которые имеют некоторые сходства, и понимать под гендером – социальный конструкт, определяющий, каким образом психические и поведенческие свойства индивида ассоциируются с феминностью и маскулинностью; под гендерным стереотипом – сформировавшийся в обществе устойчивый шаблон восприятия и интерпретации поведения мужчин и женщин.

Гендерные стереотипы влияют на политические процессы. Это связано с тем, что гендерные предрассудки о роли женщины,

которая заботится о домашнем хозяйстве и занимается воспитанием детей, и мужчины, который обладает силой, знаниями, является кормильцем и участником общественной жизни, продолжают транслироваться.

Использование предрассудков относительно гендерных ролей политиков необходимо для эффективного конструирования имиджа политического деятеля в политической рекламе. Это объясняется тем, что в сознании людей существует некий набор черт, которым должен обладать политический лидер, и среди них выделяются черты, имеющие гендерный окрас, они имеют центральное значение в образе лидера.

Гендерный аспект содержится в персональных, социальных и символических компонентах имиджа политического лидера. В наибольшей степени гендерной стереотипизации подвержены такие компоненты политического имиджа, как внешность, семейное положение и личная жизнь, стиль принятия решений и стиль коммуникации.

Анализ шести предвыборных рекламных роликов Джо Джоргенсен, Натали Арто и Марин Ле Пен показал, что политическая реклама формирует маскулинный имидж политических лидеров-женщин.

В имидже политиков-женщин центральными маскулинными компонентами выступают социальные и символические характеристики. В первую очередь, это рациональность, бескомпромиссность, решительность, настойчивость, через которые политики демонстрируют атрибуты лидерства: силу, уверенность и прагматичность. Формирование маскулинных черт достигается за счет таких переменных как стиль принятия решений, сила и умение убеждать, интеллект, социальная принадлежность, речь политика, а также за счет некоторых аспектов невербальной коммуникации.

Однако стоит отметить, что в анализируемых имиджах существуют и различия в стратегиях по его построению. Так, политики из Франции совершенно по-разному работают с такими персональными характеристиками имиджа, как внешность и стиль одежды. В имидже Натали Арто эти переменные относятся к индикаторам маскулинности, в то время как Марин Ле Пен в своих образах обращается к женственности через использование предметов одежды,

аксессуаров, макияжа. Схожая тактика по отношению к внешности и стилю, а именно подчеркивание женственности во внешности и стиле одежды, используется и в построении имиджа Джо Джоргенсен. Таким образом, в настоящее время обращение к внешней привлекательности не мешает конструировать политикам-женщинам имидж сильного, целеустремленного и рационального лидера.

Наиболее популярными оказались политические рекламы типа кандидат в действии и «говорящая голова», направленные на создание имиджа политика, который осознает проблемы граждан, имеет возможности и ресурсы для их решений, а также предпринимает действия для их преодоления.

Все три политика используют в политической рекламе разное позиционирование. Так, Джо Джоргенсен использует позиционирование по проблеме – несовершенство двухпартийной системы, решение которой представляется в виде голосования за кандидата от либертарианской партии, что позволит ей повысить конкурентоспособность в политической системе страны. Натали Арто использует позиционирование против категории – против сторонников капитализма, Марин Ле Пен использует позиционирование по преимуществу субъекта, предпочтительному для целевой аудитории – длительный политический опыт.

Говоря о технологиях, работы с имиджем необходимо отметить, что как Натали Арто, так и Марин Ле Пен используют отстройку от конкурентов. В рекламных роликах Джо Джоргенсен активно используется прием «научное» мнение для демонстрации поддержки своей кандидатуры со стороны экспертов. Также в стратегии по построению имиджа Джо Джоргенсен присутствует занижение имиджей конкурентов. Можно сделать вывод, что работа с имиджем конкурентов является эффективным и популярным способом построения имиджей политиков-женщин.

Анализ пространственной знаковой системы показал, что Джо Джоргенсен и Марин Ле Пен сочетают в использованных видеозаписях разные виды дистанций, что позволяет формировать имидж не только сильного, но и заботливого, отзывчивого политика, который готов общаться с гражданами, в обоих видео Натали Арто выдержана одна – личная, этим подчеркивается связь кандидата с целевой аудиторией, отсутствие между ними дистанции.

Выводы

Политики-женщины сочетают в своих имиджах как черты маскулинности, ассоциирующиеся с лидерскими позициями, так и черты феминности. Важно отметить, что в имиджах превалируют маскулинные черты. Анализируемые предвыборные ролики направлены на создание имиджей с такими чертами, как сила, прагматичность, рассудительность, рациональность, упорство, которые являются стереотипно маскулинными, при помощи различных технологий.

Также было установлено, что в настоящее время обращение к внешней привлекательности не мешает конструировать политикам-женщинам имидж сильного, целеустремленного и рационального лидера. Конструирование таких имиджей политиков-женщин происходит посредством различных технологий политической рекламы.

Таким образом, женщинам-политикам необходимо грамотно и сбалансированно совмещать в своем имидже черты, являющиеся стереотипно феминными и маскулинными. Необходимо конструировать имидж серьезной, рассудительной личности, принимающей взвешенные решения и осознающей ответственность за них, неравнодушной по отношению к гражданам и решению общественных проблем.

Список источников

1. Гринберг Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Медиаскоп. – 2008. – № 2.
2. Доклад о глобальном гендерном разрыве, 2022 г. // Официальный сайт Всемирного экономического форума. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/digest/> (дата обращения: 23.02.2023).
3. Егорова-Гантман Е. В. Политическая реклама. – М.: Никколо М, 2002. – 240 с.
4. Керимов А. А., Попцов Д. А. Имидж политического лидера в эпоху цифровых медиа-технологий: особенности формирования // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2020. – №3. С. 366-370.
5. Кон И. С. Пол и гендер. Заметки о терминах / И. С. Кон // Андрология и генитальная хирургия. – 2004. – №. 1–2. С. 31–35.

6. Лисовский С. Ф. Политическая реклама: Функциональные и жанрово-стилистические особенности: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10. – Москва, 1999. 222 с.

7. Лопухова О. Г. Опросник «маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российский аналог «BEM sex role inventory») / О. Г. Лопухова // Вопросы психологии. 2013, № 1. С. 147–154.

8. Мацько В. В., Мамаева В. Ю. Маркетинговый подход к понятию имидж // Символ науки. 2016, № 12–1. С. 164–167.

9. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегии, психотехнологии, психотехники. – М.: Издательство «Омега-Л», 2007. 226 с.

10. Acker J. Hierarchies, Jobs, and Bodies: A Theory of Gendered Organizations / J. Acker // Gender and Society. 1990. Vol. 4. P. 139–158.

11. Grebelsky-Lichtman T., Katz R. Gender Effect on Political Leaders' Nonverbal Communicative Structure during the COVID-19 Crisis // Int J Environ Res Public Health. 2020, №17(21). P. 77–89.

The Particularities of Female Politicians' Image Construction in Political Advertising

E. A. Kalashnikova, G. V. Lukyanova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

E-mail: st076993@student.spbu.ru

Abstract: The growth of women's political participation, including the cases of women politicians occupying high public office, points to the need to study the mechanisms for increasing their representation, to identify the demands that society places on women's participation in politics, and to identify effective ways of shaping their images. The aim of the study is to identify gender aspects of the image formation of female politicians in political advertising, based on qualitative content analysis and analysis of the visual range of campaign spots of three female politicians. The results of the study show that female politicians combine masculinity and femininity in their images, with the former being predominant. Various techniques of political advertising are used to construct stereotypically masculine traits such as strength, pragmatism, rationality and perseverance.

Keywords: image, female politician, image formation, gender stereotype, political advertising, political video ads.

Online-петиции как индикатор общественных настроений (на примере портала «Российской общественной инициативы»)

А. В. Соколов, В. Ю. Цветкова, Д. А. Прусов
ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия
alex8119@mail.ru, prusov2013@yandex.ru, vixtsv1628@yandex.ru

Аннотация. Развитие и распространение Интернета стало драйвером трансформации общественных процессов. Благодаря возможностям сети Интернет стали появляться новые формы проявления гражданской активности. Одной из таких форм являются online-петиции. В статье представлены результаты исследования размещенных на портале Российской общественной инициативы online-петиций, которые рассматриваются как индикаторы общественных настроений. В ходе проведенного исследования удалось установить количественное распределение петиций и голосов по основным направлениям. Также в рамках исследования было определено отсутствие зависимости наиболее актуального направления от среднего количества голосов, поданных за петиции в нём. Кроме этого, авторами были выявлены общественные настроения в Российской Федерации в текущей повестке.

Ключевые слова: интернет-пространство, online-петиции, общественные настроения, портал Российской общественной инициативы

Введение

Появление и последующее распространение Интернета оказало сильнейшее влияние на все сферы нашего общества, что непосредственно привело к трансформации привычного образа жизни человека. Одним из проявлений данной трансформации стало изменение в коммуникативных процессах. Такие изменения, в полной мере, коснулись и политической сферы, где Интернет становится полноценным пространством для обмена информацией между субъектами и реализации различных форм гражданского участия.

На сегодняшний день в сети Интернет существует достаточно большое разнообразие механизмов, платформ, возможностей для реализации и отстаивания гражданами своих интересов. Это во многом связано с тем, что в условиях трансформации современных общественных отношений все большую популярность приобретают новые способы гражданского участия в online-формате. В реалиях сегодняшнего дня, мы можем наблюдать определенные процессы перехода традиционных гражданских практик в виртуальное интернет-пространство. Одним из проявлений трансформации стало появление online-петиций, которые, как правило, направлены на реализацию общественно-важных интересов во всех сферах общественной жизни.

Теоретическая рамка исследования

Петицией в самом прямом смысле слова принято считать коллективное обращение граждан в компетентный государственный или муниципальный орган власти с целью принятия определенного нормативного акта, имеющего значение как для части граждан государства, так и для населения в целом по особо значимым вопросам общественной жизни [5, с. 74].

Обозначив ранее роль интернет-пространства в современном общественно-политическом процессе, также важно выделить термин «online-петиция». В отечественном научном сообществе существует достаточно много определений данного механизма. Например, Т. Ю. Богомолова считает, что online-петиция – это определенная форма коммуникации между обществом и органами власти [2, с. 13]. Также online-петицию можно рассматривать как новую возможность реализации права гражданина на участие в управлении государством и средство защиты граждан от неправомерных действий органов государственной власти или должностных лиц [3, с. 72].

При этом стоит обратить внимание на тот факт, что в отечественном правовом поле принято использовать другой термин, а именно «гражданская инициатива». Согласно указу Президента РФ от 04.03.2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициати-

ва», гражданской инициативой считаются предложения граждан Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления, направленные с использованием интернет-ресурса [1].

Таким образом, online-петиция – это обращение гражданина или группы граждан к компетентному государственному или муниципальному органу власти по общественно-важным вопросам, направляемое в online-формате с использованием специализированных интернет-платформ.

Online-петиции могут выступать индикатором общественных настроений. При помощи такого механизма, граждане имеют возможность обратиться к органам власти и выразить свою позицию относительно наиболее важных аспектов жизнедеятельности общества.

Online-петиции позволяют вовлечь большее количество граждан в общественно-политическую жизнь государства благодаря удобству в использовании и лаконичному описанию интересующих проблем. Как ранее было отмечено, граждане имеют возможность направить своё обращение в online-формате при использовании специализированных интернет-платформ. К таковым в рамках данного исследования можно отнести Портал Российской общественной инициативы (далее РОИ). Он представляет собой интернет-платформу, созданную в целях размещения гражданами общественных инициатив по вопросам политической, социальной, экономической и духовной сферах жизнедеятельности государства. При помощи данного портала активные граждане могут подать петицию с просьбой или требованием изменить ту или иную ситуацию как на федеральном, так и на муниципальном уровне власти; изучить проблемные вопросы, выраженные в уже существующих петициях; а также поддержать либо отвергнуть какую-либо инициативу. Функционал РОИ отличается достаточно простым интерфейсом и удобством в использовании. Для того чтобы разместить на портале инициативу, необходимо быть совершеннолетним гражданином России и авторизоваться на портале через Госуслуги [4].

Рост интереса исследователей к феномену online-петиций в научных кругах обусловлен тенденцией увеличения в последнее

время общественных протестных настроений. В ходе данной тенденции происходит усиление активности граждан в большей степени в online-пространстве. По мнению исследователей, в России за последние два года произошло увеличение количества протестных online-петиций со стороны граждан [6, с. 47].

Цель и методы исследования

Целью же данного исследования является выявление общественных настроений в Российской Федерации, отраженных в действующих online-петициях на портале РОИ. Для достижения поставленной цели, авторами были определены следующие задачи:

1. определить количество действующих online-петиций на портале Российской общественной инициативы;
2. определить распределение голосов по основным направлениям, имеющимся на портале;
3. выявить зависимость между средним количеством голосов online-петиций и их направлением.

В ходе исследования был применен слабо-формализованный контент-анализ, однофакторный дисперсионный анализ, а также сравнительный анализ.

Поскольку online-петиции, размещенные на портале Российской общественной инициативы, представляют собой большой набор неструктурированных данных, был разработан автоматический алгоритм по сбору информации. Данный алгоритм был написан на высокоуровневом языке программирования Python. Разработанный алгоритм сбора информации основывается на поэтапном сохранении каждой web-страницы опубликованной петиции в облако с их дальнейшей расшифровкой и формированием текстового массива при помощи подключения библиотек BeautifulSoup и Requests.

Основная часть (результаты сбора данных)

Используя разработанный алгоритм сбора информации, авторы исследования смогли установить, что на 1 марта 2023 года на портале РОИ активны 2.914 online-петиций. Большая их часть расположена на федеральном уровне – 2.889, на региональный уро-

вень же приходится 18 петиций, на муниципальные образования только 7 петиций. Данное распределение может свидетельствовать о том, что российское общество больше нацелено на решение федеральных, общероссийских проблем, нежели на решение проблем более локальных.

Портал Российской общественной инициативы предлагает пользователям девятнадцать тематических разделов, к которым можно «привязать» свои петиции. К таким разделам относятся: транспорт и дороги, природные ресурсы и экология, инфраструктура города, жилые дома и дворы, безопасность, бизнес, потребители и сервис, чиновники и государственные услуги, население и миграция, избирательное право, экономика и финансы, здравоохранение, образование и наука, уголовный кодекс, государственное управление, ЖКХ, государственная поддержка, труд и занятость, социальная защита.

Используя разработанный авторами исследования алгоритм сбора данных, удалось установить количественное распределение петиций в каждом из направлений. Больше всего online-петиций увязаны с темой безопасности (280 штук), на втором месте тема социальной защиты (240), а замыкает тройку лидеров тема, связанная с экономикой и финансами (214). Самым же непопулярным направлением петиций стал тематический блок, посвященный избирательному праву (49). Данное распределение может свидетельствовать о том, что граждан сейчас больше всего волнуют вопросы, связанные с их повседневным существованием (личная безопасность, экономическая стабильность, социальные гарантии от государства и т. п.). Среди оставшихся тематических блоков наблюдается следующее распределение: транспорт (159), экология (120), инфраструктура (120), жилые дома (120), бизнес (148), потребители (160), чиновники (152), население (135), здравоохранение (140), уголовный кодекс (121), государственное управление (180), государственная поддержка (200), занятость (156).

Выше было указано, что на сегодняшней день на портале Российской общественной инициативы размещено 2 914 петиций. Суммарное же число голосов всех петиций равняется 1 196 906. Это достаточно скромное значение, если учесть тот факт, что для рассмотрения одной петиции органами власти необходимо со-

брать 100.000 голосов. Данное количество голосов свидетельствует о пассивности общества в применении данного механизма. Либо мы можем говорить о низком уровне доверия РОИ как площадке коммуникации граждан и власти.

Больше всего граждане подписывали петиции, связанные уже не с сферой безопасности (102 555 голосов), а с социальной защитой (107 497 голосов). На третьем месте находится направление, посвященное экономике и финансам (88 220 голосов). Такое распределение говорит, о том, что люди более охотно поддерживают те направления, которые определяют их первичные потребности. Дальнейшее соотношение голосов и тематических блоков выглядит следующим образом: транспорт (57 910), экология (58 942), инфраструктура (49 199), жилые дома (47 959), бизнес (63 766), потребители (64 248), чиновники (58 935), население (56 567), избирательное право (19 805), здравоохранение (57 962), уголовный кодекс (59 098), государственное управление (66 489), ЖКХ (38 541), государственная поддержка (82 865), труд (70 738).

Несмотря на полученные данные, следует отметить, что на количество голосов влияет общее количество online-петиций в каждом направлении. Наблюдается закономерность: чем больше петиций, тем больше голосов получает направление. Для того, чтобы получить более объективную картину, авторам исследования потребовалось определить среднее значение голосов в каждом тематическом блоке. Если же сравнивать направления по среднему значению, то тут заметны достаточно интересные перестановки. Лидером становится направление, связанное с уголовным кодексом (в среднем 488 голосов за петицию), второе место занимает труд и занятость (в среднем 453 голосов за петицию) и третье место принадлежит социальной защите (447 голосов за петицию).

Целесообразно также было определить является ли фактор направления значимым для распределения голосов. Для ответа на этот вопрос был использован метод однофакторного дисперсионного анализа. В начале необходимо было выдвинуть две противоположные гипотезы. Первая – направление не влияет на распределение голосов (H0). Вторая – направление влияет на распределение голосов (H1). Затем была установлена внутригрупповая и межгрупп-

повая дисперсия. В первом случае она равна 945 187 874,72, а во втором – 2 794 922,86. На основе этого была определена F-критическая (1,61) и наблюдаемое значение F (0,47). Видно, что F меньше, чем F-критическая, а это означает, что фактор направления статистически не значим при распределении голосов (его значимость составляет 0,29 %).

Выводы

В современных реалиях Российской Федерации граждане отличаются пассивностью при отстаивании своих интересов через online-петиции на портале Российской общественной инициативы. Об этом свидетельствует общее количество голосов, суммарно поданных за все действующие петиции на портале.

На 1 марта 2023 года на портале Российской общественной инициативы действовало 2.914 online-петиций, из которых большинство расположено на федеральном уровне.

Наиболее актуальными направлениями обращений граждан через портал РОИ являются безопасность, социальная защита, экономика и финансы (где суммарно собрано большее количество петиций). Данный факт свидетельствует о том, что граждане России обеспокоены собственной защитой в плане как нематериальных, так и материальных ценностей.

Среднее количество голосов, поданных за петиции в каждом из вышеупомянутых направлений, не коррелирует с количеством отдельных петиций в каждом из них. Так, несмотря на лидерство сферы безопасности, большее количество голосов граждане отдали обращениям в сфере социальной защиты. Это позволяет сделать вывод о том, что количество инициатив в определенном направлении не влияет на распределение голосов граждан в нём. Наблюдается востребованность граждан России в обеспечении социальной защиты со стороны государства, защите прав личности, семьи и социальных групп, увеличении социальных выплат и предоставлении новых социальных гарантий и льгот, изменении принятых нормативно-правовых актов и т. д.

Отдельно следует отметить, что низкая активность граждан на портале РОИ может быть связана как с низкой активностью авторов инициатив по их популяризации среди населения, в результате

чего, они не информированы о них и не предпринимают действия по их поддержке. Другой причиной может быть низкий уровень доверия РОИ как площадке коммуникации граждан и власти.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 04.03.2013 №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (с изменениями и дополнениями от 23.06.2014, 17.09.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.03.2013. № 10. ст. 2136.

2. Богомолова Т. Ю. Онлайн-петиции как способ коммуникации населения и власти в цифровую эпоху // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: Материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 13–15 мая 2021 года. – Минск: Белорусский государственный университет. 2021. С. 11-17.

3. Куракина О. Б. Петиция в российской федерации: юридический анализ, особенности правового регулирования // Символ науки: международный научный журнал. 2020. № 9. С. 72–74.

4. Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения 27.02.2023).

5. Савоськин А. А. К вопросу о содержании термина петиция в российском праве // Право и политика. № 1. 2017. С. 72–81.

6. Широков И. С. Онлайн-петиции и электронные обращения как форма электронной демократии в России: проблемы и перспективы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 39. С. 46–55.

Online Petitions as an Indicator of Public Sentiment (on the Example of the Portal of the Russian Public Initiative)

A. V. Sokolov, V. Y. Tsvetkova, D. A. Prusov

FGBOU VO P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia

alex8119@mail.ru, prusov2013@yandex.ru, vixtsv1628@yandex.ru

Abstract. The development and spread of the Internet has become a driver of transformation of social processes. Thanks to the possibilities of the Internet, new forms of civil activity have begun to appear, one of these forms is online petitions. The article presents the results of a study of online petitions posted on the portal of the Russian Public Initiative, which are considered as indicators of public sentiment. In the course of the conducted research, it was possible to establish the quantitative distribution of petitions and votes in the main directions. Also, within the framework of the study, the absence of dependence of the most relevant direction on the average number of votes cast for petitions in it was determined. In addition, the authors identified public sentiment in the Russian Federation in the current agenda.

Keywords: Internet space, online petitions, public sentiment, portal of the Russian Public Initiative.

Мониторинг каналов электронного участия: результаты исследования 2022–2023 гг.

О. И. Волкова, А. В. Чугунов

Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

o.volkova@itmo.ru, chugunov@itmo.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются результаты комплексного мониторинга, проведенного Центром технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО в 2023 году и посвященного изучению каналов электронного участия, обеспечивающих осуществление взаимодействия между органами государственной власти и гражданами. Исследование представляет собой логическое продолжение исследований 2020–2022 гг. Результаты исследования показали, что несмотря на тренд централизации, количество каналов электронного участия в регионах и муниципалитетах Российской Федерации не сократилось (зафиксировано увеличение с 194 в 2022 г. до 203 в 2023 г.). Практически во всех субъектах на каждом из уровней существует канал типа «Открытый бюджет», на втором месте по распространенности находятся каналы «Инициативного бюджетирования», обеспечивающие основной прирост количества порталов на начало 2023 года. Единственным типом канала, который демонстрирует негативную тенденцию, стал «Краудсорсинг».

Ключевые слова: электронное участие, электронное правительство, обратная связь граждан, электронные ресурсы, рейтинг.

Введение

Процессы цифровых трансформаций в современном российском обществе сопровождаются усилением роли государства, что распространяется и на специфику двустороннего электронного взаимодействия власти с гражданами. В теоретическом плане это описывается в рамках концепций «Электронное правительство» (E-Government), «Электронное управление» (E-Governance) и «Электронное участие» (E-Participation). При этом важно подчеркнуть, что определяющую роль в этих процессах играют

не информационные технологии, а специфика развития социально-экономической и политической системы, что приводит к институциональным изменениям в ходе постепенного развития новых цифровых экосистем.

Анализ процесса развития электронного участия в Российской Федерации, позволяет разделить его на следующие фазы [7]:

Первая: инициативная-общественная (2010–2012). Основные акторы – общественные организации и гражданские активисты, органы власти также проявляют инициативу, опираясь на одобрительные суждения первых лиц государства.

Вторая: инициативная-региональная (2012–2020). Инициаторы – региональные органы власти и органы местного самоуправления.

Третья: централизованная-федеральная (начиная с 2020 г.). Активность федерального центра с участием региональных органов власти.

Не следует рассматривать эти фазы как последовательность сменяющих друг друга процессов или этапов. Данная структуризация подчеркивает лишь преобладающую тенденцию и фокус активности. В частности, на третьей фазе сосуществуют и общественные, и региональные, и федеральные активности, однако основную активность проявляют именно федеральные органы власти и иницируемые ими проекты электронного взаимодействия с гражданами, в частности, развитие сети Центров управления регионами (ЦУР).

Как было уже обозначено, в настоящее время российский контекст развития методов и технологий электронного участия характеризует централизация. Важная роль в данном процессе принадлежит Министерству цифрового развития РФ. Одним из наиболее применяемых инструментов стала Платформа обратной связи на базе Единого портала государственных и муниципальных услуг (ПОС). По состоянию на 2022 г. к Платформе обратной связи подключены органы власти всех субъектов РФ. Успешность внедрения и использования ПОС в различных регионах измеряется на федеральном уровне [6]. Не менее важным новшеством стало создание сети Центров управления регионом (ЦУР), за развитие которой отвечает Автономная некоммерческая организация (АНО) по раз-

витию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы». Уже в 2020 году ЦУРЫ были созданы во всех субъектах России.

С одной стороны, это позволило регионам, не имеющим свои технологические разработки и информационные системы, внедрить качественные и удобные механизмы обратной связи. Однако, с другой стороны, субъекты, обладающие налаженными процессами и логистикой для получения, обработки и администрирования обращений, оказались в ситуации, при которой им необходимо либо поддерживать несколько информационных систем, что требует существенных ресурсов, либо отказываться от собственных каналов электронного участия в пользу федеральных решений.

Комплексные мониторинговые исследования каналов электронного участия в России осуществляются Центром технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО с 2017 года. Впервые пилотное исследование, посвященное изучению функционирования и специфики реализации электронных приемных и порталов сообщений о проблемах, было реализовано в 2017–2018 гг. Следующим шагом стала разработка в 2019 г. методики, обладающей возможностью учесть существующее разнообразие каналов электронного участия.

В данной статье рассматриваются результаты мониторингового исследования каналов электронного участия на региональном и муниципальном уровнях, проведенного в начале 2023 г. и представляющего логическое продолжение исследований 2020–2022 гг. [3, 4, 5]. Базовая методика и применяемый инструментарий не претерпели серьезных изменений, благодаря чему сохраняется возможность сопоставления полученных результатов в динамике за четыре года.

Теоретическая рамка исследования

Концептуализации понятия «электронное участие» посвящено большое количество научных трудов. Например, политолог К. Сабо предлагает рассматривать электронное участие как «расширение и трансформацию участия в демократическом политическом и консультативном процессах, опосредованных информационными и коммуникативными технологиями, прежде всего Интернетом» [1,

р. 400]. Таким образом, мы можем отметить, что в данном случае «электронное участие» определяется как технологически опосредованное взаимодействие между политическими акторами. В работе К. Сабо также выделяются следующие виды электронного участия: электронное голосование, онлайн политический дискурс, принятие политических решений онлайн, электронный активизм, электронные консультации, подача петиций онлайн.

В работе Ван Дейка [2] прослеживается иной подход, в частности, формы электронного участия соотносятся с этапами политического процесса, среди которых:

- артикуляция проблем и постановка задач, которым соответствуют интернет-консультации, электронные приёмные и другие виды электронного активизма;

- принятие политических решений соотносится с существованием и развитием краудсорсинговых платформ, использованием возможностей социальных сетей и механизмов электронных голосований в процессе принятия решений;

- исполнение политических решений соотносится с цифровыми сервисами подачи жалоб и обращений, а также одобрением или неодобрением принимаемых социально-политических решений;

- оценивание промежуточных/конечных результатов, для которого существуют онлайн-сервисы электронного участия со встроенной функцией гражданского контроля и другие информационные инструменты.

По нашему мнению, именно включение инструментов (форматов, каналов) электронного участия в процедуры и регламенты функционирования процессов государственного и муниципального управления может составлять основу для осуществления теоретических и эмпирических исследований результативности функционирования данного типа электронной обратной связи (как элемента политической системы, по Ван Дейку).

В данном исследовании под электронным участием понимается комплекс методов и инструментов, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и органов власти через цифровые каналы с целью учета мнения общественности при принятии политических и управленческих решений, включая реагирование на обращения по широкому кругу проблем [8, с. 454].

Цель и методы исследования

Методология исследования основана на системном подходе Д. Истона и предыдущем опыте региональных мониторинговых исследований. Согласно модели Д. Истона, политическая система состоит из нескольких базовых компонентов. Одним из них является собственно система («черный ящик»). В нашем исследовании она оценивается при помощи критерия «Открытость», который характеризует степень актуальности, понятности и открытости размещенной на онлайн-ресурсе информации с точки зрения пользователя, а также наличие или отсутствие сведений о целях/задачах и органе власти, ответственном за развитие и поддержание работы портала.

Следующим элементом политической системы по Д. Истону является «Вход» («требования» и «поддержка» со стороны граждан). В методике ему соответствует критерий «Доступность», показывающий, насколько удобно и функционально использование информационных ресурсов для различных групп пользователей, в том числе для людей с ограниченными возможностями здоровья. Дополнительно оцениваются наличие и качество реализации мобильной версии/мобильного приложения и предоставление информации о возможности нецифрового участия.

Концепт «Выход» (решения и действия власти) соотносится с критерием «Принятие решений», фиксирующим информацию о принимаемых решениях по обращению/инициативе пользователей (наличие и детализация маркеров о статусах обращений, актуальность предоставленных отчетов и регионального законодательства).

Наконец, ещё один элемент политической системы – «Обратная связь» (взаимодействие элементов «вход» и «выход») оценивается в данном мониторинговом исследовании при помощи одноименного критерия. В качестве индикаторов используются: наличие контактной информации (телефона, e-mail, актуальных ссылок на социальные сети), предоставлена ли возможность осуществления обратной связи и затруднена ли она требованиями регистрации на портале, а также есть ли опция выразить согласие/несогласие с конечным результатом по обращению/инициативе пользователя и поставить оценку решению, исходящему от органа государственной власти.

Дополнительно был сформирован пятый блок критериев – «Специфические требования к типу ресурса». В этом блоке содержатся уникальные индикаторы, фиксирующие функциональную специфику каждого типа каналов электронного участия. Они были разработаны в рамках двух этапов пилотного исследования на основе анализа нормативно-правовой базы и определении наиболее успешных кейсов реализации конкретного типа онлайн-ресурсов с высокой посещаемостью. Так, например, для каналов электронного участия типа «Электронные голосования» специфическими индикаторами стали наличие статистической информации по количеству участвовавших граждан и уже проведенных голосований, предоставление возможности не только проголосовать, но и предложить свое решение/мнение, а также наличие системы поощрений за участие.

Важно отметить, что в методике мониторинга существует исключение для каналов типа «Открытый бюджет». При оценке данных порталов не учитывались индикаторы, отображающие возможность нецифрового участия, наличие маркеров диспетчеризации, возможность выражения степени удовлетворенности и согласия/несогласия с результатом, так как указанные ресурсы не обладают соответствующим функционалом.

Таким образом, при проведении мониторинга использовалось 15 показателей, сгруппированных в 5 тематических блоков (по 3 показателя в каждом). В ходе мониторинга каждому каналу выставлялась оценка от 0 до 2 баллов (0 – отсутствие информации или признака; 1 – частичное соответствие показателю; 2 – полное соответствие). Максимальное количество баллов, которое может набрать канал, – 30 [4, с. 9], максимально возможное количество каналов – 12 (6 региональных и 6 муниципальных), максимально возможное количество баллов для региона – 344 балла.

Методика мониторингового исследования не претерпела существенных изменений по сравнению с прошлыми годами. Всего оценивается шесть типов каналов электронного участия: порталы сообщений о проблемах, электронные голосования, электронные инициативы, краусорсинг, инициативное бюджетирование и открытый бюджет.

Важно отметить, что в процессе осуществления оценки каналов электронного участия не учитывались каналы, которые не об-

новлялись более одного года. Также не оценивались федеральные онлайн-ресурсы. Основная гипотеза, выдвинутая в рамках исследования, заключалась в том, что из-за процесса унификации и обобщившегося тренда на централизацию общее количество региональных и муниципальных каналов электронного участия заметно снизится.

Основная часть

В ходе проведения мониторинга было выявлено и оценено 325 каналов электронного участия в 85 субъектах Российской Федерации, из которых 203 созданы региональными органами власти и 122 – органами местного самоуправления. Общее количество выявленных региональных каналов увеличилось с 194 (на начало 2022 г.) до 203, количество муниципальных каналов при этом не изменилось. Таким образом, можно отметить, что ожидавшегося сокращения инициативных региональных и муниципальных каналов электронного участия не произошло.

При рассмотрении полученных результатов в разрезе типа каналов были выявлены следующие изменения.

Количество каналов, реализованных на порталах, фиксирующих сообщения о проблемах, суммарно осталось прежним (40). На муниципальном уровне на момент проведения мониторинга функционирует 9 онлайн-ресурсов данного типа, что на 2 меньше в сравнении с прошлым годом. На региональном уровне реализован 31 канал (+2 канала электронного участия в сравнении с прошлым годом).

Онлайн-порталы, обеспечивающие функционирование каналов типа «Электронные инициативы» остались в рейтинге на прежнем уровне (23). Однако изменилось распределение между уровнями власти. Произошло сокращение муниципальных каналов с 11 в 2022 до 6 в этом году при увеличении региональных онлайн-ресурсов (зафиксировано 17, что на 5 каналов больше, чем в 2022). Это изменение затронуло различные регионы, поэтому нельзя делать выводы о том, что в отдельных субъектах РФ региональная власть перехватывает повестку у муниципалитетов.

Зафиксирован небольшой рост количества инициативных площадок типа «Электронные голосования». На начало 2023 г. функционирует 21 онлайн-ресурс, из которых 6 на муниципальном

уровне и 15 созданы региональными администрациями. По сравнению с 2022 годом появились 2 площадки на муниципальном уровне, количество региональных не изменилось.

Также на муниципальном уровне продолжилось увеличение количества каналов «Открытый бюджет», которых стало 78, на 2 больше, чем в 2022 году. Следует отметить, что на региональном уровне этот канал уже присутствует во всех субъектах, что является результатом целенаправленной активности Минфина России.

Количество платформ «Инициативное бюджетирование» также суммарно увеличилось в сравнении с прошлым годом. На муниципальном уровне было зафиксировано 19 (что на 3 больше чем в 2022) площадок, на региональном – 46 (увеличение на 4).

Канал электронного участия «Краудсорсинг» в начале 2023 г. по сравнению с 2022 сократился на 2 региональных ресурса и представлен всего 9 платформами. Изменения не затронули порталы, реализованные органами местной власти, и их количество составляет всего 4.

Количественный анализ показывает, что суммарно (по всем типам каналов и уровням власти) общая цифра увеличилась на 9 единиц, из которых 7 – каналы типа «Инициативное бюджетирование». Несмотря на тенденцию роста, следует отметить, что в большей степени прирост возникает не за счет каналов, задачи и функционал которых предполагает стимулирование инициативы к электронному участию со стороны граждан. В частности, такой канал, как «Краудсорсинг» и так имеющий самое незначительное присутствие в регионах и муниципалитетах в этом году еще сократился, что, с одной стороны, можно связать с зафиксированной тенденцией на централизацию процесса электронного участия со стороны федеральной власти, а, с другой стороны, это является возможным свидетельством того, что органы власти опасаются предоставлять гражданам электронную площадку для обсуждений и проработки социально-значимых идей и инициатив.

Выводы

Несмотря на тренд централизации, количество каналов электронного участия в регионах и муниципалитетах Российской Федерации не сократилось. Наоборот за прошедший год произошло уве-

личение инициативных ресурсов с 194 до 203. Практически во всех регионах на каждом из уровней существует канал типа «Открытый бюджет», на втором месте по распространенности находятся каналы «Инициативного бюджетирования», обеспечивающие основной прирост количества порталов на начало 2023 года. Единственным типом канала, который демонстрирует негативную тенденцию, стал «Краудсорсинг». Дополнительно необходимо отметить, что полученные результаты показывают увеличение качества реализации муниципальных каналов электронного участия.

На наш взгляд, это может объясняться двумя взаимовлияющими друг на друга факторами:

– желанием регионов и муниципалитетов сохранить контроль за процессом обратной связи с гражданами, в том числе опасением, что большой поток обращений со стороны населения по вопросам имеющихся местных проблем через централизованные каналы может привести к негативным последствиям для глав регионов и муниципалитетов;

– инициативами по интеграции федеральных и региональных каналов, в частности, в ходе мониторинга 2023 года были выявлены ресурсы, обеспечившие различные программно-технологические механизмы взаимодействия с Платформой обратной связи на Едином портале государственных и муниципальных услуг.

Данные коллизии рабочая группа проекта предполагает изучать в т. ч. методами экспертных интервью и фокус-групп в 2023–2024 гг.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

Список источников

1. Sæbø Ø., Rose J., Flak L. S. The shape of eParticipation: Characterizing an emerging research area // *Government Information Quarterly*. 2008. Vol. 25, № 3. P. 400–428.

2. Van Dijk J. Digital democracy: Vision and reality // *Public Administration in the Information Age: Revisited* / Eds. I. Snellen, M. Thaens, W. van de Donk. Innovation and the Public Sector Series. 2012. Vol. 19. P. 49-62. DOI: 10.3233/978-1-61499-137-3-49

3. Кабанов Ю. А., Панфилов Г. О., Чугунов А. В. Мониторинг электронного участия в регионах России: результаты исследований 2020–2021 гг. // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 5 (Труды XXIV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2021, Санкт-Петербург, 24–26 июня 2021 г. Сборник научных статей). СПб.: Университет ИТМО, 2021. С. 65–75.

4. Мониторинг ресурсов электронного участия в России 2020 / Центр технологий электронного правительства ИДУ Университета ИТМО. СПб.: Университет ИТМО, 2020. 51 с. URL: <https://news.egov.itmo.ru/research-11-10.html> (дата обращения: 04.04.2023).

5. Мониторинг ресурсов электронного участия в России 2022 / Центр технологий электронного правительства ИДУ Университета ИТМО. СПб.: Университет ИТМО, 2022. 84 с. URL: https://news.egov.itmo.ru/photo/documents/eparticipation_index_ru_2022.pdf (дата обращения: 04.04.2023).

6. Рейтинг субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи // Минцифры России. 18 октября 2022 г. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/42114/> (дата обращения: 04.04.2023).

7. Чугунов А. В. Цифровое взаимодействие граждан и власти в Российской Федерации: тренд на централизацию // Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова. Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2022. С. 10–17.

8. Чугунов А. В. Электронное участие как канал обратной связи власти и граждан: проблемы институционализации // АНИ: экономика и управление. 2016. № 4 (17). С. 453–459.

Monitoring of E-participation Channels: Research Results 2022–2023

A. V. Chugunov, O. I. Volkova
ITMO University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This article discusses the results of a comprehensive monitoring conducted by the Center for E-Government Technologies of the Institute of Design and Urban Studies of ITMO University in 2023 and devoted to the study of e-participation channels that ensure interaction between public authorities and citizens. The study is a logical continuation of the research of 2020-2022. The results of the study showed that despite the trend of centralization, the number of e-participation channels in the regions and municipalities of the Russian Federation has not decreased (an increase was recorded from 194, in 2022, to 203, in 2023). In almost all regions, there is an «Open Budget» channel at each of the levels, and «Initiative Budgeting» channels are in second place in terms of prevalence, providing the main increase in the number of portals at the beginning of 2023. The only type of channel that shows a negative trend has become «Crowdsourcing».

Keywords: e-participation, e-government, citizens' feedback, electronic resources, ranking.

Секция 3

Проблемы безопасности и устойчивого развития в цифровом обществе

ГРНТИ 11.07.25

Лидеры общественного мнения российской молодежи в онлайн-пространстве: от протестной мобилизации к формированию смысложизненных ценностей

О. В. Попова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
pov_64@mail.ru o.popova@spbu.ru*

Аннотация. Доклад отражает некоторые результаты комплексного исследования институционального и персонального политического доверия российской молодежи, проведенного в конце октября – ноябре 2022 г. В данном тексте нашла отражение информация об отношении молодежи к политическим блогерам. На основании результатов экспертного опроса и массового онлайн-анкетирования автор приходит к выводу о причинах влияния политических блогеров в качестве источника политической информации и показывает основания необъективности их политической позиции. Предпринята попытка на основании статистических методов анализа выявить связь между наличием политической идентификации молодежи с блогерами и предрасположенностью их к определенным ценностям; выявлены лейтмотивные информационные послылы, которые сопряжены с повышением доверия молодежи лидерам общественного мнения. К ним относятся выбор приоритета интересов государства или отдельных индивидов.

Ключевые слова: российская молодежь, политическая онлайн-коммуникация, общественное мнение, лидеры общественного мнения.

Введение. Цель и методы исследования

Тема ценностей в политическом сознании различных групп является активно обсуждаемой в политической социологии и эмпи-

рической политологии на протяжении нескольких десятков лет. Однако информационное общество и новые политические реалии вносят свои коррективы и требуют не просто постоянного обновления эмпирических сведений, но выявления новых аспектов связи лидеров общественного мнения и формирования устойчивых структур политического сознания. В данном докладе предпринята попытка ответить на ряд вопросов, касающихся роли и причин роста популярности и доверия политических блогеров в глазах молодежи, связи между самоидентификацией молодежи с политической позицией популярных блогеров и политическими ценностями.

В докладе нашли отражение результаты всероссийского онлайн-анкетирования молодежи (ноябрь 2022 г., 1570 респондентов, контроль по полу, образованию, возрасту, федеральному округу проживания) и экспертный опрос (октябрь-ноябрь 2022 г., 30 экспертов, политики, ученые, молодежные политические лидеры; метод нестандартизованного интервью).

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что речь идет именно о попытках обнаружения статистически подтвержденных эмпирических зависимостей, но отнюдь не о концептуализации и уж точно не о создании модернизированной теории идеологических ценностей в политическом сознании в эпоху всеобщего погружения в интернет-пространство. Тем не менее, полученная информация имеет высокую практическую ценность, поскольку она ясно указывает на «узкие» места игнорирования влияния блогеров на ценности сознания молодежи и имеет существенное практическое значение для выстраивания в современных условиях работы с молодежью онлайн различными политическими и неполитическими акторами.

Блогеры как лидеры общественного мнения молодежи

В ходе проведенного исследования эксперты отметили принципиальное изменение вызывающих доверие у молодежи каналов политической информации. «Если раньше ценности транслировались от старшего поколения к младшему, то сейчас она, молодежь, как-то сама коммуницирует между собой, либо обращается к авторитету блогеров, которые, как мы понимаем, бывают различного и политического спектра, и идейного, и в принципе различного

качества» (м., политтехнолог, создатель и ведущий популярного телеграм-канала). В проигрыше оказываются не только представители старшего поколения в семьях, но в глобальном плане и те политические игроки, которые от имени и в интересах государства транслируют определенные сведения на молодежную аудиторию. По мнению экспертов, утеряны навыки эффективной пропаганды среди молодежи, что в значительной степени снизило возможности за ее политическими убеждениями и поведением. «Не хватает реально тех возможностей, которые есть у блогеров, которые ведут как раз вот эти негативные истории. Мы не умеем вести политически открытую работу, в СМИ пропагандистскую работу, которая должна вестись в молодежной среде. Мы потеряли поколение, которое было более лояльно к действующим мерам государственной политики, которые реализуются сейчас, мы формально занимались подходами к воспитанию патриотическому» (м., молодежный общественный деятель).

Действующие политики и молодое поколение у и z говорят на абсолютно разных языках: «Молодежь зачастую вообще не понимает, о чем говорят сегодня представители власти... Необходимы сегодня лидеры мнения ... внутри страны из числа молодежи, которые на понятном для них языке говорили бы о том, о чем говорят высокопоставленные люди... переводили на сленг ... могли какие-то вещи говорить доступно для них. Потому что сегодня с лидерами общественного (с ЛОМами) среди молодежи у нас очень все плохо. Нет системных ЛОМов, которые были бы сегодня интересны молодежи, которых бы она слушала, на основании мнения которых у них формировалась бы своя позиция мнения» (м., политтехнолог, создатель и ведущий популярного телеграм-канала).

К концу осени 2022 г. 38,3 % российской молодежи не просто смотрели и слушали видео- и аудиозаписи и читали посты различных блогеров, обсуждающих общественные и политические проблемы, но и были готовы отождествить свои взгляды с точкой зрения этих людей или принять их позицию в качестве значимой для себя. Анализ показал, что чаще других в эту группу попадают обладающие высшим образованием мужчины в возрасте от 30 до 35 лет с относительно высокими или высокими доходами, трудоустроенные (возможны варианты как официальной, так и неофици-

циальной работы), достаточно часто получающие дополнительное образование, проживающие в мегаполисе или крупном промышленном центре, с высокой степенью вероятности жители Центрального или Северо-Западного федеральных округов.

Круг интересующих, согласно ответам респондентов, молодежь в 2022 г. блогеров, специализирующихся на политической информации, достаточно широк¹. Среди них есть как поддерживающие власть (С. В. Авксентьева, А. Г. Дугин, З. Прилепин, А. Е. Хинштейн, О. А. Царев, А. С. Ходаковский) и оппозиционные (Д. Г. Гудков*, В. В. Кара-Мурза*, А. Н. Навальный, Л. М. Шлосберг*) лидеры молодежного общественного мнения онлайн. Достаточно неожиданным в этом списке оказался умерший еще в конце 1990-х годов А. А. Собчак. Достаточно разнообразным оказался список в том числе и одиозных журналистов, представляющих официальные и сетевые неофициальные издания, военкоров; в нем представлены «анонимный блогер» Архивариус, А. А. Венедиктов*, А. Гаспарян, Т. В. Дзядко*, Ю. Дудь*, М. Кац*, А. Кашеварова, Е. Котрикадзе*, А. И. Коц, А. Лебедев, В. Осечкин, Е. Панасенков*, С. Пегов, Е. Поддубный, Б. Рожин, А. Сладков, К. Собчак, В. Татарский², Л. И. Филатов, А. Шарий³, А. Штефанов. Выяснилось, что для новых поколений в России привлекательны подчас и стоящие на совершенно разных идеологических позициях бизнесмены, ученые и популяризаторы науки (Д. Г. Абзалов, В. П. Аксенов, Б. Акунин, Д. Глуховский*, Д. Г. Естафьев, Н. В. Зубаревич, А. Ф. Котс, М. Крутихин, Д. В. Потапенко, Е. Ю. Спицын, Е. М. Шульман*, А. В. Щипков).

Представляется интересным, что в 2021 г. по оценке экспертов, использующих технологию Больших Данных, для российской молодежи были интересны наряду с Юрием Дудем и Алексеем Навальным развивавшие свои каналы на You Tube такие блогеры, как Михаил Светов (<https://youtube.com/c/SVTVofficial>), Майкл Наки (<https://youtube.com/c/MackNack>), Александр Плющев (<https://>

---

¹ Значок * рядом с фамилией означает, что человек внесен в реестр иностранных агентов.

² Трагически погиб в теракте весной 2023 г. в Санкт-Петербурге.

³ Проживающий на юге Европы украинский блогер.

youtube.com/user/plushev), Максим Кац (<https://youtube.com/c/maxkatz1>), Убермаргинал (<https://youtube.com/c/uebermarginal>), Егор Просвирнин (<https://youtube.com/c/CzarTalks>), Михаил Пожарский (<https://youtube.com/channel/UC8GoduxspzU7MpKYdbMyI0A>), Залина Маршенкулова (https://t.me/vlast_Zh), Ватоадмин (<https://youtube.com/channel/UCz5fo5taSl12pB-COEplkTw>), Павел Усанов (https://youtube.com/channel/UCmJzuCIYy_2fRdq3xHYxsOQ). За почти два года произошло явное смещение в сторону использования такого мессенджера, как Telegram.

Если в 2018 – начале 2021 г. блогеры во многом выполняли функцию мотиваторов и координаторов политических действий (например, «умного голосования»), то в 2022 г. блогеры все более активно, интерпретируя политические события, оказались нацеленными на формирование системы ценностей массового политического сознания своей аудитории. И, следует специально отметить, что очень многие блогеры делают осмысленную целенаправленную ставку на молодежь.

К обстоятельствам, делающим точки зрения блогеров привлекательными в глазах молодежи, следует отнести: а) «магию» жизненного, т.е. материального в первую очередь, успеха этих онлайн-персонажей, которые вроде бы и не имеют каких-либо выдающихся качеств и талантов, каких-то уникальных качеств; б) ставку блогеров на борьбу «против», призыв к которой особенно привлекателен для молодежи, если сообщается о попрании принципов справедливости или о нарушении прав человека; в) иллюзию доступности и правдивости любой политической информации в глазах молодежи в эпоху «постправды»; г) максимальное упрощение описываемой ситуации с призывом к конкретному действию, которое разом и безвозвратно может якобы исправить ситуацию. При этом молодежь совершенно не отдает себе отчет в том, что блогеры – это «псевдолидеры общественного мнения», которые «ничем кроме ведения своих социальных сетей и блогов не занимаются, при этом объективно зарабатывают огромные деньги на рекламе в этих пабликах только за счет того, что привлекают своим протестным направлением эту самую молодежь ... у многих этих ребят, которые считают себя суперкрутыми блогерами, нет даже образования соответствующего... Это просто: «Я против. Почему

я против? Потому что я против», то есть обоснования этому нет ... Мы не умеем подавать информацию, как это делают они. Они это делают кратко, с выдержками, конкретно, а мы начинаем привлекать экспертов, двухчасовые размышления о том, как должно быть, почему. Конечно, это тухло, вяло, для молодежи это просто несмоторибельно и не воспринимается, а там в одной фразе, буквально в одном посте, из двух предложений прямо одна основная идея, одна основная мысль доносится идеально, укладывается вот здесь, в голове» (м., молодежный общественный деятель). Эксперты не испытывают никаких иллюзий по поводу морально-нравственных качеств большинства популярных у молодежи блогеров. По их мнению, «блогеры чаще всего – это люди, коммерчески ориентированные и участвующие в политическом торге» (м., молодой региональный политик).

Техническое использование однотипной политической информации со стороны многих, имеющих сходные взгляды политических блогеров может создать у молодежной аудитории иллюзию ее достоверности. «С одной стороны, нарастает представление, что в Интернете никому нельзя доверять, вплоть до того, что прямо высказывались мнения о том, что блогеры проплачены и, по сути, это аналог сегодняшнего телевидения. То есть вот такая точка зрения. Мы с ней столкнулись впервые в 2021 году. С другой стороны, есть настораживающая тенденция, с которой мы столкнулись в 2020 году. Если информация из разных источников, в том числе, из интернета, телевидения и так далее будет совпадать, она является правдивой... Вот здесь заложен очень мощный механизм будущей пропаганды. Если однотипная информация будет идти по всем каналам, что мы получаем, то уровень доверия к ней достаточно высокий» (ж., доктор политических наук, исследователь российской молодежи).

Кроме того, отсутствие в речи блогеров специализированного научного аппарата при обсуждении политических проблем создаст дополнительно иллюзию не только якобы понятности ситуации, но и правильности изложения обсуждаемого кейса. «Сильная сторона популярного блогера, рассуждающего о политике, это формат «логического ликбеза», популяризатора... Кто-то на Соловьева подсаживается, кто-то на Шульман» (м., политолог, политтехнолог,

организатор молодежного движения). Важна манера подачи информации. Блогеры «харизматичны, они выдвигают какие-то идеи, причем часто популистские, которыми можно заразиться. Видя несправедливость мира, в котором ты живешь, хочется во что-то верить и искать вот этот вариант перехода во что-то другое... Здесь уже технологии дальше включаются, новая искренность, новая мораль» (м., доктор полит. наук, политолог, организатор работы с молодежью).

Лидеры общественного мнения онлайн обеспечивают для молодежи обратную связь, апеллируя к «новой искренности». «Социальные сети – это новый уровень «новой искренности»... Если ты не позволяешь давать обратную связь, значит ты не готов к какой-то критике, какой-то оценке, к диалогу» (ж., политолог, молодежный общественный деятель, активистка-волонтер)

Весьма привлекательной для части российской молодежи является точка зрения уехавших из России после начала СВО блогеров, которые, по мнению этой группы, с «территории свободы» имеют возможность высказывать точку зрения на политические проблемы свободно и непредвзято. «Сейчас все блогеры, которых смотрит молодежь, сидят за рубежом. Штаб Навального, Максим Кац, Варламов, эти ребята сидят за рубежом. Даже блогер Андрей Рудой из левого лагеря, который к выборам вообще не призывал, но идеологически давал молодежи какую-то позицию, тоже уехал и тоже теперь за рубежом... Чтобы быть для молодежи интересным политически, необходимо вещать именно с «территории свободы слова», где ты можешь сказать все, что нужно» (м., политтехнолог, молодежный политик регионального уровня).

Авторитет политических блогеров и ценности российской молодежи

Могут ли блогеры если не формировать, но хотя бы оказывать реально влияние на формирование политического сознания и, конкретно, на значимые идеологические ценности? Ответ на этот вопрос позволяют дать результаты массового опроса.

Регрессионный анализ (Таблица 1) однозначно показал, что наличие политической самоидентификации с блогерами, наряду с самооценкой наличия/отсутствия политических убеждений и готовностью

включиться в работу политических партий определяет уровень интереса к политике (коэффициент детерминации модели равен 0,421).

Таблица 1

**Модель множественного регрессионного анализа
оценки уровня интереса к политике на основе установок**

Сводка для модели ^b					
Модель	R	R-квад- рат	Скорректи- рованный R-квадрат	Стандарт- ная ошибка оценки	Дарбин-Уотсон
1	,421 ^a	,178	,176	,591	1,785

а. Предикторы: (константа), идентификация с политиками и блогерами (бинарная), готовность к участию в работе политических партий, отсутствие политических убеждений

б. Зависимая переменная: уровень интереса к политике

Коэффициенты^a

Модель		Нестандартизо- ванные коэффи- циенты		Стандарти- зованные коэффици- енты	t	Значи- мость
		B	Стан- дартная ошибка	Бета		
1	(Константа)	2,378	,024		99,644	,000
	Участие в работе политических партий – готовность	,295	,042	,168	7,058	,000
	Не имею политиче- ских убеждений	-,333	,034	-,231	-9,647	,000
	Идентификация с политиками и бло- герами (бинарная)	,305	,032	,229	9,547	,000

а. Зависимая переменная: уровень интереса к политике

Совершенно очевидно, что интерес к политической позиции блогеров и формирующаяся у молодежи система ценностей взаимосвязаны, влияют друг на друга, т. е. они находятся в функциональной

зависимости между собой. Построение регрессионных моделей подтвердило эту гипотезу (Таблица 2).

Таблица 2

Влияние характеристик политического сознания молодежи на ориентацию на политических блогеров

Введенные/удаленные переменные ^а			
Модель	Введенные переменные	Удаленные переменные	Метод
1	Справедливость, Интересы государства, Реформы в обществе, Самопожертвование ^б	.	Enter

а. Зависимая переменная: идентификация с политиками и блогерами (бинарная)

б. Все требуемые переменные введены.

Сводка для модели

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки
1	,301a	,091	,089	,464

а. Предикторы: (константа), Справедливость, Интересы государства, Реформы в обществе, Самопожертвование

ANOVA ^а						
Модель		Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость
1	Регрессия	33,727	4	8,432	39,113	,000b
	Остаток	337,590	1566	,216		
	Всего	371,316	1570			

а. Зависимая переменная: идентификация с политиками и блогерами (бинарная)

б. Предикторы: (константа), Справедливость, Интересы государства, Реформы в обществе, Самопожертвование

Как мы увидим далее, три предиктора-ценности – приоритет интересов государства, реформы в обществе и признание значимости

самопожертвования – оказываются рабочими и в другой конфигурации, когда в модель включаются только ценности, в отношении к которым молодежь со сформированной персонифицированной идентичностью с блогерами демонстрирует явную предрасположенность.

Анализ стандартизованных остатков в комбинированных таблицах самоидентификации с политической позицией блогеров и признанием значимыми для себя тех или иных смысложизненных и идеологических ценностей показал, что ориентированная на блогеров российская молодежь в большей степени, чем другие подгруппы этой социально-демографической страты, склонна признавать такие ценности, как бескорыстие, жизнь человека, инициативность, интересы государства, реформы в обществе и самопожертвование (Таблица 3).

Таблица 3

**Ориентация на ценности российской молодежи,
идентифицирующей свои политические взгляды
с позицией блогеров
(2022 г., статистически значимые стандартизованные остатки)**

Ценность	Статистически значимый стандартизованный остаток
Бескорыстие	+1,7
Жизнь человека	+1,7
Инициативность	+3,4
Интересы государства	+4,2
Реформы в обществе	+5,2
Самопожертвование	+4,9
Личный успех	-1,9
Общение	-1,7
Затрудняюсь дать ответ на вопрос о смысложизненных ценностях	-2,4

Попытка построить линейную множественную регрессионную модель (коэффициент детерминации для модели равен 0,256,

он является приемлемым, но не высоким) показала, что из выявленных значимых ценностей для слушающих блогеров представителей молодежи, наиболее значимыми являются такие, как интересы государства, самопожертвование, жизнь человека и инициативность (Таблица 4).

Таблица 4

**Значения стандартизованных коэффициентов регрессии β
в модели значимости ценностей ориентирующейся
на блогеров российской молодежи**

Коэффициенты^а

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость
		B	Стандартная ошибка	Бета		
1	(Константа)	,237	,022		10,862	,000
	Жизнь человека	,111	,025	,110	4,477	,000
	Инициативность	,139	,034	,100	4,049	,000
	Самопожертвование	,253	,043	,147	5,958	,000
	Интересы государства	,155	,029	,130	5,274	,000

а. Зависимая переменная: политическая самоидентификация с блогерами

Безусловно, речь не идет о том, что молодежная аудитория блогеров действительно свято чтит указанные ценности; на самом деле в ходе исследования были выявлены наиболее значимые вербальные маркеры, своеобразные «психологические крючки», «жонглирование» которыми повышает доверие к позиции блогеров.

Одновременно, согласно ответам, ориентированной на блогеров российской молодежи, она в меньшей степени, чем другие

подгруппы в возрасте от 14 до 35 лет, склонна к общению и ориентации на личный успех. По крайней мере, эти ценности отмечались ей значительно реже. В рамках проведенного исследования (онлайн-анкетирование) причины этого выяснить было невозможно, однако позволим высказать гипотезу, что такая ситуация может свидетельствовать о готовности подгруппы принимать иерархическую модель коммуникации «лидер – последователь» и о восприятии блогера как мотиватора и в известной степени даже в жизни «гуру», который показывает «правильный путь». Выяснилось почти гомогенное распределение ответов молодежи с разным уровнем политического доверия на вопрос о существовании для них политических лидеров общественного мнения.

Выводы

Несмотря на значительное разнообразие названных молодежью блогеров, к политической позиции которых она прислушивается, можно говорить об определенном дефиците лидеров общественного мнения в онлайн-пространстве, самом популярном источнике политической информации. В социальных сетях не менее четверти российской молодежи обращает внимание не только на информацию от умеренно нелояльных, но и радикально критически настроенных блогеров. Для молодежи «психологическими крючками» выступает целый ряд ценностей. Но если в целом молодежь наиболее трепетно реагирует на слова о справедливости, правах человека и свободе, то статистический анализ показал целесообразность использования в политической коммуникации онлайн тем интересов государства / значимости жизни человека, самопожертвования, необходимости реформ и инициативности, поскольку молодежь, наиболее легко идентифицирующая себя с политическими блогерами и их политическими убеждениями, склонна признавать значимость именно этих ценностей.

В то же время заявлять об отсутствии патриотически настроенных значительных групп молодежи только потому, что при ответе на полузакрытый вопрос в массовом онлайн-анкетировании доля негативно настроенных к современной российской власти блогеров оказалась больше, чем доля блогеров-государственников, методически неправильно. При обсуждении этого вопроса необходимо

использовать принцип триангуляции: наряду с данными массовых опросов молодежи и экспертных интервью следует обратиться к возможностям критического дискурс-анализа комментариев под постами наиболее влиятельных политических блогеров, имеющих максимальное число подписчиков.

Конечно, и текстовый анализ ценностей молодежи, составляющей преданную аудиторию онлайн-лидера общественного мнения, не дает стопроцентно точного ответа о ее приоритетных ценностях, точно так же как кажущийся в настоящее время предельно объективным показатель количества подписчиков и комментариев на самом деле может существенным образом искажаться за счет как проводимой администраторами каналов политики «забанивания» неугодных подписчиков-критиков, так и благодаря непрекращающейся активной работе «фабрик троллей» и ведению информационной войны на надгосударственном уровне.

Leaders of Public Opinion for Russian youth Online: From Protest Mobilization to the Formation of Values

O. V. Popova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The report shows the results of a comprehensive study of the institutional and personal political trust of Russian youth (end of October - November 2022). This text reflects information about the attitude of young people towards political bloggers. The study included an expert survey and a massive online survey. The author analyzes the reasons for the influence of political bloggers as a source of political information and shows the reasons for the bias of their political position. With the help of statistical methods of analysis, the relationship between the presence of political identification of young people with bloggers and a predisposition to certain values has been confirmed. Identified leitmotif themes-markers that contribute to increasing the confidence of young people in online public opinion leaders. They include questions of the priority of the interests of the state or individuals, the need for reforms in the state, self-sacrifice and selflessness.

Keywords: Russian youth, online political communication, public opinion, opinion leaders.

Информационные и киберсредства как компоненты неконвенциональной войны

О. А. Алексеев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
o.a.alekseev@spbu.ru*

Аннотация. В докладе представлена авторская интерпретация текущих событий международной политики как растянутого по времени процесса перехода к глобальному военному конфликту с характерными для неконвенциональных войн средствами и методами противоборства, ограниченными представлениями о «порогах допустимого ущерба». Ситуация расхождения фокусов восприятия угроз и оценки рисков запускает стратегическую игру, в которой взаимодействие сторон выстраивается как своего рода процесс коммуникации с целью оказания влияния и навязывания алгоритма развертывания событий. На основе информационной и «торговой» моделей войны и киберконфликта демонстрируется, как их применение способно изменить представление о вероятности победы и может быть обменено на односторонние уступки противника. Понимание этих механизмов дает возможность противостоять навязываемой логике и разорвать алгоритм включенности в игру по чужим правилам.

Ключевые слова: неконвенциональная война, конфликт низкой интенсивности, модель войны как торга, кибернетизированный конфликт, теория киберконфликта, геймификация.

Введение

Демонстрация Россией независимой внешней политики воспринимается как подрыв авторитета США в качестве «мирового лидера», что запустило конфликтный процесс многими названный «странной войной» или «необъявленной войной». Термином «странная война» назвал в свое время события 1939–40 гг. посол СССР в Лондоне Иван Майский [1], когда объявившие Германии войну Британия и Франция практически ее не вели. Сегодня имеем обратную ситуацию, когда агрессивные действия против России

налицо, но войной это не признается. С точки зрения международного права любое государство, объявившее войну другому государству в одностороннем порядке (не в результате ответа на агрессию) является агрессором, и ООН должно задействовать в отношении его санкционный механизм. В условиях современных конфликтов объявление войны невыгодно исходя из имиджевых и политических соображений, так и по экономическим причинам. Ряд германских официальных лиц допустили оговорки, что Запад ведет войну с Россией, но поспешили поправиться. Если по международным правовым основаниям, это еще не война, то фактически конфликт Запад – Россия идет давно. Когда он начался? По этому поводу может быть множество аргументированных позиций. С нашей точки зрения по формально-логическим основаниям конфликт начался 26 января 2022 г. Согласно классической формуле начало конфликта определяется тремя взаимосвязанными моментами: 1) первый субъект сознательно и активно действует вопреки интересам другого субъекта или препятствует достижению его целей; 2) второй субъект осознает, что указанные действия направлены против его интересов; 3) в связи с этим он в свою очередь предпринимает ответные действия, направленные против первого субъекта. С этого момента можно считать, что конфликт начался. События декабря 2021 – января 2022 гг. полностью укладываются в эту формулу. Россия, осознавая критический уровень продвижения военной инфраструктуры НАТО к своим границам, выступила с требованиями остановить продвижение и дать письменные гарантии безопасности. США (НАТО) отвергли требования – конфликт начался. Таким образом, имеем растянутый по времени конфликтный процесс перехода к прямому военному столкновению с НАТО, осложненный глокальным военным конфликтом, характеризующийся неопределенностью, неустойчивостью, с высоким риском перерастания в глобальный военный конфликт в любой момент. Уникальность ситуации обуславливает применение методов и средств, характерных для конфликтов так называемой «низкой интенсивности» (low intensity conflicts). Экономические санкции, информационно-психологическая пропаганда, кибер-атаки, дипломатическое давление, использование нерегулярных формирований и террористов и т. п. на фоне глокального военного конфликта, в котором участвуют ре-

гулярные армейские части – все это можно отнести к компонентам противоборств неконвенциональной войны. Все более заметная роль в качестве инструментов воздействия на «оппонентов» (противников) отводится «киберугрозам» и «киберконфликтам», которые западными аналитиками стали определяться как новые средства «проецирования власти» [13]. Анализ особенностей использования всех этих инструментов показывает сходство в алгоритмах и логике обоснования целесообразности их применения.

Теоретическая рамка исследования

Важнейшим аспектом современных войн и политических конфликтов является борьба за «представления». Как подчеркивается в одном из недавних докладов RAND, «информационная арена становится все более важным полем битвы, где восприятие успеха может быть определяющим» [10, p. xix]. И наоборот, создать у противника ложные представления об угрозах и связанных с ними рисках – значит взять под контроль его поведение. В этом плане многое может прояснить модель войны как «торга» (Bargaining model of war) Дж. Фирона (Fearon). «Торг» определяется как форма индивидуалистического взаимодействия, при котором ни один из субъектов не может получить выгоду, если другой не понесет убытков, что является противоположностью кооперативного взаимодействия, при котором все участвующие субъекты могут получить выгоды. Рационалистическая теория конфликтов и войн исходит из того, что одна из главных причин войны – это асимметрия информации и неопределенность. Напротив, полнота информации снижает вероятность войны, поскольку стороны имеют более четкие представления о возможных выигрышах и издержках. Отсюда, рациональная стратегия урегулирования конфликта заключается в том, чтобы оба соперника вели переговоры («торг»), потому что победа в войне якобы приносит меньше выгоды (из-за издержек на ведение войны), чем любой возможный результат переговоров. Это базовая (упрощенная) торговая модель войны (Baseline model) как коммуникационного процесса, снижающего асимметрию информации, в ходе которого стороны получают более полную информацию о сравнительной силе (возможностях) друг друга. Но, очевидно, модель «торга» может при-

меняться и в сторону усиления асимметрии за счет формирования ложного представления (типа рейгановских «звездных войн»). В данном случае, исходя из того, что изменением рисков можно изменять представления о вероятности победы противника, а значит его затраты на ведение войны, и, следовательно, могут быть изменены возможные результаты войны. Увеличение затрат противника эквивалентно увеличению твоей «переговорной силы» и расширению диапазона для переговоров в твою пользу. Таким образом, повышая риски, в том числе, создавая ложные риски можно вовлечь другую сторону в гонку вооружений с целью «растягивания» ресурсов противника. При этом важно, как можно точнее «калибровать» уровни повышения риска, не переходя границу неприемлемого для него ущерба, когда противник может ответить более чем непропорционально [5]. В реальности диапазон для торга отчетливо не виден, что представляет проблему с точки зрения управления поведением другой стороны. Для решения этой задачи практический интерес представляют модели «торга», разработанные для «киберконфликтологии» [2]. Так, модель неопределенности (Uncertainty model) исходит из несоответствия восприятия сторонами вероятности выигрыша, что является типичной ситуацией, способствующей продолжению конфликта. Данная модель указывает на разрыв (Gap) между восприятием вероятности победы и реальностью, вследствие чего диапазон для переговоров может отсутствовать. В этих условиях одна из сторон может инициировать информационную атаку по субъективному увеличению вероятности своей победы демонстрацией силы или угрозой применения силы. Если вследствие этого удастся изменить восприятие победы второй стороны на более пессимистичное, то диапазон переговоров фактически увеличится, причем в пользу первой стороны. Аналогично можно провести операцию по увеличению затрат противника и тем самым увеличить для него стоимость войны, что также может расширить диапазон переговоров. Однако, если эта операция увеличивает вероятность победы атакующей стороны и при этом не изменяет диапазон для переговоров, а смещает его в ее пользу, это означает, что ожидаемая ею выгода от войны увеличивается, как и склонность к войне [2, с. 53].

Политолог из Рочестерского университета Хайн Гоэманс объяснил феномен затяжных войн схожими рациональными соображениями, указывая на то, что у участников войн могут быть стимулы для преувеличения своих возможностей и решимости, как для того, чтобы улучшить свою позицию на переговорах, так и для того, чтобы повлиять на вмешательство третьих сторон в войну. Актеры также могут повышать свои ставки, когда становится ясно, что они одерживают верх или проигрывают. В своей работе «Рискованно, но рационально: Война как институционально обусловленная авантюра» Гоэманс утверждает, что для лидеров может быть рациональным «играть на повышение», демонстрируя готовность продолжать войну, если они опасаются, что их ждет наказание во внутренней политике за поражение в войне [8].

Характеризуя весь спектр старых и новых форм конфликтов, порожденных, поддерживаемых или кардинально измененных киберпространством некоторые исследователи, тесно связанные с Минобороны США, небезосновательно считают, что «все виды конфликтов теперь являются кибернетическими» [4].

Цель и методы исследования

Используя информационную и торговую модели войны и киберконфликта раскрыть логику применения компонентов не конвенциональной войны как аналогов информационных и киберсредств противоборства. В качестве методов исследования также применяется ситуационный и инвент-анализ.

Основная часть

Исходя из описанной выше модели (Uncertainty model), как представляется, открывается возможность понять логику поведения противоборствующей стороны в продолжающемся конфликте Россия-Запад и предпочтения в выборе средств. За последние десятилетия санкции, стали более предпочтительной альтернативой растущим издержкам прямых военных интервенций и захвату территорий других государств, для которой более значимой выступает «сигнальная функция» о серьезности намерений. Согласно более широкой трактовке конфликта, введенной Гарфинкелем и Скапердасом, последний фиксируется уже по наличию «состязательных

инвестиций» (adversarial investments), необходимых для «угрозы или применения средств принуждения» [7]. Таким образом, информационная модель конфликта предполагает, что в насилии нет необходимости, если угроза насилия подкреплена существенными инвестициями в средства принуждения. Как указывают Кемпфер и Ловенберг: «Санкции могут вводиться не для того, чтобы нанести максимальный экономический ущерб объекту («государству-мишени», уточ. авт.), а в выразительных или демонстративных целях» [9, р. 868]. Санкции – это, прежде всего, инструмент принуждения и побуждения к «правильному» поведению. Экономически рассчитанное принуждение – это попытка получить результат без дополнительных издержек на борьбу, если сигнал о намерениях является достаточно убедительным с точки зрения «состязательных инвестиций» в средства принуждения. Именно на этом механизме основаны экономические санкции. Не случайно, санкции сегодня применяются неотрывно от средств информационного воздействия. И в данном плане, как инструмент «проецирования силы», санкции могут входить в противоречие с экономической целесообразностью. Даже в случае «экономической войны» ожидаемый эффект от нее определяется не только экономическими расчетами, но и степенью возможного влияния на сознание и поведение людей в нужном направлении. В противном случае, исходя из высокой экономической взаимозависимости государств и того эмпирического факта, что любые экономические санкции в современном мире представляют собой «обоюдоострое оружие», многие из них не применялись бы. Сообразуясь с моделью торга, санкции можно рассматривать как способ расширения диапазона переговоров. Подразумевается, что уступки по снятию санкций в ходе переговоров могут быть «обменены» на существенные уступки страны-мишени. По сути, это способ сдвинуть диапазон переговоров в свою пользу, рассмотренный выше. Проводя параллели между кибероперациями и санкционной политикой, нельзя не заметить схожесть алгоритмов воздействия на противника, основанных на механизме принуждения и ограничении выбора. Согласно той же логике, строятся стратегии «сдерживания путем устрашения» и современные киберстратегии США [12] и стран НАТО путем постоянного создания угроз и наложения издержек.

Постепенное, «пакетами», введение санкций – это способ, с одной стороны, тестирования воздействий с точки зрения вызываемого эффекта с последующим подбором наиболее эффективных мер, с другой стороны, – способ алгоритмизации поведения страны-мишени для управления ее выбором в рамках определенного сценария. Например, такой вид кибер-атак как информирование (Knowledge Increase attack) входят в более широкую категорию информационных атак типа «уведомление о возможностях», которые также можно рассматривать как компоненты операций по «программированию», или алгоритмизации действий противника. Не случайно RAND регулярно публикует доклады стратегического характера, в которых отражены намерения и возможные сценарии действий США (НАТО). Так, в докладе RAND (декабрь 2022 г.) о стратегии эскалации США в противостоянии с Россией представлены четыре возможных сценария ответа на действия России по предотвращению поставок наступательного вооружения на Украину. В качестве одной из мер рассматривается симметричный, якобы «ответный», ограниченный ракетный удар по территории России. Но при этом, подчеркивается, не должно создаться впечатления, что это – прелюдия к полномасштабным военным действиям с США и НАТО [15]. Очевидно, что подобные сценарии можно срежиссировать, маскируя провокацию под «агрессию» и нанести как бы «вынужденный» ответный удар, выдавая его за акт «сдерживания». По сути, здесь имеем алгоритм пошагового сдвигания «красных линий». На каждом шаге воздействие обосновывается путем уведомления об условиях возможного применения, чтобы не вызвать непропорциональный ответ и то, что раньше казалось «немыслимым» становится «терпимым». Происходит постепенное «приучение» противника к малым, дискретным повышением воздействия с целью алгоритмизации его поведения.

Однако приверженность данной стратегии ведет к тому, что и сам инициатор становится заложником своего алгоритма и теряет способность адекватно реагировать на неожиданные асимметричные действия противника, не укладывающиеся в сценарий (типа мирных китайских метеозондов). Видимо поэтому в докладах Центра стратегических и международных исследований США (CSIS) стали уделять внимание исследованиям внезапности как

фактору получения конкурентного преимущества [3]. При этом признается, что эффект внезапности имеет временный характер и не может обеспечить победу сам по себе. Первоначальный успех ошеломляющего действия необходимо использовать для достижения долгосрочных стратегических результатов, в противном случае эффект от него будет бесполезно утрачен. «Сюрприз» должен быть преподнесен в нужном месте и в нужное время, только тогда он становится инструментом общей стратегии и дает существенные преимущества для торга. Кроме того, обладание возможностями для внезапности может усилить сдерживание противника. С другой стороны, наличие потенциальной внезапности усиливает общую неопределенность, а значит повышает риск столкнуться с экстремальными угрозами.

В подтверждение тому, что использование средств и вооружений разной природы в современных войнах и конфликтах тяготеет к одному и тому же алгоритму можно привести суждение основоположника концепций «мягкой силы» и «умной силы» Джозефа Ная: «Термин “кибернетическое сдерживание” может сбивать с толку, поскольку теоретики склонны сосредотачиваться на сдерживании в физическом смысле или в границах предметной области, а не на широком спектре инструментов, которые могут использоваться как активно, так и пассивно и с постепенным эффектом. Ответ на кибератаку не обязательно должен быть кибернетическим, так же как ответ на наземную атаку должен быть армейским, а не военно-морскими или военно-воздушными силами. Чтобы понять, как сдерживание и убеждение работают в киберпространстве, необходимо понять концепцию сдерживания и то, как она соотносится с убеждением» [11]. При этом концепт «ядерной угрозы» отнюдь не устарел, но является слишком «жестким» для проецирования силы в области «умных средств», достаточно быстро финализирует «торг» с противником и не дает возможности развернуть более широкий спектр «асимметричных» угроз. Если в области «жесткой силы» (Hard Power) для контроля над вооружениями в целях взаимной безопасности возможна рациональная оценка рисков и поиск баланса между «выигрышем и потерями», то в области Smart Power данная процедура невозможна и бессмысленна, поскольку ставится обратная задача – продуцирование

мнимых рисков, создание ложных целей, отвлечение противника от реальных угроз. «Жупел» кибервойны раздуваемый до масштабов сравнимых с «ядерной угрозой» – один из приемов «информационной войны», предназначенный для введения оппонентов в состояние «измененного сознания».

Безусловно, не следует недооценивать угроз, создаваемых «киберконфликтами», но еще большая опасность, как нам представляется, угрожает совсем с другой стороны, нежели реальный ущерб от кибератак – это «геймификация» политики. «Геймификация» – процесс наделяния неигровых контекстов игровыми элементами. «Сегодня кибервойна определяется как лицами, принимающими решения в области национальной безопасности, аналитиками, так и Голливудом» [14]. Исследователи указывают на всеохватывающее влияние «геймификации» на сознание людей, а через него на политическое сознание [6]. Современный политический конфликт, разворачиваясь в кибер- и информационном пространстве приобретает черты «игры», как бы разыгрываемой по определенному сценарию. Виртуальное пространство снимает моральные барьеры, снижает порог ответственности, потому что все разыгрывают свои роли без серьезных намерений, как бы понарошку. Но нужно отдавать себе отчет в том, что конфликт не возникает в киберпространстве сам по себе, исходя из некоторой искусственно созданной игровой ситуации. Он укоренен в конфликте между реальными государствами, является проекцией реального конфликта, в большей или меньшей степени искаженной восприятием и игровыми конструктами. Уверенность в том, что такой «игровой» конфликт не представляет экзистенциальной угрозы снимает правовые, моральные и даже естественные ограничения и повышает склонность «игроков» идти на риск, снижает их стимулы к переговорам. Сформированные игровые паттерны отключают правила осторожного поведения уже в реальной политике. Дальнейшая эволюция «умной силы» в этом «безумном» направлении приводит к чрезмерной виртуализации и геймификации мировой политики, размывает все основные принципы организации международной жизни. Термин «заигрались» все чаще применяется в оценках такой необдуманной политики.

Выводы

В ситуации «необъявленной войны» – с неопределенностью перехода от начала конфликта к прямому военному столкновению – понимание стратегии и тактики противника и умение правильно «прочитать» и оценить риски предпринимаемых им действий и угроз имеет критическое значение.

Запад (США) продолжает исходить из стратегического превосходства во всех «боевых средах», включая киберпространство, в экономике, технологиях, в том числе технологиях ведения неконвенциональных войн, и придерживается наступательной стратегии по удержанию доминирующей позиции, постепенно сдвигая «пороговый» уровень угроз.

Пока глобальные конфликты на периферии не затрагивают напрямую американские интересы и могут служить источником преимуществ, США готовы их подогревать, усиливая собственное влияние и идеологическую накачку союзников.

По перечню на начало 2023 года заявленных угроз можно судить о предельном повышении степени рисков, не позволяющих проводить их надежную «калибровку». При нелинейном характере нарастания интенсивности военной составляющей конфликта пороговый уровень угроз может быть быстро и непредсказуемо превышен, что приведет к потере управляемости и необратимому переходу к неуправляемой эскалации с фатальным для всех участников исходом. Вероятность начала военного конфликта России и НАТО в ближайшее время критически высока.

В отсутствии приемлемого решения стороны придерживаются стратегии продолженного конфликта в ожидании благоприятной возможности сделать противнику «безотказное» предложение. Надежды на то, что рост издержек США приведет к свертыванию «необъявленной войны», не оправдались. Россия также не намерена отступать и демонстрирует готовность перевести конфликт на онтологический уровень в случае дальнейшего сдвигания «красных линий». На онтологическом уровне радикально меняется восприятие угроз, критерии оценки рисков и ценностные основания. Стороны уже ведут конфликт на разных уровнях оценки ситуации. Серьезной проблемой становится потеря противниками общего поля восприятия конфликта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945. М.: Наука, 1971. 716 с.
2. Castro Sergio. Towards the Development of a Rationalist Cyber Conflict Theory // *The Cyber Defense Review*. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 35–62.
3. Cancian Mark F. Inflicting Surprise, Gaining Competitive Advantage in Great Power Conflicts. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2021. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep28660.3>.
4. Dombrowski Peter, Demchak Chris C. Cyber war, cybered conflict, and the maritime domain // *Naval War College Review*. 2014. Vol. 67. No. 2. P. 70–96.
5. Extending Russia: Competing from Advantageous Ground. RAND Corporation, 2019, available at: <https://doi.org/10.7249/RR3063>.
6. Frissen Valerie, Lammes Sybille, de Lange Michiel, de Mul Jos, Raessens Joost. Homo ludens 2.0: Play, media, and identity // *Playful Identities: The Ludification of Digital Media Cultures*, Amsterdam University Press, 2015. P. 9–50.
7. Garfinkel Michelle R., Skaperdas Stergios. Economic Perspectives on Peace and conflict // *The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict*. Ed. by M. R. Garfinkel and S. Skaperdas. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 3–19.
8. Goemans Hein. Risky but Rational: War as an Institutionally Induced Gamble // *The Journal of Politics*. 2009. Vol. 71. No. 1. P. 35–54.
9. Kaempfer William H., Lowenberg Anton D. The political economy of economic sanctions // *Hand Book of Defense Economics*. 2007. Vol. 2. Ch. 27. P. 868–911.
10. Modern Political Warfare: Current Practices and Possible Responses. RAND Corporation, 2018. URL: <https://doi.org/10.7249/RR1772>
11. Nye Joseph S. Jr. Deterrence and Dissuasion in Cyberspace // *International Security*. 2016/17. Vol. 41. No. 3. P. 44–71.
12. National Security Strategy, October 2022. The White House. Washington, 2022.
13. Pawlak Patryk, Tikk Eneken, Kerttunen Mika. Cyber conflict uncoded: The EU and conflict prevention in cyberspace. European Union Institute for Security Studies (EUISS). Conflict series. 2020 (Apr. 1).

14. Raitasalo Jyri. Cyber Deterrence: An Oxymoron For Years To Come // Global Security Review. 2019. Last updated Jun 7. P. 144 –146.

15. Responding to a Limited Russian Attack on NATO During the Ukraine War. RAND Corporation, 2022. URL: <https://doi.org/10.7249/PEA2081-1>.

Information and Cyber Tools as Components Unconventional Warfare

O. A. Alekseev

*PhD (Philos.), Ass. of Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University
aleksoa@yandex.ru*

Abstract. The report presents the author's interpretation of current events in international politics as a time-stretched process of transition to a global military conflict. This is accompanied by the tools and methods of confrontation applicable in unconventional warfare, which are limited by perceptions of «unacceptable damage thresholds». A situation of divergence in threat perception and risk assessment triggers the strategic game communication process to impose the algorithm of events. Based on information and «trade» models of war and cyber conflict, it is demonstrated how their application can change the perception of the probability of victory and can be exchanged for unilateral concessions of the enemy. Understanding these mechanisms allows to resist the imposed logic and the algorithm in the game by someone else's rules.

Keywords: unconventional warfare, low intensity conflict, bargaining model of war, cybered conflict, Cyber Conflict Theory, gamification

Движение хакеров в современной политике

М. В. Яковлев

МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

maxvuz@mail.ru

Аннотация. В статье аналитически рассматривается значение движения хакеров в современной политике на материалах авторского экспертного опроса участников интернет-сообщества, которые рассказали о своем восприятии процесса экспансии государств и корпораций в киберпространстве. Делается вывод о том, что экспансия государств и корпораций в Интернете породила политический протест среди хакеров, вызвала к жизни цифровое сопротивление, создавшее новые способы самоорганизации и защиты своих интересов. Все больше пользователей не желают мириться с ущемлением своих прав, интересов, свободы в цифровом мире, они стараются не оставлять цифровых следов, используют VPN, уходят в Даркнет. Новое политическое движение последние десять лет набирает все большую силу и влияние, становится серьезным соперником для государств в киберпространстве.

Ключевые слова: Интернет, политика, политическая коммуникация, политическое участие, информационно-коммуникационные технологии, хактивизм.

Введение

Устремленность государств к поддержанию суверенитета и установлению многоаспектного контроля в киберпространстве, а также стратегии корпораций, нацеленные на монополизацию информационно-коммуникационной сферы, породили мощные протестные реакции среди широких кругов интернет-пользователей, разработчиков, специалистов по аппаратным средствам, активизировали создание новых программ, платформ, сообществ в Сети. Движущей силой этого процесса стали хакеры-активисты, под лозунгом цифрового сопротивления выступающие за свободный обмен данными, конфиденциальность, защиту от преследования за инакомыслие, за служение общественным интересам, социальную ответствен-

ность, прозрачность правительственных структур и обладателей крупного капитала. Российская часть этого глобального движения заявила о себе 16 апреля 2018 г. в ответ на блокировку мессенджера Telegram, когда П. Дуров провозгласил «Digital Resistance» («Цифровое сопротивление») для защиты «цифровых свобод и прогресса по всему миру». Необходимо исследовать это явление для определения их значения и влияния на современную политику и государство.

Теоретическая рамка исследования

Основы аналитического рассмотрения значения движения хакеров заложили Дж. Аркила, Р. Гель, М. Кастельс, Д. Норфельдт, Э. Реймонд и др. Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт сформулировали концепт «ноополитика» для анализа направленных на установление и/или поддержание гегемонии стратегий в киберпространстве и всех информационных системах, включая медиа [2]. Р. Гель интерпретировал власть в Интернете как как систему наблюдения, слежения, алгоритмического регулирования и ограничения архитектуры сформулировал Р. Гель [3]. М. Кастельс представил современные конфликты в сетевом обществе как борьбу между теми, кто активизирует и мобилизует сторонников посредством мультимедиа. Автор указал на то, что трансформация систем власти и групп сопротивления базируются на «сетевой конструкции и сетевых стратегиях нападения и защиты». При этом сопротивление системам власти действует по аналогии с установлением этих систем власти в сети – при помощи введения новых команд и кодов (т. н. программы сетей) и «переключения между сетями». Самая радикальная стратегия как систем власти, так и групп сопротивления нацелена на полную замену главных принципов сети (или «ядра программного кода») [1, с. 66–68]. Э. Реймонд всесторонне исследовал культуру хакеров, которых он воспринимает как сообщество независимых программистов, способствующих техническому совершенствованию для общественного прогресса на принципах свободы, открытого исходного кода, бескорыстного обмена знаниями [4, с. 231].

Сравнительно-исторический метод позволяет установить приблизительное время рождения глобального движения хакеров-активистов (хактивисты). Уже в конце 1990-х гг. на арене мировой политики хактивисты начали привлекать единомышленников, рас-

пространять свои идеи и послания весьма специфическими способами, среди которых наиболее популярными были взлом правительственных и корпоративных веб-сайтов, DDoS-атаки, извлечение секретных документов и их публикация для разоблачения злоупотреблений, забастовки, бойкоты в Интернете и т. д. Так, участники группы Anonymous, которая в 2012 г. вошла в список наиболее влиятельных людей года по версии журнала «Time», в знак политического протеста сломали сайты ряда правительственных структур США: ФБР, Администрации Президента, Министерства юстиции; пострадали и ресурсы медиакорпораций в ответ на закрытие MegaUpload.com, были и другие акции. Другая хактивистская группа – LulzSec – взломала интернет-страницы Сената США, ЦРУ, Агентства по раскрытию тяжких преступлений и борьбе с организованной преступностью Великобритании для привлечения внимания к острым социальным проблемам, которые обходят вниманием государственная власть, а также атаковала ресурсы медиаконгломератов (AT&T, Fox, Sony), замеченных в злоупотреблениях.

Цель и методы исследования

В июне 2022 г. автором проведен экспертный опрос 38 хакеров и продвинутых пользователей, которые рассказали о своем восприятии процесса экспансии государств и корпораций в киберпространстве. Выборка составлена следующим образом: участникам форума Exploit.in (портал по хакерской тематике выбран потому, что он является одним из старейших и авторитетных ресурсов с бесплатной регистрацией). в сети TOR и подписчиков канала LIFE-HACK [ЖИЗНЬ-ВЗЛОМ]/ХАКИНГ (одно из крупнейших сообществ по информационной безопасности в Telegram, насчитывает почти 60 тыс. участников). было направлено 150 сообщений, в которых предлагалось помочь в научном исследовании и ответить на предлагаемые вопросы на условиях анонимности. Для выполнения требования однородности условиями для участия стали: возраст от 30 до 45 лет, владение одним из языков программирования, участие в деятельности какого-либо интернет-сообщества не реже одного раза в неделю (полезные комментарии и советы на форумах, работа в некоммерческих IT-проектах и т. д.), поддержка принципа бескорыстного содействия общественному и технологическому прогрессу.

Основная часть (результаты сбора данных)

Все опрошенные согласились с тем, что в киберпространстве все активнее формируется новый дисциплинарный порядок, основными чертами которого становятся постоянная и непрерывная слежка, обязательные идентификация и геопозиционирование, контроль над трафиком, расширяющиеся ограничения. Причиной трансформации эксперты назвали агрессивную попытку государств и корпораций-монополистов (Meta – Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена), Microsoft, Universal Music Group и др.) поставить Интернет под свой контроль и достичь стратегического превосходства в Сети, причем действия этих акторов проходят в координации, что ясно видно на примере законодательства об авторском праве. Участники опроса указали, что такая устремленность государств и корпораций вступает в конфликт с принципами открытости и децентрализации, на которых изначально была основана архитектура Всемирной сети и деятельность всех тех, кто ее добровольно строит и совершенствует. Характерно высказывание одного из экспертов: «Нас стараются загнать в цифровой концлагерь». Другой участник указал на то, что «обычные пользователи вряд ли осознают масштаб проблемы и значение происходящего, ведь для многих, особенно молодежи, Интернет с политической цензурой, cookies, деанонимизацией – это уже норма». Опрошенные полагают, что логичным ответом на наступление государств и корпораций на приватность и свободу в киберпространстве является активизация протестного движения – цифрового сопротивления хакеров и продвинутых пользователей, использующих Даркнет в качестве центральной базы для самоорганизации в защиту своих прав и интересов. При этом большинство сомневаются в правдоподобии аргумента об общественной безопасности, ради которой будто бы расширяется контроль государства в киберпространстве.

Выводы

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что экспансия государств и корпораций в Интернете породила политический протест среди хакеров, вызвала к жизни цифровое сопротивление, создавшее новые способы самоорганизации и защиты своих интере-

сов. Все больше пользователей не желают мириться с ущемлением своих прав, интересов, свободы в цифровом мире, они стараются не оставлять цифровых следов, используют VPN, уходят в Даркнет. Новое политическое движение в киберпространстве набирает силу и влияние.

Список источников

1. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
2. Arquilla J., Ronfeldt D. The Emergence of Noopolitik. Toward An American Information Strategy, RAND Corporation, 1999. 102 p.
3. Gehl, R.W. Power/Freedom on the Dark Web: A Digital Ethnography of the Dark Web Social Network // *New Media and Society*. 2016. 18(7), 1219–1235.
4. Raymond E. The Cathedral and the Bazaar: Musings on Linux and Open Source by Accidental Revolutionary. Sebastopol: O'Reilly, 1999. 250 p.

The Hacker Movement in Modern Politics

M. V. Yakovlev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article analytically examines the importance of the hacker movement in modern politics based on the materials of the author's expert survey of participants in the Internet community, who spoke about their perception of the process of expansion of states and corporations in cyberspace. It is concluded that the expansion of states and corporations on the Internet has generated political protest among hackers, brought to life digital resistance, which has created new ways of self-organization and protection of their interests. More and more users do not want to put up with the infringement of their rights, interests, freedom in the digital world, they try not to leave digital traces, use a VPN, go to the Darknet. The new political movement has been gaining more and more power and influence over the past ten years, becoming a serious rival for states in cyberspace.

Keywords: hacktivism, information and communication technologies, Internet, politics, political communication, political participation.

Оптимизационный анализ финансового управления предприятием и разработка системы принятия решений на основе больших данных

С. У. Гасанова, Н. К. Норец

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
Naduhai@inbox.ru*

Аннотация. Авторами статьи рассматривается исследование возможности использования массивов данных для углубленного принятия решений на предприятии, которые, возможно, могут преодолеть деловые и финансовые барьеры, повысить эффективность и качество принятия решений, оптимизировать организационную структуру и персонал, а также расширить возможности прогнозирования и раннего предупреждения возникновения рисков. Применение инструментов больших данных стало ключом к принятию финансовых решений и повышению ценности предприятия. Предлагается, что для лучшей оптимизации организационной и финансовой структуры необходимо использовать внутренние резервы предприятия, а также цифровые возможности. Определено, что интеллектуальная финансовая система сможет объединить бизнес-деятельность, сформировать в режиме реального времени более разумную финансовую систему, способную на реализацию и принятие решений, учитывая внутренние и внешние социально-экономические факторы.

Ключевые слова: финансовое управление, большие данные, принятие решений, интеллектуальные финансы.

Введение

Процессы оптимизации финансового управления достаточно изученная проблема финансовой сферы, однако, в современных экономико-цифровых условиях она требует новых подходов и методов решения. Использование больших данных для поиска оптимальных решений в сфере финансового управления – новая от-

расль развития экономической мысли. Среди ученых-экономистов, затрагивающих поиск оптимальных финансовых решений можно выделить: М. А. Бакуменко [2], А. П. Круликовского [5], Н. К. Норец [7], Д. В. Титаренко [10, 11], Ю. А. Маленкова [6] и др., однако обобщенного исследования влияния больших данных на принятие решений в финансовом управлении сделано не было. Авторами дается попытка исследования возможности применения больших данных при углубленного анализа при принятии финансовых решений в управлении.

Теоретическая рамка исследования

В данной статье разрабатываются теории, связанные с большими данными, и анализируется механизм взаимного влияния между большими данными и принятием финансовых решений в четырех измерениях, как большие данные: расширяют информационную базу прогнозирования; повышают актуальность принятия решений; способствуют динамичному принятию решений; новые конкурентные преимущества.

Цель и методы исследования

Целью исследования является выявление элементов и путей изменения влияния больших данных на принятие финансовых решений и дальнейшей переработки теоретической детализации. Выявление сущности больших данных и определение их влияния на управление финансами обусловили необходимость выделения проблем в управлении, в качестве руководства, начиная с разработки чертежей, технической архитектуры, отображения интерфейса и других этапов, что позволило раскрыть большие данные при принятии финансовых решений для повышения организационной эффективности, снижения затрат, консолидации преимуществ основной конкурентоспособности предприятия, чтобы обеспечить важную справочную ценность для практических исследований.

Основная часть (результаты сбора данных)

«Big Data» или большие данные – это структурированные или неструктурированные массивы данных большого объема, они обрабатываются при помощи специальных автоматизированных

инструментов, чтобы использовать для статистики, анализа, прогнозов и принятия решений. В сущности, применение «Big Data» подразумевает все направления работы с огромным объемом самой разрозненной информации, постоянно обновляемой и разбросанной по разным источникам. Цель предельно проста – максимальная эффективность работы, внедрение новых продуктов и рост конкурентоспособности [13].

Влияние больших данных на управление финансами является глубоким и революционным, в частности, в следующих аспектах: во-первых, большие данные затрудняют обработку финансовой информации, а границы информации очень размыты; во-вторых, большие данные изменяют широту и глубину финансового управления; в-третьих, большие данные повышают эффективность, значительно улучшает управление финансами; в-четвертых, большие данные повышают возможности финансового менеджмента по контролю рисков. То есть, использование в полной мере преимуществ больших данных может снизить вероятность системных финансовых рисков предприятий, в то время как прогнозирование будущего становится более точным [8]. Большие данные предоставляют важные информационные ресурсы и стали важным активом для предприятий, позволяющим получать бизнес-возможности, развивать рынки, снижать затраты, увеличивать доходы и внедрять инновационные бизнес-модели.

Интеллектуальная финансовая система – это система, которая объединяет искусственный интеллект и финансовое управление, и эта система может быть расширена как система развития информатизации управленческого учета. Управленческий учет – важная отрасль текущего развития бухгалтерского учета, а информатизация – техническое средство для успешной реализации концепций и методов управления бухгалтерским учетом. Руководствуясь решением проблем в управлении, углубленным анализом и сравнением эффектов, показывает, что применение больших данных в принятии финансовых решений играет важную роль в повышении организационной эффективности, снижении затрат и укреплении основной конкурентоспособности предприятий. Интеллектуальная финансовая система может соединить бизнес-деятельность и финансовую деятельность предприятия, контролировать каждую ссылку в режиме реального

времени и обеспечить более разумную и эффективную финансовую систему для принятия решений с внутренними и внешними менеджерами предприятия, отображая более интуитивные данные [6].

Процесс одобрения может быть сокращен с помощью интеллектуальных финансов для повышения эффективности управления финансовыми ресурсами. Если вы хотите улучшить финансовое управление и принятие решений с помощью финансовой информации, вы должны оперативно записывать и организовывать финансовую информацию, и только при конкретном контроле над информацией вы можете предоставить более реалистичную информацию пользователям финансовой отчетности. Кроме того, клиенты могут использовать информацию о финансовой отчетности для своевременного получения информации о развитии предприятия и играть определенную роль в поддержке принятия решений компании посредством количественного принятия решений.

Ключевой целью такого типа программного обеспечения является решение основных бизнес-процессов предприятий, которые реализуются сначала на производственных предприятиях, а затем постепенно в других отраслях. Эта модель программного обеспечения имеет свои характеристики в зависимости от различных сегментов рынка, обычно служит только нескольким конкретным отраслям, конкретным масштабам предприятий или конкретной бизнес-модели предприятий, и не может обеспечить полный охват промышленности.

Платформа для обмена данными включает доступ к данным, очистку, преобразование и загрузку, идентификацию данных в различных форматах. Очистка данных – это в основном проверка данных, фильтрация, сравнение согласованности, удаление шума, неполные данные и отклонение ошибок и так далее. Интеграция данных и преобразование относятся к отображению преобразования данных, разделению и объединению данных, поиску ассоциаций таблиц словаря, обработке стандартизации, обработке исключений ошибок и так далее. Загрузка данных относится к загрузке данных в целевое хранилище и к обеспечению точности и надежности данных. После этих четырех этапов обработки данных окончательно формируется хранилище данных, внутри которого находятся различные витрины с различными информацией [3].

В целом он основан на уровне данных и технологии уровня обработки данных, непосредственно генерируемой порталом анализа финансов и принятия решений. На этой основе также добавляются индикаторы данных для детализации слой за слоем и проникновения друг в друга с целью стимулирования человеческого интеллекта и содействия связному мышлению и суждениям в рамках аналитического портала с помощью, например, диаграмм, таблиц, текста, информационных панелей и индикаторов. Он конкретизирует и визуализирует данные руководства группы, всесторонне реализует интегрированную программу оценки и контроля производительности предприятия в процессе предсказания, контроля за средним событием и анализа последующих событий. Благодаря контрольной маркировке и раннему предупреждению, он выявляет проблемы в работе предприятия, через интеллектуальную идентификацию рисков и отчетности о них, а также обратной связи с руководством он обеспечивает комплексный интерактивный контроль и управление рисками в режиме реального времени.

Кибернетика – это открытие законов контроля и разработка правил контроля на основе изучения теории системы, для достижения конкретных целей, а также использование информации в качестве ключевого средства для обеспечения функционирования объекта управления в соответствии с ожидаемыми целями [3]. Поэтому обратная связь с информацией имеет особое значение в системах управленческой отчетности, когда информация, получаемая в результате деятельности контролируемого конца, направляется в систему управления после обработки и преобразования, а затем вывод в контролируемый конец, с тем чтобы эффективный контроль мог осуществляться снова и снова.

Система управленческой отчетности должна следовать теории контроля, разделить общую цель предприятия на каждом объекте управления и создать терминал взаимодействия и канал передачи информации для каждого субъекта управления, с тем чтобы каждый субъект управления мог передавать информацию обратно в систему управленческой информации в режиме реального времени и обеспечивать контролируемость каждого субъекта или объекта на предприятии [4].

Основной целью является анализ проблем в управлении предприятиями в текущем бизнес-процессе с различных аспектов, что помогает предприятиям принимать научные и эффективные решения в области развития, повышать рыночную конкурентоспособность предприятий. Достижение стратегических бизнес-целей предприятия является важной частью работы по управлению бюджетом. Предприятию необходимо постоянно оптимизировать организационную структуру и в полной мере использовать свои внутренние предприятия для обеспечения научного и эффективного стратегического планирования. Благодаря управлению бюджетом уточняется функциональное позиционирование каждого отдела внутри предприятия, а также устанавливается эффективный и научный механизм коммуникации между каждым отделом для создания хорошей рабочей атмосферы и лучшего достижения бизнес-целей предприятия. В сочетании с приведенным выше определением интеллектуальная финансовая система относится к совокупности субъектов и процессов, участвующих в интеллектуальной разработке информационных систем управленческого учета.

В цифровой экономике модель создания стоимости превратилась из более монолитной модели цепочки создания стоимости в три модели создания стоимости: цепочки создания стоимости, сети ценностей и магазина ценностей. Традиционная модель цепочки создания стоимости в основном описывает не только процесс производства и, следовательно, создание материальных товаров традиционными или вертикально интегрированными производственными фирмами, но и производство, и стоимость создания нематериальных товаров (например, фильмов, музыки, игр) с помощью линейных производственных процессов. Модель сети ценностей опирается на цифровые технологии, поскольку она служит средством для облегчения обмена между конечными пользователями и передачи сети автономной ценности в онлайн-систему, что повышает удобство обмена информацией между пользователями и отличается от последовательного проведения деятельности в цепочке создания стоимости в том, что деятельность в сети ценностей одновременно и сквозной.

Централизация системы планирования ресурсов предприятия делает групповые компании более эффективными и точными

при обработке внутренних сделок. Перед осуществлением проекта централизации планирования ресурсов предприятия, большинство подчиненных групп были разработаны и использованы своими же независимыми финансовыми системами. Интегрируя финансовую и бухгалтерскую информационную платформу каждого подчиненного подразделения в один или несколько наборов унифицированных систем, проект централизации планирования ресурсов предприятия может запрашивать бизнес-транзакции между головным офисом или филиалом и подчиненными подразделениями, а также бизнес-транзакции между подчиненными подразделениями в режиме реального времени, что эффективно повышает успешность управления, статистики, анализ и учет внутренних деловых и финансовых данных каждого подразделения на основе обеспечения точности и эффективности базовых данных [8].

Выводы

В эпоху больших данных управление финансами является ключевым элементом общей стратегии предприятий. Предприятия могут анализировать большой объем данных для принятия более точных решений. Финансовый персонал должен владеть более передовыми технологиями, чтобы справиться с проблемами, связанными с большими данными. Финансовые менеджменты и лица, принимающие решения на предприятиях, должны пересмотреть и переосмыслить влияние больших данных на финансовую работу и улучшить способность принимать решения, чтобы справиться с изменениями окружающей среды успешно [4]. Благодаря анализу конкретных случаев внедрения больших данных в процессе принятия финансовых решений группой, основное внимание уделяется трудностям управления, прямым эффектам и косвенным выгодам от решения проблем с помощью платформы больших данных. Хорошие экономические выгоды, достигнутые в области организации персонала, управления закупками, качества производства, составления бюджета капитальных вложений и принятия инвестиционных решений, сравниваются с предыдущими. Можно сделать вывод, что массивные данные могут существенно помочь предприятию в принятии решений, преодолеть деловые и финансовые барьеры, повысить эффективность и качество принятия решений, оптимизи-

ровать организационную структуру и персонал, а также расширить возможности прогнозирования и раннего предупреждения. Применение больших данных может стать ключевым инструментом для содействия принятию финансовых решений и повышения ценности предприятия.

Список источников

1. Апатова Н. В. Влияние облачных технологий на экономику ит-сектора / Н. В. Апатова, Д. Р. Апашанский // Тенденции развития Интернет и цифровой экономики: труды IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Симферополь–Алушта, 03–05 июня 2021 г. – С. 100–101.

2. Бакуменко М. А. О возможностях и угрозах развития цифровой экономики в финансовой сфере / М. А. Бакуменко // Исследование, систематизация кооперация, развитие, анализ социально-экономических систем в области экономики и управления (ИСКРА-2021) : сборник трудов IV Всероссийской школы-симпозиума молодых ученых, Симферополь, 14–15 октября 2021 г. – С. 272–276.

3. Гребенщикова Е. Г. Большие данные в социальных и гуманитарных науках / Е. Г. Гребенщикова. – 2019. URL: http://inion.ru/site/assets/files/4819/bolshie_dannye.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

4. Иванов П. Д., Вампилов В. Ж. Технологии Big Data и их применение на современном промышленном предприятии / П. Д. Иванов, В. Ж. Вампилов // Инженерный журнал: Наука и инновации, – 2014. URL: <http://engjournal.ru/articles/1228/1228.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).

5. Круликовский А. П. Информационные технологии Big Data в банковской сфере / А. П. Круликовский, Р. Х. Исмаилова // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: Труды Юбилейной XX Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Симферополь – Гурзуф, 11–13 ноября 2021 года. – С. 194–196.

6. Маленков Ю. А. Возможности применения цифровых технологий в стратегическом планировании и прогнозировании устойчивого развития организаций / Ю. А. Маленков, А. Э. Давыдова. – 2021. URL: <https://moluch.ru/archive/356/79653> (дата обращения: 23.03.2023).

7. Норец Н. К. Риски и безопасность цифровой трансформации финансовых услуг / Н. К. Норец // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ярославль, 15 апреля 2021 года / под ред. А. В. Соколова, А. А. Фролова. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью «Цифровая типография», 2021. – С. 206–209.

8. Себбаггала Т. М., Зайцев А. А. Перспективы использования больших данных в цифровой экономике России // Устойчивое развитие цифровой экономики, промышленности и инновационных систем / под ред. Д. Г. Родионова, А. В. Бабкина. – 2020. URL: <https://labec.spbstu.ru/userfiles/files/ecoprom-20/ecoprom-2020.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).

9. Ташбаева К. Б. Особенности финансовой политики в обеспечении финансовой безопасности компании / К. Б. Ташбаева, Н. К. Норец // Региональные аспекты экономической безопасности: сборник материалов Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 22 октября 2021 года. – С. 130–133.

10. Титаренко Д. В. Безопасность больших данных / Д. В. Титаренко, Э. И. Исмаилов // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем: VII Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция, Гурзуф, 18–20 февраля 2021 года. – С. 121–122.

11. Титаренко Д. В. Большие данные в интернет-маркетинге / Д. В. Титаренко // Проблемы информационной безопасности: Труды VI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Симферополь-Гурзуф, 13–15 февраля 2020 г. – С. 110–111.

12. Цифровая экономика: информационные технологии и модели: монография / Н. В. Апатова, О. В. Бойченко, А. В. Гайдатов [и др.]; под науч. ред. Н. В. Апатовой. – Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2018. – 306 с.

13. Что такое Big Data (BigData) в маркетинге: проблемы, алгоритмы, методы анализа // Landing Page Generator – платформа создания и оптимизации посадочных страниц. – 2015. URL: <http://lpgenerator.ru/blog/2015/11/17/chto-takoe-big-data-bolshie-dannye-v-marketinge-problemy-algoritmy-metody-analiza> (дата обращения: 23.03.2023).

The Optimization ANALYSIS of Financial Management of an Enterprise and Development of a Decision-making System Based on Big Data

S. U. Gasanova, N. K. Norets,

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian

Abstract. The authors of the article consider the study of the possibility of using data arrays for in-depth decision-making in an enterprise, which, perhaps, can overcome business and financial barriers, improve the efficiency and quality of decision-making, optimize the organizational structure and personnel, and expand the possibilities of forecasting and early warning of risks. The use of big data tools has become the key to making financial decisions and increasing the value of the enterprise. It is proposed that for better optimization of the organizational and financial structure, it is necessary to use the internal reserves of the enterprise, as well as digital capabilities. It has been determined that an intelligent financial system will be able to combine business activities, form a more reasonable financial system in real time, capable of implementing and making decisions, taking into account internal and external socio-economic factors.

Keywords: financial management, big data, decision making, smart finance.

Цифровые технологии в изучении международных переговоров и посредничества

М. М. Лебедева, Е. С. Зиновьева

МГИМО, Москва, Россия

elena.zinovieva@gmail.com, mmlebedeva@gmail.com

Аннотация. Цифровые технологии все активнее проникают в мировую политику и международные отношения, как в практическую деятельность, так и в качестве исследовательских инструментов. Международные переговоры, будучи частью международных отношений и мировой политики, не являются здесь исключением. В статье рассмотрены новые возможности, которые цифровые технологии открывают для исследования процессов ведения международных переговоров и посредничества, а также порождаемые ими проблемы, которые, в свою очередь, также становятся объектом международных переговоров. В качестве теоретико-методологической рамки исследования был использован дискурс-анализ. Авторы приходят к выводу, что среди новых исследовательских подходов в рамках теории международных переговоров, появившихся вследствие развития цифровых технологий, наиболее перспективным видится применение нейроисследований к изучению переговорного процесса и посредничества.

Ключевые слова: международные переговоры, посредничество, цифровые технологии, цифровая дипломатия, нейроисследования.

Введение

Цифровые технологии все активнее проникают в мировую политику и международные отношения, как в практическую деятельность, так и в качестве исследовательских инструментов. Международные переговоры, будучи частью международных отношений

Исследование проведено в рамках гранта на реализацию МГИМО МИД России программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

© Лебедева М. М., Зиновьева Е. С., 2023

и мировой политики, не являются здесь исключением. При этом международные переговоры и осуществление посредничества – одна из немногих областей мировой политики, которая может воспроизводиться в лабораторных условиях. Это открывает совершенно иные возможности для их изучения.

Теоретическая рамка исследования

Использование цифровых технологий в практике ведения международных переговоров подробно рассматривались в докладе М. М. Лебедевой и Е. С. Зиновьевой [3]. В данном случае цифровые технологии анализируются с точки зрения того, какие возможности они открывают в исследовательском плане для понимания процесса ведения международных переговоров и посредничества и какие проблемы порождают.

Цель и методы исследования

Исследовательский вопрос данного доклада заключается в следующем: какие именно цифровые технологии используются при изучении переговоров и посредничества, какие новые исследовательские области появляются в связи с цифровизацией переговорного процесса, а также, что цифровизация даёт для понимания переговорных процессов и какие ограничения при этом формирует? В качестве метода исследования используется дискурс-анализ.

Основная часть

В зарубежной литературе появилось немало работ по изучению международных переговоров с использованием цифровых технологий. В России такие исследования только начинаются. Например, Т. А. Гришанина, ссылаясь на исследование К. Е. Хёне, указывает, что изучается тематика международных переговоров, которая была порождена внедрением искусственного интеллекта в международную практику [2]. В частности, международные переговоры ведутся по проблемам включения биометрических данных в паспорта при пересечении границ. Здесь возникает целый ряд вопросов, требующих обсуждения и согласования. Во-первых, это проблема сопоставимости подходов к регулированию режима сбора и обеспечению безопасности биометрических данных в разных странах. Во-вторых,

этические проблемы, которые заключаются в том, что сбор биометрических данных де-факто означает презумпцию виновности тех, чьи данные собираются. Кроме того, анализируется опасность того, что эти биометрические данные могут быть доступны хакерам и использованы ими в противоправных действиях.

Вообще изучение этических вопросов, возникающих в связи с цифровизацией и позициями сторон на переговорах по этим вопросам, становятся одними из центральных. В частности, на 40-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 2019 г. было принято решение о разработке Рекомендации в области этики искусственного интеллекта. В переговорный процесс по разработке этого документа активно включилась Россия [8], документ впоследствии получил одобрение в рамках Группы двадцати. Нужно сказать, что вопросы регулирования технологий искусственного интеллекта становятся важным пунктом на международной повестке дня и в настоящее время представлен целый ряд конкурирующих документов, которые включают в себя различные подходы к регулированию данных технологий. В политическом измерении конкуренция стандартов – это вопрос технологического лидерства, в экономическом – вопрос доступа к рынкам, в том числе к перспективным рынкам развивающихся стран.

Этические проблемы возникают также при изучении переговорного процесса с помощью цифровых технологий в лабораторных условиях с использованием, например, больших данных или искусственного интеллекта. Насколько возможен перенос результатов из лаборатории на реальный международно-политический процесс? Или возникает другой вопрос: насколько с этической точки зрения правомерно использование цифровых технологий развитыми государствами при подготовке и ведения ими переговоров с развивающимися странами, которым такие цифровые данные не доступны? В результате мир при решении международных проблем столкнётся с новым типом неравенства на переговорах, на что обращают внимание ряд исследователей [1].

Практика использования онлайн переговоров, которые приобрели особое распространение в эпоху пандемии COVID-19, привела к формированию еще одной исследовательской области изучения переговоров – изучению «цифровой многосторонности», по опреде-

лению А.Б. Вадрот и Руис Родриге. Анализ такой «цифровой многосторонности», проведенной на примере переговоров в рамках Конвенции ООН по морскому праву по новому договору о защите и устойчивом использовании морского биоразнообразия за пределами национальной юрисдикции приводит авторов к заключению, что, с одной стороны, участники переговоров расширили и углубили свои знания за счет цифровых технологий, с другой – сформировали дополнительные неравенства среди участников переговоров [6]. Тем самым данная проблематика пересекается с вопросами этики исследования цифровизации переговоров.

Интересные результаты относительно использования цифровых методов в социальных науках на примере переговоров по климату, которые велись на протяжении 18 лет, представлены в исследовании Т. Вентурини и др. Авторы отмечают, что те исследователи, которые недолюбливают цифровые методы, стремятся, скорее, избегать их, чем давать обоснованную критику. Анализируя переговоры по климату, авторы обнаруживают три ключевых проблемы, связанные с использованием цифровых методов изучения. Эти проблемы, хотя и обнаружены на примере переговоров, имеют отношения к большому классу социальных исследований. Первая проблема касается того, что данные по климату представлены разными акторами обширны, но представляют не систематизированную, отрывочную картину. Поэтому важно не собрать как можно больше данных, а оценить их разнообразие. Вторая проблема заключается в том, что различают понятия «цифровые следы» (digital traces) и «цифровые данные» (digital data). В первом случае – это набор данных, загружаемых в память компьютера, во втором – это организация данных исследователем. Однако на примере переговорах по климату показано, что первичные данные (цифровые следы) не предоставлены специально для исследовательских целей: это данные маркетинга, наблюдений, обмена информацией и др. В этом смысле они являются вторичными и неконтролируемые исследователем. Наконец, третья проблема состоит в том, что ажиотаж по поводу появления технологии «больших данных» (big data) породил ожидания, что анализ будет более объективным и избавит от опасности «подгонки» результатов. Однако Т. Вентурини приходят к выводу, что это не так. Качественный результат возможен только при совмещении автоматического и «ручного» анализа [7].

Новым пунктом на международной повестке дня становятся вопросы регулирования трансграничных потоков данных, что становится объектом исследования, как на уровне отдельных ученых, так и международных организаций. В условиях, когда данные оказываются важным ресурсом экономического развития, политика в области регулирования данных, вопросы локализации данных становятся фактором цифрового суверенитета. Однако, экономическая значимость данных и сложившаяся взаимозависимость диктуют необходимость международного сотрудничества в данной области. В частности, в последнем докладе ЮНКТАД о цифровой экономике от 2021 года авторы призывают к выработке международного режима управления трансграничными потоками данных [5]. На уровне международной политики вопрос о регулировании данных привлекает все большее внимание. Так, в 2019 году Группа семи в процессе переговоров выработала план развития международного сотрудничества в области регулирования трансграничных данных. В 2020 году ЕС принял стратегию в области данных, которая подразумевает стратегическую автономию ЕС в области управления данными. С внешнеполитической инициативой в области регулирования больших данных на международном уровне в 2020 году выступил Китай, Российская Федерация заявила о ее поддержке. Соответственно, это формирует новое междисциплинарное направление исследований, которое включает в себя и вопросы цифровизации и переговорную проблематику.

Новые возможности междисциплинарного подхода открываются в рамках синтеза нейронауки (науки о мозге) и исследований международных переговоров. В последние годы нейроисследования развиваются быстрыми темпами благодаря новым технологическим возможностям. Нейроисследования на сегодняшний день почти не применяются к изучению международных переговоров, однако данная область представляется весьма перспективной в силу того, что она предполагает общение между людьми, следовательно, когнитивные и эмоциональные процессы оказывают на нее существенное влияние. В частности, исследования из области нейроэкономики, проливающие на свет на когнитивные процессы в ходе принятия сложных переговорных решений в рамках теории игр [4], могут быть использованы в ходе изучения международных переговоров.

Выводы

В результате глобальной цифровой трансформации изменяется как переговорная практика, так и подходы к исследованию международных переговоров. Появляются новые области переговоров на международном уровне – в том числе регулирование технологий искусственного интеллекта и вопросы международной регламентации трансграничных потоков данных. Кроме того, появляются новые исследовательские подходы в рамках теории международных переговоров, среди которых наиболее перспективным видится применение нейроисследований к изучению переговорного процесса и посредничества.

Список источников

1. Баканова М. Искусственный интеллект и международные отношения. // Сайт РСМД. 7 ноября 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/marina-bakanova/iskusstvennyy-intellekt-i-mezhdunarodnyey-otnosheniya/> (дата обращения: 23.03.2023).

2. Гришанина Т. А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения, 2021. 4, С. 10–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-rol-i-napravleniya-issledovaniya/viewer> (дата обращения: 23.03.2023).

3. Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Влияние цифровых технологий на международные переговоры // Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией А. В. Соколова, А. А. Фролова. Ярославль, 2022. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Цифровая типография». С. 6–9.

4. Neuroeconomics: Decision making and the brain / Ed by Glimcher, P. W., & Fehr, E. NY: Academic Press, 2013.

5. UNCTAD Digital Economy Report. For whom the data flows. 2021.

6. Vadrot A. B., Ruiz Rodríguez, S. C. Digital multilateralism in practice: Extending critical policy ethnography to digital negotiation sites. // International Studies Quarterly, 2022, 66(3). URL: <https://academic.oup.com/isq/article/66/3/sqac051/6691637?login=false> (дата обращения: 23.03.2023).

7. Venturini T., Baya Laffite N., Cointet J. P., Gray I., Zabban V., De Pryck, K. Three maps and three misunderstandings: A digital mapping of climate diplomacy. // *Big Data & Society*, 2014, 1(2). P. 1–19. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2053951714543804> (дата обращения: 23.03.2023).

8. Искусственный интеллект под контролем. Сайт Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. URL: <http://unesco.ru/news/ai-committee/> (дата обращения: 10.04. 2023).

Digital Technologies in the Study of International Negotiations and Mediation

M. M. Lebedeva, E. S. Zinovieva

MGIMO, Moscow, Russia

elena.zinovjeva@gmail.com

Abstract. Digital technologies are increasingly penetrating into world politics and international relations, both as a practice and as research tools. International negotiations, being part of international relations and world politics, are no exception here.

The article discusses the new opportunities that digital technologies open up for the study of the of international negotiations and mediation, as well as the problems they generate, which, in turn, also become the object of international negotiations.

Discourse analysis was used as a theoretical and methodological framework for the study. The authors conclude that among the new research approaches within the framework of the theory of international negotiations that the application of neuroscience to the study of the negotiation process and mediation is the most promising research area, emerged as a result of the development of digital technology.

Keywords: international negotiations, mediation, digital technologies, digital diplomacy, neuroscience.

Научное руководство как ресурс информационной безопасности современной России

Л. Б. Эрштейн

*Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
leoleo1972@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема информационной безопасности в современной России. Показано, что информационная безопасность состоит из двух взаимосвязанных компонентов, а именно предотвращение несанкционированного доступа до информации и предотвращение потери информации. Выявлена обратная взаимозависимость между компонентами. Разработана методика оценки информационной безопасности, на основе использования 10 балльной качественной шкалы для каждого компонента. Доказывается, что при отсутствии высокоразвитой науки невозможно достичь высокого уровня информационной безопасности. Выявлены факторы влияния науки на информационную безопасность, доказывается, что одним из важнейших факторов, влияющих на науку является научное руководство. Показано каким образом научное руководство влияет на информационную безопасность, сделан вывод о том, что научное руководство является одним из ресурсов, влияющих на информационную безопасность в обществе. Доказывается, что повышение уровня научного руководства может способствовать повышению уровня информационной безопасности в обществе.

Ключевые слова: Информационная безопасность, развитие общества, научное руководство, информация.

Введение

В настоящее время в России очень остро стоит вопрос информационной безопасности государственных организаций и бизнеса. Такая ситуация связана с усложнившимся международным положением страны. Одним из важнейших вопросов данному слу-

чае является вопрос о факторах и причинах информационной безопасности как таковой. Вместе с тем необходимо четко определить понятие информационной безопасности, а также разработать ее адекватную классификацию. Информационная безопасность влияет на важнейшие характеристики развития такой социальной системы как государство и фактически является одним из наиболее значимых факторов технологической и культурной независимости страны. На наш взгляд информационная безопасность в социальной системе напрямую зависит от развития в ней такого социального института, как наука. В свою очередь развитие формальной науки обусловлено прежде всего количеством и качеством защищаемых в стране диссертационных исследований, а этот показатель обусловлен прежде всего качеством научного руководства подготовкой данных исследований. В результате, научное руководство является скрытым ресурсом, определяющим информационную безопасность в обществе, доказательству этого тезиса и будет посвящена данная работа.

Цель и методы исследования

Основной целью исследования является доказательство утверждения о том, что научное руководство является ресурсом для повышения информационной безопасности в современной России и в обществе как таковом.

Исследование проведено в рамках структурно-функциональной методологии, ground теории, с привлечением методов наблюдения анализа и синтеза полученной информации.

Теоретические рамки исследования

Рассматривая теоретические рамки исследования, нельзя не отметить, что в данной области опубликовано очень большое количество работ, полный перечень которых занимает не одну страницу. Тем не менее, в нашем исследовании мы будем опираться на следующие источники.

Вопросы информационной безопасности рассмотрены в работах: [1, 3, 4, 5, 6, 7, 9] однако проблемы оценки уровня информационной безопасности и влияния научного руководства там не исследуются.

Проблемы значения науки проанализированы в работах: [2, 10, 15, 16] но взаимосвязь с информационной безопасностью в них не проявлена.

Огромное количество исследований особенно зарубежных посвящено вопросам научного руководства [8, 11, 12, 13, 14, 17], однако, общее социальное значение научного руководства и его влияние на различные элементы общества в них не рассматривается, практически все исследования посвящены вопросам внутренней практики реализации научного руководства.

Таким образом, несмотря на большое количество работ, посвященных тематике исследования, основная проблематика, рассмотренная в нашей работе, осталась за их рамками.

Основная часть

Информационная безопасность

В соответствии с пониманием информации изложенном в нашей предыдущей работе [9] мы будем определять информационную безопасность как свойство социальной системы ограничивать доступ до конкретных смыслов, которыми обладает данная система для субъектов, которые не имеют права использовать данные смыслы, с одной стороны и предотвращать утрату этих смыслов, с другой стороны.

Таким образом, как видно из данного определения информационная безопасность состоит из двух компонентов, первым из которых является доступ до информации, а вторым сохранение информации. В свою очередь необходимо понимать, что оба этих компонента могут реализовываться полностью и неполностью.

Можно предложить следующий способ оценки уровня информационной безопасности, используя качественную шкалу из 10 баллов. Где 10 баллов будет ставиться в том случае если доступ до информации имеют только те лица, для которых она предназначена и полностью отсутствует возможность обладания информацией для других лиц и исключена возможность потери информации. В этом случае информационную безопасность можно считать абсолютной, 1 балл ставится тогда, когда доступ до информации может получить кто угодно, и информация может быть утрачена в любой момент. В таблице приводится шкала оценки информационной безопасности.

Фактор	Оценка	Описание
Возможность доступа для лиц, которые не должны иметь доступ до информации	1–2	Никаких проблем с доступом для кого угодно
	3–4	Доступ затруднен, но осуществляется без особых сложностей
	5–6	Доступ существенно затруднен, но при наличии профессиональных навыков возможен
	7–8	Доступ возможен при наличии профессиональных навыков высокого уровня
	9–10	Доступ принципиально невозможен
Возможность потери информации	1–2	Информация может быть потеряна в любой момент
	3–4	Информация может быть потеряна без особых препятствий, но при некоторых сбоях может сохраняться.
	5–6	Информация может быть потеряна при обстоятельствах, выходящих за обычные режимы ее сохранения.
	7–8	Информация может быть потеряна при чрезвычайных обстоятельствах.
		Информация принципиально не может быть потеряна

Разумеется, оценки можно сформулировать более детально, однако, представляется, что представленной шкалы более чем достаточно. Сами оценки выставляются экспертами по информационной безопасности на основе практического анализа функционирования конкретных информационных систем.

В связи с этим необходимо отметить следующее: максимальный балл, который может набрать информационная система – 20. Однако весьма маловероятно, что в мире может существовать хоть одна информационная система, которую можно оценить так. Это связано прежде всего с тем, что два основных компонента информационной безопасности находятся в реальном противоречии друг

с другом. Дело в том, что основной и наиболее надежный способ предотвращения потерь информации — это резервное копирование, и чем больше резервных копий создается на различных источниках, тем меньше вероятность потери информации, однако в свою очередь это повышает возможность доступа до информации лицам, которые этого доступа не должны не иметь. В свою очередь действует и обратная зависимость, чем меньше источников в которых хранится данная информация, тем, при прочих равных, ниже вероятность несанкционированного доступа к ней, но тем больше шансы потерять данную информацию безвозвратно. Например, если секретный договор хранится только в компьютере директора, то при соответствующей защите компьютера доступ до договора получить будет весьма и весьма сложно. Но при этом вероятность потери этого договора также существенно возрастает, ибо в случае серьезного аппаратного сбоя договор может быть потерян, а восстановить его неоткуда так как его больше нигде нет.

Поэтому в реальной практике необходимо соблюдать баланс между двумя компонентами информационной безопасности, делая акцент на том или другом компоненте или обоих вместе, в зависимости от ситуации и оптимальной оценкой уровня информационной безопасности представляется не 18–20 баллов, что почти невозможно, а 16-17, что представляется намного более реальным.

Развитие науки

как условие информационной безопасности государства

В связи с вышесказанным возникает вопрос о том, от чего зависит информационная безопасность в государстве. Очевидно, что она зависит от защищенности основных информационных систем, составляющих основу государственной безопасности, а именно информационных систем военного министерства, специальных служб и целого ряда других социальных институтов в основе функционирования которых является работа с информацией, представляющей собой государственную тайну, то есть информацию доступ до которой имеют только отдельные заранее определенные лица. Не последнюю роль в информационной безопасности государства играет развитие такого социального института как наука, такая ситуация обусловлена следующими факторами.

1. Современные информационные системы развиваются с очень большой скоростью и существенно изменяются, что требует разработки и совершенствования соответствующих средств информационной защиты, то есть научных исследований проблем информационной безопасности.

2. Общие алгоритмы информационной безопасности не могут быть разработаны обычными инженерами-программистами, для этого требуются академические исследования, выполненные только в рамках развития современной академической науки.

3. Обучение новейшим алгоритмам информационной безопасности может быть осуществлено по большей части в учреждениях высшего образования и должно осуществляться только учеными, разрабатывающими эти алгоритмы.

4. Эффективная подготовка специалистов по информационной безопасности может быть реализована только учеными, для которых данный вопрос является основной темой научных исследований, что обусловлено крайне сложными алгоритмами информационной безопасности, с одной стороны, и быстро развивающимися средствами социальной инженерии, с другой стороны. Люди, готовящие специалистов по информационной безопасности, должны знать современные тенденции и того и другого.

5. Нарушение информационной безопасности государства ставит под сомнение само его существование как такового, следовательно, данные вопросы должны решаться на самом современном уровне, а этот уровень может обеспечить только такой социальный институт как наука.

Таким образом, совершенно очевидно, что эффективная реализация современной информационной безопасности государства невозможна без высокообразованного института науки.

Куда менее очевиден тот факт, что для этого необходимо развитие не только технических, но и гуманитарных наук. Это обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что одним из основных средств получения несанкционированного доступа к информации являются методы социальной инженерии, которые к развитию техники не имеют практически никакого отношения, но представляют собой совокупность методов и приемов воздействия на психику людей, предназначенных в том числе для получения информа-

ции, которую иным способом получить не представляется возможным. Кроме того, большое значение имеет развитие филологии и лингвистики, достижения которых лежат в основе защиты информации конечными пользователями. Так современные средства защиты информации при помощи паролей и логинов основаны на представлениях психолингвистики. В свою очередь методы психологического воздействия на личность и защиты от них, при использовании которых человек сам предоставляет доступ до необходимой информации, основаны на достижениях современной психологии и педагогики.

В результате можно утверждать, что развитие науки является одним из важнейших факторов обеспечения информационной безопасности государства и при отсутствии высокоразвитой науки создать эффективную систему информационной безопасности основных государственных институтов не представляется возможным.

Научное руководство

как фактор информационной безопасности государства

Как показано в наших и зарубежных исследованиях одним из важнейших факторов влияющих на защиту диссертационных исследований является качество научного руководства. Тем самым научное руководство представляет собой социальный феномен определяющий уровень и развитие институциональной науки. Оказывает оно влияние и на развитие не институциональной неформальной науки, но в этом случае речь идет о неформальном научном руководстве. Так или иначе, даже неформальные ученые имеют каких-то учителей, которые выступают в качестве неформальных научных руководителей [8].

Переоценить влияние научного руководства на формальную – институциональную науку невозможно. В условиях современной России абсолютно все кандидатские и большинство докторских диссертаций защищаются при непосредственном участии или сопровождении научных руководителей. В других странах ситуация имеет похожий характер. Основной корпус ученых во всех странах мира, включая Россию формируется исследователями, защитившими или находящимися в процессе защиты диссертационных исследований.

Таким образом, вся институциональная наука определяется уровнем и качеством научного руководства. Однако, научное руководство косвенно влияет не только на развитие науки, но и на развитие всего общества как такового, все учителя школ, преподаватели вузов и колледжей проходят через процедуру научного руководства, если не они сами, то их учителя, или учителя их учителей. Следовательно, научное руководство, де факто пронизывает все общество и оставаясь практически не замеченным, оказывает влияние на его развитие. Оказывает влияние научное руководство и на информационную безопасность в стране и во всем мире. Основные составляющие этого влияния представляют собой следующее:

1. От научного руководства непосредственно зависит разработка новых алгоритмов информационной безопасности и часто практическая реализация этих алгоритмов, особенно когда речь идет о научном руководстве исследовательскими организациями.

2. Научное руководство косвенно определяет уровень информационной культуры в обществе, представляющей собой способы решения информационных задач субъектами социального пространства. А именно от уровня информационной культуры, от уровня понимания информационных угроз и способов их устранения в значительной степени зависит информационная безопасность в стране.

3. Научное руководство де-факто оказывает существенное влияние на уровень образования в обществе. А именно от уровня образования, от уровня компьютерной подготовки, особенно от компьютерной подготовки руководителей в значительной степени зависит информационная безопасность в государстве.

4. Научное руководство напрямую определяет уровень подготовки специалистов по информационной безопасности, так как именно от научного руководства зависит компетентность тех, кто готовит данных специалистов, их знания, умения и навыки, а также способность научить решению вопросов, связанных с информационной безопасностью.

5. Научное руководство в значительной мере определяет способность людей противостоять средствам социальной инженерии, которая связана с общей культурой и образованием людей, и которая оказывает существенное влияние на информационную безопасность.

6. Научное руководство оказывает прямое влияние на развитие информационных технологий в стране, а одним из показателей уровня этого развития является информационная безопасность.

Таким образом, научное руководство оказывая прямое и косвенное влияние на науку и культуру оказывает значительное воздействие на уровень информационной безопасности в стране.

Выводы

В результате можно сделать следующие выводы:

1. Информационная безопасность представляет собой систему из двух взаимосвязанных компонентов: а именно предоставление доступа до информации только тем лицам, для которых эта информация предназначена и предотвращение утраты информации.

2. При этом компоненты информационной безопасности находятся в обратной взаимосвязи, то есть чем меньше вероятность потери информации, тем больше возможность не санкционированного доступа к ней. В свою очередь, чем меньше вероятность не санкционированного доступа, тем больше вероятность потери информации.

3. Оценку каждого компонента информационной безопасности можно осуществлять по десятибалльной шкале. При этом учитывая указанную закономерность оптимальной оценкой будет не 18–20 баллов, 16–17. Так как в этом случае будут лучше всего реализованы оба компонента.

4. Научное руководство оказывает существенное хотя и скрытое влияние на развитие всего общества и особенно на развитие такого социального института, как наука.

5. В свою очередь, от развития науки существенно зависит уровень информационной безопасности в стране и именно развитие данного института определяет то насколько эффективной будет система информационной безопасности ключевых государственных организаций.

6. Как следствие сказанного выше можно утверждать, что научное руководство является одним из основных факторов, влияющих на информационную безопасность в стране в том числе и потому, что оно в значительной степени определяет качество подготовки специалистов по информационной безопасности.

Таким образом, оптимизация научного руководства, повышения его уровня, будет способствовать улучшению информационной безопасности в России, а само научное руководство является имплицитным ресурсом, определяющим уровень информационной безопасности в самом обществе.

Список источников

1. Добродеев, А. Ю. Показатели информационной безопасности как характеристика (мера) соответствия сетей и организаций связи требованиям информационной безопасности / А. Ю. Добродеев // Труды ЦНИИС. Санкт-Петербургский филиал. – 2020. – Т. 2, № 10. – С. 50–78.

2. Кун Т. С. Структура научных революций / Томас Кун; [пер. с англ. И. З. Налетова]. – Москва: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 317 с.

3. Львович, Я. Е. Проблемы обеспечения информационной безопасности распределенных информационных систем / Я. Е. Львович, Ю. П. Преображенский // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2022. – № 4 (43). – С. 68–71.

4. Полыхань, К. О. Проблемы и особенности состояния информационной безопасности в соответствии с доктриной информационной безопасности Российской Федерации / К. О. Полыхань // Устойчивое развитие науки и образования. – 2019. – № 5. – С. 154–160.

5. Прохорова, Л. М. Информационный терроризм как угроза информационной безопасности / Л. М. Прохорова. – 2018. – № 8. – С. 198–201.

6. Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 № 646 // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 28.03.2019).

7. Цыгичко, В. Н. Информационная революция и проблемы обеспечения информационной безопасности / В. Н. Цыгичко // Мир перемен. – 2008. – № 1. – С. 159–170.

8. Эрштейн Л. Б. Коллективное научное руководство Аспирантами в процессе подготовки Диссертационных работ // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1138–1142.

9. Эрштейн Л. Б. Об определении понятия информации // Метафизика 2018. № 3. С. 21–30.

10. Aminova, N. B. The role of science in social progress / N. B. Aminova // *The Way of Science*. – 2016. – No. 12(34). – P. 85–87. – EDN XEPSBD.
11. Acheampong D. O. Perception of the difficulties of international postgraduate students writing research proposal. *International Journal of Humanities and Innovation (IJHI)*, 2021, 4(1), 17–24.
12. Bayona-Oré S. Perceptions of Postgraduate Students on the Relationship Between Thesis Development and Performance of a Supervisor. *Journal of Turkish Science Education (TUSED)*, 2021. 18(4).
13. Cekiso M., Tshotsho B., Masha R., & Saziwa T. Supervision experiences of postgraduate research students at one South African higher education institution. *South African Journal of Higher Education*, 2019. 33(3), 8-25.
14. Gumbo M. T. Online or offline supervision? Postgraduate supervisors state their position at university of South Africa. *South African Journal of Higher Education*, 2019. 33(1), 92-110.
15. Hodson D. Nature of science in the science curriculum: Origin, development, implications and shifting emphases. In *International handbook of research in history, philosophy and science teaching*. 2014. P. 911–970. Springer, Dordrecht.
16. Liebenberg L. *The origin of science*. Cape Town: CyberTracker. 2013
17. Teoh S. H., Narayanan G., Sidhu G. K., & Muthukrishnan P. Postgraduate Students' Perception on their Studies and Supervisors. *Environment-Behaviour Proceedings Journal*, 2020. 5(SI3), 193–198.

Scientific Supervising as Resource of Information Security in modern Russia

L. B. Ershteyn

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko
leoleo1972@mail.ru*

Abstract. The paper is considered a problem of information security in modern Russia. It is proved about two parts of information security system such

as prevention of illegal access the same as avoidance of it complete lost. The article is revealed the mutual connection between these two components. It has proposed the method of evaluation of information security level which has based on 10-point quality scale for each component. The study proved impossibility of high-level information security achievement without high developed intuition of science. It has revealed factors of influencing a science on a information security. The article highlights that scientific supervising is one of the major factors of development a science. It is revealed the way of influencing scientific supervising on information security. The article is stated the scientific supervising as one of resources of information security achieving. The paper is proved the arising of scientific supervising as a factor of increasing a information security level.

Keywords: information security, society development, scientific supervising, information

О проблемах цифровизации транспорта

Г. Н. Крайнов

*Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия
krainovgn@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются современные проблемы цифровизации транспорта. В Стратегии цифровой трансформации транспортной отрасли до 2030 г., утвержденной Правительством РФ в декабре 2021 г., предусмотрено внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности, обработка больших данных и информационное моделирование, использование искусственного интеллекта и др. Переход на цифровизацию транспорта резко усиливает автоматизацию, компьютеризацию и роботизацию труда, что неизбежно скажется на росте безработицы. Вызовы цифровизации заставляют транспортные профсоюзы искать современные эффективные формы, методы, средства по защите социально-трудовых прав работников.

Ключевые слова: цифровизация, транспорт, интеллектуальные транспортные системы (ИТС), цифровая экономика, профсоюзы, социальная справедливость.

Процесс цифровизации, охвативший сегодня и транспортную отрасль экономики, предусматривает внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности, обработку больших данных и информационное моделирование, использование искусственного интеллекта и др. Сегодня вместо информационных систем управления (ИС) внедряются интеллектуальные транспортные системы (ИТС). Ключевыми направлениями здесь являются:

1) цифровизация транспортной инфраструктуры и логистических цепочек, когда каждое транспортное средство и каждый этап логистических цепочек обозначается персональной идентификацией в Интернете, находится под контролем программного обеспечения, чтобы управлять транспортным потоком в режиме реального времени, снижая прямые и непрофильные издержки;

2) роботизация производственных процессов и контроля транспортных потоков, когда требуются огромные трудозатраты на комплектацию грузов и фасовку товаров;

3) широкая автоматизация управления, когда с увеличением скорости транспортных потоков нужно принимать быстрые и безошибочные решения, прогнозировать транспортную обстановку, повышать безопасность и эффективность транспортных потоков и пользователей транспорта;

4) активное внедрение систем автопилота, когда любой вид транспорта может двигаться без участия в кабине человека (беспилотный транспорт).

Если в развитых странах Запада доля цифровой экономики в ВВП составляет около 7 %, то в России около 2 % [1]. В связи с внедрением ИТС, усиливаются процессы цифровизации, автоматизации, роботизации, компьютеризации сферы труда, что создает не только новые возможности, но и серьезные проблемы в социально-трудовых отношениях (безработица, сокращение штатов, аутсорсинг, снижение зарплаты и др.). Тормозом для цифровой трансформации транспортной отрасли являются экономические, финансовые, инфраструктурные проблемы, а также несовершенство нормативной базы [4].

В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос: «Какие проблемы, в том числе социальные, возникают при цифровизации транспорта и как можно их решать?».

Вызов – ответ на цифровизацию транспорта. Сегодня перед транспортной системой России стоит ряд вызовов:

– неэффективность и высокая затратность перевозок традиционными видами транспорта;

– аварийность на транспорте из-за человеческого фактора;

– слабое использование транзитного потенциала и транспортных коридоров России для международных перевозок;

– отсутствие единого центра цифрового контроля всей транспортной системой страны и моделирования транспортных потоков с использованием искусственного интеллекта и «big data»;

– слабая скоординированность действий органов власти и транспорта по вопросам транспортной безопасности, кибербезопасности и др [2].

Но автоматизация, цифровизация транспорта привносят такие проблемы как постепенное высвобождение огромного числа водителей, рост безработицы, риски отказа программного обеспечения, потерю контроля над управляемым транспортным средством и др. Цифровизация транспорта с использованием современных технологий может привести к росту эксплуатации наемных работников. Например, различные датчики и телеметрическое оборудование будут контролировать каждый шаг, действие водителя (специалиста), заставляя работать по заданным машиной параметрам, что приведет к повышенному психологическому давлению на работника. На железнодорожном транспорте внедрение цифровых технологий управления, диагностики подвижного состава, автоматизированная продажа и учет проездных билетов привели к росту сокращения кассиров и персонала. Рост безработицы и ущемление прав наемного персонала, применение работодателями социального демпинга становятся острыми проблемами цифровизации транспорта [3].

Вместе с тем, необходимо отметить и преимущества внедрения цифровых технологий на транспорте: повышается пропускная способность дорог, снижаются простой транспортного средства, аварийность, расходы на заработную плату и др. Благодаря смартфону с выходом в Интернет-пользователь напрямую может построить взаимодействие с конкретным транспортом (например, сервис Uber).

В июне 2021 г. Министерство транспорта РФ определило шесть главных проектов цифровой трансформации транспортной отрасли в регионах: беспилотники для пассажиров и грузов (это позволит снизить стоимость перевозок на 29 %, повысит безопасность перевозок на 91 %); «зеленый цифровой коридор пассажира» (это позволит перейти к безналичным оплатам проезда по биометрии и росту мобильности пассажиров); бесшовная грузовая логистика (это позволит создать цифровую платформу транспортного комплекса страны, перейти от бумажных к цифровым документам, увеличить поставку грузов через территорию России на 29 %); цифровое управление транспортной системой РФ (это позволит мониторить весь транспортный комплекс страны в реальном времени, создать ситуационно-информационный центр с использованием искусственного интеллекта); цифровизация транспортной безопасности

(это позволит создать единую закрытую защищенную цифровую среду, предотвратит утечку информации о пассажирах); цифровые двойники объектов транспортной инфраструктуры (это позволит мониторить состояние всех объектов транспортной инфраструктуры, создать 3D-модели этих объектов).

В декабре 2021 г. премьер-министр Правительства РФ М. Мишустин утвердил Стратегию цифровой трансформации транспортной отрасли до 2030 года, где предусмотрены внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта, обработки больших данных, информационного моделирования, блокчейна и др. Эти технологии можно применять при анализе дорожного трафика, формировании цифровых моделей транспортной обстановки и оптимального построения маршрутов конкретного транспорта, создании системы сквозного обмена электронными перевозочными документами, моделирования транспортных потоков, единого центра управления транспортным комплексом и др. Применение цифровых технологий позволит создать автономные подвижные составы во всех видах транспорта.

Сегодня транспортная отрасль становится самой продвинутой в использовании искусственного интеллекта с применением сети 5 G. Например, в авиатранспорте уже применяется биометрическая идентификация пассажиров и их багажа, компьютерное зрение с помощью ИИ сканирует зоны выхода на посадку. Биометрия с ИИ активно внедряется в метро, в других видах транспорта. Геоинформационные технологии как бизнес направление активно развивают «Яндекс», АО «ГЛОНАСС» и др.

Вместе с тем, нельзя забывать о социальных, гуманитарных интересах процесса цифровизации транспорта. Достойный ответ вызовам цифровизации транспорта дают транспортные профсоюзы – Международная федерация транспортников (МФТ), Международная конфедерация профсоюзов железнодорожников и транспортных строителей стран СНГ и Балтии (МКПЖ) и др. Они ставят своей основной целью – обеспечение солидарных действий по защите трудовых прав и интересов своих членов, социальной справедливости и достойного труда наемным работникам. Российский профсоюз железнодорожников и транспортных строителей (РОСПРОФЖЕЛ), созданный в 1992 г., входит в МКПЖ, МФТ и активно участвует

в ежегодном проведении кампании «День действий за достойный труд» [5]. Например, в 2019–2022 гг. МФТ провела ряд широких международных акций против нарушения прав работников корпорацией Uber. В рамках акции Международной Организации труда (МОТ) «Будущее сферы труда» была принята Стратегия справедливого перехода к цифровой экономике на основе принципов демократического планирования цифрового развития с использованием социального диалога между работниками, профсоюзами и работодателями по поводу внедрения цифровых технологий.

Выводы

Таким образом, цифровизация транспорта неизбежный естественный процесс прогрессивного развития, который определяет уровень конкурентоспособности предприятия, организации. Но в то же время, процессы цифровизации становятся источником экономических, социальных, гуманитарных проблем, они влияют на сферу и рынок труда, рост безработицы и ущемление прав наемных работников.

Свой ответ вызовам цифровизации транспорта дают транспортные профсоюзы – Международная федерация транспортников (МФТ), Международная конфедерация профсоюзов железнодорожников и транспортных строителей стран СНГ и Балтии (МКПЖ), Российский профсоюз железнодорожников и транспортных строителей (РОСПРОФЖЕЛ) и др. Они ставят своей основной целью – обеспечение солидарных действий по защите трудовых прав и интересов своих членов, социальной справедливости и достойного труда наемным работникам и справедливого перехода к цифровой экономике.

Список источников

1. Зубков С. А., Крайнов Г. Н. Мировое профсоюзное движение в условиях глобализации: Монография / С. А. Зубков, Г. Н. Крайнов. – М.:МИИТ, 2021. 281с.
2. Крайнов Г. Н.«Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 79–89. DOI: 10.31857/S086904990014924-8
3. Крайнов Г. Н. Технология подготовки и реализации кампании по рекламе и PR. Санкт-Петербург: Лань, 2018. 372 с.

4. Крайнов Г. Н. Новые педагогические подходы в изучении Великой российской революции 1917–1921 гг. // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2. С. 199.

5. Крайнов Г. Н. К вопросу об экономическом эффекте эффективного контракта в образовании // Фундаментальные исследования. 2017. № 5. С. 163–166.

About the Problems of Digitalization of Transport

G. N. Krainov

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia
krainovgn@mail.ru

Abstract. The article analyzes the current problems of digitalization of transport. The Strategy of Digital Transformation of the Transport industry until 2030, approved by the Government of the Russian Federation in December 2021, provides for the introduction of virtual and augmented reality technologies, big data processing and information modeling, the use of artificial intelligence, etc. The transition to digitalization of transport dramatically increases automation, computerization and robotization of labor, which will inevitably affect the growth of unemployment. The challenges of digitalization force transport unions to look for modern effective forms, methods, and means to protect the social and labor rights of workers.

Keywords: digitalization, transport, intelligent transport systems (ITS), digital economy, trade unions, social justice.

Угрозы цифровизации: правовой контекст

Е. А. Исаева

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия
Elenia2000@mail.ru*

Аннотация. Развитие информационно-коммуникативных технологий способствует ежедневному вовлечению гражданина в использование различных цифровых сервисов и платформ, происходит их опривычивание, формируется ощущение безопасности предлагаемых электронных инструментов цифровых экосистем. Как правило, цифра позволяет сэкономить время, деньги, другие ресурсы, избавляет от необходимости не всегда приятной личной коммуникации с посредником. Но процесс цифровизации, кроме новых возможностей для человека, упрощающих как взаимодействие с государством, так и получение информации, товаров и услуг, несет в себе определенные риски, к которым пока не в полной мере готов ни сам гражданин, ни не успевающая адаптироваться и встать на новые рельсы правовая система. Автором делается акцент на угрозах, которые несет в себе процесс цифровизации, нормативных аспектах защищенности субъекта, использующего сервисы внутри цифровых экосистем.

Ключевые слова: цифровая экосистема, цифровизация, защита данных, цифровая платформа, цифровое общества, угрозы.

Введение

Цифровизация всех сфер жизни человека, создает новые стандарты, под которые волей-неволей должны подстраиваться даже те, кто никогда не сталкивался с компьютером, а в ежедневном быту в плане цифровых устройств пользуется максимум кнопочным телефоном и пультом от телевизора. Подача документов для зачисления в школу, покупка одежды, заказ такси – да, это действия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта № 22-28-01517 «Цифровые экосистемы в политике: проблемы создания и перспективы развития», <https://rscf.ru/project/22-28-01517>

© Исаева Е. А., 2023

можно совершить пока и в привычном формате, но, скорее всего, уже сейчас, это будет или дороже, или дольше по времени получения услуги, или, как в случае с подачей родителями документов в первый класс, те, кто воспользовался порталом государственных услуг, будут точно впереди в очереди на зачисление, что в принципе исключает целесообразность традиционных, опривыченных инструментов общения с государством, поставщиками товаров, работ и услуг. Новая планка, которую задает цифровизация, проводит четкое расслоение населения на тех, кто с легкостью осваивает новые технологии, окружая себя сервисами и гаджетами, погружается в мир цифровых экосистем, и тех, кто хочет иметь набор цифровых сервисов в своём телефоне, но не может себе такой телефон позволить или тех, для кого разобраться с приложением банка сложнее, в том числе психологически, чем пол дня отстоять в этот банк в живую очередь, чтобы проверить пришла ли пенсия.

Есть немало граждан, которые не пользуются цифровыми платформами по причине опасности потерять свои деньги, данные, оказаться человеком, на которого кто-то оформил потребительский кредит и др. Но государство, с одной стороны, а бизнес – с другой, все меньше оставляют человеку возможности выбора жить «по старинке» или адаптироваться и решиться на цифровизацию. Это видно даже по звонку на телефон банка, когда робот долго не будет допускать потребителя до живого оператора, стараясь решить вопрос по написанным скриптам.

В последние годы мы видим, что государство максимально вкладывается в создание открытых цифровых систем взаимодействия с населением, например, через портал государственных услуг. Крупные бизнес-структуры, в частности, Сбер, создают для своих пользователей цифровую экосистему, постоянно совершенствуя уровень и линейку доступных сервисов. Государственная поддержка НКО и гражданских активистов на федеральном, а теперь и на региональном уровне, трансформировалась почти повсеместно благодаря Фонду президентских грантов в открытый электронный формат. Цифровизация, способствующая максимально быстрой передаче сигнала от субъекта к субъекту, позволяющая в нужный момент вовлечь в процесс диалога практически неограниченное количество участников, привлечь внимание к актуальному для об-

суждения вопросу, в нынешних реалиях не может не использоваться как публичными субъектами, бизнесом и институтами гражданского общества [11, с. 688].

Теоретическая рамка исследования

Цифровизация пронизывает фактически все сервисы госуправления, что справедливо позволяет С. А. Комарову, С. М. Воробьеву выдвинуть гипотезу о том, что современные развитые государства находятся в переходном состоянии на пути создания и функционирования полноправного электронного государства. Свидетельством этому являются создание и обеспечение информационных систем государственного управления, таких как электронное государство, электронное правительство, цифровая экономика, электронное правосудие, электронные государственные услуги [5, с. 20]. При этом проблема доступа населения к информационным технологиям в настоящее время имеет важное социальное значение и обозначена как проблема «цифрового неравенства». Как и социальное, цифровое неравенство не только влияет на состояние обеспечения информационной безопасности, но и способно существенно дестабилизировать нормальное функционирование общественного процесса и государственного управления [8, с. 24]. С. А. Комаров, С. М. Воробьев указывают на возможное распространение дискриминации по информационному признаку: в обществе будут как лица, обладающие правами и привилегиями в силу информационных знаний, так и те, кто не будет иметь возможность ими пользоваться. Появление такого различия будет способствовать разделению общества на сильную и слабую части. При этом сильная часть общества получит доступ к управлению государством. В результате будет реализовываться концепция построения кибертехнократического общества [5, с. 25].

Многие авторы обращают внимание на важность оценки угроз и негативных последствий цифровизации общества, которые без хорошо разработанной системы правовой защиты не могут быть нивелированы [10, с. 12; 6, с. 115]. Так В. Д. Зорькин справедливо указывает, что прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации. Подобно тому, как правила дорожного движения,

рассчитанные на регулирование езды на лошадях, сменились правилами автомобильного движения, правилами авиаперевозок и космических полетов, так и сегодня зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр [4]. В. В. Чуксина отмечает, что правовое регулирование процессов цифровизации явно отстает от технологических возможностей процессов информатизации различных сфер жизни общества [13, с. 262]. Подтверждают эту же мысль С. В. Одинцов, Э. Ю. Миронов тем, что в настоящее время под влиянием цифровизации экономики и социальных отношений правовая доктрина переживает исторический процесс трансформации, нормативно-правовая регламентация находится в начале формирования, а судебной правоприменительной практике еще только предстоит складываться [7, с. 99].

Цель и методы исследования

Статья базируется на обобщении серии исследований, проведенных автором с целью анализа правовой регламентации создания и деятельности цифровых экосистем на федеральном и региональном уровне, трансформации ключевых форм взаимодействия власти и общества, а также гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий. Комплексный эмпирический материал, собранный автором, позволил выявить уязвимые места процесса цифровизации жизни человека.

Основная часть (результаты сбора данных)

Результаты проведенного исследования нормативно правовой базы в ракурсе правовой регламентации цифровых экосистем позволяют говорить, что на практике сложилась уже привычная ситуация, когда право вынуждено скорее догонять, формирующиеся феномены, нежели действовать на опережение. Пока правотворческие органы обратят внимание на появление новой группы общественных отношений, предпримут усилия по разработке, обсуждению и принятию нормативного правового акта, отношения, складывающиеся под воздействием цифровизации, снова изменятся [9, с. 5]. Л. Ю. Грудцына констатирует, что изменения структуры системы права неизбежны, поскольку цифровизация будет все глубже проникать в право

и законодательство, а также то, что юридическая наука в ближайшие годы будет отставать от этих процессов, что вызвано «перестройкой мозгов» научного сообщества и необходимостью осмысления происходящего [2, с. 7].

Полностью согласимся с мнением доктора юридических наук Л. К. Терещенко в том, что в последнее время появилось много новых терминов, связанных с цифровизацией, но их определение нередко отсутствует, право не знает терминов, используемых применительно к цифровым отношениям, а ряд действий, имеющих отчетливо противоправный характер, не могут быть соотнесены (либо сделать это однозначно представляется затруднительным) с установленными Уголовным кодексом РФ составами преступлений (например, распространены такие действия, как фрикинг – взлом телефонных сетей, сетей мобильной связи; кардинг – один из видов мошенничества, при котором осуществляются операции с использованием чужой платежной карты или ее реквизитов; фишинг – хищение номеров платежных карт, логинов и паролей и др.). Наряду с указанными терминами, означающими противоправные действия, автор называет и другие, также обозначающие противоправные действия, некоторые из них хорошо знакомы практике, например хакинг, спаминг, другие менее известны, например крэкинг, третьи не имеют пока наименования, но направлены на нарушение прав и интересов иных лиц [12, с. 99].

Цифровизация общества не может не отражаться на палитре преступлений. Причем важно, что цифровая преступность не ограничена рамками одного государства, которое может остановить ее, разработав нормы национального законодательства, цифровая преступность перешагивает границы государств.

О рисках несовершенства правового регулирования говорят не только ученые, но и представители органов власти, в частности, заместитель министра экономического развития Владислав Федулов отмечает, что в развитии экосистем, помимо очевидных плюсов, есть свои опасности – риск олигополизации рынка и угроза для безопасности данных пользователей. Есть, по его словам, и политический аспект: сейчас экосистемы фактически могут управлять общественным мнением, создавать повестку и цензурировать любое высказывание [11].

Эпоха цифровизации вносит изменения в структуру прав человека и формы их реализации и защиты. Так к традиционным группам прав человека теперь добавилась группа «цифровых прав», как прав человека, заключающихся в праве людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, к сети Интернет. Важнейшими цифровыми правами гражданина считаются сейчас право на конфиденциальность, анонимность, обезличенность его уже оцифрованной персональной информации. Серьезнейшим нарушением прав человека в условиях цифровизации является утечка персональных данных. Данное нарушение обусловлено технологией обработки данных, способствующей созданию цифровой среды, в которой как государства, так и коммерческие предприятия получают все более широкие возможности отслеживать, анализировать, прогнозировать и даже манипулировать поведением людей в беспрецедентной степени. Эти технологические разработки несут очень серьезные риски для человеческого достоинства, автономии и частной жизни, а также для осуществления прав человека в целом, если они применяются без эффективных гарантий [1, с. 15]. При этом никто не может в точности сказать, кто, какой объем данных и для чего собирает, как потом распорядится ими.

Для российского законодателя вопрос цифровой преступности важен и в аспекте функционирования онлайн-платформ и социальных сетей, на просторах которых могут совершаться не только деяния, нарушающие права конкретных граждан, но и посягающие на интересы государства. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» был принят в 2006 г., только в конце 2020 г. и в начале 2021 г. в него были внесены важные изменения: впервые в российское законодательство было введено понятие «социальная сеть», определен порядок признания интернет-ресурсов социальными сетями и создания их реестра для контроля соблюдения требований российского законодательства, а также обязанности самоконтроля владельцев социальных сетей по выявлению и блокировке запрещенной в РФ информации [13, с. 263].

Важным вопросом правовой регламентации цифрового пространства выступает также перспектива создания норм, регламентирующих отношения с участием искусственного интеллекта. По мнению М. Г. Щербакова в случае признания искусственного интеллекта субъектом права будет утеряна устоявшаяся правовая концепция, что право регулирует отношения исключительно между людьми [14, с. 75].

Выводы

Цифровизация создает все новые и новые возможности нарушения прав граждан со стороны, умело разбирающихся в вопросах IT специалистов, которые организуют утечку персональных данных, распространение сведений, не соответствующих действительности, производят хищения средств с банковских счетов граждан. Успех киберпреступников чаще всего обуславливается не низким уровнем цифровой грамотности населения, а именно недоработками мер безопасности цифровых экосистем, которым граждане доверяют свои данные, средства, результаты интеллектуального труда, невозможностью в рамках правового поля защитить человека и др. И скорее помощь разработчиков цифровых экосистем, а также реагирование государства, если не на опережение, то хотя бы с незначительным отставанием, могут влиять на снижение числа правонарушений и преступлений в цифровой среде, повышение возможности восстановить нарушенные права гражданина.

Список источников

1. Гарчева, Л. П. О некоторых рисках нарушения прав человека в условиях цифровизации / Л. П. Гарчева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 13–19. – DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-13-19.
2. Грудцына, Л. Ю. Цифровое будущее права: к вопросу об аддитивных технологиях / Л. Ю. Грудцына // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 7. – С. 5–14. – DOI 10.12737/jrl.2021.082.
3. «В правительстве готовят общие принципы регулирования экосистем»// Ведомости. 29 сентября 2021 года. С. 11. URL: <https://>

www.vedomosti.ru/economics/characters/2021/09/28/888797-obschieprintsipi-ekosistem (дата обращения: 23.03.2023).

4. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского юридического форума // Российская газета – Столичный выпуск. № 115 (7578). 29.05.2018.

5. Комаров, С. А. Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ / С. А. Комаров, С. М. Воробьев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 1. – С. 17–27. – DOI 10.18384/2310-6794-2019-1-17-27.

6. Михеева Т. Н. К вопросу о правовых основах цифровизации в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9 (61). С. 114–122.

7. Одинцов С. В. Цифровизация имущественного оборота: доктринальные трактовки и законодательная практика / С. В. Одинцов, Э. Ю. Миронов // Современное право. 2020. № 11. С. 97–104.

8. Понарина Н. Н. Глобализация и информационное общество // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1. С. 19–24.

9. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д. Р. Алимова, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.

10. Самыгин П. С. Цифровые технологии и искусственный интеллект: перспективы применения в правовом регулировании общественных отношений / П. С. Самыгин // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 1(101). С. 11–17.

11. Соколов, А. В. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области / А. В. Соколов, Е. А. Исаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 4. С. 686–710.

12. Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 98–110.

13. Чуксина, В. В. «Цифровизация» демократии в нормативно-правовом измерении / В. В. Чуксина // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1(205). С. 262–264.

14. Щербаков М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы / М. Г. Щербаков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 3. С. 73–81.

Threats of Digitalization: the Legal Context

E. A. Isaeva

FGBOU VO P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia

Abstract: The development of information and communication technologies contributes to the daily involvement of citizens in the use of various digital services and platforms, their familiarization occurs, a sense of security of the proposed electronic tools of digital ecosystems is formed. As a rule, the figure allows you to save time, money, and other resources, eliminates the need for not always pleasant personal communication with an intermediary. But the process of digitalization, in addition to new opportunities for people, simplifying both interaction with the state and obtaining information, goods and services, carries certain risks, to which neither the citizen himself is fully ready, nor the legal system that does not have time to adapt and get on new rails. The author focuses on the threats posed by the process of digitalization, regulatory aspects of the security of the subject using services within digital ecosystems.

Keywords: Digital ecosystem, digitalization, data protection, digital platform, digital society, threats.

Развитие отечественных цифровых платформ в условиях «западной» цензуры на примере YouTube и Rutube

Н. В. Крайнова, П. А. Бабаджанян, Е. Д. Гребенко
*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия*
*nvkainova@mail.ru, babajanyanpapik@yandex.ru,
grebenkoegor76@gmail.com*

Аннотация. Данная статья представляет собой результаты сравнительного анализа цифровых платформ YouTube и Rutube, основанного на первичном осмотре статистики сервисов, а также данных, полученных из открытых источников. В статье раскрыто текущее состояние цифровых видеосервисов YouTube и Rutube в России, а также текущая политика цензуры «западных» платформ в отношении российских контентмейкеров. В исследовании проводилось сравнение охвата аудитории и транслируемого контента, описаны преимущества и недостатки российской видео-платформы по отношению к западному аналогу. На основе сравнения сделаны основные выводы по дальнейшему развитию отечественного видеохостинга.

Ключевые слова: YouTube, Rutube, видеохостинг, цифровая платформа, видео-платформа, цензура.

Введение

В настоящее время развитие цифровых видео-платформ происходит за счет инновационного роста и трансформации процессов в результате появления новых технологий. Цифровая транс-

---

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта № 22-28-01517 «Цифровые экосистемы в политике: проблемы создания и перспективы развития», <https://rscf.ru/project/22-28-01517>.

© Крайнова Н. В., Бабаджанян П. А., Гребенко Е. Д., 2023

формация – это широкомасштабный процесс, охватывающий все секторы социальной жизни и оказывающий значительное влияние на образ жизни людей. Особенно важными в настоящее время являются крупные платформы-видеохостинги, которые предоставляют пользователям услуги хранения, доставки и показа видео различного смыслового содержания. На данных цифровых платформах пользователи могут создавать контент по совершенно разным тематикам: политика, спорт, туризм, экономика и многое другое [3, с. 27]. Несомненно, данные видео хостинги потенциально могут быть использованы как средства манипуляции, дезинформации. Формат видео – один из важнейших маркетинговых и популистских инструментов. Исследования показывают, что видео являются предпочтительной формой медиа для многих потребителей [1, с. 16]. Рынок видеоконтента – один из самых быстрорастущих секторов онлайн платформ. Чаще всего, он прогрессирует благодаря социальным сетям, которые позволяют быстро делиться информацией со знакомыми и друзьями. Популярность подобных ресурсов вынудила крупнейших поставщиков информационных повесток, таких как государство, официальные и неофициальные СМИ расширить свои каналы до мультимедийных потребностей интернет-аудитории в видеохостингах [4, с. 31].

Теоретическая часть

Теоретической базой исследования выступает массив научных трудов, проводимых для анализа сформированности цифровых интернет-платформ в формате видеохостинга как в России, так и за рубежом. В настоящее время большинство исследований по данной тематике направлены на изучение возможных тенденций и вероятных сценариев успешности развития отечественных цифровых платформ. С другой стороны, значительная часть научных работ посвящена анализу опыта регулирования цифровых технологических (онлайн) платформ, в том числе видеохостингов. Наиболее популярным методом анализа в рамках данных работ является сравнительный анализ отечественных и зарубежных интернет-площадок и платформ по критериям: регулирование контента, а также особенностям культурно-просветительского и научно-популярного контента. Однако необходимо отметить, что мало вни-

мания уделяется анализу различий используемого инструментария для создания и просмотра видео контента, а также слабо учитываются предпочтения контентмейкеров и аудитории, которые пользуются отечественными площадками. В тоже время, имеется множество коммерческих исследований, выполненных по прямому заказу или же выполняемых профильными исследовательскими учреждениями, при этом все они являются прикладными. Поэтому информация, собранная в ходе коммерческих исследований, зачастую имеет краткосрочный характер и не может быть достоверной для принятия постоянных решений.

Примером исследования, основанного на сравнительном анализе отечественных и зарубежных платформ, может являться работа А. С. Дупан и Ю. С. Букбалатовой [2]. Также интересен труд О. А. Судоргина [4], в которой продемонстрирована важность и актуальность формирования отечественных и независимых цифровых платформ. Интересно представляется исследование В. И. Меденниковой, Л. Г. Муратова и С. Г. Сальникова [3], в которой описаны инструментальные интегрированные средства разработки и сопровождения интернет-порталов, которые применимы не только для агрокомплекса (на что было направленно исследование), но и для модернизации отечественных социальных сетей и платформ. Научная работа О. А. Дворянкина [1] раскрывает влияние современных цифровых платформ (видеохостингов и социальных сетей) на поведение людей в различных сферах жизни, в том числе политической.

Цель и методы

Целью исследования является определение особенностей функционирования видеохостингов YouTube и Rutube в России. Основными методами выступают case-study и сравнительный анализ. Метод case-study позволил определить действительную ситуацию относительно состояния деятельности видеохостингов YouTube и Rutube в России. Сравнительный анализ позволил выделить особенности деятельности данных сервисов в России и охват аудитории.

Основная часть

В настоящее время наиболее популярной цифровой платформой подобного типа является YouTube, которая была создана в США в 2005 году. В свете последних событий, необходимо отметить, что данный видеохостинг ведёт крайне цензурную политику по отношению к отечественным СМИ – как официальным, так и любительским. В частности за последний год YouTube блокировал каналы следующих трансляторов и блогеров: «Первого канала» и «России 1»; «НТВ»; телеканала «Звезда»; «Комсомольская правда»; блогера Стаса Васильева, известного как «Ай, как просто»; Канал Артемия Лебедева; пранкеров Вована и Лексуса. Подобная политика данного видеохостинга на протяжении всего 2022 и 2023 года, заставило государство задуматься о модификации и модернизации отечественных цифровых видеоплатформ, которые смогли бы позволить вести трансляцию отечественным контентмейкерам, заблокированным или цензурированным иностранными цифровыми видеосервисами [5].

Отечественной альтернативой YouTube как цифровой видео-платформе в нашей стране выступил видеохостинг Rutube, созданный в 2006 году и входящий в цифровые активы «Газпром-медиа». Стоит отметить, российская версия видеохостинга за последние 15 лет значительно уступала своему «западному» аналогу. Однако, как было сказано выше, современная агрессивная политика YouTube заставила многих контентмейкеров и блогеров окончательно перейти на отечественную площадку. Поэтому представляется необходимым замер насколько популярным стал видеохостинг Rutube за последний год.

Метод исследования анализ социальных платформ. Для объективности сначала необходимо сравнить данные по ключевым показателям платформы YouTube и Rutube. В 2023 году аудитория YouTube составляет более 2.48 млрд. активных пользователей в месяц. Российская аудитория YouTube составляет чуть больше 50.5 млн пользователей в день. В среднем аудитория YouTube увеличивается на 81.6 % каждый год. В YouTube зарегистрировано 54.4 % мужчин и 45.5 % женщин [6].

Теперь перейдём к отечественному цифровому видеохостингу. К началу апреля 2023 года ежемесячная аудитория Rutube со-

ставила около 40,4 млн человек. По сравнению с предыдущим годом (апрель 2022 года – 17,4 млн пользователей) рост аудитории составил 131,8 %. При этом количество зарегистрированных пользователей составляет 22,8 млн человек. Возраст самых активных пользователей – от 25 до 34 лет (24,2 %), 21 % – зрители от 35 до 44 лет. Больше всего пользователи интересуются различными шоу (22 % просмотров), новостями и каналами СМИ (11 %), политикой (9 %) и развлечениями (7 %). На видеоигры приходится 5,4 %, на спорт – 2,3 %. По словам авторов видео-платформы в 2023 году развитие сервиса сосредоточится на разработке мобильного приложения, запуске программы лояльности для авторов контента и реализация новой мобильной студии для блогеров.

В целом можно заметить, что Rutube, так или иначе, набирает популярность у отечественной аудитории. Помимо этого, авторы сервиса предпринимают дополнительные меры, чтобы привлечь к платформе как можно больше людей. В 2023 году на Rutube отключили рекламу перед видео. Ограничение касается автоматического запуска рекламы перед каждым роликом, рекламные вставки в середине и конце видео остаются. Как утверждают представители сервиса, отключение рекламы в начале роликов способствует ускорению доступа, что в итоге вовлекает в платформу большее количество пользователей. По итогам 2022 года рост индекса удовлетворенности уровнем сервиса и контента Rutube вырос на 25 %. Новое ограничение рекламы должно повысить этот показатель и улучшить пользовательский опыт и комфорт зрителей.

Однако кроме благоприятных тенденций у отечественного видео хостинга все также остаются некоторые недостатки. Одним из главных слабостей платформы, по мнению аудитории, является слабый алгоритм. В отличие от западного аналога Rutube автоматически не может собрать все видео, которые потенциально могут заинтересовать пользователя, и выводить их в подборке на главном экране. Ещё один недостаток, по мнению пользователей – модерация. Многие авторы каналов жалуются, что данный процесс занимает много времени и иногда происходят технические сбои, и видео вовсе не загружается на платформу. Также было отмечено, что в Rutube до сих пор отсутствуют некоторые функции, которые полюбились зрителям из YouTube, например: shorts (короткие видео)

или irl-stream (быстрый прямой эфир). В тоже время, если авторам Российского видеохостинга удастся откалибровать имеющиеся проблемы, а также создать новые инструменты в видеоплатформе сохранив при этом условия монетизации (теперь их нет YouTube для отечественной аудитории), то со временем Rutube может стать популярной платформой для российского общества.

Выводы

Исходя из приведенного анализа, актуальный контекст развития отечественных цифровых технологий (платформ) применительно к реализуемой сегодня Западной враждебной политике цензуры в онлайн пространстве, обнаруживает некоторые принципиально важные системные особенности. Посредством сравнительного анализа отечественной и зарубежной интернет-площадок, на примере Rutube и YouTube, схожим по своим параметрам и предоставляемому контенту (в видео формате) было выявлено, что российская интернет-площадка набирает все больше пользователей. Значительно способствует этой тенденции переход известных контентмейкеров с YouTube на Rutube. Также стоит отметить, что инструментарий отечественной платформы, после введения санкций постоянно пополняется, в том числе исходя и из пожеланий подписчиков. При этом разработчики платформы обещают, что в будущем обновления продолжатся. Вероятно, в будущем главной проблемой по привлечению аудитории на отечественные интернет-площадки станет аргумент «банальной привычки», то есть тем, кто всегда пользовался зарубежными платформами будет тяжело перейти на отечественные. Российским разработчикам цифровых технологий и платформ, нужно не просто копировать возможности и услуги западных интернет-продуктов, но и создавать при этом собственный оригинальный цифровой инструментарий, который привлечет аудиторию и в потенциале создаст независимое цифровое пространство. Подобные исследования же могут быть использованы для постоянного мониторинга уровня развития отечественных цифровых платформ.

Список источников

1. Дворянкин О. А. Социальные сети, видеохостинги, мессенджеры – новые технологии интернета // Евразийский Союз ученых. Серия: филология, искусствоведение и культурология. 2021. С. 14–20.
2. Дупан А. С. Букбалатова Ю. С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. – 2022. - №2. – С. 211–218.
3. Меденников В. И., Муратова Л. Г., Сальников С. Г. Отчет о НИР «Разработать концепцию единого информационного интернет-пространства знаний агронауки». М.: ВИАПИ РАСХН, 2014. 130 с.
4. Судоргин О. А. Новая роль информационного пространства в XXI веке / О. А. Судоргин // Власть. – 2009. – № 1. – С. 27–32.
5. YouTube начал блокировку каналов российских медиа / Н<R // РБК/ URL: <https://www.rbc.ru/society/11/03/2022/622b865f9a794703dac56740> (дата обращения: 10.04.2023).
6. Алексей Бегин YouTube начал блокировку каналов российских медиа / Алексей Бегин // ИНКЛИЕНТ: [сайт]. URL: <https://incliент.ru/youtube-stats/> (дата обращения: 10.04.2023).

The Development of Domestic Digital Platforms in the Conditions of «Western» Censorship on the Example of YouTube and Rutube

N. V. Krainova, P. A. Babajanyan, E. D. Grebenko
P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Abstract. This article presents the results of a comparative analysis of the digital platforms YouTube and Rutube, based on an initial survey of service statistics, as well as data obtained from open sources. The article reveals the current state of digital video services YouTube and Rutube in Russia, as well as the current censorship policy of «Western» platforms against Russian content makers. The study compared the audience coverage and the broadcast content, described the advantages and disadvantages of the Russian video platform in relation to its Western counterpart. Based on the comparison, the main conclusions on the further development of domestic video hosting are made.

Keywords: YouTube, Rutube, video hosting, digital platform, video platform, censorship.

Сотрудничество ШОС в области информационной безопасности: прогресс, вызовы и перспективы

Ли Цзымань

*Российский университет дружбы народов, Юридический институт,
кафедра публичной политики и истории государства и права
1042228146@pfur.ru*

Аннотация. Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС) существует уже более 20 лет. Сотрудничество в области безопасности всегда было главным приоритетом сотрудничества ШОС и является самым ярким событием 20-летнего развития ШОС. На протяжении последних 20 лет в центральной зоне Шанхайской организации сотрудничества – Центральной Азии всегда сохранялась стабильная ситуация, а эффективное сотрудничество ШОС в сфере безопасности является крайне важным аспектом. За последние 20 лет экономика ШОС в целом улучшалась: совокупный экономический рост, темпы роста ВВП на душу населения государств-членов стали выше среднемировых. Это во многом связано с гарантией безопасности, обеспечиваемой ШОС.

Сотрудничество в области информационной безопасности является новой «изюминкой» сотрудничества ШОС, новой отправной точкой для сотрудничества ШОС в области безопасности и играет все более важную роль в поддержании региональной безопасности и стабильности. Находясь на новом этапе в своем третьем десятилетии, ШОС сталкивается с новыми вызовами и трудностями в обеспечении информационной безопасности.

Ключевые слова: ШОС, сотрудничество в области информационной безопасности, обеспечение информационной безопасности, кибертерроризм, управление киберпространством

Введение

За последние 20 лет ШОС превратилась из региональной организации, которая стремилась решить вопросы демаркации границ, во всеобъемлющую региональную организацию с международным

влиянием. За последние 20 лет государства-члены ШОС достигли консенсуса по сотрудничеству в области информационной безопасности, которая становится все более важной для политической стабильности, экономического развития и социальной безопасности стран ШОС. За последние 20 лет государства-члены ШОС достигли консенсуса по сотрудничеству в области информационной безопасности и добились ряда успехов и новаторских достижений в расширении сфер сотрудничества и создании механизмов, однако они также сталкиваются со многими проблемами, которые необходимо решать совместными усилиями. В этой статье мы рассмотрим прогресс сотрудничества ШОС в области безопасности, возникшие трудности и пути будущего сотрудничества.

Вопрос информационной безопасности стал общей реальностью для государств-членов ШОС и оказывает непосредственное влияние на их политические основы, безопасность и стабильность, а также будущее развитие. Государства-члены ШОС сформировали высокую степень консенсуса в области сотрудничества в сфере информационной безопасности и начали ряд плодотворных совместных действий, в то время как существует широкая сфера и большой потенциал для сотрудничества в области информационной безопасности.

Теоретической основой данной работы являются исследования сотрудничества в области информационной безопасности между странами-членами и результаты «вопросов информационной безопасности» в ШОС. Данные результаты отражены в продвижении консенсуса по сотрудничеству в области информационной безопасности среди государств-членов и совершенствовании механизмов сотрудничества в последние годы.

Цель исследования

Исследование сотрудничества в области информационной безопасности между государствами-членами с точки зрения ШОС.

1. Содействовать развитию и построению теорий информационной безопасности, обобщить, отобрать и улучшить различные связанные теории, а также предоставлять важные теоретические ценности для будущих исследований в области информационной безопасности.

2. Проанализировать трудности и сопротивления, возникающие в настоящее время, и обсудить, как улучшить путь сотрудничества в области информационной безопасности. Прогнозировать и проанализировать трудности и перспективы, возникающие в будущем, а также помочь странам-участницам улучшить сотрудничество и избежать кризисов.

Методологическая основа

С помощью метода сравнительного анализа в теории международных отношений рассматриваются сходства и различия в интересах стран-членов ШОС в области информационной безопасности, анализируются и обсуждаются перспективы развития информационной безопасности в организации.

Глава 1. Основные успехи сотрудничества ШОС в области информационной безопасности

Сотрудничество по информационной безопасности ШОС началось в 2005 году. В последние годы сотрудничество в области информационной безопасности переходит от консенсуса к действиям, добивается положительного прогресса и демонстрирует большой потенциал и хорошие перспективы, в основном в следующих трех аспектах.

1. Консенсус по сотрудничеству в области информационной безопасности

В декларации 5-го саммита ШОС в Астане в 2005 году главы государств-членов впервые предложили предотвратить информационный терроризм. Это был первый случай, когда тема информационной безопасности была поднята в официальном документе о сотрудничестве ШОС, что положило начало сотрудничеству ШОС в области информационной безопасности, расширению сотрудничества в области безопасности, переходу с традиционных областей к киберпространству.

13 сентября 2013 года в Бишкеке состоялся 13-й саммит глав государств ШОС. В принятой на встрече декларации четко предложено построение мирного, безопасного, справедливого и открытого информационного пространства и высказано за разработку единого кодекса поведения государств в информацион-

ном пространстве. Это новое понимание сотрудничества государств-членов в области национальной информационной безопасности [1].

11 октября 2020 года на 20-м Московском саммите главы государств-членов подписали Заявление Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в обеспечении международной информационной безопасности, призывающее международное сообщество к тесному взаимодействию в информационной сфере для построения сообщества судьбы в киберпространстве; предлагающее государствам-членам ШОС укреплять взаимную координацию в ООН и на других международных площадках и способствовать совершенствованию существующих. Заявление призывает международное сообщество к тесному взаимодействию в информационной сфере для построения сообщества судьбы в киберпространстве. В заявлении всесторонне изложены задачи, принципы и цели ШОС в отношении поддержания международной информационной безопасности.

2. Построение системы сотрудничества в области информационной безопасности

Для эффективного осуществления сотрудничества в области информационной безопасности ШОС постепенно создала и постоянно совершенствует соответствующие механизмы и системы сотрудничества в ходе практической деятельности, обеспечивая необходимую основу и правовые гарантии для сотрудничества в области информационной безопасности ШОС.

С точки зрения создания механизмов, Региональная антитеррористическая структура является основной опорой сотрудничества ШОС в области информационной безопасности. С момента своего создания в 2004 году РАТС, один из двух постоянных органов ШОС, стремится содействовать координации и сотрудничеству между государствами-членами в борьбе с «тремя силами». В борьбе с угрозами информационной безопасности РАТС помогает государствам-членам закрывать сайты, связанные с терроризмом, и сдерживать распространение кибертерроризма, в основном путем координации своих действий. В эксклюзивном интервью Синьхуа в мае 2018 года глава Исполнительного комитета РАТС Сергей Сурсов сообщил, что с 2016 по 2017 год государства-члены забло-

кировали более 100 000 веб-сайтов и изъяли более 4 миллионов единиц информации, связанной с терроризмом [2].

20 сентября 2013 года Совет РАТС провел заседание в Ярославле, и единогласно принял решение о создании совместной рабочей группы в составе Исполнительного комитета по противодействию терроризму и правоохранительных органов различных стран для предотвращения и пресечения распространения «трех сил» в Интернете.

В плане институционального развития ШОС оперативно издала и усовершенствовала документы по сотрудничеству в области информационной безопасности, обеспечив правовую основу для осуществления соответствующего сотрудничества государствами-членами. На саммите ШОС в 2007 году главы государств-членов подписали План действий государств-членов ШОС по обеспечению международной информационной безопасности [3] с целью повышения уровня защиты от актов использования информационных технологий для подрыва национальной безопасности. План направлен на развитие средств и способов сотрудничества по информационной безопасности в рамках ШОС, повышение способности борьбы с кибертерроризмом и киберпреступностью и обеспечение информационной безопасности в стране, предотвращение использования Интернета для распространения идей «трех сил» и предотвращение использования отдельными странами Интернета для вмешательства в их внутренние дела.

Запуск и реализация вышеупомянутого документа о сотрудничестве знаменует собой новый этап институционального сотрудничества по информационной безопасности в ШОС и закладывает необходимую правовую основу для сотрудничества по информационной безопасности между государствами-членами.

3. Ускорение учений по борьбе с кибертерроризмом

В целях эффективной реализации консенсуса, достигнутого государствами-членами по информационной безопасности, ШОС, опираясь на Региональную антитеррористическую структуру (РАТС), в 2015 году приступила к реализации программы кибернетических антитеррористических учений для эффективного укрепления потенциала государств-членов по совместной борьбе с кибертерроризмом.

14 октября 2015 года Совет антитеррористической структуры ШОС провел кибертеррористические учения «Сямэнь-2015» в Сямэне, Китае. Это были первые совместные учения ШОС по борьбе с кибертерроризмом, ознаменовавшие переход от концепции к действиям в сотрудничестве ШОС в области информационной безопасности. В ходе учений компетентные органы государств-членов по борьбе с киберпреступностью обменялись рабочими процессами, правовыми процедурами и организационными методами в борьбе с использованием Интернета для террористической деятельности, проверили способность координировать операции и первоначально создали техническую платформу для совместного кибертерроризма.

Глава 2. Основные проблемы нынешнего сотрудничества ШОС в области информационной безопасности

В последние годы сотрудничество в области информационной безопасности ШОС столкнулось со многими узкими местами.

1. Различия увеличили сложность сотрудничества в области информационной безопасности

С расширением членства различия и разнообразие внутри ШОС стали более очевидными, что объективно затрудняет координацию сотрудничества в области информационной безопасности между странами-членами. В настоящее время в ШОС есть как крупные и мощные киберстраны, такие как Китай, Россия и Индия, так и малые и средние страны-члены, чье развитие кибертехнологий относительно отстает, и их ожидания от киберуправления явно отличаются друг от друга. В то же время, правовые системы каждой страны различны, у каждого государства есть свои особенности в плане управления киберпространством, в сочетании с тем, что многие страны-члены отстают в плане сетевой инфраструктуры и технологий и не имеют профессиональных талантов, что объективно также является препятствием для сотрудничества в области информационной безопасности между странами-членами.

2. Внешние силы препятствуют нормальному развитию сотрудничества в области информационной безопасности

В настоящее время Запад доминирует в глобальном информационном пространстве, а западные ИТ-гиганты монополизируют международный рынок и прямо или косвенно монополизируют фор-

мулирование международных правил Интернета, что вносит много неопределенности в сотрудничество ШОС в области информационной безопасности. США и другие западные страны преувеличивают «китайский и российский цифровой авторитаризм» и «теорию цифровой угрозы», что заставляет некоторые государства-члены с подозрением и настороженностью относиться к продвижению Китаем и Россией сотрудничества в области информационной безопасности ШОС. Сотрудничество между странами ШОС в области киберуправления и киберинформационных технологий находится под растущим давлением со стороны США и других западных стран.

Глава 3. Основной путь будущего сотрудничества ШОС в области информационной безопасности

В будущем сотрудничество ШОС в области информационной безопасности должно занять стратегическую высоту и долгосрочную перспективу, улучшить свои позиции, укрепить свои возможности, расширить свое видение и продвигать региональное и глобальное сетевое управление в более доброжелательном и упорядоченном направлении.

1. Создание чувства общности судьбы в киберпространстве

Важность сотрудничества в области информационной безопасности должна быть полностью понята с точки зрения построения сообщества судьбы ШОС, и оно должно рассматриваться как важная часть построения сообщества безопасности. Мы будем и дальше продвигать «Новую концепцию безопасности», использовать ее для руководства сотрудничеством в области информационной безопасности между государствами-членами и повышать их осведомленность о сообществе судьбы в киберпространстве; мы также будем расширять сотрудничество между судебными системами и правилами информационной безопасности государств-членов для дальнейшего расширения консенсуса.

2. Усиление систем информационной безопасности

Дальнейшая легализация и институционализация консенсуса, достигнутого государствами-членами по сотрудничеству в области информационной безопасности, разработка и внедрение конвенции по борьбе с кибертерроризмом в соответствии с Конвенцией ШОС по борьбе с терроризмом и экстремизмом; содействие созданию со-

вместной системы обнаружения и реагирования на угрозы информационной безопасности, создание агентства по обнаружению кибертерроризма, платформы экстренного оповещения и центра обмена разведанными; институционализация учений по борьбе с кибертерроризмом, которые будут проводиться в каждом государстве-члене на ротационной основе. Ниже приведены некоторые примеры. Также необходимо усилить обмен опытом сотрудничества в области информационной безопасности между государствами-членами и повысить уровень подготовки соответствующего персонала.

3. Активное участие в региональном и глобальном сотрудничестве в области информационной безопасности

Активно использовать передовой опыт и практику других региональных организаций в области информационной безопасности и укреплять взаимное сотрудничество и обмена; стремиться заручиться большей поддержкой в рамках ООН и содействовать разработке всеобъемлющей международной конвенции против использования информационно-коммуникационных технологий в преступных целях; укреплять взаимное доверие, расширять консенсус и создавать «сообщество безопасности» с большим количеством стран и регионов. Мы также будем укреплять взаимное доверие, расширять консенсус и создавать «сообщество безопасности» с большим количеством стран и регионов, а также содействовать совместному строительству мирного, безопасного, открытого, сотрудничающего и упорядоченного сообщества судьбы в киберпространстве.

Заключение

Государства-члены ШОС понимают, что сотрудничество – единственный путь к совместной победе, в то время как конфронтация приведет лишь к взаимному уничтожению, и активно сотрудничают в области информационной безопасности с целью поддержания региональной стабильности. Разрабатывая и совершенствуя свою политику, они также постоянно содействуют созданию и совершенствованию организационных структур и механизмов сотрудничества в этой области. В будущем сотрудничество ШОС в области информационной безопасности должно еще больше укрепить чувство общности судьбы, постоянно повышать способность противостоять угрозам информационной безопасности, расширять международное

сотрудничество и стремиться к построению мирного, безопасного, справедливого и открытого информационного пространства.

Развитие и использование ИКТ в построении глобального информационного пространства достигло беспрецедентных результатов и оказывает растущее влияние на политику, экономику, общество и культуру, повседневную жизнь человека, а также на национальную и международную безопасность и стабильность. Государства-члены ШОС выражают серьезную озабоченность по поводу использования ИКТ для деятельности, противоречащей поддержанию международного и регионального мира, безопасности и стабильности. Они также призывают международное сообщество к тесному сотрудничеству в информационной сфере для создания сообщества судьбы в киберпространстве и обеспечения использования ИКТ для экономического развития и улучшения условий жизни людей. Это имеет огромное значение для построения мирного, безопасного, открытого и стабильного глобального информационного пространства.

Список источников

1. Владимир Норов, Шанхайская организация сотрудничества: 20 лет развития. [Российские исследования] 2021 г.
2. Син Гуанчэн, Исследования Шанхайской организации сотрудничества [М]. Чанчуньский издательский дом. 2007 г.
3. У Эньюань, У Хунвэй и другие редакторы, Доклад о развитии Шанхайской организации сотрудничества [R] Издательство литературы по общественным наукам. 2010 г.
4. Чэнь Сяодин, Институциональная идентичность: динамика Шанхайской организации сотрудничества после расширения. [Contemporary Asia-Pacific] 2022 г.
5. Декларация 13-го Бишкекского саммита глав государств – членов ШОС [Синьхуа], 13 сентября 2013 г.
6. Заявление Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Синьхуа], 10 ноября 2020 г.
7. Интервью: Антитеррористические усилия ШОС эффективны – Интервью с главой Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС Сурсоевым.

SCO cooperation in the field of information security: progress, challenges and prospects

Li Ziman

*Peoples' Friendship University of Russia, Institute of Law,
Department of Public Policy and history of state and law
1042228146@pfur.ru*

Abstract: The Shanghai Cooperation Organisation (hereinafter referred to as «SCO») has been in existence for more than 20 years, and security cooperation has always been the top priority of SCO cooperation and the biggest highlight of the organisation's development in the past 20 years. The effective security cooperation of the SCO has been very important in maintaining a stable situation. 20 years on, the SCO economy has been generally positive, and the growth rate of the total economic volume and per capita GDP of the member states is higher than the world average, and the security guarantee provided by the SCO has a lot to do with it.

Information security cooperation is the «new highlight» of SCO's security cooperation, and is a new focus of SCO's security cooperation, playing an increasingly important role in maintaining regional security and stability. As the SCO stands at a new starting point in its third decade of history, it faces new challenges and pressures in maintaining information security.

Keywords: SCO, information security cooperation, information security, cyber terrorism, cyber governance.

Секция 4

Гуманитарные технологии в цифровую эпоху

ГРНТИ: 15.41

Исследование взаимосвязи личной зрелости метакогнитивных убеждений с особенностями использования источников новостей

А. С. Кривобоков, П. А. Хмельницкая

Ярославский Государственный Медицинский Университет,

г. Ярославль, Россия

psyexpert@list.ru, alla.golubkina@mail.ru

Аннотация. В статье авторами рассматриваются отношения личной зрелости и метакогнитивной тревожности с типами источников получения новостной информации. Были получены следующие результаты: большинство людей интересуется новостями, при этом стараются получить информацию из разных источников, федеральных/оппозиционных, российских/иностраных. Люди, которые делятся проверенными новостями, и подкрепляют их источниками, характеризуются большей уверенностью в надёжности своей памяти, больше склонны к патриотизму и коллективизму, больше проявляют интерес к общественно-политической жизни. У людей, которые делятся новостями, но не подкрепляют эту информацию какими-либо источниками, стремление к саморазвитию и самоактуализации приводит к снижению беспокойства о неуправляемости тревоги, недоверия к качеству своей памяти, вниманию. Чем больше люди решают использовать как российские, так и иностранные источники информации одновременно, тем больше они склонны делиться новостями и обсуждать их с другими людьми, в том числе ссылаясь на то, откуда они брали эту информацию.

Ключевые слова: метакогнитивные убеждения, личностная зрелость, новости, информационные источники.

Введение

Новости всегда были частью бесед людей различных слоёв населения. Ситуация, в которой оказалась наша страна, привела к распространению двух полярных полюсов отношения к новостям: «я слежу за ними» и «я их игнорирую». Второй вариант не может привести к 100 % «отключению» человека от информационного поля, а значит, отголоски происходящих событий так или иначе будут просачиваться. Встает вопрос в качестве и достоверности этой информации. Уровень использования информации из социальных сетей, блогов, новостных и аналитических официальных сайтов растет и теперь может соревноваться с телевидением [2]. Человек сталкивается с избытком взглядов и объяснений одной и той же новости и перед ним встает задача более ответственно относиться к фильтрованию источников информации и отношению к ним. И добросовестный подход к такой работе возможен при высокой личностной зрелости. Решение же игнорировать новости или наоборот бесконечно сёрфить и обсуждать их, является следствием существующих разного рода метакогнитивных убеждений.

Актуальность темы обусловлена влиянием настоящих политических и экономических изменений на психологическое состояние людей.

Теоретические рамки исследования

В Социологическом энциклопедическом словаре Г. В. Осипова «зрелость» – это состояние, которое характеризуется гармонической взаимозависимостью между элементами социальной системы и эффективностью ее функционирования. В свою очередь социальная зрелость подразумевает наличие у индивида определенного уровня развития личности, который является результатом социализации, то есть интеграции различных моральных, правовых, этических ценностей общества, образцов поведения и адекватного функционирования в качестве взрослого члена общества [4].

Затронем тему индивидуально-психологической зрелости. И тут Г. С. Сухобская выделяет следующие обязательные критерии:

- Сформированное умение самостоятельно прогнозировать свое поведение в различных жизненных ситуациях. Оно опирается

на сформированные способности к анализу и поиску информации, умении её применять;

- Умение активировать себя в ситуациях, когда необходимо начать действовать и принимать решения, вне зависимости от внутреннего состояния;
- Сформированный навык самооценивания процесса деятельности и результатов;
- Оценочная рефлексия, которая основывается на целостной и адекватной оценке себя и своих мыслях, действий, поступков;
- Умение обучаться за счет собственного жизненного опыта и повышать свои навыки прогнозирования, планирования, достижения;
- Эмоционально-адекватная реакция на различные ситуации собственного поведения [3, с. 4].

В Тест-опроснике личностной зрелости Ю.З. Гильбуха, автором представлено 5 шкал, которые, по его мнению, и составляют личностную зрелость:

1. Мотивация достижений – это общая направленность деятельности индивида на значимые жизненные цели, стремление к максимально полной самореализации, самостоятельности, стремление к лидерству, к достижению высоких результатов в предпринимаемых действиях.

2. Отношение к своему «Я» («Я – концепция»). Эта шкала оценивает характеристики зрелости: уверенность в своих возможностях, удовлетворенность своими способностями, темпераментом и характером, своими знаниями, умениями и навыками. Предполагает адекватную самооценку, высокую требовательность к себе, отсутствие самодовольства, скромность, уважение к другим.

3. Чувство гражданского долга. С понятием связаны такие качества, как патриотизм, интерес к явлениям общественно-политической жизни, чувство профессиональной ответственности, потребность в общении, коллективизм.

4. Жизненная установка. Это понимание относительности всего сущего, преобладание интеллекта над чувством, эмоциональная уравновешенность, рассудительность (в противоположность импульсивности).

5. Способность к психологической близости с другим человеком. Это доброжелательность к людям, эмпатия (способность к чув-

ствованию и сопереживанию), умение слушать, потребность в духовной близости с другими людьми.

Важно понимать, что на отношение человека к уверенности в своих возможностях, жизненных целях, самооценке, способности к чувствованию и сопереживанию могут лежать разного рода метакогнитивные убеждения [5].

Метакогнитивное убеждение – это то, как мы думаем о том, что мы думаем-чувствуем. Наши внутренние правила о том, как воспринимать, оценивать, интерпретировать и как регулировать свой субъективный опыт.

Цель исследования – изучить взаимосвязь обращения с новостной информацией и личностной зрелостью и метакогнитивными убеждениями.

Методы исследования

В исследовании приняли участие 60 человек, в возрасте от 16 до 51 года. Среди них 28 юношей и 32 девушки. При сборе данных использовались методики:

- Анкета для сбора данных о том, какие источники информации используют люди для того, чтобы быть в курсе новостей и как обращаются с этой информацией;
- Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха;
- Опросник метакогниций 30 (MCQ-30) для выявления убеждений людей об их мышлении.

«Опросник метапознания» (Metacognitions Questionnaire – MCQ-30; [Wells & Cartwright-Hatton, 2004]) представляет собой 30-пунктовый многомерный инструмент измерения метапознания. Он позволяет оценивать метапознание по пяти перечисленным ниже подшкалам.

- Позитивные убеждения о беспокойстве.
- Негативные убеждения о беспокойстве по поводу бесконтрольности и опасности.
- Когнитивное доверие (т. е. доверие к вниманию и памяти).
- Убеждения по поводу необходимости контролировать мысли и касательно негативного смыслового значения и возможных последствий, если не делать этого.
- Когнитивное самосознание (склонность сосредоточивать внимание на процессах мышления) [1, с. 385–396].

Для обработки данных использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена и непараметрический статистический критерий Манна-Уитни, обработка проводилась с помощью «Statistica 10».

Основная часть (результаты сбора данных)

В ходе исследования, респондентам предлагалось сначала заполнить анкету, по которой они были разделены на группы. В результате было выделено 3 группы:

- Первая группа – 17 человек. Это люди, которые делятся прочитанными новостями, но не подкрепляют их источниками.

- Вторая группа – 18 человек. Это респонденты, которые делятся только проверенными новостями и подкрепляют свои слова источниками (например, пересылают сообщения из новостного телеграмм-канала).

- Третья группа – 25 человек. Представители этой группы ответили, что не делятся новостями в целом.

Анализ анкеты показали, что в данной выборке:

- Подавляющее большинство респондентов знакомятся с информацией из российских и иностранных ресурсов – 57,7 %; только с иностранными источниками – 8 %; только с российскими источниками – 6 %;

- Подавляющее большинство используют как федеральные, так и оппозиционные источники информации – 56,7 %; только федеральные источники – 5 %; только оппозиционные источники – 8,4 %;

- Не делятся новостями – 41,7 %; делятся только проверенными новостями, ссылаясь на источник – 30 %; делятся информацией без подкрепления её источниками – 28,3 %;

- Не обсуждают новости – 8,3 %; «нет, я только смотрю обзор \ читаю комментарии на данное событие» – 16,7 %; «обсуждают новости, но после просмотра обзора \ комментариев на данное событие» – 18,3 %; «обсуждают новости, потому что им интересны другие точки зрения касательно данного события» – 43,3 %;

Внутригрупповой корреляционный анализ результатов обработанных данных опросов (Тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха; Опросник метакогниций 30 (MCQ-30)) выявил:

- Первая группа: уровень мотивации достижения оказался обратно связан с уровнями негативных убеждений о неконтролируе-

мости и опасности беспокойства ($r = -0,675$; $p \leq 0,01$), и недоверием к когнитивным процессам ($r = -0,555$; $p \leq 0,05$). Обратную связь имеют жизненная установка и негативные убеждения о неконтролируемости и опасности беспокойства ($r = -0,489$; $p \leq 0,05$).

- Третья группа: обнаружена отрицательная взаимосвязь между потребностью в контроле мыслей и жизненной установкой на уровне $r = -0,429$ ($p \leq 0,05$).

- При анализе второй группы достоверных взаимосвязей между личностной зрелостью и метакогнициями обнаружено не было.

Люди, которые свободно делятся новостями, но при этом не подкрепляют эту информацию какими-либо источниками, могут снижать свою убежденность о неконтролируемости и опасности беспокойства, за счет стремления к самостоятельности, направлению своих сил на значимые для них цели. Проявление лидерства и стремление к самореализации в данной группе, может приводить к снижению недоверия к качеству своей памяти, внимания. Углубление в понимании относительности всего сущего и рассудительность, тоже могут снижать убежденность о неуправляемости и опасности беспокойства.

При увеличении убежденности в необходимости контролировать мысли, молодые люди, которые продолжают интересоваться и следить за новостями, но не хотят ими делиться со своими друзьями или родственниками, становятся менее рассудительными, чувства могут начинать преобладать над разумом.

Перейдем к анализу сравнительного анализа между группами, где были получены достоверные различия (непараметрический U - критерий Манна-Уитни) между 1 и 2 группой, и 2 и 3 группами.

- Сравнение групп 1 и 2: для людей, которые ответили, что делятся прочитанными новостями, но не подкрепляют её источниками более характерно недоверие к когнитивным процессам (памяти, вниманию) ($p = 0,025$), чем для респондентов, которые делятся только проверенными новостями и подкрепляют свои слова источниками (например, пересылают сообщения из новостного телеграмм-канала).

- Сравнение групп 2 и 3: для людей, которые ответили, что делятся только проверенными новостями и подкрепляют свои слова источниками (например, пересылают сообщения из новостного

телеграмм-канала) более характерно чувство гражданского долга ($p=0,035$), чем для респондентов, которые не делятся новостями. При этом для людей, которые не делятся новостями, более характерна когнитивная уверенность ($p=0,018$).

- Достоверных различий между группой 1 и 3 (между людьми, которые делятся прочитанными новостями, но не подкрепляют её источниками и теми, кто не делится новостями) не обнаружено.

Люди, которые делятся информацией без ссылок на источники, характеризуются большим беспокойством о качестве и надёжности своей памяти и внимания. Возможно, что из-за неуверенности в своей памяти и внимании, они сомневаются и в достоверности передаваемой им информации и источников.

Люди, которые делятся только проверенными новостями, подкрепляя их источниками в отличие от респондентов, которые выбирают «не делится новостями в целом», больше склонны к патриотизму и коллективизму, больше проявляют интереса к общественно-политической жизни. Возможно, передача новостей в данном случае выступает как предлог к диалогу, тема для обсуждения, инструмент, с помощью которого можно высказать свою гражданскую позицию.

При корреляционном анализе вопросов анкеты, мы обнаружили следующие закономерности:

- Чем больше люди решают использовать как российские, так и иностранные источники информации одновременно, тем больше они склонны делиться новостями ($r = 0,515$; $p \leq 0,001$) и обсуждать их с другими людьми, в том числе ссылаясь на то, откуда они брали эту информацию ($r = 0,501$; $p \leq 0,001$).

- Увеличение источников информации о новостях за счет использования как оппозиционных, так и федеральных источников, ведет к увеличению частоты их обсуждения ($r = 0,383$; $p \leq 0,001$) и тому, что люди чаще ими делятся ($r = 0,386$; $p \leq 0,001$).

- Чем больше люди прибегают к использованию как иностранных, так и российских источников, чем чаще они используют как федеральные, так и оппозиционные источники ($r = 0,781$; $p \leq 0,001$).

Люди, которые выбирают читать новости из разного рода источников, могут иметь больше понимания о происходящих событиях, и больше заинтересованы в их обсуждении с друзьями и родствен-

никами. Возможно, противоречия взглядов касательно одной и той же новости, встречающихся на различных ресурсах могут прибегать к дискуссии и их распространению для уточнения своих выводов или их опровержения.

Выводы

Было выявлено, что люди, которые используют разного рода ресурсы, чаще вступают в обсуждение новостей и делятся ими, что может быть обусловлено как большей их осведомленностью в данной сфере (за счет большей заинтересованностью изучают множество источников информации) или стремлением вступить в дискуссию.

У людей, которые свободно делятся новостями, но при этом не подкрепляют эту информацию какими-либо источниками, снижение убежденности о неконтролируемости и опасности беспокойства, недоверия к вниманию и памяти, может происходить за счет увеличения стремления к саморазвитию и самоактуализации. Возможно, что люди, выбирающие такой вариант обсуждения новостей, уже имея личностное отношение к ним, могут начинать себя «накручивать». Вероятно, личностное развитие приводит к изменению их метакогниций, что снижает убежденность опасности беспокойства, или они не подкрепляют информацию источниками, так как на первый план выходит сама необходимость обсудить их и послушать чужую точку зрения. Углубление в понимании относительности всего сущего и рассудительность тоже могут снижать убежденность о неуправляемости и опасности беспокойства.

У молодых людей, которые не делятся новостями, склонность к рассудительности и уравновешенности снижает убежденность в необходимости контролировать мысли. Люди, которые ответили, что делятся прочитанными новостями, но не подкрепляют её источниками, в сравнении с респондентами, которые делятся только проверенными новостями и подкрепляют свои слова источниками, характеризуются недоверием к когнитивным процессам (памяти, вниманию). Мы предполагаем, что они, не имея намерения аргументировать свои новости, не склонны к запоминанию исходных данных, но может быть и, наоборот, в силу отсутствия навыков запоминать исходники, не имеют возможности подкреплять ссылками новостные факты.

Для людей, которые ответили, что делятся проверенными новостями, подкрепляя их источниками, более присуще чувство гражданского долга, чем для респондентов, которые не делятся новостями. При этом для людей, которые не делятся новостями, более характерна когнитивная уверенность – они испытывают больше сомнений о достоверности своей памяти и качестве внимания.

В ходе исследования выяснилось, что в данной выборке большинство людей склонны использовать сразу федеральные и оппозиционные информационные ресурсы одновременно, и такая же картина наблюдается с использованием иностранных и российских источников.

Список источников

1. Wells, A., Cartwright-Hatton, S. A short form of the metacognitions questionnaire: Properties of the MCQ-30 / A. Wells // Behaviour Research and Therapy. 2004. № 42(4). С. 385–396.

2. Где и как россияне узнают новости. Инфографика. [электронный ресурс] / www.rbc.ru // Общество. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/09/2021/614c94149a794763cbf5c3db> (дата обращения: 01.03.2023).

3. Ильин Е. П. Психология зрелости [Электронный ресурс] / Е. П. Ильин // TheLib.ru. URL: https://thelib.ru/books/e_p_ilin/psihologiya_vzroslosti-read-4.html, свободный (дата обращения: 02.03.2023).

4. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. 488 с.

5. Тест-опросник личностной зрелости: брошюра / ред. Ю. З. Гильбух // Киев: НПЦ Психодиагностика и дифференцированное обучение. 1994. 24 с.

The Study of the Relationship of Personal Maturity, Metacognitive Beliefs With the Peculiarities of Using News Sources

A. S. Krivobokov, P. A. Khmel'nitskaya

Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia

Annotation. In the article, the authors consider the relationship of personal maturity and metacognitive anxiety with the types of sources of news information. The following results were obtained: most people are interested in news, while trying to get information from various sources, federal/opposition, Russian/foreign. People who share verified news and back it up with sources are characterized by greater confidence in the reliability of their memory, are more inclined to patriotism and collectivism, and show more interest in socio-political life. For people who share news, but do not support this information with any sources, the desire for self-development and self-actualization leads to a decrease in anxiety about the uncontrollability of anxiety, distrust of the quality of their memory, attention. The more people decide to use both Russian and foreign sources of information at the same time, the more they tend to share news and discuss it with other people, including referring to where they got this information from.

Keywords: metacognitive beliefs, personal maturity, news, information sources.

Роль бренд философии в повышении политического доверия в онлайн-пространстве

Д. А. Трифонов, Г. В. Лукьянова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
daniil12342@icloud.com*

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены теоретические основания необходимости формирования устойчивой бренд-платформы политического актора с целью максимизации эффективности его маркетинговой активности в социальных медиа, формирования совокупности позитивных адвокатов бренда. Целью настоящего исследования является определение вклада бренд-философии как ценностного комплекса в повышение уровня политического доверия пользователей. На примере анализа профиля в ВКонтакте Губернатора Вологодской области Олега Кулешова определяется тематическая направленность публикуемого контента и устанавливается уровень лояльности аудитории, степени ее одобрительной реакции на публикуемые материалы. Разработка и концептуализация бренд-платформы представляется одним из наиболее важных столпов эффективного продвижения политического деятеля в социальных медиа, гарантирующих прицельную коммуникацию с целевой аудиторией.

Ключевые слова: социальные медиа, бренд, политический имидж, политическое доверие, политический пиар.

Введение

Современное общество в полной мере может быть охарактеризовано в качестве информационного. Интернет, привнесший связность и гласность коммуникативного процесса в жизни массы людей, в значительной степени ответственен за изменение структуры властных институтов в самом широком смысле этого слова.

Вертикаль власти была разбавлена горизонтальными каналами коммуникации пользователей, горизонтальной силой [1]. На вер-

шине самых многонаселенных стран мира в настоящее время находятся вовсе не наднациональные организации, но «Соединенные штаты Meta Corp (компания- Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена) с населением более чем в два миллиарда человек. Этот неформализованный институт представляет собой коммуникативный улей, информационный гул которого не затихает ни на минуту – пользователи общаются, вовлекаются, находят единомышленников и коллективно формируют резолюцию по тем или иным вопросам. В качестве иллюстрации силы данной кооперации – cancel culture, культура отмены, устоявшаяся в западных обществах и активно интегрируемая в российскую социальную действительность.

В настоящее время власть принадлежит не отдельным личностям, депутатам или президентам, но формирующимся под нужды времени социальным группам, способным «отменить» человека, вычеркнув его из списка «социально-рукопожатных». В связи с этим меняются и актуализируются механизмы привлечения и удержания социального внимания. Основной целью коммуникативной стратегии политика становится не краткосрочное привлечение интереса к себе, не стимуляция аудитории совершить целевое действие [3], а формирование длительных и устоявшихся отношений со своими сторонниками, создание совокупности позитивных адвокатов бренда, определяемых Ф. Райхельдом в качестве лиц, отстаивающих репутацию и интересы бренда в ходе прямого диалога с его яркими критиками [5]. Иными словами, позитивные адвокаты – лояльный электорат, обладающий высоким уровнем доверия, поддерживающий своего кандидата в динамически изменяемой политической конъюнктуре.

Теоретическая рамка исследования

Следуя логике рассуждения, актуальным представляется вопрос о том, с помощью каких инструментов или подходов политический деятель сможет привлечь к себе лояльную аудиторию сторонников, обладающих высоким лимитом доверия в интернет-пространстве?

Французское маркетинговое бюро Underwater приводит две наиболее актуальные на сегодняшний день модели продвижения

личности политического деятеля, коммерческого продукта в рамках социальных медиа [7]:

1. Конверсионная стратегия: выстраивается на методах вовлечения пользователя в коммуникацию с брендом в рамках краткосрочных интервалов. Цель стратегии в данном случае – совершение пользователем целевого действия, приобретающего различные формы в зависимости от установленного КРІ.

2. Дизайн религии: теоретический базис стратегии выстраивается на представлениях об информационном перенасыщении рынка – пользователи пресыщены сходными продуктами и отдают предпочтение политическим деятелям в зависимости от добавочного ценностного предложения, которые они готовы предоставить. В качестве такового выступает, к примеру, свойственный персоне образ жизни, находящий свое воплощение в личном бренде политика.

Американский маркетолог Д. Огилви характеризует бренд в качестве неосязаемой суммы свойств продукта: его имени, упаковки и цены, его истории, репутации и способа рекламирования [4]. Бренд – результат впечатления, которое он производит на потребителя, результат опыта от его использования. Концептуальное значение имеют ценностно-смысловые аспекты бренда: имя, история, репутация, впечатление, опыт, – именно в них и сосредотачивается ключевой механизм привлечения лояльной аудитории и трансформации ее в позитивных адвокатов – бренд-философия.

Креативное бюро Sense Collective дает следующую трактовку понятия бренд-философия: «Базовый набор ценностей и смыслов, исповедуемых брендом, с помощью которых он привлекает представителей целевой аудитории, удерживает их интерес и формирует лояльное сообщество. Бренд-философия – информационный маяк, позволяющий пользователю идентифицировать себя с тем или иным коммерческим продуктом, сделав выбор в сторону более подходящего с точки зрения его психо-эмоционального отклика» [6].

В рамках политической науки бренд-философия политического деятеля может быть определена в качестве личного бренда. Личный бренд необходим политикам, поскольку он помогает утвер-

дить свою уникальную идентичность и создать положительную репутацию среди избирателей. Среди причин, обосновывающих релевантность формирования проработанного личного бренда политика, можно выделить [2]:

1. Дифференциация: в сегодняшнем многолюдном политическом ландшафте политикам важно отличать себя от своих конкурентов. Личный бренд помогает политике выделиться, подчеркивая его уникальные качества и достижения.

2. Доверие и авторитетность: личный бренд может помочь завоевать доверие избирателей. Создавая сильный и последовательный личный бренд, политик может продемонстрировать свои ценности и принципы и донести свое послание таким образом, чтобы оно нашло отклик у целевой аудитории.

3. Влияние: сильный личный бренд может помочь политике увеличить свое влияние и охватить более широкую аудиторию. Зарекомендовав себя в качестве авторитета в своей области, политические деятели могут приобрести преданных сторонников, которые доверяют их суждениям и обращаются к ним за советом.

4. Узнаваемость: личный бренд может помочь политике добиться признания и заметности в своем сообществе. Используя свой личный бренд, он может привлекать внимание средств массовой информации, выступать с речами и использовать другие возможности, которые могут повысить авторитетность и помочь установить контакт с избирателями.

5. Последовательность: личный бренд может помочь политике поддерживать последовательность в своих сообщениях и поведении. Определяя четкую идентичность бренда и ценности, политик приобретает «дорожную карту», гарантирующую единство ретранслируемого коммуникационного посыла, укрепляющего доверие целевой аудитории.

Личный бренд является важным инструментом для политиков, которые хотят создать прочную репутацию, завоевать влияние и установить контакт со своими избирателями. Его использование помогает политическим акторам выделиться на фоне конкурентов, завоевать доверие и авторитетность электората (целевой аудитории), а также поддерживать последовательность в своих сообщениях и поведении. В рамках интернет-пространства бренд-фило-

софия, личный бренд политика, выступает в качестве наиболее эффективного инструмента, повышающего общий уровень доверия целевой аудитории.

Цель и методы исследования

Целью настоящего исследования стало определение вклада бренд-философии как ценностного комплекса в повышение уровня политического доверия пользователей и формирование совокупности позитивных адвокатов личного бренда политического актора.

В качестве основных методов исследования выступили качественная (дискурс-анализ) и статистическая аналитика профиля политического актора в социальной сети ВКонтакте.

В качестве ключевой метрики осуществления статистического анализа использовался показатель ER (англ. engagement rate) – показатель, используемый в рекламе и интернет-маркетинге для измерения уровня вовлеченности аудитории в активности кампании. Он выражается в процентном соотношении действий, выполненных аудиторией (например, лайков, комментариев, репостов), к числу людей, которые увидели публикацию, материалы рекламной кампании. Следуя логике определения данной метрики, мы можем установить уровень лояльности аудитории, степени ее одобрительной реакции на публикуемый контент.

Основная часть

В качестве анализируемого профиля политического деятеля было выбрано официальное сообщество Губернатора Вологодской области Олега Кулешова. Критерием выбора в пользу данного политика послужила общая медийная активность деятеля – в настоящее время Олег Александрович является одним из наиболее активных пользователей социальной сети ВКонтакте среди глав субъектов РФ.

Официальное сообщество Губернатора входит в ТОП-3 поисковой выдачи внутренней поисковой системы анализируемого социального медиа, что свидетельствует о высоком уровне интереса аудитории к личности политика.

Первым этапом актуальной исследовательской работы станет формирование коммуникативного, ценностного базиса, к которому обращается представитель государственной власти в рамках

своей коммуникативной стратегии. Для этого были выделены тематические кластеры публикаций, размещенных в рамках официального сообщества Губернатора за хронологический промежуток 01.03.2023–14.04.2023 гг. в рамках двух периодов:

1. Первый период: 01.03.2023–31.03.2023;
2. Второй период: 01.04.2023–14.04.2023.

С помощью аналитического сервиса LiveDune удалось установить размерность генеральной совокупности опубликованного контента за март 2023 года – 84 открытые публикации, сохранённые в ленте сообщества, 2 публикации были удалены, в связи с чем не могут быть включены в анализ. В результате определения тематической направленности публикуемого контента удалось установить объемы кластеров:

1. Социальное развитие (образование, здравоохранение, градостроительство и др.): 32 уникальные публикации – ER по кластеру равен 0,27 %;

2. Культура (искусство, спорт, религия и др.): 17 уникальных публикаций – ER по кластеру равен 0,32 %;

3. Работа органов власти субъекта Федерации: 11 уникальных публикаций – ER по кластеру равен 0,27 %;

4. Бизнес: 10 уникальных публикаций – ER по кластеру равен 0,27 %;

5. СВО: 7 уникальных публикаций – ER по кластеру равен 0,45 %;

6. Дети: 4 уникальные публикации – ER по кластеру равен 0,30 %;

7. Президент Российской Федерации Владимир Путин: 2 уникальные публикации – ER по кластеру равен 0,23 %.

Среднее значение показателя вовлечения аудитории в потребление контента, ее лояльности, составило 0,297 %.

Таким образом, построение ценностного фундамента личного бренда политического деятеля выстраивалось вокруг имиджевого ядра «хозяйственника» – заступника, обеспечивающего удовлетворение потребностей населения. Данный подход гарантировал удержание внимания пользователей вокруг деятельности Губернатора. Тем не менее при аналитике характера вовлечения пользователей в тематические кластеры удалось установить, что публика-

ции, входившие в группу «СВО» имели значительно более высокие показатели ER.

Данное обстоятельство формирует условия, в рамках которых в настоящее время наибольшую актуальность для целевой аудитории Олега Кулешова имеют публикации, связанные со специальной военной операцией.

В связи с этим ценностное предложение, предоставляемое Губернатором пользователям ВКонтакте, может быть скорректировано в целях максимизации значения метрик, иллюстрирующих лояльность аудитории коммуникативным интенциям политического деятеля, степени политического доверия. При оценке коммуникативной стратегии официального сообщества Олега Кулешова за апрель 2023 года (01.04.2023–16.04.2023) удалось выделить следующую размерность тематических кластеров:

1. Социальное развитие (образование, здравоохранение, градостроительство и др.): 15 уникальных публикаций – ER по кластеру равен 0,27 %;

2. СВО: 12 уникальных публикаций – ER по кластеру равен 0,60 %;

3. Культура (искусство, спорт, религия и др.): 7 уникальных публикаций – ER по кластеру равен 0,23 %;

4. Работа органов власти субъекта Федерации: 7 уникальных публикаций – ER по кластеру равен 0,26 %;

5. Бизнес: 3 уникальные публикации – ER по кластеру равен 0,25 %;

6. Дети: 2 уникальные публикации – ER по кластеру равен 0,22 %.

Усредненное значение показателя вовлечения за анализируемый хронологический отрезок составило 0,345 %. Корректировка ценностного предложения официального сообщества Губернатора Вологодской области, фундаментальных оснований личного бренда, позволило повысить уровень вовлечения и лояльности пользователей на 0,048 %.

Выводы

Таким образом, на основании изложенного теоретического материала и результатов проведенного исследования релевантным

представляется заключение о том, что развитая бренд-философия, представляющая собой систему координат ценностей и смыслов бренда, способна не только привлекать к политическому деятелю лояльную аудиторию, исповедующую сходные идеи, но и трансформировать их качественно.

Разработка и концептуализация бренд-платформы представляется одним из наиболее важных столпов эффективного продвижения политического деятеля в социальных медиа, гарантирующих прицельную коммуникацию с целевой аудиторией проекта, а потому должна быть детально проработана с точки зрения предоставляемой пользователю добавочной стоимости, ценностного предложения.

Список источников

1. Володенков С. В., Ромашкина А. Б. Технологии интернет-коммуникации как инструмент влияния на функционирование современных институтов власти: Актуальные вызовы // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 33–40.
2. Гоголева Д. В. Особенности формирования российского политического бренда: на примере феномена личности В. В. Жириновского // Социально-гуманитарные знания. 2022. №4. С. 370–377.
3. Котлер Ф. Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому: технологии продвижения в интернете // Филип Котлер, Хермаван Картаджайа, Айвен Стевиан, Москва: Эксмо, 2020.
4. Огилви, Д. Огилви О рекламе // Д. Огилви. – М.: ЭКСМО, 2003.
5. Райхельд Ф., Марки Р. Искренняя лояльность. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
6. Стратегия: курс по авторской методологии бюро sēns. collective // sēns.collective. URL: <https://senscollective.tilda.ws/course/strategy> (дата обращения: 10.04.2023).
7. Этичный маркетинг // Eyes Platform URL: <https://eyesplatform.com/culturemarketing> (дата обращения: 10.04.2023).

The Role of Brand Philosophy in Increasing Political Trust on the Internet

D. A. Trifonov, G. V. Lukyanova

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
daniil12342@icloud.com*

Abstract. This article examines the theoretical foundations of the need for the formation of a sustainable brand platform of a political actor in order to maximise the effectiveness of its marketing activity in social media, the formation of a set of positive brand advocates. The aim of this study is to determine the contribution of brand philosophy as a set of values in increasing the level of political trust of users. Using the example of the VKontakte profile of the Governor of the Vologda Oblast, Oleg Kuleshov, the thematic focus of the published content is determined, as well as the level of audience loyalty and the degree of their positive reaction to the published materials. The development and design of a brand platform seems to be one of the most important pillars of effective promotion of a political figure in social media, ensuring targeted communication with the target audience.

Keywords: social media, brand, political image, political trust, political PR.

Культурный фактор в развитии сетевого дискурса (на примере общественного конфликта в Петрозаводске)

Д. А. Будко, А. И. Вьюкова, А. А. Денисова

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

St007796@spbu.ru, st078838@student.spbu.ru, st110945@student.spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются роль культурной политики в контексте развития общественных конфликтов и влияние культурного компонента в конструкте и развитии городского дискурса в виртуальной среде. Целью исследования является определение влияния культурного компонента в сетевом дискурсе на примере городского конфликта. В качестве примера взят конфликт, который произошел в 2020 году, в Петрозаводске между жителями и местной администрацией. Причиной послужил снос памятника герою Великой Отечественной войны Яше Степанову во время строительства детского сада в парке Каменный Бор. Данный конфликт имел не только культурную, но и духовную и экологическую компоненты. Изучение и анализ сетевого дискурса выполняется посредством критического дискурс-анализа трехуровневой модели Н. Фэркло, позволяющего рассматривать социальные и культурные практики.

Ключевые слова: культурная политика, культурное наследие, сетевой дискурс, критический дискурс-анализ, конфликт.

Введение

Культурная политика является одним из важных направлений деятельности современного государства. Как отмечает Л. Е. Востряков, само понятие «культурной политики» вошло в научный оборот относительно недавно [1, с. 9], что, однако, привело к появлению различных трактовок данного феномена. Одно из первых определений понятия «культурная политика» было введено в оборот в 1967 году в Монако участниками круглого стола ЮНЕСКО, и звучало оно следующим образом: «Комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства

в области культуры». Одновременно с этим реализация культурной политики рассматривалась как «вся сумма сознательных и обдуманых действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время» [8, р. 5–7].

Теоретическая рамка исследования

В формировании и реализации культурной политики принимают участие не только государственные, но и негосударственные акторы культурного и политического процессов. На важность участия государственных институтов в формировании культурной политики обращают внимание и многие исследователи. В частности, Д. Адамс и А. Голдбард, рассматривающие шесть основных направлений культурной политики, одним из которых является сохранение культурного наследия [7].

В российском политическом процессе значимость этого направления закреплена в стратегии государственной культурной политики до 2030 г. и представляет собой одной из задач культурной политики страны (обеспечение «сохранности объектов культурного наследия всех видов и категорий в интересах настоящего и будущего поколений населения») [5]. Задача сохранения культурного наследия представлена в России не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Однако в ряде ситуаций возможно появление конфликтов, связанных не только с возможностью сохранения культурного наследия, но и парадоксальное возникновения противоречий между выполнением различных задач региональными властями. При этом в подобных противоречивых ситуациях гражданам приходится выбирать ту или иную сторону.

Одним из случаев, демонстрирующих такие противоречия, является снесение памятника герою Великой Отечественной войны Яше Степанову во время строительства детского сада в Петрозаводске. В феврале 2020 года в петрозаводском парке Каменный бор власти начали стройку детского сада. Горожане выступили против данного строительства. Они организовывали протестные акции, подписывали петиции, направляли обращения в органы власти,

участвовали в общественных слушаниях. Одним из главных аргументов против строительства заключался в том, что был снесен памятник участнику Великой Отечественной войны Якову Степанову. Важно отметить, что он представлял для горожан города не только культурную, но и духовную ценность: местные жители заботились о его состоянии, к монументу приходили школьники, участники краеведческих клубов, пенсионеры.

Цели и методы исследования

Целью исследования являлось определение влияния культурного компонента в сетевом дискурсе на примере городского конфликта.

В рамках исследования была поставлена задача вычлнить основные линии развития дискурса в защиту природного объекта, проследить как видоизменялась, дополнялась общественная повестка в социальном медиа, какие формы репрезентации использовались в виртуальном пространстве.

Гипотеза состояла в том, что представление историко-культурных аргументов со стороны местных жителей внесло значительную роль в разрешении данного конфликта.

В качестве метода исследования выбрана трехмерная модель критического дискурс-анализа Нормана Фэркло. В рамках данной модели дискурс рассматривается в трех ипостасях: дискурс как текст, дискурс как дискурсивная практика, представляющая процессы производства текста, и дискурс как социальная практика. Особенностью трехуровневой концепции дискурса является то, что ее аналитическая структура предотвращает ошибку «текстоцентричности», распространенной среди прочих дискурс-анализов медийных текстов [2, с. 45]. Коммуникативное событие одновременно существует в трех измерениях и подлежит изучению в каждом из них. Данная модель позволяет получить значимые результаты, поскольку включается выявление социальной практики, охватывающей как дискурсивные, так и недискурсивные элементы [3, с. 147].

Социальная практика представляет собой обсуждение жителями Петрозаводска такого события как вырубке леса в парке «Каменный Бор», начавшейся в конце 2019 года. В качестве исследования сетевого дискурса местных жителей были использованы материалы сообщества «Защитники Каменного Бора» социальной

сети Вконтакте, а также новостные сюжеты местных журналистов для расширенного изучения освещения данной проблемы в медиа-пространстве.

В ходе исследования были определены основные события периода март 2020 – ноябрь 2021, в рамках которого происходило активное отстаивание гражданской позиции горожан в группе в социальной сети Вконтакте «Защитники Каменного Бора» [4]. В качестве основных коммуникативных событий выступали посты. Они были проанализированы с ракурса дискурсивной практики, включающей тип текста, степень интертекстуальности, степень интердискурсивности. Был осуществлен анализ текста и его конкретных особенностей: стиль (эвфемизмы, гиперболы, повторы, оценочные слова), грамматика (модальность). Анализ же социальной практики включал рассмотрение данного конфликта, выходящий за рамки виртуального пространства: причины, стадии развития, текущие результаты.

Основная часть

Обратимся к результатам исследования. Из основного материала: 55 постов из 132 содержали в основе тему культурного наследия, исторической памяти, освещая снос памятника Якова Степанова, что составляет 41,7 % из общей повестки противостояния защитников Каменного Бора и местной власти. Интертекстуальность выражена в различных формах от ссылок на юридические документы до записей обсуждений вопросов с депутатами и представлена в нескольких направлениях: ядром выступает агональный дискурс между жителями, борющимися за восстановление исторической памяти (41,7 %), экологический дискурс (55,6 %), направленный на защиту природного объекта против вырубки леса и между дискурсом местной власти, в том числе поддерживаемым горожанами, которые нуждаются в данных местах в детском саду.

Отметим, что дискурсивная практика, выступающая посредником между текстами и социальной практикой, включала разнообразные формы репрезентации материала: видео, снятые местными жителями, организация флешмобов в социальных сетях, яркие фотографии, фото и видео отчеты с места событий, выступления на радио и аудио материалы. Представленное разнообразие форматов находило яркую обратную реакцию у реципиентов: например, интервью Хра-

нителя Каменного Бора на Радио России набрало 4,3 тысячи просмотров, а фотография с места событий после сноса памятника составила колоссальное количество просмотров и комментариев.

С точки зрения рассмотрения дискурса как текста можем отметить, что стиль текста постов разговорный с элементами рассуждения: «кажется, мы даже знаем, что будет дальше», «как мы отнеслись к новостям?». Данный стиль, содержащий в том числе многочисленные эпитеты и гиперболы (например, «жутко обидно за предпринимателей», «...благодаря нашему нестихающему протесту»), усиливает понимание между членами сетевого дискурса, вызывает соответствующие реакции в комментариях (например, «надо идти и задавать вопросы», «нет уверенности, согласен»). Фигурирующим местоимением является «мы», что несущим признаки сплочения защитников Каменного Бора. Зачастую в постах прослеживался эпитет «неравнодушные», который лег в основу позиционирования жителей, отстаивающих общественное мнение.

Для полноты картины обратимся к рассмотрению этого конфликта региональными СМИ. Наиболее показательным примером является статья, наименование которой «Хранители против строителей» [6] от 29 мая 2020 года иллюстрирует сложившиеся противоречия на городском уровне, подчеркивая агональный характер. В данном информационном освещении прослеживается, что линия дискурса у общественников формируется вокруг того, что вырубка леса происходит незаконным способом без учета общественного мнения. В том числе поднимается вопрос о соблюдении законов исторического наследия.

«Мы, неравнодушные люди» – заголовок информационного сюжета включает консолидирующую функцию за счет употребления местоимения “мы”, основывающуюся на позиционировании жителей как неравнодушных людей, как тех, кому безразлична судьба не только природного, но исторического объекта. Лид содержит перлокуцию, направленную на реципиентов, формируя негативные эмоции за счет усиления противопоставления двух сторон: «жители Петрозаводска пытались отстоять», а «местные власти его снесли».

В сюжете можно отметить экспликацию мнений авторитетных лиц, которыми являются пенсионерки: заслуженная учительница Карелии и бывший бухгалтер. Этот важный тактический прием воссоздает картину значимости культурного и исторического наследия:

«...со слезами рассказывала, что каждый год на 9 Мая шли с цветами к могиле Яши Степанова и вспоминали своих родных».

Прослеживается дихотомия сторон: «мы пенсионеры, неравнодушные люди, восстановили памятник...», «а взрослые дяди взяли и все переломали». «Взрослые дяди» выступает гиперболой для создания контраста между пожилыми, отстаивающими историческую память о героях, и чиновниками, несущими ответственность за реализацию плана.

Выводы

Результаты исследования продемонстрировали, что культурный компонент при интенсификации дискурсов в рамках развития городского конфликта сыграл важную роль. Опирируя важностью сохранения культурного наследия и исторической памяти, жители Петрозаводска в течение нескольких лет отстаивали неприкосновенность природного объекта. Критический дискурс-анализ сетевого взаимодействия защитников Каменного Бора продемонстрировал, что в основе новостных повесток находился агональный дискурс в защиту как экологии, так и памятника. Культурная составляющая оказывала высокое воздействие на консолидацию граждан, а также расширяла освещение данной проблемы и в других сетевых региональных медиа.

Список источников

1. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: понятия и модели. СПб: Изд-во СЗИ РАНХиГС, 2011. 167 с.
2. Трахтенберг А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 44–52.
3. Тетерин А. Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического дискурс-анализа Н. Фэркло) // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 145–150.
4. Группа «Защитники Каменного Бора». URL: <https://vk.com/xranitelibora> (дата обращения: 28.01.2023).
5. Стратегия государственной культурной политики до 2030 г. URL: <https://culture.gov.ru/documents/strategiya-gosudarstvennoy->

kulturnoy-politiki-do-2030-g-utverzhdena-rasporyazheniem-pravitelstva-
rf-/ (дата обращения: 20.02.2023).

6. Хранители против строителей. В Петрозаводске начался суд по противостоянию в Каменном бору Об этом сообщает «Рамблер». URL: https://news.rambler.ru/other/44261571/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/other/44261571-hraniteli-protiv-stroiteley-v-petrozavodske-nachalsya-sud-po-protivostoyaniyu-v-kamennom-boru/ (дата обращения: 20.02.2023).

7. Adams D. and Goldbard A. Basic Concepts: Modes and Means of Cultural Policy-Making (1995, 1986) // Webster's World of Cultural Policy. URL: <http://www.wwd.org/policy/concepts.html> (дата обращения: 12.02.2023).

8. Cultural policy: a preliminary study. Paris: UNESCO. 1969. 51 p.

Cultural Factor in the Development of Network Discourse (the Case of Social Conflict in Petrozavodsk)

D. A. Budko, A. I. Vyukova, A. A. Denisova

St Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

St007796@spbu.ru, st078838@student.spbu.ru, st110945@student.spbu.ru

Abstract. The article examines the role of the implementation of cultural policy. The influence of the cultural component on the construction and development of urban discourse in a virtual environment is also investigated. The aim of the study is to determine the influence of the cultural component in the network discourse on the example of urban conflict. As an example is the conflict of 2020 in Petrozavodsk between residents and the local administration. The reason was the demolition of the monument to the hero of the Great Patriotic War, Yasha Stepanov, during the construction of a kindergarten in the Park with name Kamenny Bor. This conflict had not only cultural, but also spiritual and ecological components. The study and analysis of network discourse is carried out through a critical discursive analysis of N. Fairclough's three-level model, which allows us to consider social and cultural practices.

Keywords: cultural policy, cultural heritage, network discourse, critical discourse analysis, conflict.

Воздействие интернет-коммуникации на речевое поведение политической партии на примере агитационных медиатекстов партии «Новые люди» 2020–2021 гг.

В. А. Голоскоков

*Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
wsewolod1998@mail.ru*

Аннотация. Преодоление молодой партией «Новые люди» 5-процентного барьера в Государственную Думу РФ стало настоящей политической сенсацией. Впервые за 18 лет в Государственной думе была создана пятая фракция, чей успех, по мнению ряда экспертов, во многом обусловлен активным использованием медиапространства для своего позиционирования и продвижения. В данной статье предпринимается попытка анализа основных речевых тактик и приемов, к которым прибегла партия «Новые люди» с целью презентации себя целевой аудитории в рамках интернет-коммуникации. В результате проведенного контент-анализа агитационных медиатекстов партии были выделены разновидности юмористической тактики речевого поведения, к которой активно прибегает партия в 2020 году, а также показано последующее обращение к ним и на выборах 2021 года.

Ключевые слова: Новые люди, интернет-коммуникация, медиатехнологии, медиатекст, речевая тактика, каламбур.

Введение

В России, как и во всем мире, в последнее десятилетие все большую силу набирают процессы виртуализации и медиатизации сферы публичной политики. Благодаря развитию Интернета, происходит трансформация коммуникационных процессов, в которых участвуют социальные институты, в том числе и политические партии.

В лингвистике существует множество трактовок и схем стандартного процесса коммуникации, однако в любой из них присутствуют адресант, или субъект коммуникации, отправляющий сообщение, и адресат, или субъект, получающий сообщение. Сама же коммуникация осуществляется при помощи коммуникативного канала, который так или иначе может диктовать условия политикам и людям, принимающим решения. По замечанию Г. Г. Почепцова, особенности канала коммуникации и особенности восприятия информации человеком диктуют приоритеты, под которые и начинает подстраиваться политическая сфера [7, с. 11]. Не стал исключением и постепенный переход политической коммуникации в медиaprостранство, или к интернет-коммуникации.

Теоретическая рамка исследования

Как отмечает В. П. Коломиец, в условиях медиатизации и виртуализации публичной политики коммуникационное пространство становится все более прозрачным. Новые медиатехнологии позволяют выстраивать не только привычный диалог «потребитель – политический бренд», в рамках которого политический продукт понимается как символическая конструкция или как образ, но и обеспечивать взаимодействие «человек-человек» [4, с. 55]. Политическим партиям приходится становиться ближе к рядовым адресатам, которые нередко формируют мнение о социально-политической ситуации, ориентируясь на информацию и образы, представленные в медиaprостранстве.

В то время, как ряду уже достаточно давно существующих, «старых» политических партий приходится постепенно подстраиваться под условия Интернет-коммуникации, другие политические партии были созданы уже в период виртуализации и медиатизации политического пространства. К числу таких «новых» партий относится и партия «Новые люди», возникшая лишь в марте 2020 года, которую можно рассматривать в качестве успешного примера использования медиатехнологий для воздействия на общественно-политические процессы.

Согласно анализу социологов, ВЦИОМ, партия «Новые люди» активно использовала медиaprостранство для своего продвижения, что в результате и принесло ей значимые результаты [4]. Осоз-

новая необходимость повышения своей узнаваемости, партия уже в 2020 году начинает подготовку к выборам в Государственную Думу 2021 года, открывая ряд своих отделений по регионам и повышая свое присутствие в социальных сетях.

В результате выборов 2021 года партия «Новые люди» смогла набрать свыше 5 % голосов, пройдя в Государственную Думу. Впервые с 1999 года в Государственную Думу прошло более 4 партий, а «Новые люди» стали пятой партией, присоединившейся к устоявшейся еще с 2003 года четырехпартийной системе, подтвердив эффективность проведенной ими предвыборной агитации.

Цель и методы исследования

В рамках проведенного исследования посредством обращения к методу контент-анализа был проанализирован ряд агитационных медиатекстов партии «Новые люди» 2020–2021 годов, распространяемых посредством интернет-коммуникации. Целью исследования является выявление основных тактик и приемов речевого поведения, используемых партией «Новые люди» при подаче информации при помощи интернет-коммуникации. Объектом исследования стали агитационные медиатексты, размещенные политической партией «Новые люди» в социальных сетях и мессенджерах в 2020 и 2021 годах. Предметом исследования являются основные приемы и тактики, использованные партией в ее медиатекстах.

Основная часть

Интернет-коммуникация обладает целым рядом уникальных характеристик, что оказывает воздействие на особенности речевого поведения политических партий в ее процессе. Дистантность коммуникации и эффективность использования иллюстрированных, креолизованных текстов приводит к частому использованию видеороликов в качестве сообщений политических партий своей целевой аудитории.

В отличие от стандартного коммуникативного акта, интернет-коммуникация может быть прервана и снова возобновлена в любое время как со стороны адресанта, так и со стороны адресата.

В связи с данными особенностями интернет-коммуникации, адресант вынужден привлекать и удерживать внимание своей це-

левой аудитории, прибегая к ряду тактических речевых приемов и инструментов. В своей работе Г. В. Лукьянова отмечает, что в современных условиях увеличения скорости создания и потребления медиапродукции появляются новые медиатехнологии конструирования и распространения, в число которых входит и развлекательность политики (упрощение и схематизация сложных тем совместно с юмористической подачей). По мнению Лукьяновой, развитие информационных технологий «поспособствовало процессу трансформации политики в развлекательное шоу» [3, с. 132]. Однако, по своей сути, «новая» медиатехнология развлекательности является лишь заимствованным инструментом из области блогосферы.

В своих предвыборных агитационных материалах партия «Новые люди», презентуя себя избирателям, активно обращается к развлекательным элементам, обращаясь к юмористической речевой тактике. Так, на своем сайте и на страницах в социальных сетях «Новые люди» активно предлагали поучаствовать в юмористическом конкурсе «Большая П», подразумевая слово «перемена» и в то же время позволяя целевой аудитории домыслить возможное слово. Подобные неоднозначные тексты способны вызвать резонансную реакцию в социальных сетях и СМИ, способствуя тем самым повышению узнаваемости партии.

В своей совместной статье А. А. Попов и Е. А. Кожемякин отмечают, что блогжурналист не только транслирует информацию аудитории, но и увлекает последнюю, «заигрывая» с читателем. В результате создаются незавершенные тексты, которые могут дополняться как читателем, так и самим автором [5, с. 93].

В 2020 году «Новые люди» создали ряд агитационных роликов, отвечающих на «неудобные» вопросы о партии. В части из них ответы на вопросы приводились лишь в текстовом варианте, в других роликах отдельные кандидаты давали ответы в устной форме. Серьезные проблемы, такие как сомнения избирателей в самостоятельности и непричастности партии к Администрации Президента, также освещаются в юмористическом ключе, в том числе, и при помощи незавершенности, недосказанности.

Разновидностью недосказанности, активно используемой политической партией «Новые люди» в юмористическом ключе, является намеренное допущение ошибок с последующим их исправлением.

В анимационном ролике 2020 года, где изображена переписка партии с избирателем через мессенджер, во время объяснения причастности лидера партии А. Нечаева к Общероссийскому народному фронту, связанного с деятельностью администрации президента России, снова используется недосказанность. «Нечаев предлагал свои идеи рабочим группам, советам, ОНФ... Но в какой-то момент понял, что толку от этого нише...», в котором последнее слово позже заменяется на «нет». Таким образом адресатам предлагается самостоятельно продолжить слово и заодно благодаря его вульгарности «убедиться» в существовании дистанции между ОНФ и политической партией.

В том же анимационном ролике на вопрос, откуда партия «Новых люди» получает финансирование, набирается сообщение «Наши кандидаты ведут кампании на свои косметические», которое тут же корректируется словами «на свои средства». Таким образом партия намекает на компанию Faberlic, принадлежащую Нечаеву и являющуюся основным источником доходов партии, а также на то, что компания обеспечила возможность бесплатной раздачи жидкого мыла с символикой партии в рамках уличной агитации.

При ответе на вопрос, как «Новые люди» относятся к КПРФ, дается ответ «Как к бывшей, которую хочешь забыть, как кошмар», который тут же исправляется на другое сравнение – «Как к уходящему прошлому». Оппозиции «прошлое-будущее», «новое-старое» используются и в агитационном ролике 2021 года, в котором показан буйный пациент психоневрологического диспансера, называющий себя бывшим депутатом и получающий большую дозу успокоительного. В конце ролика озвучивается слоган «Успокойтесь, бывшие! Народ выбирает новых!» с очевидной отсылкой к названию партии.

Помимо очевидной оппозиции «новое-старое», в агитационных медиатекстах «Новых людей» встречается и мотив преемственности, когда новая партия заявляется как продолжательница дела партий старых. В другом видеоролике 2020 года партии «Новые люди» в очередной раз поднимается вопрос финансирования партии. Кандидаты от партии сообщают своей целевой аудитории, что основное финансирование «Новые люди» получают от своего лидера Алексея Нечаева, после чего используется фраза «Да, Нечаеву больше всех надо». Слоган «Да, нам больше всех надо!» так-

же используется партией на ее агитационных плакатах и баннерах 2021 года. Помимо содержания в себе вызова и выражения готовности к возможным трудностям, данный слоган может открыто выражать стремление партии получить как можно больше голосов, о котором «Новые люди» сообщали и в других медиатекстах. Например, отвечая в анимационном ролике 2020 года на вопрос о том, не является ли партия спойлером, дается ответ «Спойлеры оттягивают голоса у одних и отдают их другим. Мы свое забираем себе. Ну и от чужих бы не отказались)». Кроме выражения политических амбиций, слоган «Да, нам больше всех надо» также может являться аллюзией к партии «Союз правых сил».

Слоган «Больше всех надо» использовался партией «Союз правых сил» во время ее предвыборной кампании в Москве в 1999 году. Согласно задумке политтехнологов партии, жители Москвы должны были быть озадачены вопросами «Ты что, самый умный?» и «Тебе что, больше всех надо?», ответом на которые была фраза «Тогда голосуй за Союз правых сил». По мнению политолога Д. Солонникова, партия «Новые люди» по стилистике, по части своей программы и во много другом является инкарнацией проекта «Союз Правых Сил», при этом не обращаясь к помощи «старых либералов», а набирая действительно новых, интересных и молодых людей [8].

Таким образом, партия «Новые люди» не только претендует на привнесение нового в социально-политическую сферу, но и презентует себя как своеобразную «наследницу» пятой партии, в последний раз прошедшей в Госдуму помимо основных фракций. Многозначность смыслового содержания позволяет охватывать партии как можно более широкую аудиторию. Как отмечает С. П. Поцелуев, главным средством политического воздействия в эпоху медиа служит «не сама аргументированная речь, а стратегия, направленная на оккупацию значений слов и всевозможные смысловые манипуляции» [5, с. 62].

Одним из видов подобных смысловых манипуляций является игра слов, или семантический каламбур, активно используемый партией «Новые люди» в ее агитационных медиатекстах. Игра со значением и звучанием слов позволяет подавать информацию о партии в юмористическом ключе, избегая прямых ответов на болезненные вопросы.

Так, на озвученный в одном из агитационных роликов вопрос «О вас сейчас слышно из каждого утюга, зачем такая громкая кампания?», от лица партии следует ответ «Да, мы громкие. И да, нам есть что отутюжить». Согласно большому толковому словарю Кузнецова, слово «*утюжить*» означает «тщательно выгладить», в то же время имея разговорное значение «поколотить, избить кого-то» [1, с. 765]. Так или иначе, слово «отутюжить» в данном контексте означает, что партия обещает бороться с какими-то проблемами.

На вопрос, есть ли отделение партии в Петербурге и почему о партии не слышно, дается ответ «Скоро питерские утюги о нас расскажут. Со всех поребриков и во всех парадных». Тем самым партия обращается к культурному коду города Санкт-Петербург, самым известным проявлением которого являются лексические особенности.

Благодаря приему семантического каламбура, партия также обыгрывает многозначность используемых в агитационных текстах слов. Во многом это выражается в визуальном юморе в агитационных роликах. Так, во время освещения проблемы того, что деньги уходят из регионов в Москву, на экране постепенно возникает вереница следов от шагов. После того, как в ролике звучит фраза «Но сейчас новые вызовы», на экране демонстрируется входящий звонок от контакта «Перемены», что в очередной раз подчеркивает стремление партии к преобразованиям.

При помощи эксплуатации многозначности слов происходит перенос внимания с более важного, острого смыслового содержания на более повседневное, безобидное. В ролике партии «Новые люди», где на вопросы отвечает один из кандидатов от партии, звучит фраза «Кто мы такие, чего мы хотим и нравятся ли нам котики? Котики нравятся, и это, кстати, единственный спойлер». В данной фразе внимание целевой аудитории акцентируется на более повседневном значении «спойлер» – «преждевременно раскрытая важная информация, которая портит впечатление от произведения и разрушает интригу», а не на значении «политический кандидат на выборах, который не имеет шансов победить, но оттягивает на себя часть голосов за другого кандидата со сходной программой» [9].

«Тема котов» также является одним из элементов «развлекательности», своеобразным символом, к которому обращается партия,

стремясь интегрироваться в молодежную среду. Об этом говорит частое использование партией изображений котов в ее агитационных роликах, и обращение ею к слову «котизм», взятому из области молодежного сленга. При этом партия использует данную тему, подчеркивая тем самым свою близость и к «зеленой повестке».

Выводы

Таким образом, партия «Новые люди» в своих агитационных медиатекстах 2020-2021 годов, распространяемых в социальных сетях и мессенджерах, использует приемы, заимствованные из блогосферы. Для привлечения и удержания внимания целевой аудитории партия обращается к развлекательно-юмористической подаче информации, в то же время снимая серьезные и проблемные вопросы, возникшие у избирателей по отношению к новой партии.

Среди приемов юмористической тактики речевого поведения партии отдельно выделяются приемы игры слов, или семантического каламбура, а также использования недосказанности и неоднозначности. Медиатексты, содержащие данные тактики и приемы, способствовали повышению узнаваемости партии «Новые люди» и, как следствие, ее победе на выборах в Государственную Думу. Все это в очередной раз подтверждает важность изучения особенностей интернет-коммуникации в социально-политической сфере, а также исследования медиатехнологий воздействия политических акторов на целевую аудиторию в процессе Интернет-коммуникации.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. 1534 с.
2. Коломиец В. П. Медиатизация – социальный тренд // Философия коммуникативного пространства: расширяя Галактику. Мат-лы междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф. к 100-летию со дня рождения Герберта Маршалла Маклюэна. М., 2012. С. 51–56.
3. Лукьянова Г. В. Медиатехнологии конструирования постправды // Всероссийская научно-практическая конференция «Политика постправды и популизм в современном мире». Санкт-Петербург, 2017. С. 132-133.

4. Партия «Новые люди» на выборах-2021 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/partija-novye-ljudi-na-vyborah-2021> (дата обращения: 11.02.2023).

5. Попов, А. А. Журналистский блоггинг как новая форма профессиональной журналистики: опыт сравнения с «традиционной» журналистикой / А. А. Попов, Е. А. Кожемякин // Журналистика и медиаобразование-2010: сб. тр. IV междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 22–24 сент. 2010 г. / под ред. А. П. Короченского, М. Ю. Казак. Белгород, 2010. С. 89–94.

6. Поцелуев С. П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис, 1999. № 5. С. 62–76.

7. Почепцов Г. Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике // Межвуз. сб. науч. тр.: ПГПИИЯ, 1986. С. 10–17.

8. Солонников Д. «Новые люди» – инкарнация «Союза правых сил» [Электронный ресурс] // Центр прикладных исследований и программ. 2021. 21 сентября [сайт]. URL: <http://www.prisp.ru/opinion/8702-solonnikov-novye-lyudi-inkarnaciya-soyuza-pravyhsil-2109> (дата обращения: 04.02.2023).

9. Универсальный дополнительный практический толковый словарь [Электронный ресурс] / И. Мостицкий. 2005–2012. URL: http://mostitsky_universal.academic.ru/ (дата обращения: 08. 02. 2023).

**Impact of Internet communication
on the Speech Behavior of a Political Party
on the Example of Agitational Media Text
of the New People Party 2020–2021**

V. A. Goloskokov

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia*

Abstract. Overcoming the 5 % barrier to the State Duma of the Russian Federation by the young New People party became a real political sensation. For the first time in 18 years, the fifth faction was created in the State Duma, whose success, according to a number of experts, is largely due to the active

use of the media space for its positioning and promotion. This article attempts to analyze the main speech tactics and techniques used by the New People party in order to present itself to the target audience within the framework of Internet communication. As a result of the content analysis of the campaign media texts of the party, the types of humorous tactics of speech behavior that the party actively resorts to in 2020 were identified, and the subsequent appeal to them in the elections of 2021 was also shown.

Keywords: New people, Internet communication, media technologies, media text, speech tactics, wordplay.

Влияние новых медиа на национальную и космополитическую идентичность: регрессионный анализ

Е. Д. Каташевич, Г. С. Климова

*РАНХиГС, Москва, Россия
mr.egor.katashevich@gmail.com*

Аннотация. В настоящей работе предложена попытка оценки влияния новых медиа на процесс формирования национальной и космополитической идентичностей – относительно других видов медиа. Благодаря проведённому факторному анализу установлено, что обе идентичности по-разному зависят от параметров отождествления со страной, регионом внутри страны, уровнем национальной гордости, желанием сражаться за отечество, а также подозрением или, напротив, доверием к людям другой национальности и религии – что полностью совпадает с концептуализацией Р. Инглхарта. Далее благодаря построению многоуровневой регрессионной модели по методу REML были даны оценки роли медиа в формировании соответствующей идентичности. Было обнаружено, что интернет-сайты, телевидение и местами радио по-прежнему вносят существенный вклад в этот процесс. Социальные сети притом имеют важное значение для обществ с низким уровнем космополитизма.

Ключевые слова: новые медиа, национальная идентичность, национализм, космополитизм, многоуровневый регрессионный анализ, факторный анализ.

Введение

Одним из главных вопросов в исследованиях национальной и космополитической идентичностей является роль новых медиа и медиа вообще в процессе их складывания. Так, один из основателей науки о медиа Маршал Маклюэн отмечал, что именно печатная пресса позволила представителям различных этнических групп вообразить себя частью национальной общности [4, с. 305–307, 348–354] – тезис, который затем позаимствовал Бенедикт Андерсон, сделав идею влияния печатного капитализма на формирование

национализма центральной в своих теоретических разработках [1, с. 67]. В них, однако, значимым выступает не только фактор стандартизации языка, но и единство информационной сферы: такие медиаторы как газеты попросту не могли быстро снабжать определённое локальное сообщество новостями из разных точек континента, что во многом обусловило появление отдельных национальных государств (а не одного) на территории Латинской Америки [1, с. 85–86]. Впрочем, вследствие технологического развития медиа преодолели это ограничение. Ставшая сегодня реальностью почти мгновенная трансляция информации о событиях из самых удалённых уголков мира порождает небезосновательное предположение о расширении информационного горизонта человека и трансформации его идентичности в сторону большего космополитизма. Эта логика находит своё отражение в идеях «глобальной деревни» Маклюэна [4, с. 64] и всеобщей связности Энтони Гидденса [2, с. 20]. Тем не менее, у таких смелых заявлений находятся и оппоненты: в одной из своих работ Энтони Смит заявляет, что глобальная идентичность устроена принципиально иначе, нежели национальная, поскольку она лишена глубины исторической памяти, а, следовательно, не может занять нишу национальной [14, с. 177–180].

Справедливость вышеуказанных теоретических выкладок проверяется эмпирическими исследованиями. Для оценки значимости медиа в процессе формирования национальной или космополитической идентичности, как правило, задействуется массивный объём статистических данных, позволяющий строить сложные регрессионные модели. Они охватывают как проблему роли медиа в целом (не разделяя медиаторы на виды) [13], так и проблему, связанную с новыми медиа [15] – однако куда реже рассматривается вопрос влияния последних относительно всех остальных видов.

В этой связи можно сформулировать следующий исследовательский вопрос: какова роль новых медиа в формировании национальной и космополитической идентичностей относительно других видов медиа?

Теоретическая рамка исследования

Для составления регрессионной модели необходимо аккуратно исходя из возможностей сбора соответствующих данных концеп-

туализировать основные понятия: национализм, космополитизм и новые медиа. Источником здесь послужат результаты опросов 7 волны всемирного исследования ценностей (World Value Survey).

Как отмечает Тобиас Веррон, национализм, будучи дискурсивной формацией, содержит в себе 3 элемента: конструирование коллективной идентичности, которая обязательно должна быть «воображаемым сообществом» претензию на политический суверенитет, а также идею организации мирового порядка, состоящего из национальных государств [16, с. 21]. Каждый из этих аспектов необходимо учесть при подборе описывающих данное явление показателей. Первый аспект характеризуется главным образом чувством принадлежности к определённой общности, должной быть достаточно широкой для того, чтобы являться «воображаемой». В сочетании со вторым аспектом становится ясно, что границы этой общности задаются либо (1) границами страны, либо (2) границами определённого региона внутри неё (как, например, Шотландия внутри Соединённого Королевства) – при этом такой регион, как правило, должен быть больше города. Помимо этого, притязания на национальный суверенитет подразумевают (3) согласие сражаться за свою страну. Этот элемент является ключевым для многих теорий о национализме: так, он служит маркером национального чувства для Бенедикта Андерсона [1, с. 51], хотя Энтони Смит и замечает, что национализм вовсе не сводится к такому желанию [7, с. 11]. Эта оговорка является крайне важной: согласно Рональду Инглхарту, растущий уровень экзистенциальной безопасности способствует снижению устремлений воевать за родину [3, с. 160–162] – однако едва ли можно утверждать, что на этом заканчивается национальная идентичность. Наконец третий аспект указывает на отсутствие чувства единства с мировым сообществом, состоящим из чужаков – в этом отношении должна проявляться (4) заниженная ориентация на отождествление с глобальным миром (хотя это не означает, что националисты должны быть обязательно его противниками), а также (5) некоторая степень недоверия к представителям иной национальности и (6) религии. Как указывают Инглхарт и Норрис, религия также является серьёзным фактором в формировании недоверия к чужакам у людей, склонных к националистическим воззрениям [13, с. 182]; более того, степень связи

религиозной идентификации с протонационализмом, как это называет Хобсбаум, может быть достаточно значимой [8, с. 109–117]. В дополнение к этому Инглхарт уделяет внимание ещё одному параметру – (7) выражению гордости за свою страну.

Космополитизм, в свою очередь, предполагает ориентацию на мир в целом, не разделяя людей согласно их национальной принадлежности. Стало быть, понятие космополитизма строится на оппозиции к национализму: степень отождествления с мировым сообществом куда сильнее, идентификационные границы отдельного региона или страны преодолены, уровень подозрения по отношению к представителям другой национальности и религии меньше наряду с желанием сражаться за свою страну, национальная гордость не так значима – вот ключевые черты космополитической идентичности.

Под новыми медиа в настоящем исследовании будут пониматься все те устройства по передаче информации, причастные элементам следующего ряда: «веб-сайты, виртуальные миры, виртуальная реальность, мультимедиа, компьютерные игры, интерактивные инсталляции, компьютерная анимация, цифровое видео, кино, человеко-машинные интерфейсы» [6, с. 39]. Очевидно, что для всех этих сфер не могут быть найдены репрезентативные данные, поэтому придётся ограничиться интернет-сайтами, социальными сетями, электронной почтой, мобильными телефонами и телевизионной трансляцией.

Цель и методы исследования

Цель исследования заключается в выявлении силы влияния новых медиа на формирование националистической и космополитической идентичности относительно других видов медиа. Для её реализации потребуется выполнить следующие шаги:

1. подготовить исходные данные для анализа уровней национализма и космополитизма в соответствии с проведённой концептуализацией;
2. провести факторный анализ для определения показателей уровней национализма и космополитизма;
3. подготовить данные для многоуровневого регрессионного анализа;

4. построить многоуровневую регрессионную модель на основе метода REML (Restricted Maximum Likelihood).

Для анализа в качестве источника данных были выбраны результаты опросов 7-ой волны всемирного исследования ценностей (World Value Survey), проводившегося с 2017 по 2022 гг. [17]. Они содержат всю необходимую информацию для проверки проведённой ранее концептуализации. Для национализма показателю (показатели отмечены в скобках в разделе «теоретическая рамка исследования») 1 соответствует ответ на вопрос 257 («Насколько Вы чувствуете близость к своей стране?»), 2 – 256 («Насколько Вы чувствуете близость к своему графству/региону/округу?»), 3 – 151 («Разумеется, мы все надеемся, что более не дойдёт до войн, но если вдруг – будете ли Вы готовы сражаться за свою страну?»), 4 – 259 («Насколько Вы чувствуете близость к миру?»), 5 – 63 («Доверяете ли Вы людям другой национальности полностью, в некоторой степени, не очень сильно или же совсем не доверяете?»), 6 – 62 («Доверяете ли Вы людям другой религии полностью, в некоторой степени, не очень сильно или же совсем не доверяете?»), 7 – 254 («Насколько Вы гордитесь своей страной?») [Прим. – *авторский перевод вопросов*]. Были исключены респонденты, не ответившие хотя бы на один из вышеобозначенных вопросов; также был исключен ответ «у меня нет национальности этой страны» в вопросе 254. Все данные, кроме ответов на вопрос 151, были приведены к 100-значной шкале.

Для указанных параметров был проведён факторный анализ – полученные факторы были в дальнейшем использованы как зависимые переменные в регрессионном анализе. В матрице компонентов преобразования значения для показателей меньше 0,4 отбрасывались как несущественные.

Для оценки роли медиа в формировании национальной и космополитической идентичностей были отобраны ответы на вопросы 201–207; из набора данных были исключены респонденты, не давшие ответ хотя бы на один из вопросов; значения были преобразованы и уложены в 100-балльную шкалу. Таким образом, в набор данных вошли предикторы для частотности потребления информации из ежедневных печатных газет респондентом, частотности потребления информации из телевизионных источников, частотности потребления информации через радио, частотности потребления

информации с использованием мобильного телефона, частотности потребления информации по электронной почте, частотности потребления информации из веб-сайтов и частотности потребления информации из социальных сетей.

Выбор многоуровневой модели с регрессией обусловлен отсутствием возможности дать адекватные оценки коэффициентов для каждого предиктора с помощью обычной регрессии. Во-первых, в основании самой выборки по используемому виду медиа могут лежать латентные показатели, которые способны исказить результат анализа по МНК (например, возраст респондента определяет, использует он социальные сети или нет – в данном случае необходимо указать возраст в качестве отдельного предиктора, чтобы вычленил чистый результат влияния медиа). Во-вторых, как показали Норрис и Инглхарт на основе данных за 2005–2007 г., медиа действительно вносят вклад в формирование национальной или космополитической идентичности, однако степень их влияния определяется, в свою очередь, космополитичностью общества, в котором живут респонденты [13, с. 185]. Поэтому, как и в случае с предыдущей группой показателей, дабы показать «чистую» роль медиа необходимо учесть и космополитизм общества.

Относительно первой группы показателей (т. н. индивидуальный уровень) были выделены две подгруппы: демографические (*возраст и пол*) и социально-экономические (*доход и уровень образования*) показатели. Первому предиктору соответствует ответ на вопрос 262, второму – 260, третьему – 288, четвёртому – 275; для первого регрессора значения по шкале варьировались от 16 (минимальный возраст для проведения опросов WVS) до максимального возраста респондента, для второго были выставлены значения фиктивных переменных, для третьего была назначена шкала от 1 до 10, для четвёртого – от 0 до 8. Из набора данных были исключены респонденты, не давшие ответ хотя бы на один из вопросов.

На т. н. страновом уровне было выделено три показателя, так или иначе отображающих степень космополитизма общества (были отобраны в соответствии с методикой Инглхарта и Норрис [13, с. 311–312]) – индекс глобализации (KOF) [12], индекс свободы [9], а также ВВП на душу населения (за самый последний доступный его замер) [10]. Поскольку эти показатели имеют достаточно высо-

кую попарную корреляцию (> 0.56), то, дабы избежать проблемы мультиколлинеарности при построении регрессии, они были объединены в один индекс космополитизма – путём равновзвешенного сложения и деления на 3.

Помимо этого, был выделен также кросс-уровень: сюда были включены 7 предикторов, значение каждого из которых получается при умножении соответствующего определённого виду медиа предиктору на сконструированный индекс космополитизма.

Общий объём респондентов после проделанных операций составил 63 628 чел.; количество стран – 53. Значения используемых в модели регрессоров были стандартизированы с использованием метода z-scores. Многоуровневая регрессионная модель строилась в программе SPSS 26, использовался метод REML.

Основная часть

Результаты факторного анализа частично подтвердили выводы ранее проведённой концептуализации – отождествление с мировым сообществом оказалось не таким значащим фактором для космополитизма как доверие к чужакам, а отрицание этого отождествления стало несущественным для националистов. На основе этих факторов, используемых как зависимые переменные в регрессионном анализе, можно построить следующие регрессионные уравнения:

$$\begin{aligned}
 I. y_{nationalism} = & -1,33x_{age} + 0,7x_{gender} - 0,87x_{income} - 0,49x_{education} + \\
 & 1,52x_{newspaper} - 0,46x_{tv} + 1,09x_{radio} - 0,26x_{mobile\ phone} + 0,73x_{email} - 2,15x_{internet} \\
 & + 1,27x_{social\ media} + 6,36x_{cosm\_index} - 1,35x_{cosm*newspaper} - 2,23x_{cosm*tv} \\
 & - 2,08x_{cosm*radio} + 0,73x_{cosm*mobile\_phone} - 0,51x_{cosm*email} + 3x_{cosm*internet} - \\
 & 1,5x_{cosm*social\_media} - 9,02E-6; \\
 II. y_{trust} = & -1,04x_{age} + 0,2x_{gender} - 0,45x_{income} - 1,3x_{education} + 0,84x_{newspaper} \\
 & + 1,15x_{tv} + 0,25x_{radio} - 0,34x_{mobile\_phone} - 0,14x_{email} + 1,5x_{internet} - \\
 & 0,94x_{social\_media} - 1,57x_{cosm\_index} - 1,58x_{cosm*newspaper} + 1,58x_{cosm*tv} - \\
 & 1,32x_{cosm*radio} + 0,64x_{cosm*mobile\_phone} - 0,84x_{cosm*email} - 2,96x_{cosm*internet} + \\
 & 0,9x_{cosm*social\_media} - 1,66E-5,
 \end{aligned}$$

где $y_{nationalism}$ – фактор национализма, y_{trust} – фактор доверия к чужакам, x_{age} – возраст респондента, x_{gender} – пол респондента, x_{income} – доход ре-

спондента, $x_{education}$ – уровень образования респондента, $x_{newspaper}$ – частотность потребления информации из ежедневных печатных газет респондентом, x_{tv} – частотность потребления информации из телевизионных источников, x_{radio} – частотность потребления информации через радио, x_{mobile_phone} – частотность потребления информации с использованием мобильного телефона, x_{email} – частотность потребления информации по электронной почте, $x_{internet}$ – частотность потребления информации из интернет-сайтов, x_{social_media} – частотность потребления информации из социальных сетей, x_{cosm_index} – индекс космополитизма; остальные индексы показывают частотность потребления информации из соответствующего источника при условии её потребления в обществе с тем или иным уровнем космополитизма.

Поскольку на кросс-уровне каждый регрессор может быть представлен как $k_1 x_{media} + k_2 x_{cosm\_index}$, то можно упростить выражение:

$$k_1 x_{media} + k_2 x_{cosm\_index} = k_1 x_{media} + k_2 x_{cosm\_index} = (k_1 + k_2 x_{cosm\_index}) x_{media}$$

и получить:

$$I. \quad y_{nationalism} = -1,33x_{age} + 0,7x_{gender} - 0,87x_{income} - 0,49x_{education} + (1,52 - 1,35C)x_{newspaper} + (-0,46 - 2,23C)x_{tv} + (1,09 - 2,08C)x_{radio} + (-0,26 + 0,73C)x_{mobile\_phone} + (0,73 - 0,51C)x_{email} + (-2,15 + 3C)x_{internet} + (1,27 - 1,5C)x_{social\_media} + 6,36C - 9,02E-6;$$

$$II. \quad y_{trust} = -1,04x_{age} + 0,2x_{gender} - 0,45x_{income} - 1,3x_{education} + (0,84 - 1,58C)x_{newspaper} + (1,15 + 1,58C)x_{tv} + (0,25 - 1,32C)x_{radio} + (-0,34 + 0,64C)x_{mobile\_phone} + (-0,14 - 0,84C)x_{email} + (1,5 - 2,96C)x_{internet} + (-0,94 + 0,9C)x_{social\_media} - 1,57C - 1,66E-5$$

где C – индекс космополитизма.

После проведения такой операции можно при фиксированном уровне космополитизма в обществе оценить минимальное и максимальное значение коэффициента при x_{media} .

При наиболее высоком уровне космополитизма в обществе и высокой же частоте потребления информации из каждого вида медиа наибольший вклад в формирование национальной идентичности вносят телевидение, радио, а также несколько меньшее – использование социальных сетей, – в то время как на деконструкцию национальной идентичности больше всего влияют веб-сайты. Это связано

с устройством экономики, поскольку благодаря высоким уровням глобализации и ВВП на душу населения новые технологии коммуникации получают всё более широкое распространение, а следовательно, начинают составлять конкуренцию традиционным медиа. Однако разнонаправленное воздействие веб-сайтов и социальных медиа в этом случае, по-видимому, объясняется чем-то иным. Возможно, здесь имеет место меньшая теплота [5, с. 35] социальных сетей: например, в некоторых из них присутствует либо прямое ограничение на длину текстового или видеосообщения, либо не прямое, когда автору очевидно пагубное влияние длинных сообщений на удержание аудитории – эта структурная особенность социальных сетей приводит к высокой неопределённости у потребителя контент. В то же время новостные веб-сайты являются «горячими» медиа, поскольку наполненность информацией на этих платформах из-за отсутствия подобных ограничений становится куда выше.

Между тем, если в обществе будет крайне низкий уровень использования медиа, то результат будет почти прямо противоположным. Роль традиционных медиа – ежедневных газет – сравнительно ниже, хотя не сильно отличается от влияния социальных сетей. Тем не менее, с учётом снижения объёмов продажи печатной прессы, что отмечает Хабермас [11, с. 50], эффект от снижения частоты потребления информации из неё может привести к значительному ослаблению национальной идентичности. При наиболее низком уровне космополитизма в обществе ситуация схожа с той, что наблюдаются при наиболее высоком уровне, однако роль медиа здесь заметно выше: возрастает роль газет, влияние радио резко превосходит влияние телевидения – это несколько опровергает выводы Инглхарта о возрастающем влиянии медиа на конструирование идентичностей в обществах с более высоким индексом космополитизма, однако в обществах с низким его значением, поскольку оно зависит от ВВП на душу населения, частота потребления медиа сравнительно меньше, а стало быть, роль медиа в таком случае действительно может быть нивелирована.

Ситуация с космополитической идентичностью сходна с описанным выше. Однако есть и различия: так, при максимальном уровне космополитизма в обществе социальные сети оказывают наименьшее влияние, притом роль газет гораздо выше – для некосмополитично-

го общества он даже обходит показатель для телевидения. Впрочем, несравнимо большей остаётся степень воздействия интернет-сайтов на конструкцию идентичности.

Выводы

Проведённое исследование позволило установить некоторые противоречия с тезисами, изложенных Норрис и Инглхарт. Вместе с тем оно подтвердило верность концептуализаций национализма и космополитизма. Также было установлено, какова роль новых медиа относительно других их видов в процессе конструирования национальной и космополитической идентичностей: важными являются телевидение, веб-сайты, социальные сети и радио; газеты в силу уменьшающегося на них спроса, хотя и имеют высокий потенциал – особенно для (де)конструкции космополитической идентичности на деле же просто оказываются незначимым фактором.

В качестве перспектив дальнейшего исследования важным шагом стала бы перепроверка данной модели на свежих данных евробарометра и европейского исследования ценностей (EVS), а также создание теории, способной качественно проинтерпретировать полученные данные. Помимо этого, перспективным видится построение многоуровневой регрессионной модели с учётом других типов медиа, а именно видеоигр, виртуальной реальности и пр. – однако это требует, по-видимому, самостоятельного сбора данных.

Список источников

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковой. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.

3. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под. ред. М. А. Заводской, В. В. Костенко, А. А. Широкановой, науч. ред. Э.Д. Понарин. – Москва: Мысль, 2018. – 347 с.

4. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека, печатающего / пер. с англ. И. О. Тюриной. – 5-е изд., испр. – М.: Академический проект, 2022. – 443 с.

5. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. – 5-е изд., испр. – М.: Кучково Поле, 2019. – 464 с.

6. Манович Л. Язык новых медиа / Лев Манович – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.

7. Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. (Серия «Новая наука политики»). – 459 р.

8. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильев – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.

9. Countries and Territories / Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores?sort=asc&order=Country> (дата обращения: 25.02.2023).

10. GDP per capita (current US\$) / The World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?end=2021&name_desc=false&start=1960&view=chart&year=2020 (дата обращения: 25.02.2023).

11. Habermas J. 2022. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. – Berlin: Suhrkamp Verlag AG. – 109 p.

12. KOF Globalisation Index / ETHzürich. URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (дата обращения: 25.02.2023).

13. Norris P., Inglehart R. Cosmopolitan Communications: Cultural Diversity in a Globalized World -NY: Cambridge University Press, 2009. – 447 p.

14. Smith A. Towards a global culture? / In Global Culture. Ed. Michael Featherstone. London: Sage, 1995. – P. 171–189.

15. Verboord M. Internet usage and cosmopolitanism in Europe: a multilevel analysis / Information, Communication & Society, 20:3, 2017 – P. 460–481. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1187193.

16. Werron T. Der globale Nationalismus – Berlin: Nicolai Publishing and Itelligence GmbH, 2018. – 82 s.

17. World Values Survey Wave 7 (2017–2022). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 25.02.2023).

The Impact of new media on National and Cosmopolitan Identity: Regression Analysis

E. D. Katashevich, G. S. Klimova,

*RANEPA, Moscow, Russia
mr.egor.katashevich@gmail.com*

Abstract. In the current work an attempt of evaluation of new media impact on the process of national and cosmopolitan identity formation in the context of influence with other sort of media has been suggested. Through the conducted factor analysis, it is set that both identities are dependent (in different directions) on the following parameters: belonging to a country, to a region within the country, national pride level, desire to fight for the motherland and also suspicion or vice versa trust to another nationality and religion – which is wholly matched with Inglehart's conceptualization. At the second step through the building multi-level regression model according to REML method there have been made estimates for role of media in forming the identities. It has been revealed that internet sites, television, and partially radio still make a significant contribution here. Social media have an important role for societies with lower cosmopolitanism level.

Keywords: new media, national identity, nationalism, digital media, cosmopolitanism, multilevel regression analysis, factor analysis.

Цифровые технологии как фактор развития высшего образования современного Казахстана

Э. Р. Бурангулов

*Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа, Россия
burangulovemil@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется роль цифровых технологий в системе высшего образования Республики Казахстан. По результатам контент-анализ 53 материалов, опубликованных на портале Министерства науки и высшего образования РК и на новостных сайтах с 1 января 2019 г. по 01 октября 2022 г., а также пяти фокус-групп с участием двадцати трех экспертов автор пришел к выводу, что цифровые технологии стали ведущей силой в высшем образовании в Республике Казахстан, они способствуют повышению качества образования, ответственности вузов, интеграции казахстанской высшей школы с европейским образовательным пространством, увеличивают доступа к высшему образованию, способствуют открытию филиалов ведущих международных вузов в республике, повышают престижа высшего образования, приближают его к условиям рынка.

Ключевые слова: государственная политика в сфере высшего образования, высшее образование, Республика Казахстан, цифровизация, цифровые технологии.

Введение

Многофункциональные интернет-платформы («Университет без границ», Moodle, iSpring), онлайн-инструменты (Kahoot, Buncsee, Quizizz), виртуальные доски (MIRO, Twiddla, Scribblar) и др. стали стратегическими составляющими современной высшей школы и способствует ее совершенствованию. Особенно выпукло их роль проявляются в ходе очередного этапа трансформации системы высшего образования. Республики Казахстан как раз проходит

один из таких этапов. Эта страна имеет с Россией общую историю, наиболее протяженную границу, сталкивается со схожими проблемами. Поэтому представляется целесообразным провести анализ роли цифровых технологий в развитии высшей школы Казахстана, что позволит дополнить современное научное знание и станет полезным для решения вопроса об отечественной стратегии модернизации высшего образования.

Теоретическая рамка исследования

Основана на подходе к классическому образованию В. Гумбольдта и Р. К. Мертона, концепциях «академического капитализма», «предпринимательского университета», «нового менеджериализма» [1, 2, 3, 4].

Цель и методы исследования

Для выявления роли цифровых технологий в развитии высшего образования современного Казахстана автор проделал контент-анализ 53 материалов, опубликованных на портале Министерства науки и высшего образования РК и на новостных сайтах с 1 января 2019 г. по 1 октября 2022 г., а также посредством приложения «Яндекс.Телемост» провел пять фокус-групп с участием двадцати трех экспертов, отобранных по принципу однородности и соответствию следующим параметрам: возраст от 35 до 45 лет, работа в вузах Казахстана как основная на момент проведения исследования со стажем не менее пяти лет.

Основная часть (результаты сбора данных)

Эксперты свидетельствуют, что во многом благодаря интенсивному внедрению цифровых технологий в Казахстане удалось выстроить систему высшего образования, квалификация которой в сентябре 2020 г. была признана соответствующей европейским стандартам. Еще одним подтверждением является включение 16 казахстанских вузов в тысячу лучших университетов рейтинга Quacquarelli Symonds World University Rankings, при этом Казахский национальный университет им. аль-Фараби оказался в топ-200.

Одной из наиболее значительных цифровых новаций опрошенные назвали введение системы идентификации и регистрации

в Национальной образовательной базе данных дипломов о высшем образовании в рамках перехода с 2021 г. казахстанских вузов (за исключением военных и специальных) на дипломы собственного образца взамен дипломов государственного образца. Эта мера демонстрирует не только повышение уровня инноваций, но позволит повысить степень ответственности вузов за качество образования, стимулирует конкуренцию, приблизит образование к условиям рынка труда.

Эксперты отметили, что использование многофункциональных интернет-платформ обучения (Moodle, iSpring, WebTutor, Teachbase, GetCourse, Memberlux), онлайн-инструментов (Kahoot, Buncce, Quizizz, Padlet, My simple show, Peardeck, Labster, Istation), виртуальных досок (MIRO, Twiddla, Scribblar) упростит реализацию программ по открытию и работе в стране филиалов ведущих зарубежных вузов: филиала британского Университета Де Монтфорт Лесте и др. четырех, открытие которых планируется к 2025 г.

Опрошенные выделили такие проблемы в использовании цифровых технологий при удаленном обучении, как привлечение и удержание внимания студентов; постановка занятия в режиме онлайн занятия и др. Отдельно была отмечена необходимость решения вопроса из сферы цифрового права, касающегося авторских прав на запись и распространение лекций без согласия преподавателя.

Выводы

Авторское исследование показывает, что цифровые технологии стали ведущей силой в высшем образовании в Республике Казахстан, они способствуют повышению качества образования, ответственности вузов, интеграции казахстанской высшей школы с европейским образовательным пространством, увеличивают доступа к высшему образованию, способствуют открытию филиалов ведущих международных вузов в республике, повышают престижа высшего образования, приближают его к условиям рынка.

Список источников

1. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине, Современные стратегии культурологических исследований: сборник, РГГУ, М., с. 68–83.

2. Clark B. . Collegial Entrepreneurialism in Proactive Universities: Lessons from Europe, *Change*. Vol. 32. № 1. P. 10–19.

3. Merton R. (1973), *The Sociology of Science*, Chicago University Press, Chicago, 606 p.

4. Slaughter S., Leslie L. (1997), *Academic Capitalism: Politics, Policies and the Entrepreneurial University*, Johns Hopkins University Press, 276 p.

Digital Technologies as a Factor in the Development of Higher Education Modern Kazakhstan

E. R. Burangulov

Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia

burangulovemil@mail.ru

Abstract. The article analyzes the role of digital technologies in the higher education system of the Republic of Kazakhstan. According to the results of the content analysis of 53 materials published on the portal of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan and on news sites since January 01, 2019. by October 01, 2022, as well as five focus groups with the participation of twenty-three experts, the author came to the conclusion that digital technologies have become a leading force in higher education in the Republic of Kazakhstan, they contribute to improving the quality of education, the responsibility of universities, the integration of Kazakh higher education with the European educational space, increase access to higher education, the opening of branches of leading international universities in the republic, increase the prestige of higher education, bring it closer to market conditions.

Keywords: state policy in the field of higher education, higher education, the Republic of Kazakhstan, digitalization, digital technologies.

Внедрение цифровых технологий в российской высшей школе: опыт и перспектива

Н. А. Иванько, Е. В. Дроздова

*РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва
natalya-ivanko@yandex.ru, vitadro@mail.ru*

Аннотация. Начавшийся стихийно в период пандемии процесс внедрения дистанционных образовательных технологий к 2023 году приобрёл черты управляемого и направленного к определённым целям процесса «цифровизация образования», ставшим основой для дискуссий в профессиональных кругах, в орбиту которых втянуты учащиеся, педагогический состав вузов, система управления образованием, работодатели – представители государства и бизнеса широкая общественность.

В статье актуализируется обращение к опыту внедрения цифровых технологий в высшем профессиональном образовании, к анализу изменения требований к качественным параметрам подготовки кадров в цифровом обществе. Исследуются возможности и риски внедрения цифровых технологий в российской системе высшего образования, огромный человеческий потенциал и богатый методологический инструментарий которой направлены на решение не только задачи подготовки востребованных кадров, но и в формировании новых подходов к работе в системе высшего образования цифрового общества.

Ключевые слова: онлайн-обучение, цифровизация образования, дистанционные технологии, высшее образование, новые подходы.

Введение

Важность освоения навыков онлайн-обучения студентами и цифровизация вузов признается на национальном, европейском и международном уровнях, поскольку владение подобными навыками является жизненно необходимым условием для дальнейшего успешного участия в социальной жизни и профессиональной деятельности, реализация стратегии цифровизации является приоритетной задачей вузов.

В марте 2020 г., после объявления Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ) пандемии COVID-19, Россия вместе с остальным миром столкнулась с новой реальностью, затронувшей все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и высшее образование. Вузы были вынуждены прекратить привычный и понятный формат образовательной деятельности, распустить по домам студентов и преподавателей, перейти на онлайн-обучение.

Активное внедрение цифровых технологий в учебный процесс (онлайн курсы, использование смешанных форм обучения и мультимедийных технологий, цифровые библиотеки) обеспечивает новые возможности для развития университетов, более широкий доступ к информации более широкому кругу студентов и ученых, способствует формированию глобального информационного общества, развитию межвузовского сотрудничества и информационному обмену между университетами. Необходимо отметить, что развитие цифрового сегмента образовательных услуг – это императив времени и приоритет образовательной политики, который предусматривает использование информационно-коммуникативных технологий для активного и эффективного межстранового сотрудничества с целью взаимообогащения и обмена опытом в сфере образования.

Теоретическая рамка исследования

Проблематике экстраординарного перехода онлайн-обучение в период пандемии посвящены работы О. С. Кошевого, И. Г. Хохловой, С. В. Дудкиной [4] и др., опыт дистанционного формата обучения освещает в своей работе И. И. Лившиц [5], возможности развития и перспективы системы дистанционного образования стали предметом исследования А. В. Хуторского [13] и С. А. Щенникова [14], социальные результаты цифровизации высшего образования – В. Н. Мининой [6], меры государственной поддержки и регулирования высшего образования в период пандемии анализируют Е. В. Дроздова, Е. М. Кирсанова [2] и др., модели проектирования цифровой образовательной среды стали объектом исследования А. В. Соловова [11], А. Ю. Уваров анализирует как на основе использования цифровых технологий возможно достижение необходимых образовательных результатов цифровой трансформации образования [13].

Цель и методы исследования

Цель исследования – на основе анализа подходов к изучению российского опыта внедрения цифровых технологий в процесс обучения в высшей школе сформировать системное видение перспективы данного процесса в высшем образовании. Основные методы исследования – сравнительный, лежащий в основе изучения различных подходов к проблеме внедрения цифровых технологий в процесс обучения, статистический, основанный на изучении статистических данных по динамике изменения численности студентов, обучаемых в дистанционном формате с элементами онлайн, системный, позволяющий исследовать процесс внедрения электронного обучения как сложную систему взаимосвязанных элементов, целенаправленную и обладающую определёнными ресурсами.

Результаты сбора данных

Термин «цифровые технологии» применительно к образованию используется сравнительно недавно, поскольку пришел на смену привычным «информационным технологиям» в результате появления значимых в социальном поле программ цифровизации всех сфер общества. Ещё в 2019 году в коллективном труде исследователи Высшей школы экономики, констатировали невостребованность инновационных моделей учебной работы и предлагали расширить действующую модель обучения развитием образовательных интернет-сервисов, цифровых инструментов учебного процесса, дистанционных образовательных технологий [12]. Таким образом, цифровые образовательные технологии – это инструментарий инновационного учебного процесса, основанные на использовании электронных систем с целью улучшения качественных параметров образования.

В допандемийном мире использование в высшей школе цифровых образовательных технологий носило вспомогательный характер, так как они являлись лишь элементом общей образовательной системы высшего образования. Однако, пандемия Covid-19, охватившая все страны мира, придала серьезное ускорение цифровой трансформации образования – первым в понятие «дистанционное обучение» («электронное обучение») прочно основалось в образовательной системе. Перевод образовательной среды высшей шко-

лы в цифровой формат становится государственной стратегической задачей, направленной на развитие онлайн-обучения, создание информационного ресурса [6].

В короткие сроки система высшего образования России, как и других стран, была вынуждена внедрять онлайн-технологии на практике. Альтернатива – прекращение обучения на время – в условиях неопределенности означала риск развала всей системы высшего профессионального образования. Параллельно потребностям образовательного рынка стали востребованы онлайн-платформы, позволявшие в синхронном режиме проводить занятия в рамках существующего традиционного расписания (Skype, Zoom, Вконтакте, Teams и др.). Бывшие вспомогательными системы дистанционного обучения не позволяли в короткие сроки решить проблему обучения, в одночасье переместившемся в онлайн.

Тем не менее благодаря имеющимся онлайн-технологиям в сжатые сроки вузы смогли перестроить образовательный процесс, сохранить образовательное пространство, начать процесс развития (формирования) цифровой образовательной среды. Первым результатом перевода занятий в онлайн стала интенсификация информационной составляющей, что по мнению исследователей, не могло не сказаться на возрастании степени напряженности коммуникативного пространства [, с. 20].

Проблемная ситуация COVID-кризиса, выразившаяся не только на национальном, но и на глобальном уровне, убедительно продемонстрировала необходимость межстрановой консолидации для «политической культуры устойчивого развития нашей планеты» [10, с. 6]. Так, различные государственные и частные учреждения, а также вузы по всему миру объявили о временном отказе от платы за пользование электронными архивами библиотек, научных институтов и музеев, открытой подписке мультимедиа-платформ, что позволило студентам и преподавателям, находящимся на самоизоляции, не прерывать научно-исследовательское сотрудничество и образовательную деятельность. Наиболее популярными отечественными электронными платформами среди преподавателей и студентов были «Открытое образование» [7] и Webinar.ru [16]. Бесплатный доступ к электронным ресурсам в период пандемии открыли Zoom, Big Blue Button, Coursera и др.

Анализ документов, опубликованных по итогам мониторингов, а также материалы академических исследований, свидетельствуют о том, что дистанционное образование, которое в период пандемии стало главной и единственной формой учебного процесса, выявило ряд социально-экономических и политических проблем и противоречий, которые сохраняются в образовательной политике и в постпандемийное время и негативно влияют на ее развитие, в особенности высшей школы [9].

Опыт организации процесса обучения в новом режиме обнаружил множество вопросов – технического, технологического, дидактического, этического характера, решение которых определило направление государственной политики в сфере высшего образования на несколько лет вперед. Анализ опыта интеграции цифровых технологий в учебный процесс вуза в пик перевода в дистанционный формат во время пандемии выявил целый блок проблем:

1. Исследователи отмечают снижение качества преподавания и недостаточную цифровую грамотность большей части профессорско-преподавательского состава вузов, выразившуюся в неготовности использовать возможности этой формы обучения. Помимо этого, не все предметные области (например, естественно-научные курсы, медицина, творческие специальности) возможно приспособить к онлайн-формату. Таким образом, основной задачей стала необходимость ускоренного обучения цифровым навыкам профессорско-преподавательского состава вузов (помимо профессиональных и педагогических компетенций преподаватель должен обладать цифровыми).

2. Отсутствие единых стандартов онлайн-обучения привело к разнице в подготовке специалистов одного направления в разных вузах (в зависимости от степени развитости цифровой среды вуза). Кроме того, новая система потребовала изменения параметров программ (скорости обновления содержания, его структуры, изменения форм и работы в режиме онлайн, формирование этических принципов в работе онлайн).

3. Онлайн-обучение обострило проблему социального неравенства. В первую очередь это коснулось малообеспеченных студентов, не имеющих в своем распоряжении необходимых ресурсов и технологических средств, студентов с ограниченными возможностями,

а также вузов, которые расположены далеко от крупных городов и не обладающих надежной инфраструктурой. Это замедляет процесс проникновения цифровых технологий и создает сложности для развития цифровых образовательных сервисов и ресурсов.

4. Недостаток развития собственной цифровой инфраструктуры региональных вузов приводит к оттоку потенциальных студентов, готовых обучаться удаленно, в столичные вузы с хорошим ресурсным обеспечением онлайн-образования. Подобная практика не только усиливает социальное расслоение общества, но и может привести к разрушению академической инфраструктуры регионов.

5. Смещение образовательных процессов в сторону цифровых сред, определяет ухудшения материального и социального статуса профессорско-преподавательского состава вузов. Многие университеты успешно используют дистанционный формат для увеличения контингента обучающихся. При этом, у преподавателя, ведущего онлайн-занятия при повышении объема нагрузки наблюдается снижение оплаты труда, что приводит к принижению роли преподавателя и снижению качества обучения.

6. Появление на рынке монополии цифровых образовательных сервисов крупных компаний, достаточно быстро реагирующих на спрос и представляющих конкуренцию вузам – Яндекс.Практикум, GeekBrains, Skillbox, SkillFactory, Алгоритмика, СберУниверситет и др.

Среди безусловных плюсов цифровых образовательных технологий исследователи выделяют: предоставление студентам из других регионов возможности учиться в столичных вузах, расширение возможностей межвузовского академического сотрудничества, гибкие форматы онлайн, позволяющие привлекать в вузы талантливые профессорско-преподавательские кадры, индивидуализация процесса обучения и повышение мотивации студента.

Влияние ограничительных государственных мер на массовизацию электронного обучения в высшей школе бесспорно: по данным исследователей, на начало 2019/2020 учебного года с применением дистанционных образовательных технологий обучалось лишь 13,0 % студентов обучались, электронное обучение охватывало 20,5 %, но уже к 2020/2021 учебном году соответственно – 47,4 % и 37,5 % [3].

Цифровой инструментарий не является панацеей от проблем, накопившихся в высшей школе, но внедрение цифровых технологий спровоцировало активизацию механизма ее адаптации к динамическим процессам на рынке труда. Безусловно, ускоренный переход на онлайн-формат всей системы был бы невозможен без предварительной работы профессионалов, которые разрабатывали законодательные основы (ФГОС ВО 3++), внедряли платформенные решения в электронную информационно-образовательную (цифровую) среду, разрабатывали программы повышения квалификации профессорско-педагогического состава, развивали организационно и технологически сферу онлайн высшего профессионального образования. Наиболее успешной практикой для российской высшей школы сегодня является смешанное обучение, которое позволяет, не утрачивая потенциал традиционного образования, построенного на живой коммуникации, используя цифровые технологии, развивать цифровые навыки преподавателя и студента.

Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования, принятая 21 декабря 2021 г., для максимальной реализации потенциала цифровых технологий предусматривает распространение новых моделей работы в высшей школе, основанных на новых цифровых инструментах и сервисах, системе непрерывного профессионального развития, организационные и инфраструктурные изменения при поддержке участников [8].

Выводы

Принимая во внимание массовое и во многом эффективное использование цифровых технологий в современном отечественном высшем образовании, одной из первоочередных задач государственной образовательной политики в области высшей школы является разработка на государственном уровне комплекс мер, обеспечивающих равный доступ к цифровым образовательным возможностям, для их более продуктивного применения.

Примером успешной реализации государственной политики в сфере высшего образования становится активное участие вузов наряду с провайдерами онлайн-образования в достижении целей федерального проекта «Кадры для цифровой экономи-

ки» программы «Цифровая экономика» в реализации программ повышения квалификации, ориентированных на формирование цифровых навыков учащихся, с другой стороны – запланировано обучение 80 000 преподавателей высшего и среднего профессионального образования по новым программам для освоения цифровых компетенций.

На наш взгляд, итогом внедрения цифровых образовательных технологий в высшей школе как результата государственной политики на создание организационных и инфраструктурных условий для успешного использования цифрового инструментария, должно стать формирование и распространение новых педагогических практик, основанных на постоянном профессиональном развитии педагогов и цифровой образовательной среды.

Список источников

1. Авдеева И. А. Этико-коммуникативные проблемы дистанционного обучения // Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды XII Международной научно-теоретической конференции. СПб., 2020. С. 243–247.
2. Дроздова Е. В. Кирсанова Е. М. Реализация образовательной политики в высшей школе современной России в условиях дистанта: противоречия и конфликты // Конфликтология. 2021. Т. 16, № 3. С. 126–134.
3. Индикаторы образования: 2022: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2022. URL: <https://issek.hse.ru/news/557242573.html> (дата обращения: 03.03.2023).
4. Кошевой О. С., Хохлова И. Г., Дудкина С. В. Модель оценки и нивелирования проблем «шокового» перехода на дистанционное обучение в современном вузе // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Т. 16. № 3. С. 303–321.
5. Лившиц И. И. Дистанционный формат обучения: риски и возможности // Стандарты и качество. 2020. № 10. С. 102–107.
6. Минина В. Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 84–101.
7. Национальная платформа «Открытое образование». URL: <https://openedu.ru> (дата обращения 02.03.2023).

8. Распоряжение Правительства РФ «Стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования» № 3759-рот 21 декабря 2021 г.

9. Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Выпуск 1. Основные тренды цифровизации высшего образования. М., 2021. 44 с.

10. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г. В. Осипов, В. К. Левашов, С. В. Рязанцев [и др.]. М.: «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. 532 с.

11. Соловов А. В. Модели проектирования и функционирования цифровых образовательных сред // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 01. С. 144–155.

12. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под редакцией А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 31.

13. Уваров А. Ю. Цифровая трансформация учения и обучения / Современное образование: векторы развития, Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования // Материалы международной конференции / под общей редакцией М. М. Мусарского, Е. А. Омельченко, А. А. Шевцовой. М.: МПГУ, 2018. С. 189–228.

14. Хуторской А. В. Каковы перспективы дистанта в образовании? Ответы А. В. Хуторского на вопросы // Вестник Института образования человека. 2020. № 1. С. 19.

15. Щенников С. А. Развитие системы открытого дистанционного профессионального образования: автореф. ... докт. пед. наук. Москва, 2003. 66 с.

16. Webinar group. URL: <https://webinar.ru/> (дата обращения 02.03.2023).

The Implementation of Digital Technologies in Russian Higher Education: Experience and Perspective

N. A. Ivanko, E. V. Drozdova

*Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

natalya-ivanko@yandex.ru, vitadro@mail.ru

Abstract. Started spontaneously during the pandemic, the process of introducing distance learning technologies by 2023 has acquired the features of controlled and directed to certain goals process «digitalization of education», which became the basis for the discussion in professional circles, the orbit which involved students, teaching staff of universities, education management system, employers – government and business representatives and the general public.

The article actualizes the appeal to the experience of implementing digital technologies in higher professional education, to the analysis of changes in the requirements for quality parameters of personnel training in a digital society. The possibilities and risks of digital technologies implementation in the Russian system of higher education, the huge human potential and rich methodological toolkit of which is aimed at solving not only the problem of training demanded personnel, but also in the formation of new approaches to work in the higher education system of the digital society, are investigated.

Keywords: online learning, digitalization of education, distance technologies, higher education, new approaches.

**Социально-политические разрывы
и потенциал гражданской солидарности
сквозь призму массовой культуры
(пример анализа музыкальных видеоклипов)**

В. А. Подобуева, Д. Н. Шлыкова

РУДН, Москва, Россия

podobueva-va@rudn.ru, shlykova-dn@rudn.ru

Аннотация. В исследовании проведен анализ произведений массовой культуры, в которых в различных формах авторы рисуют образ России прошлого, настоящего и будущего, прямо или косвенно освещают повестку дня. Рассматривались видеоролики, размещенные на самых популярных среди российской аудитории цифровых площадках: YouTube, TikTok, Вконтакте, Яндекс.Музыке. Видеоролики были выбраны по принципу широты аудитории, а также социально-политической смысловой нагрузке. Степень узнаваемости, направленность текстового содержания и визуального ряда стали критериями выделения четырех групп из рассматриваемых произведений. Среди них: вирусные ролики без четкого политического высказывания; узнаваемые ролики преимущественно оппозиционной направленности; узнаваемые ролики преимущественно лоялистской направленности; новые песни СВО. Далее группы были проанализированы по характеру и обширности целевой аудитории, были выявлены общие и отличительные черты уже между группами. На основе сравнительного и контент-анализа был сделан ряд выводов, относящихся к степени вовлеченности субъектов массовой культуры и аудитории в политический дискурс, а также определены основные социально-политические темы, которые сегодня становятся факторами поляризации или наоборот, консолидации российского общества.

Ключевые слова. Социально-политические размежевания, теория кливажей, цифровые разрывы, политическая поляризация, массовая культура, ценности

Введение

Сегодня политическая поляризация является неотъемлемой чертой современных обществ. Её причины исследователи находят в переструктурировании системы социальной иерархии появлении новых типов социально-политического неравенства и все возрастающей роли социокультурных факторов. Отсюда особое внимание к вопросу потенциала политической мобилизации внутри тех групп и идентичностей, которые ранее не продуцировали политические смыслы, а также к обратным процессам – потенциалу солидаризоваться вопреки фрагментации и радикализации в рамках национального/государственного сообщества.

Оценивая состояние российского общества, мы одновременно фиксируем высокий уровень политизации ранее аполитичных сфер общественной жизни, с другой стороны, сокращение пространства для конвенционального политического диалога, как между государством и обществом, так и внутри самого общества. Более того с началом СВО мы наблюдали резкое углубление конфликта, среди политически активного населения и вовсе фиксировали два ключевых полюса. За последний год, однако, вместе с рутинизацией повестки и все большей радикализацией двух полюсов, стали появляться смежные дискурсы, однако все еще закрыты на самих себе.

Рассмотрение видеоклипов, как одного из ключевых элементов массовой культуры, позволяет с одной стороны определить уровень внимания к политической проблематике, с другой стороны определить общее и частное для последующей оценки политической мобилизации внутри групп или же в обществе, то есть оценить кроме прочего потенциал разнонаправленных процессов – поляризации и консолидации.

Нами были рассмотрены прежде всего узнаваемые произведения, затрагивающие вопросы будущего и настоящего России и ее места в современном мире. Каналы их распространения популярные платформы – YouTube, TikTok, Вконтакте. Большинство музыкальных композиций представлено на отечественном музыкальном стриминговом сервисе Яндекс.Музыка. На основе двух критериев (уровню узнаваемости (Оценка узнаваемости опирается на количество просмотров, комментариев и типа площадки, а также упомин-

нению в СМИ и отражении в культуре мемов) и направленности относительно доминирующего политического дискурса) нами были выделены четыре ключевые группы видеоклипов: (1) вирусные ролики без четкого политического высказывания, (2) узнаваемые ролики преимущественно оппозиционной направленности, (3) узнаваемые ролики преимущественно лоялистской направленности, (4) новые песни СВО.

Теоретическая рамка исследования

Основная теоретическая рамка данного исследования – теория социально-политических размежеваний или теория кливажей. В фокусе внимания ценностные ориентации как (коллективная идентичность) как одна из трех взаимосвязанных проекций кливажей наравне с принадлежностью к определенной социальной группе и электоральным поведением («в строгом, применимом к роккановской логике смысле») [2, с. 59].

Также в продолжении логики рассмотрения социально-политических размежеваний и специфики культуры в цифровую эпоху важно оценивать уровень влияния цифровых разрывов (digital divides) на результаты исследования. В первую очередь важно отметить, что цифровые разрывы есть не только следствие существующей системы социального неравенства и размежеваний, но и фактором их усиления и обострения, что в том числе повышается конфликтогенность и политизацию данных разрывов [1, с. 74]. Опираясь на классификацию цифровых разрывов П. Норисса, выделившего глобальный, национальный, демократический типы, оценка, прежде всего, основывается на последнем, то есть на активности использования технологий в общественной и политической жизни [2].

Отдельного внимание приковывает эмоционально-содержательная сторона вопроса. Говоря о политической поляризации, исследователи выделяют сегодня два типа: структурную и аффективную. Первая связана с восприятием информационной среды коммуникации как способствующей фрагментации пространства дебатов и размежеванию политических позиций. В данном ключе мы рассматриваем процессы возникновения «эхо-камер» и «пузырей фильтров» как с одной стороны следствие когнитивных искажений, обусловленных характером нового типа коммуникации, с другой

как фактор поляризации. Второй тип основывается на враждебности и агрессии к политическому оппоненту, в частности к его ценностям и идеалам [3, с. 482–483].

Цель и методы исследования

Цель исследования состоит в выявлении ключевых факторов поляризации и консолидации российского общества, одним из индикаторов чего является массовая культура.

В процессе исследования были использованы такие методы как контент-анализ, посредством которого были выявлены основные триггерные точки в политической повестке дня. А также был использован сравнительный анализ с помощью, которого была проведена классификация видеороликов.

Основная часть

Ключевым критерием отбора рассматриваемых произведений была узнаваемость и тематика будущего и настоящего России, и ее места в современном мире. Оценивая узнаваемость, мы исходили из количества просмотров и характера самой площадки, активности зрителей, а также упоминания в СМИ и мем-культуре. Ключевым критерием кроме типа узнаваемости (узнаваемость и вирусность, как высший уровень) является отношение относительно доминирующей политической повестки – СВО, как ключевого фактора радикализации политической поляризации. Так, были выделены следующие группы:

1. Вирусные ролики без четкого политического высказывания (SHAMAN – «Я русский», Александр Гудков – «Я узкий», LITTLE BIG – «GENERATION CANCELLATION», GSPD & DEAD BLONDE – «У России три пути»);

2. Узнаваемые ролики преимущественно оппозиционной направленности (Охххumiron – «Ойда», ShortParis – «Говорит Москва», ShortParis – «Яблонный сад» (совместно с Хором ветераном им. Ф. М. Козлова), ATL – «Браслеты», Noize MC* – «Все как у людей», Anancondaz, Noize MC* – «Пусть они умрут», Face* – «Лабиринт», Монеточка – «Гори, гори, гори», IC3PEAK - «Kiss Of Death»);

---

* Министерством юстиции РФ признан иностранным агентом.

3. Узнаваемые ролики преимущественно лоялистской направленности (Вячеслав Антонов – «Дядя Вова», Олег Лихачев – «Владимир Путин – молодец»);

4. Новые песни СВО (Вика Цыганова – «ЧВК Вагнер», Денис Майданов – «Сарматушка».

Все представленные произведения в той или иной форме представлены на YouTube. Количество просмотров первой группы на декабрь 2022 г. варьируется от 1,6 млн. до 21 млн. «Аутсайдеры» – «У России три пути» и «Я узкий» – компенсируют отставание «затрендованностью» в ТикТок (Клип и песня «У России три пути» получил свою узнаваемость во многом благодаря социальной сети TikTok: 48,3 тыс. клипов снято под этот звук; 1,7 млн просмотров на самом популярном клипе), попаданием в СМИ [5] и «мемностью». Просмотры второй группы на тот же период – от 1,3 млн до 12 млн, при это все авторы имеют свою четкую аудиторию и узнаваемы. Количество просмотров в третьей группе – 21 млн (1,1 млн – кавер-версия) и 500 тыс. Однако следует учитывать отличие каналов распространения информации в тех социальных группах, которые являются целевой аудиторией. Наименьшее количество просмотров мы фиксируем в четвертой группе – до 400 тыс. Однако это также и наиболее недавние ролики.

Оценка ценностно-культурный аспект данных видеороликов как политического высказывания основывается на следующих индикаторах: (1) отсылки к русскому фольклору, (2) отсылки к современной российской действительности и (3) отсылки к отечественной истории, а также положительный и негативный характер их интерпретации.

Отсылки к фольклору равномерно представлены во всех группах, кроме третьей. Отсылки носят либо визуально-эстетический характер (декорации и мелодии), либо конкретный (упоминание героев). В первой и четвертой группах в отличии от второй отсылки и метафоры носят упрощенный характер.

Отсылки к современной действительности страны представлены во всех группах. Наибольшее внимание мы видим к событиям после 2018 года. Для третьей группы ключевой характеристикой является выстраивание нарратива вокруг Владимира Путина как главного лирического героя произведения. Во второй группе харак-

терно упоминание атрибутов протестной культуры, как и проблематика, связанная с протестными выступлениями последних лет. Здесь мы наблюдаем инкорпорацию дворового и «блатного» жаргона, как средства выразительности. Четвертая группа не просто отсылает к тематике СВО, но и само появление этих произведений обусловлено этими событиями.

Отсылки к событиям отечественной истории характерны только для второй группы. Упоминаются различные события с древности и до настоящего времени. Так же, как и в случае с фольклором отсылки носят как визуально-эстетический характер, так и конкретный (прямое упоминание).

Так первая группа роликов представляется наиболее деполиitized, отсылается к универсальным проблемам современного мира или современной России, формулирует общие ценности и/или общечеловеческие идеалы. Произведения остальных групп более конкретны, при этом ролики второй группы и последних двух принципиально отличаются в выборе средств выразительности, а даже в тех редких случаях, где пересекается проблематика (патриотизм) формулируют принципиально различное отношение. Таким образом, мы действительно видим глубокие расколы в ценностном, социокультурном пространстве. Более того при дальнейшей политизации данных размежеваний следует учитывать, что язык и понимание даже общих ценностей принципиально разнятся.

Касательно вопроса о цифровых разрывах, опираясь на открытые данные Яндекс.Музыки можно сказать, что аудитория всех представленных исполнителей сосредоточена в больших городах, а значит углубление цифрового разрыва возможно лишь по линии индивидуального, демократического, то есть обусловлено характером пользования социальными платформами и самим контентом. При этом и сами алгоритмы платформ, и паттерны их использования действительно ведут к формированию «эхо-камер», что также мы зафиксировали при оценке ценностного содержания. При этом, однако, враждебности к другой группе, как и уничижительного отношения к их идеалам во всех роликах не обнаружено. То есть при глубокой раздробленности и поляризации, радикализации повестки в массовой культуре не происходит.

Выводы

Каждая выделенная группа имеет свои специфические характеристики, анализ которых был дан при рассмотрении роликов, включенных в них. Схожесть же заключается в том, что ролики ни одной из представленных групп не предлагают конкретных решений, и уж тем более не призывают к действиям. Агрегация и артикуляция социальных и государственных запросов в текущей политической ситуации является основной их целью. Очевидна попытка отрефлексировать современную политическую и социальную реальность в условиях глобальной турбулентности и постоянных потрясений. Тем не менее, в целом можно наблюдать низкую степень заинтересованности создателей медиаконтента в освещении политической ситуации и заявлению своей позиции посредством музыкального творчества.

Необходимо отметить также, что в зависимости от целевой аудитории, интерпретации одних и тех же событий, проблем значительно отличается. Это связано прежде всего с ценностными ориентациями, которые хоть и не приводят к расколу в обществе, тем не менее являются индикатором фрагментарности общества и отсутствия мобилизационного потенциала, несмотря на существующие факторы солидарности отдельных групп.

Список источников

1. Бардин А. Л. Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение. – Полис. Политические исследования. 2021. № 6 С. 73–88.
2. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. 2021. № 5. С. 56–77.
3. Стукал Д. К., Ахременко А. С., Петров А. П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480–498.
4. Norris P. Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2000.
5. Общественной движение «Гражданский комитет России» направил в Генпрокуратуру обращение с просьбой возбудить уголовное

дело против комика Александра Гудкова из-за его пародийного клипа. URL: <https://ria.ru/20220903/gudkov-1814267990.html> (дата обращения: 04.04.2023).

Socio-political Gaps and the Potential for Civic Solidarity Through the Prism of Mass Culture (Example of an Analyses of Music Videos)

V. A. Podobueva, D. N. Shlykova

RUDN University, Moscow, Russia

podobueva-va@rudn.ru, shlykova-dn@rudn.ru

Abstract. The study analyses mass cultural products. In this research the scientists form an image of Russia in the past, present and future and cover the agenda in direct and indirect ways. They examine video clips posted on the most popular digital platforms among the Russian audience: YouTube, TikTok, Vkontakte, Yandex.Music. The choice of the videos is based on their audience reach, as well as their social and political content. The extent of their recognition, the focus of text content and visuals are the criteria for selecting four groups of mass cultural products among others. They are viral videos without a clear political statement, recognizable videos of the mainly oppositional nature; recognizable videos of the mainly loyalist nature and new songs of the Special Military Operation. Further the groups were analyzed considering the nature and extensiveness of the target audience. In addition common and distinctive features between the groups were identified. On the basis of the comparative and content analysis a number of conclusions related to the degree of involvement of the subjects of mass culture and the audience in the political discourse were made, and the main socio-political topics, which today become the factors of polarization or, conversely, consolidation of the Russian society, were identified.

Keywords: Socio-political cleavage, Cleavage Theory, digital divides, political polarization, mass culture, values.

Reels в социальной сети «Instagram»*: актуальные события и тренды

В. А. Гапутина

Московский государственный лингвистический университет,

Москва, Россия

www.gaputina@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается Reels как новый тип видеоконтента в социальной сети «Instagram»*. Анализируются популярные видеоролики за период с 18 по 20 марта 2022 г. Автор делает вывод о том, что Reels отражают наиболее актуальные события, происходящие в социуме, и его отношение к ним, что позволяет говорить об этом виде контента как о своеобразном зеркале реалий современного мира. Перспективным видится дальнейшее изучение этого сервиса, например, с точки зрения жанрового своеобразия.

Ключевые слова: социальные сети, Instagram*, видеоконтент, Reels.

Социальная сеть «Instagram»* уже давно стала неотъемлемой частью жизни подавляющего большинства общества. Это не только площадка для коммуникации и развлечения, но и способ самопрезентации и самовыражения. Кроме того, на сегодняшний день «Instagram»* является самой популярной платформой для рекламы и PR, мощным инструментом продвижения бизнеса. Широкие возможности социальной сети обуславливают тот факт, что сейчас буквально каждый пользователь стремится к тому, чтобы сделать свой аккаунт «работающим»: обеспечить максимальный прирост подписчиков, перспективы развития и высокий уровень монетизации.

«Instagram»* является популярным объектом и в различных областях науки: в психологии [6], педагогике [2], социологии [4], эко-

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

номике [3], культурологии [8], журналистике [1]. Для нас несомненный интерес представляют исследования феномена социальной сети в аспекте медиалингвистики, например, с точки зрения жанровых особенностей [9], функциональных возможностей хэштега [10], специфики коммуникации пользователей [5], стратегий и тактик SMM-продвижения [7] и мн. др.

В настоящей статье рассмотрим такой тип видеоконтента в «Instagram»*, как Reels (орфографический облик кириллицей пока варьируется: рилс/рилз), который появился в российской соц-сети совсем недавно – в июне 2021 г. По всей видимости, это было вызвано желанием разработчиков составить здоровую конкуренцию другой социальной сети – «TikTok». Reels представляет собой сервис коротких роликов (до 30 сек.), куда можно добавлять музыку и текст, ретушировать и накладывать эффекты, создавать коллажи и т. д. Этот тип видео можно комментировать, сохранять в подборки, «лайкать» и «репостить». В отличие от формата другого популярного типа видео – Stories – где пользователи делятся в основном событиями из личной жизни, формат Reels сугубо развлекательный, направленный на то, чтобы вызвать положительные эмоции у пользователей сети и, как следствие, набрать максимальное количество просмотров и «лайков» (хотя оба этих видеосервиса, естественно, работают и на продвижение).

На наш взгляд, на сегодняшний день Reels – это тот тип контента, который наиболее ярко отражает все актуальные события, происходящие в жизни социума, а также его отношение к ним. Посмотрев лишь несколько десятков популярных видео, можно обнаружить вариации и обыгрывания одной и той же жизненной ситуации или события. Отличительной чертой Reels является их быстрая обновляемость: те темы и тренды, которые были «в топе» видео, скажем, 5 дней назад, сменяются совершенно другими в соответствии с появлением новых для этого социальных поводов.

Материалом для нашего исследования послужили Reels, отобранные методом сплошной выборки из раздела «интересное» и «рекомендуемое», куда можно попасть со страницы ак-

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

каунта в мобильном приложении, нажав на центральный значок с изображением кнопки «play», расположенный в низу страницы, за период с 18 по 20 марта 2022 г. Общая длительность составила около 3 часов.

Наш анализ показал, что наиболее освещаемыми событиями, транслируемыми с помощью Reels, стали события, связанные с введением санкций в России, обусловленным военными действиями на территории Украины. Так, пользователи сети, реагируя на закрытие магазинов брендов ZARA и H&M, разместили видеофайлы с подписью: «Прощайте, ваши ублюдские катышки»; в ответ на остановку работы сервиса ApplePay были опубликованы видео, на которых люди подкладывают банковскую карточку под чехол телефона и таким способом разрешают проблему оплаты товаров и услуг; в связи с запретом использования «Instagram»* в России с 14 марта в нем стали появляться видео с текстом: «14 марта россияне с VPN в Инстаграме*» и озвучкой цитаты из фильма «Служили два товарища» («Ты тут? И я тут»). Популярным текстом аудиозаписи, сопровождающей видео с разным визуальным контентом, стала фраза: «Против России ввели очередной пакет санкций, но Россия убрала этот пакет в пакет с пакетами...», а также композиция группы Би-2 «Большие города» – саундтрек к фильму «Брат-2».

Говоря о тематическом наполнении Reels, которое не связано с политическими событиями, можно отметить, что одним из самых часто встречающихся в ленте стали видео с украинской волейболисткой Юлией Герасимовой, на которых девушка танцует во время матча группового этапа женской Лиги чемпионов между украинским «Прометеем» и польским «Девелопресом» и, как кажется на видеороликах, заигрывает с судьей. Видео сопровождает аудиофрагмент композиции исполнителей Gayazov brothers «Малиновая лада» («Пусть луна нам светит ярко, обгоняем иномарку...»), который, по нашим наблюдениям, также является одним из популярных треков из библиотеки «Instagram»* и часто накладывается пользователями на видео и другого содержания.

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

Кроме того, популярными героями Reels являются мастера маникюра и косметологи, показанные в ироничных ситуациях. Например, актуальны видео, сюжет которых заключается в том, что пациентка в очередной раз приходит к косметологу и между ними происходит диалог, взятый из кинофильма «Сваты»: «Ну все, втянули в секту, заразы! – «Да какая секта!». Не менее востребованные герои Reels – животные, особенно кошки и собаки. Одним из самых узнаваемых котов Интернета, фигурирующих в Reels, является кот, которого озвучивает украинский блогер Александр Дмитренко, известный под псевдонимом Похититель Ароматов; его голос часто накладывают и на другие видео в связи с тем, что произнесенные им выражения отличаются дерзостью, часто содержат нецензурную лексику, но в то же время вызывают улыбку.

Помимо вышеперечисленных, актуальны Reels, показывающие отношения между мужчиной и женщиной. Один из любившихся пользователями сюжетов связан с ситуацией, когда муж пытается сэкономить деньги, а жена заказывает очень много товаров из интернет-магазинов OZON и Wildberries. Также часто освещаются ситуативные контексты, связанные с материнством («мамские» темы, как их называют в Интернете). Так, популярность приобрело видео, на котором мы видим крыло самолета из иллюминатора. Ролик сопровождается текстом: «Когда летишь в отпуск без ребенка» и аудиозаписью крика фразы: «Можно побыстрее!». Не менее актуален для Reels образ женщины и без детей, который, как правило, в ироничном ключе подается через призму ее слабостей: одиночество, недовольство внешним видом, отсутствие денег на какие-либо покупки и мн. др. Не может не вызвать улыбки видео, на котором женщина выпрямляет волосы, сопровождающееся текстом: «Когда у каждой второй Дайсон, а у тебя утюжок с 2010 года» и характерным звуком треска; или ролик, изображающий женщину на шпильках, с бокалом шампанского и круассаном в руке, которая при этом ходит по беговой дорожке.

Таким образом, наши наблюдения за тематическим своеобразием Reels в российском «Instagram»^{*} позволяют говорить об этом

---

^{*} Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

видеоконтенте как о своеобразном зеркале реалий современного мира, часто изображенных в ироничном ключе. Перспективным видится дальнейшее изучение этого сервиса, например, с точки зрения жанрового своеобразия.

Список источников

1. Градюшко А. А. Платформы Instagram* и TikTok как лидеры цифрового сторителлинга: белорусский контекст // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (30 июня – 2 июля 2021 г.) / отв. ред. А. А. Малышев. В 2 т. Т. 2. СПб.: Медиапайр, 2021. С. 163–164.

2. Гузь Ю. А., Стрикатова Т. А. Обучающий потенциал социальных сетей на примере изучения иностранного языка в Instagram* // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. № 1 (34). С. 246–250.

3. Лебедева Т. Е., Прохорова М. П. Потенциал социальной сети Инстаграм* в продвижении компании // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. Ч. 2. № 7 (33). С. 45–51.

4. Мельников М. В., Моисеева З. Ф. Граница между личным и публичным пространством и ее особенности на примере социальной сети Instagram* // Теория и практика общественного развития. 2016. № 10. С. 32–37.

5. Мозговая А. О. Эмотивные маркеры интернет-коммуникации (на примере интернет-сервиса Instagram*) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2–1 (68). С. 125–129.

6. Николаева В. О., Шигабетдинова Г. М. Особенности зависимости от социальной сети Instagram* // Научные исследования. 2015. №1. С. 131–133.

7. Терских М. В. Инструменты рекламного продвижения в сети Instagram*: жанровые и языковые особенности. Научный диалог. 2020 (6). С. 178–189.

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

8. Ухалова А. О. Особенности репрезентации «молодости» пользователями Instagram* российского сегмента // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. №. 12–2. – С. 179–183.

9. Щурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram* // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 156–158.

10. Budnik, E. Dynamic of hashtag functions development in new media Hashtag as an identificational mark of digital communication in social networks / E. Budnik, V. Gaputina, V. Boguslavskaya // ACM International Conference Proceeding Series: Proceedings – CSIS 2019: 11th International Scientific and Theoretical Conference «Communicative strategies of Information Society», Saint-Petersburg, 25–26 октября 2019 года. Saint-Petersburg: Association for Computing Machinery, 2019.

Reels on the Instagram* Social network: Current Events and Trends

V. A. Gaputina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
wwwgaputina@gmail.com*

Abstract. This article considers Reels as a new type of video content in social network Instagram*. The popular videos for the period from March 18 to March 20, 2022 are analyzed. The author concludes that Reels reflect the most relevant events taking place in society and its attitude to them, which allows us to talk about this type of content as a kind of mirror of the realities of the modern world. Further study of this service seems promising, for example, from the point of view of genre originality.

Keywords: social networks, Instagram*, video content, Reels.

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

Экосистемный подход в функционировании общественных организаций (на примере фонда «Нужна помощь»)

А. В. Соколов, А. В. Палагичева

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия
alex8119@mail.ru, forningale@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования и развития цифровых экосистем в некоммерческом секторе современной России. Авторы проводят анализ комплекса цифровых ресурсов фонда помощи социально-незащищённым гражданам «Нужна помощь». В работе дается характеристика основных сервисов и площадок фонда. Делается вывод, что БФ «Нужна помощь» – это большая разветвленная система, которая состоит из множества подразделений, которые в сумме предоставляют широкий набор различного формата продуктов, сервисов и услуг для НКО. Указывается, что созданная система характеризуется значительной прозрачностью и открытостью.

Ключевые слова: экосистема, общественная организация, фонд «Нужна помощь», краудфандинг, благотворительность.

Введение

Интернет представляет собой комфортное пространство для деятельности некоммерческих организаций, поддержки и развития офлайн направлений. Поэтому НКО начинают осваивать цифровые технологии в процессе предоставления социальных услуг нуждающимся социальным группам [1]. Поэтому необходимо адаптировать ИКТ к потребностям и интересам различных целе-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта № 22-28-01517 «Цифровые экосистемы в политике: проблемы создания и перспективы развития», <https://rscf.ru/project/22-28-01517>

© Соколов А. В., Палагичева А. В., 2023

вых группы (граждан, государственных структур. НКО и т. д.) [2]. При этом важно отметить символическую значимость цифровых сервисов и инструментов, в связи с чем их внедрение необходимо для тех структур, которые стремятся иметь статус эффективных и современных [3].

Одним из возможных решений по повышению эффективности работы с целевой группой и по привлечению ресурсов является активизация деятельности в виртуальном пространстве посредством активного использования информационно-коммуникационных технологий. В результате, некоммерческие организации создают комплекс цифровых сервисов, которые могут обеспечить многоканальность взаимодействия с аудиторией с минимальными транзакционными издержками. Постепенно развиваясь, он может сформировать экосистему, обладающую такими характеристиками, как доступ к широкому спектру сервисов услуг на базе одной платформы; объединение большого числа участников, основанного на принципах взаимовыгодности отношений; многоканальность представительства и взаимодействия; направленность на удовлетворение широкого спектра социально-политических потребностей целевой аудитории; обеспечение возможности для делиберативного (совещательного) обсуждения и участия; обеспечение открытости и модульности [4].

Цель и методы исследования

Цель исследования заключается в выявлении особенностей использования экосистемного подхода в функционировании общественных организаций на примере фонда помощи социально-незащищённым гражданам «Нужна помощь».

В рамках методологической базы исследования использован спектр качественного аналитического инструментария. Структурно-функциональный, коммуникативный, системный, конкретно-исторический, сравнительный, ситуационный методы анализа позволили выявить комплекс цифровых инструментов, используемых фондом помощи социально-незащищённым гражданам «Нужна помощь» в своей деятельности, и создающих ее экосистему.

Основная часть

Деятельность фонда помощи социально-незащищённым гражданам «Нужна помощь» направлена на системное развитие благотворительности в России, на оказание поддержки некоммерческому сектору и развитие гражданского общества. Программы и проекты фонда в совокупности представляют собой инфраструктуру для развития благотворительности, объединяя аудитории доноров, корпоративных партнеров, благополучателей-некоммерческих организаций, предоставляя инструменты для их взаимодействия, повышения эффективности работы фондов.

Для реализации своих целей фонд осуществляет деятельность по нескольким направлениям, всесторонне охватывая проблематику благотворительности в России за счет создания программ и проектов для их решения. В рамках программы «Нужнапомощь.ру» фонд рассказывает о социальных проблемах, верифицирует НКО и помогает им стать устойчивее и эффективнее, помогает собирать деньги, предоставляет фандрайзинговые инструменты (виджет с формой пожертвования, платформа «Пользуясь случаем»), проводит образовательные курсы, исследует и анализирует третий сектор и социальные проблемы, развивает партнерские отношения с бизнесом, производит свой мерч, управляет онлайн маркетом с товарами социальных предприятий и фондов, издает книги.

Фонд описывает свою структуру, как «фонд фондов», как «настоящая экосистема дополняющих друг друга продуктов и сервисов» [5]. На основе выявленных в рамках исследования черт, характерных для экосистем в политике, рассмотрим более подробно структуру и деятельности фонда.

БФ «Нужна помощь» инициировал создание широкого спектра сервисов и платформ для некоммерческих организаций, бизнеса, волонтеров, доноров, небезразличных граждан и всех тех, кто может быть включен в благотворительность. На данный момент проекты, реализованные в виде продуктов и элементов инфраструктуры, успешно функционируют, самостоятельно развиваются, имея собственный бренд и оставаясь при этом в единой экосистеме фонда. Доступ ко всем сервисам обеспечивается на платформе сайта фонда, где расположены вкладки с шестью продуктами и сервисами.

Основными сервисами и площадками на данный момент являются:

- сайт БФ «Нужна помощь» с представленным каталогом благотворительных фондов (верифицированных, прозрачных), которые фонд поддерживает и которым можно оказать помощь через форму для пожертвований на сайте.

- медиапортал «Такие дела» привлекает внимание общества к социальной повестке, публикует материалы организаций и оказывает поддержку гражданским и благотворительным инициативам (с помощью формы для пожертвований).

- рабочая среда и IT-сервис «Ядро» – инструмент для повышения эффективности работы НКО, с помощью которого можно вести учет доноров, готовить публичные годовые отчеты и следить за сборами.

- краудфандинговая платформа «Пользуясь случаем», где каждый может создать свое благотворительное онлайн-событие и собрать деньги для любимого фонда.

- онлайн-школа «Опытным путём», где сотрудники фонда «Нужна помощь» и приглашенные эксперты делятся своими знаниями и опытом.

- издательство «Есть смысл», которое публикует книги о социальных проблемах.

- маркетплейс «Есть смысл» (проект фонда «Нужна помощь» и медиапортала «Такие дела»).

- исследовательская программа «Если быть точным» – платформа со статистическими данными профильных ведомств, неправительственных институтов, некоммерческих организаций и других альтернативных источников.

Данные сервисы представляют собой технологическую архитектуру фонда с чьей помощью предоставляются услуги, направленные на удовлетворение потребностей аудитории проектов – НКО, волонтеров, жертвователей, бизнеса, граждан, государства.

Созданная инфраструктура направлена на решение проблем в сфере благотворительности по отдельным проблемным сегментам и на удовлетворение наибольшего числа запросов всех участников взаимодействия – от получения актуальных новостей о событиях

некоммерческого сектора и благотворительности в России до получения инструментов участия в благотворительности, профессионализации и повышения эффективности НКО, создания инновационных проектов и партнерств.

Некоммерческие организации могут: пройти обучение, воспользоваться инструментами для сбора средств, рассказать о своей деятельности в медиа, усовершенствовать организацию рабочего процесса внутри НКО, разместить продукцию на маркетплейсе.

Поддержка волонтерской деятельности с помощью сервисов заключается в предоставлении инструментария для наиболее комфортного и безопасного самостоятельного участия в благотворительности – от единоразового пожертвования до создания собственного сбора средств на какой-либо проект.

Для бизнеса на площадке «Есть смысл» представлен спектр форм сотрудничества – от экспертизы до инструментов организации благотворительных проектов, связанных в том числе с корпоративно-социальной ответственностью. Реализованными партнерствами уже стали: интеграция Каталога верифицированных «Нужна помощь» НКО в приложение Тинькофф банка; корпоративная благотворительная кампания по удвоению пожертвований сотрудников JTI Russia; исследование с целью определить эффекты реализации социального проекта, реализуемого ПАО «Мегафон» и др.

На площадках объединяется большое число заинтересованных во взаимодействии участников, чьи отношения возникают на основе взаимовыгодности. Присутствие того или иного благотворительного фонда в Каталоге становится преимуществом как для внесенной НКО (для поддержки деятельности фонда), так и для желающих помочь (для удовлетворения их личных потребностей), самого БФ «Нужна помощь» (для реализации своих целей). Также создание благотворительных мероприятий на площадке «Пользуясь случаем» приносит пользу как для волонтеров, так и для самих фондов из Каталога. Данные сервисы взаимосвязаны между собой в рамках созданной экосистемы, что указывает на их интегрированность.

Структура экосистемы фонда выглядит как сеть инновационных проектов и площадок, часть из которых объединяет пользователей и удовлетворяет их запрос напрямую, а часть – соединяет

на своей площадке «продавцов» и «покупателей». Платформа объединяет участников, состав и количество которых пополняется. Чем больше одних и других, тем больше взаимной выгоды возникает. В рамках маркетплейса «Есть смысл», разработанном БФ «Нужна помощь» и медиапорталом «Такие дела», представлено большое количество фондов и социальных предприятий в качестве продавцов – брендов с собственной продукцией. Выручка с продажи идет на поддержку инициатив организаций. Для бизнеса здесь разработаны корпоративные подарки со смыслом, предоставляется возможность создания коллекции мерча в коллаборации с брендом. А у пользователя площадки появляется широкий выбор товаров и решений для достижения преследуемых покупателями целей.

В рамках данной инфраструктуры реализуется ориентированность на потребности клиента, в том числе в комфорте. Все площадки проектов оснащены виджетами, которые позволяют быстро и удобно осуществить платежи – оказать финансовую поддержку социальной инициативы или осуществить покупку товара. Доступ к сервисам и проектам экосистемы возможен через единый аккаунт благодаря сквозной авторизации, что подчеркивает экосистемность созданной инфраструктуры. Согласно годовым отчетам фонда, предназначенные для НКО сервисы регулярно обновляются и совершенствуются для повышения удобства и максимизации пользы. В 2021 году был сделан редизайн сервиса «Ядро», который теперь помимо удобного интерфейса адаптирован для людей с нарушениями зрения, слуха, моторики, физическими ограничениями и когнитивными нарушениями.

Созданная инфраструктура как система имеет модульную структуру, которая может быть гибкой к внутренним изменениям за счет декомпозиции площадок и внутреннему перестроению модулей. Примером реорганизации и вместе с тем сотрудничества элементов системы является перенос верификации фондов (отдел развития некоммерческих организаций) в IT-сервис «Ядро», предназначенный для автоматизации работы НКО, перезапуск которого состоялся в 2021 году. Данное решение модифицировало оба проекта. Теперь на «Ядре» происходит верификация, размещена вся необходимая для этого информация, осуществляется коммуникация

с координатором с помощью чата. Интеграция двух проектов обеспечивает удобство обеих сторон взаимодействия и дополнительно создает единое коммуникационное пространство.

Экосистемный подход к управлению предполагает способность системы быть гибкой и адаптивной к внешним условиям, при необходимости корректировать направление деятельности, быть способной к реорганизации для более эффективной работы. Такими внешними вызовами и новыми обстоятельствами жизни в 2020 и 2021 гг. стала борьба с распространением вируса Ковид-19. Несмотря на трудности, фонд «Нужна помощь» продолжил активную деятельность, не сбавляя темпа, при этом увеличив масштабы оказания помощи. Более того, в 2021 году фонд вышел на новый этап своего развития, который ознаменовался определением точек роста, направлений развития на ближайшие 3 года, внедрением инновационных масштабных проектов – «Маршрутная карта НКО» (отдел развития НКО), сервис для оценки социального воздействия (отдел исследований).

В целом результаты работы наиболее наглядно демонстрируют цифры, поэтому для оценки результативности функционирования системы приведем суммы сборов фонда «Нужна помощь» по итогам 2021 года:

- 491 120 843 рублей – всего собрали средств
- 164 075 961 рублей – собрали на работу фонда «Нужна помощь»
- 386 731 661 рублей – перевели в 347 фондов
- 70 % – доля рекуррентных платежей. Это более чем в 10 раз превышает средние показатели по доле регулярных платежей в секторе НКО.
- 58 715 рублей – разовых платежей [6].

Для контроля качества и определения точек развития фонд регулярно проводит опросы и собирает отзывы пользователей о работе сервисов, о полученных услугах, об участии в проектах. Таким образом НКО-партнеры вовлекаются в процесс обсуждения продуктов. Так, например, по результатам оценки этапов верификации НКО-партнеры наименее удовлетворены длительностью процедуры. Такого рода коммуникация становится элементом де-либерации.

Вовлечение пользователя в экосистему и удержание его в данной среде, которое осуществляется за счет предоставляемой пользы, за счет удобства нахождения в ней и коммуникаций с сообществом единомышленников, является одной из задач системы. Созданный в 2021 году в сервисе «Ядро» новый раздел «Новости» дает возможность зарегистрированным НКО делиться своими событиями и новостями друг с другом, фондом и медиапорталом «Такие дела». Совокупность площадок формирует цифровую инфраструктуру, которая создает единое пространство для коммуникации и взаимодействия ее участников. Все сервисы и площадки дополняют друг друга, создают общее цифровое пространство, имеют внутренние ссылки друг на друга.

Многоканальность фонда и взаимодействие его проектов с участниками обеспечивается за счет разноформатного присутствия в сети. Каналами коммуникации фонда на данный момент являются сообщества на всевозможных площадках – Instagram* (50 106 – количество подписчиков), Вконтакте (39 348), Facebook* (20 273), Одноклассники (8 118), Telegram (2 999), Youtube. Контент на площадках в своем большинстве дублируется.

Согласно годовому отчету [7], 153 млн пользователей – аудитория упоминаний фонда за 2021 год. Эти данные указывают на активность системы в сети и очерчивают охватываемое социальное пространство, информированное о деятельности фонда. Усиление интенсивности коммуникации представителей экосистемы с ее пользователями демонстрируют следующие показатели: 6 тыс. сообщений в 2021 года против 9,4 тыс. в 2020 году.

Оценивая сегодня вовлеченность пользователей в коммуникацию посредством взаимодействия с постами через реакции, комментарии, репосты и сравнивая такую активность в сообществах фонда на разных площадках, можно говорить о наибольшей активности и включенности в диалог с фондом аудитории Instagram* пользователей. Отклик у читателей в виде лайков и комментариев на порядок выше, чем в остальных социальных сетях.

---

* Компания-владелец Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена.

Популярные посты могут набрать около и более 2 тысяч лайков, нижняя граница выражения поддержки – около сотни лайков – встречается редко.

Наибольшее внимание пользователей получают отдельные акции и проекты. В апреле 2022 опубликованный рилс, посвященный акции «Остаемся помогать», набрал 123 тысячи просмотров и 434 лайка, а публикация на эту же тему 3,444 лайка. Ранее, в 2020 году, в продвижении акции «Рубль в день» участвовали многие известные российские актеры и телеведущие, которые привлекли внимание к данной теме пользователей платформы, а также свои многомиллионные аудитории.

Сообщество фонда во ВКонтакте на данный насчитывает немало более 39 тысяч подписчиков. Как указано в отчете за 2021 год, именно эта площадка имеет 50 % охвата аудитории упоминаний фонда. Активность пользователей под постами (реакции, комментарии, репосты) в 2022 году в целом невысокая, что является частой практикой в будничной коммуникации НКО с гражданами. Особый интерес возникает ситуационно по отдельным тематикам и событиям, нередко связан с их продвижением.

В телеграмм-канале фонда сформирован более узкий круг общения (3 тысячи подписчиков), где за счет специфики мессенджера (канал выглядит как чат) возникают эффекты адресности сообщений, камерности взаимодействия. Несмотря на в целом невысокую вовлеченность пользователей в коммуникацию, пассивное участие за счет количества просмотров публикаций зачастую равна половине, а порой и всей аудитории канала.

После признания в России ряда организаций экстремистскими многие эффективно применяемые ранее инструменты по продвижению аккаунтов стали недоступны. Общественные организации лишились возможности в полной мере использовать созданное и отлаженное для коммуникации пространство. Директор фонда Софья Жукова отмечает, что организация переориентировалась на работу во ВКонтакте и Одноклассниках, разрабатывает рекламу в Яндекске, но конверсия там ниже [8].

Выводы

Резюмируя, стоит сказать, что БФ «Нужна помощь» – это большая разветвленная система, которая состоит из множества подразделений, которые в сумме предоставляют широкий набор различного формата продуктов, сервисов и услуг для НКО. Здесь организациям оказывают финансовую поддержку и учат фандрайзингу, предоставляют инструменты для автоматизации рутинных задач и эффективной работы, верифицируют и тем самым представляет миру организацию с подтвержденной репутацией.

Отдельное внимание стоит уделить прозрачности и открытости экосистемы, которые реализуется в том числе за счет активной коммуникации и готовности к сотрудничеству. В рамках деятельности подразделений реализуется множество партнерств (с НКО, бизнесом). Кроме того, фонд целенаправленно создает комьюнити – сообщество некоммерческих организаций, а также доноров, корпоративных партнеров, некоммерческих организаций и просто неравнодушных граждан. Вовлекаясь в экосистему, пройдя верификацию, пользуясь инструментами и возможностями, некоммерческие организации попадают в единую информационную среду и становятся частью этого сообщества, в котором могут быть реализованы потребности каждого и в котором хочется задержаться.

Список источников

1. Старшинова А. В., Чикова Е. В., Платонова Л. А. Цифровое развитие социально ориентированных НКО: кейсы Республики Саха (Якутия) и Хабаровского края // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2021. – № 4. – С. 166–179.
2. Баранов Н.А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 3(64). – С. 66–72.
3. Трахтенберг А. Д. Переход к электронному правительству как символическая реформа // Известия уральского федерального университета. Серия 3: общественные науки. – 2013. – Т. 8. – № 5. – С. 163–173.
4. Фролов А. А., Соколов А. В., Егоров Д. В. Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике // Управленческое консультирование. – 2023. – № 2. – С. 46–55.

5. Нужна помощь. URL: <https://nuzhnapomosh.ru/about/> (дата обращения: 29.03.2023).

6. Отдел развития некоммерческих организаций. URL: https://2021.nuzhnapomosh.ru/nonprofitdep/?_ga=2.213255828.1802910760.1664434479-632135083.1662834748 (дата обращения: 29.03.2023).

7. Годовой отчет. 2021. URL: https://2021.nuzhnapomosh.ru/?_ga=2.213255828.1802910760.1664434479-632135083.1662834748 (дата обращения: 29.03.2023).

8. Шамонов Ф. Директор фонда «Нужна помощь» – о том, как теперь работают НКО. URL: <https://m.polit.ru/article/2022/03/24/newko/> (дата обращения: 29.03.2023).

Ecosystem Approach to the Functioning of Public Organizations (the Example of Charity Foundation «Need Help»)

A. V. Sokolov, A. V. Palagicheva

*P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
alex8119@mail.ru, forningale@gmail.com*

Annotation. The article is devoted to the analysis of the formation and development of digital ecosystems in the non-profit sector of modern Russia. The authors analyze the complex of digital resources of the foundation for assistance to socially vulnerable citizens «Need help». The paper describes the main services and platforms of the fund. It is concluded that Foundation «Need Help» is a large branched system that consists of many divisions that together provide a wide range of different formats of products, services and services for NGOs. It is indicated that the created system is characterized by significant transparency and openness.

Keywords: ecosystem, public organization, foundation «Need Help», crowdfunding, charity

Сведения об авторах

Акопова Татьяна Сергеевна, декан факультета социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кандидат социологических наук, доцент

Алексеев Олег Александрович, ассистент кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат философских наук, доцент

Бабаджанян Папик Артурович, аспирант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Баранов Святослав Евгеньевич, студент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Богданова Вероника Олеговна, доцент кафедры философии и культурологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, кандидат философских наук, доцент

Борисов Сергей Валентинович, заведующий кафедрой философии и культурологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, доктор философских наук, профессор

Будко Диана Анатольевна, ассистент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат политических наук, доцент

Бурангулов Эмиль Рауфович, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций, Уфимский государственный нефтяной технический университет, кандидат политических наук

Бурда Михаил Александрович, доцент кафедры политологии и политического управления Института общественных наук, РАНХиГС при президенте РФ, кандидат политических наук,

Васильева Дарья Александровна, студентка, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Волкова Анна Владимировна, профессор кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор политических наук, профессор

Волкова Ольга Ивановна, студент, Университет ИТМО

Вьюкова Анастасия Ивановна, студентка, Санкт-Петербургский государственный университет

Гапутина Виолетта Александровна, доцент кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет, кандидат филологических наук

Гасанова Сария Узеир кызы, студентка, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Голоскоков Всеволод Анатольевич, младший научный сотрудник института философии и права, Уральское отделение Российской академии наук

Гребенко Егор Дмитриевич, ассистент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Гринченко Сергей Николаевич, главный научный сотрудник института проблем информатики, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, доктор технических наук, профессор

Денисов Сергей Алексеевич, доцент кафедры прав человека, АНО ВО Гуманитарный университет, кандидат юридических наук, доцент

Денисова Анна Александровна, студентка, Санкт-Петербургский государственный университет

Дроздова Елена Валентиновна, аспирант, РАНХиГС при Президенте РФ

Епархина Ольга Валерьевна, доцент кафедры политологии и социологии, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, кандидат политических наук, доцент

Зиновьева Елена Сергеевна, профессор кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России, доктор политических наук, доцент

Зогранян Евгений Владленович, аспирант, РАНХиГС при Президенте РФ

Иванько Наталья Анатольевна, доцент кафедры политологии и политического управления школы публичной политики, РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат философских наук

Исаева Елена Александровна, доцент социального и семейного законодательства, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кандидат юридических наук, доцент

Калашикова Екатерина Андреевна, студентка, Санкт-Петербургский государственный университет

Каташевич Егор Дмитриевич, студент, РАНХиГС при Президенте РФ

Климова Галина Сергеевна, заведующая кафедрой политологии и политического управления, РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат исторических наук

Коротышев Александр Павлович, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, Нижегородский государственный национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент

Корюшкин Александр Иванович, доцент кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат философских наук, доцент

Крайнов Григорий Никандрович, профессор кафедры «История», Российский университет транспорта (МИИТ), доктор исторических наук, профессор

Крайнова Наталья Вячеславовна, доцент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кандидат политических наук, доцент

Кривобоков Андрей Станиславович, старший преподаватель кафедры клинической психологии, ЯГМУ

Кулакова Татьяна Александровна, профессор кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор политических наук, доцент

Кулеш Семён Алексеевич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедева Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов, МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор

Ли Цзымань, аспирант, Российский университет дружбы народов

Лукьянова Галина Владимировна, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат политических наук

Метелева Алина Сергеевна, студентка, Санкт-Петербургский государственный университет

Морозова Оксана Сергеевна, заведующая кафедрой политологии и обществознания, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», кандидат политических наук, доцент

Морозова Светлана Сергеевна, доцент кафедры Российской политики, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат политических наук, доцент

Мясников Артём Игоревич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет

Неверов Кирилл Алексеевич, старший преподаватель кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат политических наук,

Нестерчук Ольга Алексеевна, профессор кафедры политологии и политического управления ИОН, РАНХиГС при Президенте РФ, доктор политических наук, профессор

Норец Надежда Константиновна, ассистент кафедры бизнес-информатики и математического моделирования, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», кандидат экономических наук

Подобуева Вероника Александровна, лаборант, РУДН

Попова Ольга Валентиновна, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор политических наук, профессор

Порошина Алина Сергеевна, студентка, РАНХиГС при Президенте РФ

Прусов Денис Александрович, студент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Смирнова Юлия Геннадьевна, лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет

Соколов Александр Владимирович, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, доктор политических наук, доцент

Сухонина Нина Анатольевна, ассистент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Тебякина Елена Евгеньевна, преподаватель кафедры военной политической работы в войсках (силах), Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, кандидат философских наук

Трифонов Даниил Андреевич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет

Филатова Ольга Георгиевна, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат философских наук, доцент

Фролов Александр Альбертович, доцент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кандидат политических наук

Хмельницкая Полина Алексеевна, студент, ЯГМУ

Цветкова Виктория Юрьевна, студентка, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Чугунов Андрей Владимирович, директор Центра технологий электронного правительства, ординарный доцент Института дизайна и урбанистики, руководитель магистерской программы «Умный город и урбанистика» Национального исследовательского университета ИТМО, Национального исследовательского университета ИТМО, кандидат политических наук, доцент

Чхутиашвили Лела Васильевна, профессор кафедры управления и экономики, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», доктор экономических наук, доцент

Чхутиашвили Нана Васильевна, доцент кафедры управления и экономики, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», кандидат экономических наук

Шевченко Екатерина Сергеевна, преподаватель-исследователь,
РАНХиГС при Президенте РФ

Шлыкова Дарья Николаевна, лаборант, РУДН

Щенина Ольга Геннадьевна, ведущий научный сотрудник инсти-
тута социологии, ФНИСЦ РАН, кандидат политических наук

Эриштейн Леонид Борисович, старший научный сотрудник кафе-
дры медико-биологических дисциплин, доцент кафедры информаци-
онных технологий и систем, Глазовский государственный педагогиче-
ский институт им. В. Г. Короленко; Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого, кандидат педагогических наук

Яковлев Максим Владимирович, профессор кафедры философии
политики и права, МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политиче-
ских наук

Научное издание

Возможности и угрозы цифрового общества

Материалы конференции

Всероссийская научно-практическая конференция
«Возможности и угрозы цифрового общества»
(Ярославль, 20–22 апреля 2023 г.)

Оригинал-макет разработан
издательским бюро «Филигрань»
печатает.рф

Подписано в печать 15.09.23.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 29,9.
Заказ № 23123. Тираж 24 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань»
г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91
pechataet@bk.ru